МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ

Сборник научных статей

Минск МГЛУ
2021

УДК 81
ББК 81.0
Ж71

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 8 от 09.12.2019 г.

Редакционная коллегия: Е. А. Булат (*ответственный редактор*), Е. А. Кучугурная, Н. В. Лещенко, Ю. В. Овсейчик, Т. В. Попова, А. Б. Лисова

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *Г. С. Масютина* (БГЭУ), кандидат филологических наук, доцент *Г. Л. Руденя* (МГЛУ)

Жизнь языка в культуре и социуме : сб. науч. ст. / редкол.: Е. А. Булат (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2021. – 324 с.

Ж71

ISBN 978-985-28-0028-0

В сборнике представлены научные статьи лингвистов из Беларуси, России, Украины, Испании, Латвии, принявших участие в Международной научно-практической конференции «Жизнь языка в культуре и социуме», проведенной 18–20 марта 2019 г. в Минске. В публикациях освещаются вопросы лингвокультурологии, социолингвистики, межкультурной коммуникации, литературоведения и перевода. Особое внимание уделяется проблемам современной испанистики.

Предназначается для специалистов в области коммуникативной лингвистики, испанистики, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-28-0028-0

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. А. Тарасевич (Минск)

МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

В рамках когнитивного подхода к исследованию способов репрезентации в языке пространства как мыслительной категории постулируется наличие нескольких универсальных моделей, по которым структурируется пространство в языках. Эти модели условно можно подразделить на геоцентричные и антропоцентричные. Геоцентричные модели отражают членение пространства, обусловленное физическими законами или объективными свойствами физических объектов. Так, гравитация задает направление «верх – низ», фронтальная сторона у значительной части живых существ и артефактов определяется по ингерентным признакам. Под антропоцентричными моделями подразумеваются те, в которых исходной точкой измерения пространства выступает человек. По такому принципу, например, организовано разделение пространства на близкое и удаленное в системе локального дейксиса (ср. *здесь – там, вот – вон*), при приписывании фронтальной vs. тыльной стороны физическим объектам, у которых отсутствует пространственная ориентация по оси «спереди – сзади» (например, *перед деревом* обозначает сторону, находящуюся ближе к наблюдателю, *за деревом* более удаленную).

Установлено, что при описании пространства при помощи языковых структур антропо- и геоцентричные модели могут вступать в конфликт, вследствие чего возникает неоднозначность языковых выражений, например, *перед грузовиком* может обозначать как пространство в области его ингерентной фронтальной стороны, так и указывать на область, которая при движении оказывается ближе к наблюдателю.

Несмотря на наличие универсальных моделей структурирования пространства, его картина существенно отличается как в разноструктурных, так и в родственных языках. Исследования языковых единиц, описывающих разные свойства пространства, приводят к выводу, что эта специфика обусловлена рядом факторов. Среди них наличие в семантике слов и выражения для обозначения пространственных категорий информации о деятельностном опыте человека, которая существенно отличается у коррелирующих единиц в разных языках, а также разные стратегии применения универсальных моделей для описания пространственных отношений.

Например, если в русском языке дихотомия «близко – далеко» получает обозначение при помощи двух локальных дейктиков с антонимичным значением *здесь* и *там*, то в туркменском языке на эти области указывают по два дейктика *bu, su* и *ol, şol*. Они дополнительно подразделяют ближнее пространство на более близкое и менее близкое, дальнее пространство – на более далекое и менее далекое. Кроме того, склоняясь по падежам и в зависимости от падежной формы, названные дейктики обозначают особое отношение области указания к говорящему: является ли эта область зрительно

воспринимаемой или воображаемой; в случае, если область зрительно воспринимаемая, наличие у нее объективных свойств типа размер, глубина, или свойств, связанных с субъективными ощущениями (теплая, холодная и т.д.).

Специфика применения универсальных моделей для описания пространства в разных языках до сих пор остается мало исследованной областью пространственной лингвистики. Наблюдения над отдельными языковыми фактами позволяют предположить, что отдельным универсальным моделям в разных языках отводится разная роль. Например, исследования употребительности и словообразовательного потенциала единиц для обозначения векторов «верх – низ», «спереди – сзади» в китайском языке приводят к выводу об особом способе структурирования пространства в этом языке по оси «верх – низ».

По-видимому, разным типам информации о пространстве в разных языках присуща различная степень обязательности выражения в коммуникации. Исследование текстов в параллельных корпусах показывает, что пространственные картины в произведениях на языке-источнике и языке-цели существенно отличаются между собой, несмотря на заданность пространственной конфигурации в исходном языке и наличие соответствующих переводных эквивалентов в языке-цели.

Изучение особенностей языковой картины пространства продолжает оставаться актуальной задачей лингвистической науки. Объективация этой языковой картины – одна из необходимых составляющих на пути к обеспечению успешной коммуникации в многоязычном мире.

Á. Rodríguez Díaz (Sevilla)

LA LENGUA ESPAÑOLA COMO GRAMÁTICA SOCIAL: SÍMBOLOS CULTURALES DE ESPAÑA Y SU ESTRUCTURA SOCIAL EN COMPARACIÓN CON BIELORRUSIA

La estructura lingüística está unida a la estructura social. Existe una *gramática social* que evoluciona porque una lengua cambia según la sociedad donde habita, porque la cultura cambia con la historia, el entorno, la economía y la tecnología. En ese sentido, analizo primero el caso de España y su idioma, atendiendo a sus símbolos culturales, a su evolución y al carácter de los españoles. En segundo lugar, incluyo una comparación socioeconómica entre España y Bielorrusia para analizar sus contrastes y relaciones. Se apunta que el aumento de inmigrantes y turistas ruso parlantes en España está favoreciendo cierto intercambio cultural entre ambas lenguas.

Aprender un idioma es también aprender una cultura pues sus reglas, su léxico y escritura están ligados a una tradición, a unas costumbres socialmente trasmitidas, a una manera material de interpretar el mundo y, por tanto, a un modo específico de comunicarse. Las sociedades cambian y, por ello, los idiomas también evolucionan como si tuvieran vida orgánica. Hay palabras que desparecen porque desaparecen las sociedades donde nacieron. Al leer *Don Quijote de la Mancha* veremos que hay centenares de términos ya olvidados en el léxico español porque eran, por ejemplo, utensilios agrícolas que ya no se usan ni se

conocen. Y aparecen neologismos cuando aparecen nuevos utensilios tecnológicos. Incluso en cada país de habla española se crean diferentes palabras para traducir nuevos instrumentos. Los países americanos hispanohablantes están mucho más influenciados, por cercanía y relaciones, con el idioma inglés de Estados Unidos. Por ello, recurren mucho más a los anglicismos y a las traducciones literales del inglés. Así, dicen *carro* (del inglés *car*) en vez de coche. O dicen teléfono *celular* (*cell*) en vez de teléfono móvil, o *computadora* (*computer*) en vez de ordenador, como se dice en España.

Las lenguas cambian y hasta desaparecen porque las culturas cambian y desaparecen o pierden influencia los poderes que los hablaban, siendo sustituidos por nuevos idiomas dominantes. Por ejemplo, el latín fue la lengua científica dominante hasta el siglo XIX, debido al poder de la Iglesia Católica. Pero tras la Revolución Industrial en Inglaterra se extendió un nuevo imperio donde el idioma inglés se hizo dominante. Así que pasamos de una sociedad espiritual con el latín como lengua de autoridad a una sociedad económica donde el idioma inglés se convirtió en la nueva *lingua franca*.

LOS SÍMBOLOS CULTURALES DE ESPAÑA. El español, debido a la colonización del continente americano se sitúa, no obstante, como el segundo idioma más hablado entre los países del mundo. Solo en Estados Unidos hay 58,2 millones de hispanohablantes. Eso significa, de modo indirecto o directo, que hay elementos de la cultura española que están presentes en todos los continentes. Pero ¿cuál es la cultura española? Y más concretamente: ¿Cuáles son las características de la sociedad española actual, su idiosincrasia y símbolos? Desde luego no cabría en este pequeño texto contestar a tal compleja cuestión. Pero hay que entender que cualquier identidad nacional suele venir definida desde fuera. Son los extranjeros los que, obviamente de modo distanciado, construyen un lenguaje estereotipado para describir a otras naciones. A España se la solía identificar con las corridas de toros, con la pasión de los gitanos y el flamenco, entre otros tópicos. Esa imagen territorial, distintiva y algo exótica, es la que relataron por primera vez los literatos románticos extranjeros en sus viajes por España durante el siglo XIX. El francés Prosper Mérimée escribió la novela *Carmen* (1845) tras su visita a Sevilla. El escritor americano Washington Irving también recorrió el sur, escribiendo libros como *Los cuentos de la Alhambra* (1832).

El romanticismo estaba muy relacionado con el nacionalismo. Esa relación se reflejó en las obras artísticas de los viajeros europeos, especialmente anglosajones, que analizaban las raíces culturales españolas, buscando elementos para definir su identidad nacional, evocando su alma y pintando sus paisajes [1]. Se asombraron de la riqueza de la cultura hispano-musulmana, que les inspiraba un aire orientalista. Acuñaron una serie de símbolos que, como todos los símbolos, representan la parte de un todo. Y el imaginario de España fue Andalucía, alrededor del flamenco, el traje del torero y los vestidos de colores de las mujeres. Son elementos típicos que solo existen en España.

Son símbolos que están por encima de las ideologías políticas. La dictadura del general Franco (1939–1975) también utilizó esos simbólicos folklóricos [2]. Y tales símbolos, que son visuales y lingüísticos, siguen estando presentes en la actualidad, pues los turistas que viajan a España, aparte del sol y la playa, esperan

encontrar esos iconos festivos de identidad: la música de la guitarra española, la danza por Sevillanas o las tapas en la gastronomía. De ahí también el éxito de las películas del director español Pedro Almodóvar, que mezcla lo tradicional con lo moderno, incluyendo escenas religiosas o de corridas de toros desde una perspectiva heterodoxa, pero sin perder la reverencia. Los símbolos van cambiando según cambia la información en los medios de comunicación. Hoy día, cuando un español viaja al extranjero es cada vez más común, sobre todo entre los hombres, que le hablen del Real Madrid CF del FC Barcelona, pues el fútbol es un lenguaje universal y es la mayor información sobre España en los medios de comunicación. La arquitectura de la ciudad de Barcelona, como destino turístico mundial, es otro de los símbolos que representan a España en el imaginario de los extranjeros. También se han convertidos en nuevos iconos actores y actrices como Antonio Banderas y Penélope Cruz, por su éxito en el cine, o deportistas como Rafael Nadal y Fernando Alonso.

De otro lado, muy pocos españoles conocen Bielorrusia, ni su identidad e historia. Una de las razones es que es un país reciente y pequeño, que casi nunca aparece en las noticias y apenas está escrito en los libros escolares. Algunos la relacionan o la confunden con Rusia. Hay un chiste donde un español le pregunta a otro: – *¿Sabes cuál es la capital de Bielorrusia*? – *uhmm… ¿Bielomoscú*? Muy pocos podrían localizar al país en el mapa. Y algunos se asombran cuando se enteran que está justo en el centro geográfico de Europa, entre los Urales y el Atlántico. Por otro lado, el conocimiento cultural mutuo no es equiparable. En general, en las sociedades eslavas, especialmente en la sociedad soviética, se enseñó la cultura española, a los escritores y artistas clásicos, mientras que en el programa educativo español apenas se nombran a los grandes literatos eslavos. Es fácil que un ciudadano bielorruso medio sepa quién es Miguel de Cervantes o Salvador Dalí pero, lamentablemente, hay pocos españoles que conozcan a Yanka Kupala o Marc Chagall, por ejemplo.

Es precisamente Cervantes quien nos mostró a dos caracteres universales, Don Quijote y Sancho Panza, que nos sirven para comprender, por su contraste, la forma de ser de los españoles. Son dos personajes totalmente diferentes y tal vez por ello son tan complementarios. Don Quijote es una persona que se siente infeliz, siempre disgustado, insatisfecho. Se siente infeliz por la injusticia que ve, o piensa que ve en sus locuras. No obstante, está muy animado para corregir el mundo, defendiendo los valores de los caballeros, confiando en su valentía y capacidad para ello. Es optimista de cara al futuro. Contrariamente, Sancho Panza es alguien que se siente feliz en el presente pero ve el futuro con pesimismo. Se contenta con lo que tiene. Prefiere una vida tranquila y tiene miedo a perderla: no quiere problemas. Jesús de Miguel [3], un sociólogo español, combinó unas respuestas de la *Encuesta Mundial de Valores* para concluir que la mayoría de los españoles se parecen mucho más a Sancho Panza (62%) que a Don Quijote (3%) (Tabla 1). Entonces se podría decir que los españoles somos felices pero vemos mal el futuro: que la situación actual nos va bien pero que tenemos poca confianza en que siga yendo bien.

Tabla 1

Actitudes de los españoles ante la vida, %

El futuro es…	En el presente se siente…		Total %
	Feliz	Infeliz	
Bueno	24 (*Optimista*)	*3* (*Don Quijote*)	27
Malo	62 (*Sancho Panza*)	11 (*Pesimista*)	73
Total %	86	14	100

Fuente: Jesús de Miguel (2003). Número de encuestas 1012 (100%).

No debería haber motivo para que uno de cada siete españoles sean pesimistas respecto al futuro. Es una actitud escéptica, fatalista, que la relaciono con cierta falta de orgullo patriótico. En mi opinión ese escepticismo histórico surgió tras la pérdida de las últimas colonias en Cuba, Puerto Rico y Filipinas (1898). Ante aquel desastre, la llamada Generación del 98, con intelectuales como como Miguel de Unamuno, Ángel Ganivet o Valle-Inclán escribieron con lamento por el retroceso del país: "Me duele España", llegó a decir Unamuno. La nación había dejado de ser un imperio internacional para convertirse en un país atrasado al sur de Europa. Más tarde, después de la Guerra Civil Española (1936–1939), el país se empobreció aún más, además de estar aislado, sancionado por su régimen fascista. Ese panorama tampoco era un motivo para sentirse orgulloso de ser español. Pero tras la instauración democrática de 1978 España miró al futuro e inició su despegue internacional, llegando a ser la séptima potencia mundial a finales del siglo XX [4].

Por tanto, hoy los españoles no tienen motivo para sentirse pesimistas o no tener orgullo patriótico porque somos líderes mundiales en muchos ámbitos. Tenemos la mayor esperanza de vida del mundo, solo por detrás de Japón, disfrutamos de una protección sanitaria gratuita y de mucha calidad, ocupando el liderazgo en trasplantes y donaciones de órganos, en fecundación asistida o en sistemas de detección del cáncer. Culturalmente, también estamos a la cabeza en producción editorial. Poseemos la red de trenes de alta velocidad más grande del mundo. A nivel ecológico somos la primera nación del planeta en usar energías limpias, en tener las playas más cuidadas y en conservar los mares y océanos. España ocupa la menor tasa de suicidios de Europa y es el tercero con menos asesinatos por 100.000 habitantes. Posee un clima social tranquilo, con escasa delincuencia. Sigue siendo el país que recibe más turistas (más de 60 millones al año) y no es solo por el clima sino por la buena hospitalidad y la calidad de los servicios. Además, según la revista *The Economist* [5], nuestro sistema democrático es mejor que el de Francia, Bélgica o Italia. Y en 2019, España fue designada como el país más sano del planeta, basándose en la alta esperanza de vida, la alimentación y el sistema de salud público [6].

ESTRUCTURA SOCIOLÓGICA DE ESPAÑA EN COMPARACIÓN CON BIELORRUSIA. Hace años tuve la ocasión de impartir alguna docencia sobre la sociedad española en la Universidad Lingüística Estatal de Minsk, invitado por el inolvidable profesor Mikhail I. Lytin. Tras aquellos encuentros, el decano me animó a que en el futuro diera algunas lecciones comparando la sociedad española

con la bielorrusa. Me pareció una idea genial para los estudiantes, pues no hay mejor manera de conocer a un país ajeno que comparándolo con el propio. Por diversas circunstancias no fue posible impartir aquella lección. Pero gracias a este I Congreso Internacional puedo presentar un breve análisis comparativo entre ambos países, y lo hago en memoria del profesor Lityn.

Según la encuesta de la *European Values Survey* [7], lo más importante para los españoles es la familia (85,5%), por encima del trabajo (55,9%) y los amigos (47,2%). La familia sigue siendo fundamental en la vida de los españoles, especialmente en los años de crisis económica, donde la ayuda de los parientes, incluso de los abuelos, es importante. De otro lado, según los datos estadísticos (tabla 2), Bielorrusia tiene una población más joven, se casan antes y tienen más hijos. También hay más proporción de ciudadanos que emigran aunque el país disfruta de pleno empleo y las familias tienen pocas deudas. Un factor negativo es la baja esperanza de vida, y el cuidado de la salud, aunque la evolución de los últimos años muestra una mejoría [8, p. 558].

Contrariamente, en España la población está envejecida porque viven más años y la natalidad es de las más bajas del mundo. Las personas se casan a mayor edad, las familias suelen estar muy endeudadas (sobre todo por el coste de la vivienda) y llegan muchos inmigrantes a pesar del gran desempleo.

El porcentaje de gasto público del Producto Interior Bruto es mayor en Bielorrusia (45,81%) que en España (41,00%). El Estado bielorruso sigue siendo fuerte en la economía, prolongando, al contrario que otras ex repúblicas soviéticas, la herencia social y protectora del Estado en la época de la Unión Soviética. En España, el mercado cada vez es más fuerte que el Estado, al igual que en el resto de Unión Europea, aunque mantiene importantes prestaciones públicas en salud, en educación y pensiones de jubilación, pero no en construcción de viviendas públicas. Económicamente, el sector servicios tiene más peso en España (74,2%). Y la proporción del sector industrial en Bielorrusia es casi el doble y su sector agrícola es tres veces mayor. En España, por tanto, el trabajo está más relacionado con la gestión y en Bielorrusia con la producción.

El Índice de Desarrollo Humano (IDH), publicado por las Naciones Unidas, es una síntesis de diferentes indicadores basados en la salud, la educación y el bienestar. El IDH de Bielorrusia (0,808) ocupa una posición similar a la de España (0,891). Por tanto, si bien hay diferencias notables en ciertas variables, finalmente se observa una compensación, un balance equilibrado, en el desarrollo humano de ambas sociedades.

Según el Instituto Nacional de Estadística de España (INE, 2018) en el país hay unos 180.000 residentes censados cuya lengua materna es el ruso. Se trata de ciudadanos de nacionalidad ucraniana (56%), rusa (41%) y bielorrusa (3%). Son inmigrantes, el 64% son mujeres y están mayormente ocupados en el sector servicios. Residen sobre todo en Cataluña, el resto de la costa mediterránea y Madrid. En cierto sentido han traído sus costumbres: en muchas ciudades, por ejemplo, han abierto una *Tienda Rusa*, donde algunos españoles también acuden a comprar productos importados de los países del Este.

La economía más importante de España procede del turismo. Y cada vez acuden más turistas procedentes de las ex repúblicas soviéticas. En 2017,

1,14 millones de turistas llegaron desde Rusia. Eso supuso un aumento del 14,1% respecto al año anterior. Los turistas rusos aprecian la seguridad urbana y el patrimonio cultural español. Suelen ser de clase media o media alta. Aunque suelen hablar inglés, el uso de la lengua rusa es cada vez es más común en el litoral, hay cada más guías turísticos ruso parlantes, más traductores y más personas que lo estudian. Muchos empleados en los comercios de la costa catalana hablan ruso. Sin duda, la inmigración y el turismo en España están favoreciendo los intercambios culturales entre ambos países y el interés por el otro idioma.

Tabla 2

Comparación de indicadores entre Bielorrusia y España

Indicadores	Año	Bielorrusia	España	Año
Demografía				
Población	2017	9.527.543	46.733.038	2018
Inmigrantes	2017	1.078.652	5.947.106	2017
Emigrantes	2017	1.484.875	1.345.862	2017
Inmigrantes	2017	11,36%	12,75%	2017
Emigrantes	2017	15,64%	2,88%	2017
Tasa Natalidad	2017	10,80%	8,41%	2017
Índice de Fecundidad	2016	1,73	1,31	2017
Tasa de nupcialidad	2016	6,80	3,68%	2017
Edad matrimonio Mujer	2016	24,9	33,2	2017
Edad matrimonio Hombre	2016	27,5	35,4	2017
Tasa de divorcios	2016	3,40%	2,10%	2016
Tasa mortalidad	2017	12,60%	9,07%	2017
Esperanza de vida	2016	74,20	83,50	2016
Deuda Per Cápita	2016	2.427€	24.528€	2017
Gasto público (% PIB)	2016	45,81%	41,00%	2017
PIB Agricultura	2017	8,1	2,6	2017
PIB Industria	2017	40,8	23,2	2017
PIB Servicios	2017	51,1	74,2	2017
Tasa de desempleo	2017	0,8%	14,5%	2018
Parados (en miles)	2017	43 m.	3.304 m.	2018
Índice Desarrollo Humano	2017	0,808	0,891	2017

Datos extraídos de fuentes oficiales.

Los símbolos folklóricos de España, como los toros o el baile flamenco, todavía sirven para representar a su cultura y a su idioma, pero aparecen nuevos símbolos relacionados con lugares turísticos, con actores y deportistas, entre otros. Y ello es porque el entorno internacional cambia por lo que la sociedad española también cambia, lo que hace mover las raíces sociales de su lengua. Comparando la sociedad española con la bielorrusa se interpretan notables diferencias en algunos indicadores, demográficos y económicos, aunque se destaca una similitud en el balance final, en cuanto que el desarrollo humano entre ambos países es paralelo, además de detectarse un progresivo intercambio intercultural.

REFERENCIAS

1. *Juan y Peñalosa, J. de* Visión de España en los viajeros románticos / J. de Juan y Peñalosa, Domínguez Cintas, C. – Madrid : Real Acad. Española de la Lengua, JDEJ ed. – 2017.
2. *Michonneau, S.* Imaginarios y representaciones de España durante el franquismo / S. Michonneau, Núñez Seixas, X.M. – Madrid : Casa de Velázquez, 2014. – 292 p.
3. *Miguel, J. de* Transformations of politics and Society in Spain / J. de Miguel / 6th Conference European Sociological Assoc. "Ageing societies, new sociology", Murcia, 26–28 de sept. de 2013 / Univ. de Murcia ; ed.: Nadal Impresores / Local Organising Comm. 6th Conf. of the ESA. – Murcia, 2003. – 590 p.
4. *Gaviria, M.* La séptima potencia. España en el mundo / M. Gaviria. – Barcelona : Ed. B, 1996. – 435 p.
5. Democracy Index [Recurso electrónico] // The Economist. – Londres, Inglaterra. – Modo de acceso: http://www.eiu.com/topic/democracy-index. – Fecha de acceso: 20.02.2019.
6. *Bloomberg, L. P.* Bloomberg 2019 Healthiest Country [Recurso electrónico] / L. P. Bloomberg / Nueva York, Estados Unidos. – Modo de acceso: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-24/. – Fecha de acceso: 28.02.2019.
7. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008) [Recurso electrónico] // European Values Study / GESIS Data Archive, Cologne. ZA4800. – Modo de acceso: 10.4232/1.12458. – Fecha de acceso: 22.10.2018.
8. *Grigoriev, P.* Self-perceived health in Belarus: Evidence from the income and expenditures of households survey / P. Grigoriev, O. Grigorieva // Demographic Research. – 2011. – Vol. 24. – P. 551–578.

О. С. Горицкая (Минск)

КАК БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК ВЛИЯЕТ НА РУССКИЙ?[1]

В статье демонстрируется влияние живой народной речи белорусов (часто смешанной) и белорусского литературного языка на белорусскую разновидность русского языка. Показано, что литературные и нелитературные белорусизмы входят в русскую речь белорусов в результате действия различных механизмов пере-ключения кодов (вставки и конгруэнтной лексикализации), а также различаются в функциональном аспекте, в первую очередь прагматически.

Языковая ситуация в Республике Беларусь. В Беларуси государственное двуязычие: по закону белорусский и русский языки равны. Однако в коммуникативном пространстве Беларуси русский язык доминирует, несмотря на процессы последних лет, которые получили название «мягкая белорусизация». По данным опросов, большинство белорусов в повседневном общении пользуются русским языком или белорусско-русской смешанной речью (так называемой трасянкой). Перепись населения 2009 г.

[1] Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

показала, что среди этнических белорусов 69,8 % использовали в повседневной коммуникации русский, 26,1 % – белорусский, 4,2 % – другие языки [1, с. 355]. Данные социологического исследования, выполненного участниками Ольденбургского проекта по изучению белорусско-русской смешанной речи, оказались иными: 11,2 % белорусов говорят на «правильном русском языке», 43,4 % – на русском языке с использованием белорусских слов, 41 % используют смешанную речь, 4 % – белорусский язык с русскими словами и лишь 0,4 % – «правильный белорусский» [2, с. 66]. Сопоставление результатов двух опросов показывает, что включение в ответы смешанной речи приводит к драматическому уменьшению количества людей, говорящих по-белорусски (26,1 % vs. 4,4 %). Кроме того, для нашего исследования является важным, что большинство опрошенных в рамках совместного белорусско-немецкого проекта – это люди, которые говорят не на литературном русском языке, а на русском языке с некоторыми белорусскими словами.

Белорусско-русская смешанная речь – сложный объект лингвистического исследования. В частности, возникает вопрос, насколько правомерно называть данное языковое образование отдельным идиомом. Определение смешанной речи как языкового кода соответствует интуиции носителей, которые противопоставляют людей, говорящих по-русски, по-белоруски и на «трасянке». Г. Хентшель и ряд других участников Ольденбургского проекта предприняли попытку продемонстрировать стабилизацию смешанной речи [3; 4], однако дискуссии продолжаются, и вопрос о статусе смешанной речи остается открытым [5], поскольку степень структурной кристаллизации данного лингвистического феномена несопоставима с тем, что обычно называется языком.

Интересный вопрос представляет усвоение языка детьми в Беларуси (слово *язык* здесь употребляется в широком смысле и включает смешанную речь). Есть монолингвальные (родители говорят по-белорусски или по-русски) и билингвальные семьи (кто-то говорит по-белорусски, кто-то – по-русски), которые вписываются в классические схемы описания раннего билингвизма. Однако во многих семьях в повседневной коммуникации используется смешанная речь. В таком случае нельзя сказать, что ребенок растет в двуязычном окружении – фактически он монолингв: его окружает стихия смешанной речи, которую он и усваивает в качестве своего первого идиома (смешанный характер этой речи для ребенка не является психологически реальным) [6, p. 267]. Далее в процессе социализации (обучения в школе, чтения текстов и усвоения информации из других источников и т.д.) ребенок овладевает русским и белорусским литературными языками. Таким образом, те элементы, которые ребенок усвоил ранее, начинают восприниматься как части различных языковых систем [Там же].

Речь многих жителей Беларуси является смешанной, однако соотношение «русских» и «белорусских» элементов может быть различным. Кроме того, необходимо понимать, что провести границы между идиомами в русско-белорусском континууме сложно ввиду близости белорусского и русского языков. В целом системы белорусского и русского языков не являются изолированными в белорусском обществе. Так, в частности, есть

основания считать, что белорусско-русская смешанная речь заполняет в Беларуси ту же функциональную нишу (причем, по-видимому, и для русского, и белорусского языков), что и просторечие в России.

Во многих работах, посвященных белорусско-русским языковым контактам, отмечается специфика русского языка в Беларуси. При этом сам идиом называется по-разному: белорусский «нациолект» [2; 3; 4; 7; 8], «вариант» [5], «разновидность» и т.п. русского языка. Мы используем обозначение «белорусская разновидность русского языка». Подробнее о выборе термина см. [9].

Специфика белорусского русского не сводится к языковым контактам. Ряд лингвистических фактов, специфических для данного идиома, – это результат действия внутренних факторов языкового развития [10]. Кроме того, часто языковые контакты являются катализатором внутренних процессов. В данной публикации мы сосредоточим внимание на белорусско-русских языковых контактах.

Представим гипотезу нашего исследования. Рассматривая происхождение смешанной речи, Г. Хентшель отметил, что «литературный белорусский язык играет скорее роль адстрата между белорусским диалектным субстратом и доминирующим русским суперстратом – роль, основанную на его сохраняющейся представленности в школах, обычно в качестве школьного предмета и значительно реже в качестве языка обучения (последнее имело место в первую очередь в сельской местности), а также на использовании в некоторых СМИ» [4, с. 213], см. также [11] об украинско-русской смешанной речи.

Белорусская разновидность русского языка иногда описывается как русский язык с белорусским субстратом [6, p. 261]. Но мы можем пройти на один шаг вперед и, развивая идею Г. Хентшеля, предположить, что в белорусской разновидности русского языка есть белорусизмы различной природы. С одной стороны, идиом пополняется единицами из живой народной речи. С другой стороны, в белорусский русский проникают элементы белорусского литературного языка.

Влияние живой народной речи белорусов на белорусский русский. Для иллюстрации механизма влияния белорусской[1] речи с диалектной основой на белорусскую разновидность русского языка приведем следующее наблюдение носителя:

(1) *Я использую трасянку непроизвольно, так как в моей семье на трасянке говорят старшие, например, бабушка, которая родилась в деревне и переехала в молодости в Минск. Ей было сложно освоить русский, так как в деревне она говорила на белорусском языке, поэтому даже спустя десятилетия в ее речи присутствуют белорусские слова, которыми она заражает всю семью, и мы непроизвольно начинаем некоторые из слов использовать в своей речи*… [12].

Подобные мысли звучат и в академических работах. Так, Н. Б. Мечковская отмечает: «Что касается трасянки, то конечный пункт “естественной” эволюции смешанной речи – это не “новый белорусский”, но русский язык с постепенно слабеющим “белорусским акцентом” (в широком смысле слова)» [5, с. 244].

[1] Как правило, в настоящее время она является не чисто белорусской, а смешанной.

Затрагивает этот вопрос и Г. Хентшель: исследователь выделил различные типы носителей смешанной речи в зависимости от насыщенности их речевой продукции элементами белорусского и русского языков, а также гибридными единицами. Крайними точками в континууме идиолектов являются следующие:

- много «гибридных» и «белорусских» и мало «русских» высказываний (ГБ);
- «русские» высказывания преобладают над «гибридными» и «белорусскими» (Р) [3, с. 91].

О «наиболее русском» (Р) типе смешанной речи исследователь пишет следующее: «Не исключено, что тип Р представляет собой тип среднего белоруса будущего. Если русский язык еще больше укоренится в Белоруссии, вытесняя при этом не только белорусский язык, но частично и БРСР [белорусско-русскую смешанную речь], то под типом говорящих Р можно будет понимать русскоговорящих белорусов, сохраняющих в своей непринужденной речи различные явления белорусского языка» [Там же, с. 105].

Уже сейчас русская речь жителей Беларуси насыщена элементами автохтонного белорусского языка. Подобные единицы присутствуют на всех уровнях языковой структуры, и их функционирование зависит от различных социальных и коммуникативных факторов. Приведем несколько примеров из фонетики, лексики и грамматики.

На фонетическом уровне наблюдается, к примеру, ослабленная редукция гласных и так называемое цеканье и дзеканье – аффрикаты вместо взрывных [т’] и [д’] (ареал распространения последнего явления не ограничивается Беларусью [8, с. 134], однако в исследуемом нами идиоме оно является очень распространенным: взрывной мягкий [т’] практически не встречается).

Наиболее очевидным примером контактно-обусловленных явлений в лексике является использование белорусизмов (некоторые такие единицы не являются исконно белорусскими, но они проникли в русскую речь белорусов из белорусского языка): *поречка/паречка* ‘красная смородина’, *шуфлядка* ‘выдвижной ящик’, *ссобойка* ‘еда, которую берут с собой на работу, в школу и т.п.’, *трохи* ‘немного’, *трущить* ‘есть (с аппетитом, быстро и т.д.)’ и т.п.

Ввиду значительно структурной близости белорусского и русского языков грамматические особенности белорусской разновидности русского языка во многом являются лексикализованными: как правило, они не охватывают больших классов единиц, а ограничены отдельными лексемами или группами лексем. В частности, в Беларуси наблюдается более высокая (по сравнению с Россией) частотность синтаксических конструкций типа *мне болит* вместо *у меня болит* или *смеяться с него* вместо *смеяться над ним* и т.п. Используются слова с префиксом *за-*, обозначающие высокую степень проявления признака: *замного* ‘слишком много, многовато’, *замало* ‘слишком мало, маловато’ и т.п.

Влияние белорусского литературного языка на белорусский русский. Источником белорусизмов может быть не только живая народная речь белорусов (как правило, смешанная), но и литературная форма существо-

вания белорусского языка. Источник таких белорусизмов – это художественная литература, СМИ, учебники и т.п. Приведем контекст, иллюстрирующий этот механизм включения в русскоязычный текст белорусских элементов:

(2) *Мы редко говорим по-белорусски, иногда даже стесняемся этого языка и стремимся говорить на чистом русском. Но часто говорим по-русски так, что россияне думают, что это белорусский язык. <…> Белорусы не националисты, но если судьба прижмет, скажут что они не из России, а из Беларуси – попросим не путать – it's a country between Poland and Russia with many beautiful lakes and rivers. А если уж совсем одолеют, то кровь* ***ліцьвіна*** *вскипит и он, как бы плохо не учился, извлечет из корки подсознания:* ***«Мой родны кут, як ты мне мілы, забыць цябе не маю сілы»****. И запечатает все это еще невесть как вспомненной белорусской народной песней* ***«Купалінка»*** *или* ***«Цячэ вада ў ярок»****. Короче, зубры тут еще живы. И это мы. Каждый из нас* (ГИКРЯ, ЖЖ: mefisteufe)[1].

Подобные единицы часто функционируют как иноязычные вкрапления различного объема, при этом в лексических единицах могут сохраняться грамматические показатели, характерные для белорусского языка. См. первый выделенный пример в контексте (3):

(3) *А я вот никому ничего не должен. И буду писать по-русски «Белоруссия», а не «Беларусь». И имел я ввиду всяких местечковых* ***«филёлягау»***[2]*, указывающих русским на то, как правильно по-русски. Пускай в своей* ***«филялёгии»*** *изгаляются до потери пульса – меня их проблемы не интересуют* (ГИКРЯ, ЖЖ: streithahn);

Знаете, наша литература – как и наша государственность, и наш язык, и наше ощущение «самости» 20 лет отходили от распада империи, которой когда-то принадлежали. То, что возникло на руинах колониализма, на первых порах было мелко по темам, бледно по сюжетам, оглядывалось то на Москву, то на сокровища ***«сівой даўніны»*** (В. Мартинович) (https://belaruspartisan.by/life/457830/).

Как правило, белорусизмы литературного происхождения имеют цитатный характер и могут маркироваться в тексте при помощи кавычек. Иногда такие языковые единицы осваиваются русским языком и переходят в разряд узуальных заимствований, что демонстрирует проницаемость границ между переключением кодов и заимствованием. В результате некоторые фрагменты из текстов на белорусском языке становятся фразеологическими и лексическими особенностями белорусской разновидности русского языка.

Если единицы, проникшие в белорусскую разновидность русского языка из живой народной речи белорусов, часто нейтральны и функционируют в качестве основного обозначения объекта действительности (*шуфлядка*,

[1] В примерах воспроизводится орфография и пунктуация оригинала. Примеры с пометой *ГИКРЯ, ЖЖ* взяты из подкорпуса «Живой Журнал» Генерального интернет-корпуса русского языка (webcorpora.ru).

[2] Поскольку в белорусском языке есть несколько стандартов: «официальный» и «неофициальный» (так называемая тарашкевица, белорусское классическое правописание и т.д.), то в текстах могут встречаться белорусизмы в различном оформлении. В данном контексте воспроизводится тарашкевица.

ссобойка и т.д.), то литературные белорусизмы, как правило, используются в русской речи с определенными прагматическими задачами, связанными с базовой оппозицией *свое – чужое*, ср. примеры (2) и (3).

Типы переключения кодов. П. Мейскен выделил три типа переключения кодов в рамках одного предложения: чередование, вставка, конгруэнтная лексикализация. При чередовании (*alternation*) фрагменты на двух языках с четкими границами перемежаются в коммуникации. При вставке (*insertion*) небольшие фрагменты на одном языке (как правило, слова) включаются в более крупный фрагмент на другом языке. Конгруэнтная лексикализация (*congruent lexicalization*) – ситуации, когда фрагменты текста перемежаются друг с другом без четких границ. По мнению Г. Хентшеля, последняя модель характерна для белорусско-русской смешанной речи [4]. Эти типы переключения кодов не разделены непреодолимыми границами. В двуязычных сообществах они представлены в разной степени, и на представленность паттернов в коммуникации влияют различные факторы (важным является структурная близость языков и т.д.).

Анализ нашего материала показывает, что единицы литературного происхождения изначально функционируют в тексте как вставки (позже они могут подвергаться освоению и растворяться в тексте), а в русской речи с белорусским диалектным субстратом обычно используется такой паттерн переключения кодов, как конгруэнтная лексикализация (с течением времени единицы белорусского происхождения закрепляются в качестве нейтральных обозначений в белорусской разновидности русского языка).

Вернемся к вопросу, внесенному в заголовок статьи, о том, как белорусский язык влияет на русский.

В о - п е р в ы х, источником особенностей русского языка в Беларуси является живая народная речь белорусов (в настоящее время обычно смешанная): языковые единицы дрейфуют в белорусско-русском языковом континууме и, в частности, переходят из смешанной речи в белорусскую разновидность русского языка. В этом случае контактное влияние охватывает все уровни лингвистической структуры, языковые единицы часто используются без дополнительных прагматических функций, а белорусский характер таких языковых единиц может не осознаваться.

В о - в т о р ы х, белорусизмы проникают из литературного языка через цитацию (в том числе ироническую): белорусские элементы намеренно включаются в текст на русском языке. Такие иноязычные вкрапления могут закрепиться в узусе и стать лексическими и фразеологическими особенностями идиома. Для подобных языковых единиц характерно наличие прагматической нагрузки, однако со временем прагматический потенциал может ослабевать.

Конечно, четкую границу между этими явлениями провести нельзя. Речевая продукция белорусов гетерогенна, а границы между фрагментами белорусско-русского языкового континуума размытые. Так, очевидно, что установить источник конкретного белорусизма часто невозможно, поскольку многие лексические единицы присутствуют и в литературном языке,

и в диалектах. Кроме того, литературные единицы цитатного характера могут закрепляться в узусе и уже не восприниматься как иноязычные вкрапления. Но в целом единицы из народной (часто смешанной) и книжной речи, кода первичной социализации и выученного языка, проникают в белорусский русский различными способами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перепись населения 2009 г. : в 8 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Информ.-вычисл. центр Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – Т. 3 : Национальный состав населения Республики Беларусь / редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – 433 с.
2. *Хентшель, Г.* Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология. – 2011. – № 4. – С. 62–78.
3. *Хентшель, Г.* Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки» / Г. Хентшель // Вопр. языкознания. – 2016. – № 6. – С. 84–112.
4. *Хентшель, Г.* Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки» / Г. Хентшель // Русский язык в научном освещении. – 2017. – № 1 (33). – С. 209–250.
5. *Мечковская, Н. Б.* Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2018. – № 1 (35). – С. 226–250.
6. *Zeller, J. P.* Psycholinguistic aspects of Belarusian-Russian lnaguage contact. An ERP study on code-switching between closely related languages / J. P. Zeller, G. Hentschel, E. Ruigendijk // Slavic languages in psycholinguistics : Chances and challenges for empirical and experimental research / ed. by T. Anstatt, A. Gattnar, C. Clasmeier. – Tübingen : Narr Francke Attempto Verl., 2016. – P. 257–279.
7. *Гируцкий, А. А.* О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта» / А. А. Гируцкий, А. Е. Михневич // Вариативность как свойство языковой системы : тез. докл. – М. : Наука, 1982. – Ч. 1. – С. 77–79.
8. Русский язык в Белоруссии / под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 272 с.
9. *Горицкая, О. С.* Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах / О. С. Горицкая // Rusistica Latviensis. – 2018. – № 8 (в печати).
10. *Горицкая, О. С.* Лексические особенности русского языка в Беларуси, не связанные с влиянием белорусского языка / О. С. Горицкая // Respectus Philologicus. – 2018. – № 34 (39). – С. 48–60.
11. *Дель Гаудио, С.* Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков / С. Дель Гаудио // Slověne. – 2015. – № 2. – С. 214–243.
12. *Vashkova, M.* Ruský jazyk v Bělorusku : bakalářská práce [Электронный ресурс] / M. Vashkova ; Západočeská univerzita v Plzni. – Plzeň, 2015. – 43 s. – Режим доступа: dspace5.zcu.cz/bitstream/11025/24401/1/Vashkova_BP_2015.pdf. – Дата доступа: 10.03.2019.

13. *Muysken, P.* Code-switching processes: Alternation, insertion, congruent lexicalization / P. Muysken // Language choices : conditions, constraints, and consequences / ed. by M. Pütz. – Amsterdam [etc.] : Benjamins, 1997. – P. 361–380.

А. М. Четырина (Санкт-Петербург)

АУДИОСЛОВАРЬ «ГОВОРИМ ПРАВИЛЬНО» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Предметом рассмотрения в статье является аудиословарь «Говорим пра-вильно», размещенный на справочно-информационном портале русского языка ГРАМОТА.РУ. Данный лексикографический ресурс представляет собой интернет-версию радиопередачи «Словарь ударений», посвященной обсуждению произно-шения слов, вызывающих заметные трудности у русскоговорящих людей. В статье характеризуются особенности репрезентации лингвистической информации в этом необычном словаре, демонстрируются упражнения, помогающие использовать его материалы в процессе освоения дисциплины «Русский язык и культура речи» в высшей школе.

Определяя характер современной лексикографической практики, известные специалисты в области классификации и описания словарей В. А. Козырев и В. Д. Черняк указывают несколько направлений ее развития: «осуществляются масштабные лексикографические проекты, в рамках которых создаются словари, представляющие широкие лексические массивы; расширяется круг словарей, описывающих отдельные уровни языка; активно разрабатываются словари, учитывающие широкий круг адресатов (учебные словари разной ориентации, двуязычные словари разного объема). Создаются и принципиально новые словари, в которых воплощаются современные достижения лингвистической науки» [1, с. 6].

Возросший в последнее время интерес носителей русского языка к словарям разных типов обусловлен не только многообразием лексикографических изданий, но и возникновением принципиально новых возможностей их использования. С помощью современных технических устройств пользователь может в удобное для себя время получить доступ к информационным ресурсам, позволяющим быстро сориентироваться в огромном «лексикографическом пространстве» и обработать данные в зависимости от поставленных задач, в том числе учебных.

Особое место в электронной образовательной среде занимают аудиословари. Под аудиословарем понимается «mp3-файл с набором озвученных слов и фраз записей загруженного в редактор pdb-словаря. Это звуковые последовательности слово-перевод, либо перевод-слово, также возможно озвучивание примера использования в поле транскрипции/комментария» [2]. Такие словари активно используются в практике изучения и преподавания иностранного языка с целью демонстрации аутентичного произношения слов и особенностей их употребления.

Аудиословарь «Говорим правильно», о котором пойдет речь в данной статье, не имеет отношения к двуязычным лексикографическим изданиям. Название этого ресурса обусловлено исключительно формой его существования. Основываясь на семантике начальной части слова ***аудио****словарь*, его значение можно определить как словарь, «имеющий отношение к звукозаписи, связанный со звукозаписывающим устройством» [3].

Аудиословарь «Говорим правильно» представляет собой интернет-версию радиопередачи «Словарь ударений», ежедневно выходящей на московском «Радио 7» в рамках утренней программы «Легкий завтрак». Авторы данной передачи – ведущий Рубен Акопян и главный редактор справочно-информационного портала ГРАМОТА.РУ Владимир Пахомов – обсуждают произношение и употребление слов, вызывающих значительные трудности у носителей русского языка. Каждый выпуск радиопередачи записан и размещен в виде mp3-файла на посвященной словарям странице портала ГРАМОТА.РУ. Аудиоматериалы снабжены рубрикатором, позволяющим быстро сориентироваться в поиске интересующего слова. Запись для прослушивания можно выбрать двумя способами: с помощью алфавитного перечня ключевых слов или обратившись к полному списку передач. Красным цветом выделено правильное ударение во всех словах перечня [4].

Размышляя о характере взаимоотношений лексикографа и адресата словаря, В. Г. Гак пишет: «Лексикограф <…> выступает как посредник между обществом – коллективным носителем речи – и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [5, с. 12].

По отношению к рассматриваемому аудиословарю такой диалог лексикографа с потенциальным пользователем словаря становится реальным. Каждый выпуск радиопередачи – это беседа обывателя со специалистом, в ходе которой сталкиваются наивные представления о произношении и употреблении того или иного слова с научно обоснованными. Материал для обсуждения выбирается на основе наиболее частотных вопросов, задаваемых справочной службе портала ГРАМОТА.РУ.

Электронный аудиословарь «Говорим правильно» включает в себя 62 файла. Каждый из них номинирован словом, которому посвящен. Произношение большинства данных слов традиционно становится предметом обсуждения на занятиях по русскому языку и культуре речи в школе и в вузе (*жалюзи*, *украинский*, *красивее*, *договор*, *торты*, *мизерный*, *подростковый*, *асимметрия*, *донельзя*, *откупорить* и т.д.). Авторы данного ресурса уделяют внимание и произношению имен собственных, в числе которых географические названия (*Мурманск*, *Одесса*, *Балашиха*, *Флорида, Вашингтон*), имена и фамилии людей (*Барбара*, *Вильям*, *Макбет*, *Пикассо*, *Бальмонт*), названия московских улиц (*Дербеневская*, *Автозаводская*, *Велозаводская*), аббревиатуры (*ФСБ*, *МКАД*).

Среди представленных выделяются 6 слов (*триста, тапка, роспись, одеть, куряне, Кемерово*), произношение которых не вызывает сомнений, но они входят в состав словаря и комментируются по причине связанных с ними лексико-грамматических трудностей, что может быть не менее интересно слушателям.

Несмотря на присутствие в аудиословаре только 62 файлов, количество обсуждаемых собеседниками во время эфира «трудных» слов гораздо больше. Как правило, это связано с общими орфоэпическими закономерностями целого словесного ряда. Так, например, из беседы о слове *зевота* слушатель узнает и об особенностях произношения похожих слов с суффиксом *-от-*, имеющих значение физического состояния: *ломота, дремота, тошнота, хрипота.* По аналогии рассматриваются слова: *ходатай – завсегдатай – глашатай – оратай*; *страховщик – танцовщик – регулировщик*; *дороговизна – дешевизна* и т.п. Иногда проводятся параллели между однокоренными словами, имеющими фиксированное ударение (*укра**и**нский – Укра**и**на – укра**и**нцы*; *Автозав**о**дская – Велозав**о**дская – Электрозав**о**дская*), или между схожими словами с ударением, например, на первом слоге (*т**о**рты, ш**а**рфы, скл**а**ды*).

В процессе беседы ведущего передачи с лингвистом объем и содержание сообщаемой слушателям информации могут быть разнообразными: от констатации факта правильного произношения без каких-либо комментариев до обширных лексикографических справок. В них филолог В. Пахомов, кроме обозначения соответствующего норме произносительного варианта, поясняет значение слова и его происхождение; часто сообщает интересные факты, малоизвестные широкому кругу говорящих; анализирует причины популярности ошибочного варианта; рекомендует способы запоминания нормативного произношения.

При объяснении слов, произношение которых зависит от значения, В. Пахомов всегда приводит много примеров, демонстрирующих сочетаемость слова в каждом из значений, и четко артикулирует ударный слог. Так, например, акцентологическая разница в словах *стр**о**чный* и *строчн**о**й* поясняется следующим образом: «В русском языке есть прилагательные строчн**ы**й и строчн**о**й, но они различаются по сочетаемости и по значению. Если, например, разверстка телеизображения – она стр**о**чная, и объявление тоже стр**о**чное – состоящее из строчек, а буква строчн**а**я, шитье строчн**о**е, пение тоже строчн**о**е...» [6].

Обсуждаемый на практических занятиях по культуре речи список слов для запоминания («орфоэпический минимум») показывает, как правило, только ударный слог в начальной форме слова. Авторы аудиословаря «Говорим правильно» обращают внимание и на изменчивость ударного слога в формах косвенных падежей. Этому вопросу посвящены беседы о словах *фетиш, петля* (в разговоре о *лассо*), *герб, бутик* и т.п.

Отметим регулярно сообщаемые слушателям этимологические справки. Они становится обязательной частью беседы независимо от акцентологической целесообразности данного материала.

Выгодно отличают аудиословарь от других лексикографических изданий приводимые лингвистом неожиданные факты о словах. Так, слушатель узнает, например, об общем историческом корне у слов *хвоя* и *костер,* о разнице в произношении фамилии *Пикассо* испанцами, французами и русскими; об ошибке, благодаря которой появилось название города *Одесса*, о большой древности слова *граффити*, о первоначальном значении слова *жалюзи*, означавшем «ревность» и т.п.

Неожиданными иногда становятся и причины популярности ошибочного варианта. Приведем фрагмент беседы об ударении в слове *ненормир**о**ванный*: *У лингвистов есть подозрение, почему вариант* ненорм’**и**рованный *получил такое широкое распространение. Есть версия, что это связано с известным фильмом «Иван Васильевич меняет профессию»: «А у нас, царей, рабочий день ненорм’**и**рованный…». Вероятно, такое употребление способствовало распространению варианта* ненорм’**и**рованный. *Тем не менее это именно допустимое употребление, а строгая норма* – ненормир’**о**ванный [7].

Отметим довольно удачные, на наш взгляд, способы запоминания произношения ряда слов. Классических ошибок в словах *торты* и *шарфы* можно избежать, запомнив фразы: *Долго ели т**о**рты, не налезли ш**о**рты*, *А у бабы Марфы все в полоску ш**а**рфы*. Интересен ориентир на ударение в слове *кол**и**чество* при произнесении выражения *малая тол**и**ка*; связь слов *страховщик* и *танцовщик* со словом *регулировщик*; идея запоминать орфоэпическую разницу в аббревиатурах *ФБР*, *ФРГ*, *ФСБ*, *ФСО* по соотношению «свое – чужое»: в названиях российских организаций первый звук [эф], в других названиях – [фэ].

Безусловным достоинством данного ресурса является также постоянное погружение слушателя в широкий культурный контекст. Авторы передачи беседуют об ударениях в именах и фамилиях знаменитых людей (*Барбара*, *Вильям*, *Бальмонт*, *Пикассо*); вспоминают цитаты из известных эстрадных песен (*Горит и кр**у**жится планета*, *Снег круж**и**тся, летает, летает…*, *Ту заводск**у**ю проходную, что в люди вывела меня*); обсуждают реплики героев советских фильмов (*Я забыла одеть свое праздничное платье*, *А у нас, царей, рабочий день ненорм**и**рованный*), приводят стихотворные строки, помогающие запомнить нормативное ударение (*Любви все в**о**зрасты покорны*, *Поэт по лире вдохновенной рукой рассеянной бряц**а**л*), пытаются предупредить возможные ошибки в названиях литературных произведений («Леди М**а**кбет Мценского уезда» Н. Лескова и «Макб**е**т» В. Шекспира).

Современные орфоэпические словари русского языка часто предлагают читателю довольно противоречивую информацию, что неизбежно провоцирует вопрос о предпочтительности того или иного издания. Прекрасно осознавая необходимость в пояснении такой ситуации, ведущие программы посвятили ей отдельный выпуск, который назвали «Словари». Отметим корректный и понятный комментарий, связанный с отношением говорящего к сосуществованию различных вариантов произношения слов в языке: «Если в словаре дается несколько вариантов или разные словари дают разные

варианты, фактически это означает, что варианты сосуществуют, и тогда… читатель словаря вправе выбрать какой-то вариант, который более соответствует его языковому вкусу; если словарь ему этот вариант разрешает, он вправе его выбрать. Но при этом признавать право другого носителя языка выбрать другой вариант, который более соответствует языковому вкусу того носителя языка… Словари учат нас не только грамотной речи, но и толерантности и взаимоуважению» [8].

Отметим использование лингвистической терминологии, ее доступное пояснение на конкретных примерах, что способствует формированию у слушателя представлений о литературном языке и строгой литературной норме, о равноправных акцентологических вариантах (*мизерный, дабы, маркетинг, кружится*), о разнице между литературным и разговорным произношением слов (*договор, ненормированный, ФБР*), о динамике нормы (*украинский, феномен, подростковый*), о связи литературной нормы и профессионального жаргона (*эксперт, возбужденный*).

Обращаясь к материалам аудиословаря «Говорим правильно», слушатели могут не только познакомиться с культурно-речевыми понятиями, но и расширить словарный запас, повысить уровень своей орфоэпической и орфографической грамотности, поднять общекультурный уровень. В основе каждого комментария лежит стремление к демонстрации системности языка, взаимосвязи разных его уровней.

В вузовском курсе «Русский язык и культура речи» аудиословарь «Говорим правильно» можно использовать как вспомогательный ресурс, предназначенный для самостоятельной работы студентов.

Приведем примеры упражнений, способствующих формированию культурноречевой компетенции студентов на основе данного аудиословаря.

1. Прослушайте материалы аудиословаря «Говорим правильно». Узнайте значение и особенности произношения конкретных слов (например, *лассо, граффити* и т.д.), добавьте их в орфоэпический минимум.

2. Прослушайте файлы «Языковый», «Жалюзи», «Завсегдатай». Назовите факторы, влияющие на произношение слова.

3. Прослушайте файл «Флорида». Сделайте вывод о разнице в произношении заимствованных существительных собственных и нарицательных.

4. С помощью аудиословаря определите семантическую разницу в словах: *языковый – языковой, фен**о**мен – феном**е**н, строчный – строчной, склады – склады, лавровый – лавровый*.

5. Прослушайте файлы «Пикассо», «Макбет», «Вильям», «Барбара». Определите причины вариантного произношения данных слов.

6. Прослушайте файл «Асимметрия». Запомните разницу в произношении и написании слов *симметрия – асимметрия.*

7. Прослушайте файлы «Аббревиатура» и «ФСБ». Определите особенности произношения и склонения современных аббревиатур.

8. Прослушайте файлы «Бутик», «Герба», «Фетиш». Сделайте вывод о подвижности ударения в данных словах в формах косвенных падежей.

Интересный материал, формат непринужденной беседы с авторитетным специалистом, эрудированность и самоирония ведущих, небольшая продолжительность каждого выпуска привели к росту популярности программы

«Словарь ударений» на «Радио 7». В настоящее время она существует под названием «Говорим правильно» и звучит несколько раз в день. Существенно расширился круг обсуждаемых ведущим и лингвистом вопросов, выбор которых связан с актуальными на момент выхода передачи в эфир явлениями. Так, например, во время проходившего в России в 2018 году Чемпионата мира по футболу предметом обсуждения были слова, имеющие прямое или косвенное отношение к данной тематике: *трансфер*, *Катар*, *развитые страны*, *рефери* и т.п.

Создатели словарей стремятся к постоянному обновлению «лексикографического пространства», отвечая тем самым на новые вопросы, возникающие у пользователей словаря, предлагая им новые формы взаимодействия. Аудиословарь «Говорим правильно» в форме диалога с лингвистом популяризирует сведения о русском языке, призывает толерантно относиться к языковой вариативности, пропагандирует взаимоуважение участников коммуникации. Очевидные преимущества этого лексикографического ресурса делают его достойным внимания широкой аудитории и хорошим инструментом формирования культурноречевой компетенции студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козырев, В. А.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2014. – 571 с.
2. Learn Words – программа для изучения слов английского и любого другого иностранного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.learnwords.ru/audiodict.html. – Дата доступа: 15.03.2019.
3. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Режим доступа: https://dic.academic.ru / dic.nsf/efremova/272514/аудио. – Дата доступа: 15.03.2019.
4. Аудиословарь «Говорим правильно» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gramota.ru/slovari/radiogovorim/. – Дата доступа: 17.03.2019.
5. *Гак, В. Г.* О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) / В. Г. Гак // Актуальные проблемы учебной лексикографии / сост. В. А. Редькин. – М., 1977. – С. 11–27.
6. Строчная [Электронный ресурс] // Аудиословарь «Говорим правильно». – Режим доступа: http://files.gramota.ru/radiogovorim/053_Govorim_Strochnaya_Bukva.MP3. – Дата доступа: 17.03.2019.
7. Ненормированный [Электронный ресурс] // Аудиословарь «Говорим правильно». – Режим доступа: http://files.gramota.ru/radiogovorim/017_Govorim_Nenormirovannii.MP3. – Дата доступа: 17.03.2019.
8. Словари [Электронный ресурс] // Аудиословарь «Говорим правильно». – Режим доступа: http://files.gramota.ru/radiogovorim/045_Govorim_Razlichnye_Slovari.MP3. – Дата доступа: 17.03.2019.

ESPAÑA Y BELARÚS: DIÁLOGO DE LAS CULTURAS

J. Navarro Navarro (Valencia)

ESCRITURA Y EVOCACIÓN DEL HORROR EN *EL LABERINTO MÁGICO* DE MAX AUB. LA ADENDA A *CAMPO DE LOS ALMENDROS* (1968)

La presente ponencia se centra en la última (*Campo de los Almendros,* 1968) de las novelas editadas del ciclo *El Laberinto Mágico,* publicadas por el escritor español Max Aub en su exilio mexicano durante la dictadura franquista tras la Guerra Civil Española. En particular en el análisis de la *adenda* que Aub incluyó al final de esa novela, que recrea los últimos episodios de la contienda en el Puerto de Alicante en 1939. La adenda constituye un auténtico fresco de la represión franquista, construida desde parámetros literarios, pero también desde la voluntad de dar cuenta documental de lo ocurrido.

Pocos escritores han vertido en literatura de manera más precisa, intensa y compleja su visión y recuerdo de la Guerra Civil española como Max Aub (1903–1972), escritor español, nacido en París, valenciano de adopción y acogido finalmente en México, donde residió desde 1942 hasta su muerte. Entre la pulsión realista, la recreación, la ficción, la reflexión y la memoria, el ciclo de novelas de los *Campos* o *El Laberinto Mágico* (como es más conocida), fue publicado en su exilio por Aub entre 1943 y 1968. Consta de seis novelas: Campo cerrado (aparecida en 1943), Campo abierto (1951), Campo de sangre (1945), Campo del Moro (1963), Campo francés (1965) y Campo de los Almendros (1968).

El *Laberinto* constituye la producción literaria más importante alrededor de la contienda española. Es un fresco lúcido e intenso de los años de la Segunda República (de los cuales nos habla la primera novela del ciclo: *Campo cerrado*), la contienda (marco cronológico principal del resto de novelas) e incluso la más inmediata posguerra (con el final de *Campo de los Almendros*) y el exilio (con *Campo francés*).

Nos centramos aquí en la última de las novelas publicadas del ciclo, *Campo de los Almendros* (1968), un relato a medio camino entre la ficción y la crónica histórica de aquello acontecido en los momentos finales de la guerra civil española y los primeros de la dictadura franquista. Nos detendremos en particular en la *adenda* que el escritor español incluyó al final de esa novela, la cual se basó también en buena medida en un trabajo de documentación y recopilación por parte de Aub de testimonios de testigos del contexto final de la guerra en que se ambienta la novela. A pesar de su brevedad – unas pocas páginas –, la adenda constituye un auténtico fresco de la represión franquista en España (concretamente en tierras valencianas), construida desde los parámetros literarios y de la novela pero también desde la documentación de aquello realmente ocurrido y con voluntad de dar cuenta de los hechos. El relato también tiene otra característica: la voz protagonista de la narración es la de una mujer.

Campo de los Almendros enlaza con los acontecimientos relatados en *Campo del Moro* (primera quincena de marzo de 1939, con el golpe de Casado) y nos cuenta la suerte y destino final de sus personajes (algunos de ficción, otros

históricos, ya conocidos de aquella y otras novelas de *El Laberinto*) a finales de marzo de 1939, con las tropas franquistas a punto de consumar su victoria y una República en plena desintegración.

Son personajes en fuga, en dirección a una hipotética salvación de la represión por parte de los vencedores franquistas, y que confluirán – junto con otros miles de personas – en un punto: el puerto de Alicante a finales de marzo de 1939, en los últimos momentos de la guerra, un dramático epílogo de esta, ya vencida la República. Allí, como es sabido, se producirá la tragedia: sin barcos y posibilidad de escapatoria, serán detenidos y llevados a los centros de detención e internamiento: en primer lugar (los hombres) a un campo improvisado donde se recluirá a los detenidos: el conocido Campo de concentración de los Almendros" en el mismo término municipal de Alicante, cuyo nombre daría título a la novela de Aub.

Todo esto se relata en *Campo de los Almendros,* pero prima también aquí la reflexión. Como último de los *Campos* escritos por Aub y último episodio de la contienda – el símbolo del drama de una República reducida a sus últimos valedores abandonados en los muelles del puerto de Alicante –, se impone también aquí la necesidad de recordar y dejar testimonio de la tragedia. Esto es el que haría el mismo Aub en su exilio con la redacción de las novelas de *El Laberinto Mágico*, que en su caso personal había comenzado ya con otra huida, la que llevó a Francia a centenares de miles de republicanos a raíz de la ocupación definitiva de Cataluña casi dos meses antes, a comienzos de febrero de 1939. Aub, por lo tanto, no vivió directamente los acontecimientos de Alicante. Pero es esa misma tarea la que se impondrá uno de los personajes de su novela, Ferrís, nada más llegar al Puerto de Alicante el 30 de marzo de 1939: "Pero es una tragedia y viviré para escribirla. Lo que debo hacer es tomar notas desde ahora".

Transido, empapado, Ferrís, busca en su cuaderno, saca y desenrosca su estilográfica, mira a su alrededor. No sabe por dónde empezar. Sin embargo, escribe: "Este es el lugar de la tragedia, frente al mar del que lo esperamos todo" [1, p. 313].

Pero *Campo de los Almendros* no acaba en ese punto y en sus últimas páginas iremos conociendo la suerte de algunos personajes en los primeros días, semanas, incluso meses de la larga posguerra. Y más todavía: el propio Aub, que construyó su novela a partir de un trabajo previo de investigación y documentación de múltiples testigos orales y escritos sobre lo que sucedió en Alicante, hizo lo mismo por lo que se refiere a la represión que se desataría inmediatamente sobre los partidarios – o simplemente los que los vencedores franquistas podían considerar *partidarios* – de la República. Y es en este punto donde tiene sentido la inclusión por parte de Aub de una adenda (no presente en el manuscrito original) en la versión corregida y definitiva de *Campo de los Almendros,* unas pocas páginas al final del libro. Este texto había sido publicado antes como historia aparte, con el nombre de "La Virgen de los Desamparados", en *Cuadernos Americanos* en 1966 [2, p. 91; 3, p. 241–245]. El título surge de la comparación de una de las historias relatadas a esas páginas (la de una chica de dieciocho años encarcelada por los franquistas en Valencia nada más acabar la guerra y fusilada poco después), con la de la imagen de la patrona de esta ciudad, escondida y protegida durante a contienda, pero restituida y exaltada con todos los honores por los vencedores en 1939.

La voz protagonista del relato es la de una mujer anónima, la cual supuestamente acude a visitar al autor de la novela que acabamos de leer – es decir, en teoría, el propio Aub – para puntualizar como testigo de los hechos algunas de las cosas escritas por aquel y a contar algunas historias de esos momentos que ella conoció de cerca. Se perfila así otro de los juegos literarios a los cuales acostumbraba Aub, con la referencia al propio autor al final del libro. La voz de Aub había aparecido ya antes, como una disgresión dentro de la propia novela, intercalada en las nombradas páginas azules. Pero ahora no es la voz de Aub la protagonista, sino que lo son los relatos de la narradora. Aub aparece tan solo como el destinatario del relato de esos testigos, los cuales servirán para completar aquello ya relatado y, en cierto modo, para completar su sentido.

Con la inclusión final por parte de Aub de esta historia y otras que integran la adenda mencionada – todas relacionadas con el fenómeno represivo – en la edición de *Campo de los Almendros,* el escritor cerró así el relato de Alicante, que constituye el núcleo central de la novela, con su corolario inseparable: la represión desencadenada inmediatamente después por los franquistas tras su victoria. Las reclusiones, torturas y fusilamientos de los primeros días y semanas de la posguerra ya habían aparecido en *Campo de los Almendros,* sobre todo en el último tercio de la novela, pero ahora se completan ofreciendo un fresco breve pero intenso y significativo del fenómeno represivo. La novela – crónica que es *Campo de los Almendros* se completa así de esta manera, y la victoria, el desenlace final de la contienda, queda unida a su epílogo: la represión subsiguiente, con la que de una u otra manera (o también con el exilio, como el propio Aub) tendrán que enfrentarse gran parte de los personajes de la novela. La represión presenta unas lógicas – como veremos atendiendo a las historias que se cuentan – que van más allá del castigo o la represalia por un delito, como demuestra su carácter masivo y a menudo arbitrario. Así, la narradora nos cuenta: "Durante meses, en la Cárcel Modelo – supongo que en las demás era igual, tal vez otros días –, los jueves, viernes y sábados de cada semana sacaban tres camiones de presos, los llevaban a Paterna y los fusilaban, lo mismo daba que estuvieran condenados o no.

Y, de eso, de Paterna, le tengo que contar lo del sepulturero. Encontró un negocio muy bueno, de acuerdo con los de la funeraria del pueblo. Ésos se hicieron ricos. El enterrador, que era un jovencito de nada, cortaba un trozo del traje de los fusilados por la noche y a la mañana siguiente se iba a la cola de las mujeres que esperaban frente a la cárcel y buscaba, entre las que llevaban comida o ropa limpia, quien reconociera el terno. Él se contentaba con la propina que le dieran y la comisión de la funeraria. Las pobres iban a recoger el cuerpo y la funeraria se encargaba de lo demás. Por cierto que el capitán de la Guardia Civil de Paterna fue un día al cementerio y vio que, en las tumbas, además del nombre, había muchos azulejos – que fabricaban en Manises – que decían: "Tu familia no te olvida". Se puso furioso: "¿Ah, conque no olvidan?" – y los rompió todos o los hizo romper a culatazos. En el Cementerio civil de Valencia hicieron lo mismo. Destrozaron cuanta lápida e inscripción había que recordara lo nuestro" [1, p. 566].

En el relato aparecen también citadas personalidades conocidas de la vida política y social valenciana del momento, como el último gobernador civil republicano de Valencia: el dirigente y exdiputado socialista también por Valencia, Manuel Molina Conejero; y el médico, científico y exrector de la Universitat de València, Juan Peset Aleixandre. Los dos, detenidos después de los hechos del Puerto de Alicante, serían fusilados por los franquistas. Asimismo, asistimos a episodios ocurridos en las distintas prisiones y centros de internamiento, en ese momento llenas de detenidos ("Las cárceles estaban no llenas sino a reventar, y no sólo las cárceles, sino conventos y cuarteles que habilitaron para eso"), como Santa Maria del Puig, donde se encontraban los hermanos de la narradora: "Ahí estuvieron un año. Una vez a la semana íbamos las mujeres, por la mañana, con la ropa y la comida que permitían llevarles. Allí, en la cola, nos hacían esperar todo el día y a veces decían:

– Pues no, hasta mañana.

Y allí nos quedábamos toda la noche.

Si alguno se asomaba a una ventana, los centinelas disparaban y le mataban. Es lo que le pasó al pobrecito encargado de recoger la ropa. Se asomó por una ventana precisamente un día antes de salir libre. Y le mataron.

Hablo de Puig porque me consta. Tenían sed y les daban para beber agua hirviendo, agua donde habían hervido, revueltas, las tripas que mandaban del matadero" [1, p. 568].

Y no solamente en las prisiones, sino también en pueblos como Benaguasil (provincia de Valencia), donde, según la narradora, pasearon a todos los detenidos del pueblo y los fusilaron. Después, "echaron los cadáveres a un lado y obligaron a todos los demás, a los del pueblo, a bailar la jota sobre la sangre todavía derramada". En definitiva, un auténtico fresco del horror, aunque el relato central del texto es otro: "Lo que usted tendría que escribir es lo que pasó en la Cárcel de Mujeres, porque eso no lo escribirá nadie. A una muchacha, de dieciocho años, es decir que tenía quince al empezar la guerra (¿qué podía saber de la vida o de política?) la mataron porque se había vestido con mono. Las monjas de la cárcel le decían: "No te van a matar". Cantaba muy bien y la mañana que se la llevaron, para fusilarla, le hicieron cantar el Ave María. ¡Qué Ave María les hubiera cantado yo!" [Ibid].

Frente a ese personaje, otro. El de la virgen patrona de la ciudad, la ya mencionada imagen religiosa de la Virgen de los Desamparados de Valencia: "Al principio de la guerra el alcalde, republicano, claro está, la mandó sacar de su camarín, y la puso en la biblioteca del Ayuntamiento. Le aseguro que no le faltaba nada, absolutamente nada. Intacta. Lo sé porque una amiga mía era la encargada de quitarle el polvo. No le faltó nada hasta el día en que entraron ellos. Luego dijeron que le habían robado la corona y que tenía un rayón en la cara. Y la llamaron 'La Mutilada' y la condecoraron. Y se hizo un llamamiento para que todo el mundo entregara joyas o dinero para hacerle una corona nueva, y se la hicieron. A mí me gustaría saber quién tiene la antigua, la de verdad. Le aseguro que no es ninguno de nosotros" [Ibid, p. 569].

En sus últimas palabras, la narradora descubre su identidad, al menos el hilo que le une a la joven adolescente fusilada: "Y lo que le he dicho de esa niña de Alcira, la que cantaba tan bien, la que les cantó el Ave María a las monjas antes de que la fusilaran... Se llamaba Amparo, como la Virgen. Era mi hija" [1, p. 569].

Pero el relato no está exento de juicio. La galería de personajes que pueblan el *Laberinto* siempre opinan, siempre dialogan, siempre reflexionan sobre lo que los rodea. También esta narradora. Impuesto el deber de recordar ("Luego la gente come y se olvida... Yo no, tal vez*porque aquello me cogió ya vieja"), Aub – que se había distinguido también por mostrar sin tapujos la represión republicana durante la guerra en otras novelas de los *Campos* – pose en boca de esa mujer anónima una reflexión en torno a la diferencia sustancial que separó esas dos manifestaciones de violencia política. Una, en el marco de una guerra; la otra con plena continuidad ya en paz y sin ningún rival que derrotar en los frentes. Todos los muertos son actores en esa tragedia. Sin embargo: "Pasará el tiempo que pasará. Cómo pasará, eso nadie lo sabe; pero lo evidente, lo que nadie podrá ocultar, olvidar ni borrar es que se mató porque sí. Es decir, porque fulano le tenía ganas a mengano, con razón o sin ella. Ése es otro problema. Pero allá, del otro lado, y aquí, cuando entraron, mataron a sabiendas de quien mandaba. Se mataba con y por orden, con listas bien establecidas, medidas. En el último año de la guerra nosotros no fusilamos a nadie. Ellos, después de la guerra siguieron matando como al principio. Ésta es la diferencia, señor" [1, p. 568].

El relato incide así en un punto: la venganza y el castigo no fueron los únicos elementos inspiradores de la represión ejercida en España por parte de los vencedores franquistas de la guerra a partir de 1939. Imperó sobre todo la busca de la aniquilación del enemigo y vencido – ahora ya, no en medio de una guerra, sino en plena paz – independientemente de su responsabilidad, paralelamente a la difusión del miedo como forma de sometimiento y control social. De este modo, la represión fue, no un simple apéndice más o menos trágico e inevitable de los momentos que se vivían, sino uno de los pilares fundamentales sobre el cual se cimentó el nuevo régimen, una de las máximas sobre las cuales se fundaría el nuevo orden franquista.

La maquinaria represiva empezó a funcionar inmediatamente después de la consumación de la victoria franquista. El relato refleja el carácter masivo y a menudo arbitrario de la violencia ejercida por las nuevas autoridades una vez concluida la guerra. Tal como señala Vicent Gabarda, la comparación de las cifras de la violencia política republicana a lo largo de la contienda (4.715 ejecutados) y la franquista finalizada ya la guerra (4.434 fusilados), no puede conducir de ninguna forma a justificar esta por aquella. En primer lugar por las diferencias entre una represión – la republicana – produida en tiempo de guerra y explicada en buena medida por la carencia de un poder estatal coercitivo en medio de un vacío de poder en los primeros momentos del conflicto, y una violencia política – la franquista –, bastante institucionalizada e inserta dentro de la dinámica del mismo régimen. Por otro lado, esta última se extendió mucho más allá de los pretendidamente 'culpables'. La mayoría de las ejecuciones de posguerra

“no lo fueron por ‘delitos concretos’ sino por puras represalias políticas (...) Si se pretendía castigar a los culpables, numéricamente se consiguió, pero a expensas de muchos inocentes” [4, p. 20].

REFERENCIAS

1. *Aub, M.* Campo de los Almendros. València / M. Aub // Colección Biblioteca Max Aub: El laberinto mágico II, vol. III-B. – Valencia : Biblioteca Valenciana, 2002. – P. 313.
2. *Caudet, F.* Introducción biográfica y crítica, a Max Aub, Campo de los Almendros / F. Caudet. – Madrid : Castalia, 2000.
3. *Aub M.* La Virgen de los Desamparados / M. Aub // Cuadernos Americanos. – 1996, julio – agosto. – XXV, 4.
4. *Gabarda, V.* Els afusellaments al País Valencià (1938–1956) / V. Gabarda. – Valencia : Univ. de València, 2007.

D. Ocampo Estrella (Minsk)

PRESENTACIÓN DE LOS DIALECTOS EN ESPAÑA. EJEMPLO DE LAS HABLAS EXTREMEÑAS

En el presente artículo se hará una presentación histórica para entender la variedad lingüística dialectal de Extremadura, con influencias tanto castellanas como leonesas, así como los rasgos adaptados de las hablas andaluzas por cercanía geográfica. Igualmente, se hará referencia a la presencia del portugués y sus variedades, como la “fala”. Para terminar se especifican rasgos propios de léxico y gramática que diferencian al español hablado en Extremadura de otras zonas de España.

Antes de nada, y como introducción a la complejidad histórica y lingüística de los dialectos en España, hay que intentar aclarar el origen del término Extremadura: “El nombre de Extremadura deriva del latín Extrema Dorii (‘Extremos del Duero’, o más bien ‘en el otro extremo’ del Duero, haciendo referencia a su posición al sur de este río), con el que se designaban los territorios situados al sur de la cuenca del río Duero (y sus afluentes) (…) El vocablo Extremadura se usaba, en general, durante la Reconquista para denominar a las tierras situadas en los ‘extremos’, la frontera, de los reinos cristianos del norte (en particular, de los reinos de León y Castilla) con Al-Ándalus. Así, Extremadura es el nombre que reciben las tierras de frontera de Castilla, en torno a la actual provincia de Soria (recordemos que el escudo de su capital dice Soria pura cabeza de Estremadura): se trataría de la Extremadura castellana; y Extremadura es el nombre que reciben también los territorios ‘extremos’ más alejados y en primera línea de defensa frente al enemigo islámico durante la Reconquista, del Reino de León, que ocuparía inicialmente buena parte de la actual provincia de Cáceres, para extenderse hacia el sur tras la conquista del Reino Taifa de Badajoz: se trataría ésta, pues, sensu stricto, de la Extremadura leonesa” [1]. También existe

en nuestro país vecino Extremadura (en portugués Estremadura), "una región del centro-oeste de Portugal, donde se ubica Lisboa. Fundamentalmente forma una península al oeste del estuario del Tajo" [2].

Pasando a cuestiones estrictamente lingüísticas, entramos en la discusión de si el español hablado en Extremadura es dialecto o habla regional y para eso hay que especificar las diferencias entre cada uno de estos conceptos, que pueden llegar a confundirse, para lo cual vamos a utilizar la definición usada por Manuel Alvar, el máximo exponente en los estudios de dialectología en España: "Lengua es, en la acepción que aquí nos ocupa, el "sistema lingüístico del que se vale una comunidad hablante y que se caracteriza por estar fuertemente diferenciado, por poseer un alto grado de nivelación, por ser vehículo de una gran tradición literaria, y en ocasiones, por haberse impuesto a sistemas lingüísticos de su mismo origen" (…) Dialecto es "un sistema de signos desgajado de una lengua común, viva o desaparecida; normalmente, con una concreta limitación geográfica, pero sin una fuerte diferenciación frente a otros de origen común" (…) Hablas regionales serán "las peculiaridades expresivas propias de de una región determinada, cuando carezcan de la coherencia que tiene el dialecto" (…) Por último, las hablas locales son "estructuras lingüísticas de rasgos poco diferenciados, pero con matices característicos dentro de la estructura regional a la que pertenecen y cuyos usos están limitados a pequeñas circunscripciones geográficas, normalmente con carácter administrativo (municipio, parroquia, valle)" [3, p. 7–13].

Por tanto, dentro de un plano estrictamente lingüístico, deberíamos hablar de "hablas extremeñas", que comparten una serie de rasgos comunes pero con diferencias, y la discusión de su categoría oficial se encuadra dentro de la polémica que existe en España sobre si existe el "asturianu" o bable como idioma, o si el valenciano es un dialecto del catalán o una lengua propia. Respecto a nuestro tema, la profesora Mª Ángeles Álvarez señala que "en Extremadura, como apuntaba Zamora Vicente, no hay verdadero dialecto, sino más bien "hablas de tránsito". Así también lo ha defendido hace poco tiempo, y desde otro punto de vista, Antonio Llorente, para quien el extremeño – como el murciano, las hablas andaluzas, las hablas canarias o el español de América – no son verdaderos dialectos, sino modalidades regionales (…) debe observarse que en Extremadura no sólo podemos hablar de hablas meridionales (algo que puede aplicarse sin mayor dificultad a Badajoz, por ejemplo), sino que hay, en algunas zonas de la provincia de Cáceres, rasgos comunes con las hablas dialectales leonesas, que constituyen un conjunto muy fragmentado. Es consecuencia naturalmente de la historia de la región, que fue reconquistada y repoblada en algunas zonas, y en cierto momentos, por hablantes del antiguo reino de León (…) así Cáceres, Mérida y Badajoz fueron reconquistadas por León, mientras que Trujillo, por ejemplo, lo fue por Castilla. Mas a partir de la reunificación de Castilla y León, en 1230, la reconquistas y repoblación de Extremadura no obedecieron ya a repartos geográficos fijos entre los dos antiguos reinos, de modo que los repobladores que se establecieron en las tierras extremeñas procedían de zonas diversas y con cierta frecuencia estaban mezclados" [4, p. 172–173].

Este último comentario histórico, que se refleja en el escudo de la Comunidad Autónoma de Extremadura, donde aparece el emblema del Reino de León a su

izquierda y el de Castilla a su derecha, nos ayuda a explicar el origen histórico de las fuertes diferencias dialectales que existen entre unas zonas de la región y otras. Así, tenemos dos tipos generales de dialectos, y los dos influyen en Extremadura: "habrá que pensar en la existencia de dos tipos de dialectos, unos de carácter arcaico (leonés, aragonés), otros de carácter innovador (hablas meridionales, español de América) (…) los dos dialectos del norte son de tipo arcaizante porque la justificación de sus modalidad es anterior al momento en que el castellano se impuso como lengua nacional, mientras que los de carácter innovador se explican tan solo como evoluciones del castellano. Si hacemos la gramática histórica del leonés o el aragonés, llegaremos al latín (y eventualmente al celta o al íbero); si trazamos la del murciano o el canario, descubrimos el castellano" [4, p. 10]. No hay que olvidar que en su origen, el castellano, el leonés y el aragonés eran idiomas al mismo nivel, y que solo por cuestiones históricas relacionadas con la política y las guerras el castellano acabó prevaleciendo sobre los otros dos.

Pasando a una evaluación sincrónica y no diacrónica, tendríamos dentro del español variedades septentrionales y meridionales, situándose las hablas extremeñas en este segundo grupo. Así, 'se entiende por el dialecto castellano septentrional al conjunto de modalidades dialécticas del español empleadas en la mitad norte de España, en el área que va desde parte de Cantabria y de Vizcaya por el norte a Cuenca por el sur. En Madrid, La Mancha y otras zonas popularmente consideradas por sus habitantes como de dialecto septentrional, se dan rasgos meridionales" [5] y "los dialectos castellanos meridionales engloban una serie de dialectos independientes del castellano hablado en España que no puede ser clasificados dentro del dialecto castellano septentrional; si bien el castellano meridional es muy diverso, estos dialectos comparten algunas características que son comunes a todos ellos. Además, históricamente estas variedades se formaron aproximadamente entre los siglos XIII y XVII, una época donde el castellano medieval sufrió importantes reajustes fonológicos, por lo que muchos de los rasgos innovados del español son universales a todo el castellano meridional o a la mayor parte del mismo, mientras que los rasgos conservados son más frecuentes en el castellano septentrional" [6]

Entrando en cuestiones concretas de rasgos lingüísticos del español hablado en Extremadura, hay que destacar que la imagen primera que proyecta un mapa lingüístico de la región es la de atomización de fenómenos, pues muchos rasgos quedan reducidos a 'islas' [4, p. 172]. No obstante, como generalización, se le suele denominar *castúo:* "*Castúo* o dialecto extremeño es el nombre de las variedades del idioma español habladas en Extremadura. La denominación castúo fue acuñada por el poeta extremeño Luis Chamizo Trigueros, natural de Guareña, provincia de Badajoz, cuando en 1921 publicó su libro de poemas *El Miajón de los Castúos* en el que intentaba reflejar el habla rural que definió como ''castizo, mantenedor de la casta de labradores que cultivaron sus propias tierras" [7].

También se pueden señalar varias zonas:

- Portugués en algunas zonas fronterizas, como Olivenza en Badajoz.
- La *fala en* la Comarca del Trevejo, en el noroeste de la provincia de Cáceres.

- *Estremeñu* en el noroeste de la provincia de Cáceres, con algunos rasgos del antiguo astur-leonés.
- Rasgos propios dialectales de la mayor parte de la provincia de Cáceres, con algunas influencias particulares del antiguo astur-leonés.
- Rasgos propios dialectales de la mayor parte de la provincia de Badajoz, con algunas influencias particulares de las hablas meridionales andaluzas.

Respecto al idioma portugués hablado en Extremadura, hay que señalar que "el portugués oliventino o portugués de Olivenza es un subdialecto del portugués alentejano que se habla en los municipios españoles de Olivenza y Táliga (en la provincia de Badajoz), fruto de su pertenencia, durante varios siglos (de 1297 a 1801), al Reino de Portugal. Actualmente está en vías de extinción" [8].

La otra variante del portugués y el gallego en la región, la *fala*, "es una lengua romance del subgrupo galaico-portugués hablada en los municipios de San Martín de Trevejo, Eljas y Valverde del Fresno, todos ellos en el Valle de Jálama, al noroeste de la provincia española de Cáceres, junto a la frontera portuguesa y el límite provincial de Salamanca (…) En cada pueblo se dan particularidades dialectales (por lo que etimológicamente resultaría más correcta la denominación más genérica de as falas), si bien son lo suficientemente inteligibles entre sí y respecto al gallego o el portugués. Estas variantes suelen denominarse lagarteiru (Eljas), manhegu/mañegu (San Martín de Trevejo) y valverdeiru (Valverde del Fresno). Contando a todos los habitantes de los tres pueblos se estiman unos 6000 hablantes, aunque otras fuentes elevan la cifra hasta los 10.000, por los nativos que trabajan fuera de la localidad pero muchos de los cuales vuelven al valle en verano" [9].

Como resumen de las rasgos lingüísticos del dialecto extremeño, tomamos las indicaciones del profesor Antonio Viudas, de la Universidad de Extremadura: "Características generales del extremeño: Teniendo en cuenta que el dialecto extremeño posee rasgos comunes con el andaluz y con el leonés vamos a enumerar cada uno de ellos para conocer la entidad del mismo. Siguiendo a Espinosa veremos, en primer lugar, los lazos de unión con el andaluz y posteriormente con el leonés. Varios caracteres fonéticos más generales del extremeño se encuentran en los dialectos andaluces:

– la aspiración de *h,* fenómeno que desde el sur de Salamanca se extiende por todo el sur de la Península (aunque también es propio de zonas discontinuas de los dialectos leoneses más al norte;

– la pérdida o cambio en/de la *r* final;

– la aspiración o pérdida de la *s* final de voz y de sílaba;

– otro fenómeno andaluz, el *seseo* o *ceceo,* es menos general, pues, aunque tiene cierta extensión en Badajoz, se da sólo excepcional mente en la provincia de Cáceres;

Hay otros rasgos que unen el dialecto extremeño con los dialectos leoneses:

– epéntesis de "i" en la terminación;

– vocales finales cerradas (-/, -*u*);

– conservación de "mb" ('lamber' por 'laber');

– las formas "conozo", "agraeza", en los verbos incoativos;

– la conservación en/del primer elemento de un grupo consonantico;

– el diminutivo en -*ino*;

– la conservación de la distinción “s” y “z” sonoras sólo aparece en la provincia de Cáceres.

La suma de los caracteres andaluces y leoneses forman la unidad del dialecto extremeño que se diferencia estructuralmente de cada uno de los dialectos vecinos” [9, p. 127].

Para ampliar este tema, añadimos algunos comentarios de la profesora Mª Ángeles Alvarez, comenzando con las vocales: “el estudio del vocalismo aporta escasos elementos diferenciadores con respecto al castellano común, si acaso una tensión articulatoria mayor en las vocales tónicas, que provoca cierto alargamiento en su duración; y en cuanto a las átonas, se constata el fenómeno de la relajación (…) el rasgo más llamativo, que vincula el vocalismo extremo de ciertas zonas al andaluz, es le comportamiento de la vocal final cuando desaparece las aspiración marca de plural (…) las vocales /a/, /e/, /o/ para el singular se pronuncian cerradas, mientras que si son de plural (por desaparición de la [-s] o la aspiración) se pronuncias abiertas (…) Otro fenómeno llamativo es el cierre de las átonas /o/ final en /u/ y /e/ final en /i/ en el noroeste y centro de la provincia de Cáceres, lo que probablemente se debe a influjo leonés (…) se trata de un fenómeno en regresión, ya que las generaciones jóvenes lo evitan por considerarlo “inculto” [4, p. 174].

Otros rasgos vocálicos son comunes a otras zonas de España, considerados ruralismos o vulgarismos: “epéntesis de yod (*alabancia*), diptongaciones analógicas (*juegaba, apriende, dientihta, diferiencia*...), formas analógicas (*apretan, frego*), desaparición de la diptongación (*pos* “pues”, *pacencia*...), ruptura de hiato y epéntesis (*riyendo*), proclisis (como en *mu* por muy), metátesis (*naide*), asimilaciones (*dicil* “decir”, *kalandario* “calendario”, disimilaciones (*semoh*, “somos”, *medecina*), generalización de (-n) paragógica (*asín*). En las vocales átonas, además, se registran fenómenos también comunes a otras áreas, en niveles socioculturales asimismos bajos, como la desparición de /a/ inicial (*nano* “enano”, *tati kjetu* “estate quieto”...), confusión de /a/ y /e/ (*cenahoria, ancía* “encía”...), de /o/ y /e/ (*ehkuro*), cierre de vocales (*dienti* “diente”), etc.” [Ibid, p. 175].

En lo que respecta al consonantismo, hay que destacar los fenómenos del seseo y ceceo, y la aspiración de *h*- inicial: “frente a lo que ocurre en las hablas andaluzas, la distinción /s/ y /θ/ se mantiene en Extremadura con escasas excepciones: hay seseo en la zona fronteriza de Portugal, desde Alburquerque, en el norte de la provincia de Badajoz, hasta el sur de esa provincia, lo que evidencia el influjo portugués (…) El ceceo, documentado también desde muy antiguo, está reducido a otro “islote lingüístico” singular, el de Malapartida de Plasencia” [Ibid, p. 177].

El rasgo consonántico más característico del extremeño, sin ninguna duda, es la aspiración “en lo que la modalidad extremeña se opone al castellano (…) es un fenómeno muy extendido (…) hay tres tipos de aspiración: a) la procedente de /f-/ inicial latina (*hondo, hormiga, hembra*...); b) la que corresponde, como en andaluz, al fonema fricativo velar sordo /x/ del castellano (…) c) la de la /-s/ implosiva en cualquier posición, al final o en medio de palabra (como en *ehte*)”

[4, p. 178–179]. Como detalle, hay una empresa que comercializa productos como camisetas o tazas con el lema *jacho, jigo, jiguera,* como elemento más típico del habla extremeña. Y permitiéndome la licencia de usar términos que he escuchado en mi pueblo natal, en la provincia de Badajoz, "jerío, jartera, ajocicar", por "herido, enfadado"; "hartera" por beber mucho, y caer de morros (de "hocico").

También se pueden indicar algunos puntos referidos al plano morfosintáctico: "es muy habitual el diminutivo en *-ino, -ina,* y al parcer en menor medida *-ín*. Son frecuentes en toda Extremadura usos como chiquino, cajina, etc., de evidente procedencia leonesa (…) Otro rasgo especialmente llamativo, que debe tener también origen leonés y que encontramos en otras zonas dialectales del Occidente peninsular, es el uso de los verbos caer y quedar; el primer verbo se emplea como transitivo con los valores de "derramar", "verter" (*caí un vaso de agua*), y de "tirar" (es*e árbol lo van a caer*). Quedar, por otro lado, se usa también como transitivo con el significado de "dejar", "abandonar" (*me has quedado dos horas esperando*) (…) otros usos de verbos como haber que, como en otras muchas zonas, significa también en Extremadura "tener" (*no habemos mucho trabajo*), "ser" (*habemos dos hermanos en la familia*), y "estar" (*habíamos allí muchos*)" [Ibid, p. 179–180].

Por último, el apartado del léxico o el vocabulario es sin duda el que más puede variar en cuestiones dialectales, y aquí vamos a recoger solo algunas muestras: "Se advierten naturalmente andalucismos en el sur de la región (*doblao*, "desván", *escupidera* "orinal", *puño* "puñetazo" [Ibid, p. 181]. Algunos ejemplos de palabras usadas en la región son: "CANSINO, adj. Fastidioso, pesado, molesto; CHINATO, m. Canto rodado; JATO, m. Provisiones para el campo. "Prepara el jato pa los mozos". Lugar del campo donde se guardan estas provisiones y donde se reúnen los pastores para comer; MORGAÑO, m. Araña; TINAO y TINAÓN, m. Departamento del cortijo destinado a la pela del ganado lanar; DOBLAO, m. El desván de la casa, donde se guarda la chacina y el grano; PICÓN, m. El cisco para el brasero; PRESTIÑO, m. Dulce hecho con harina, aceite, aguardiente y otros ingredientes y después se fríe y se le echa miel. (En toda la provincia de Badajoz); CHACHO, m. Muchacho. Se usa también como interjección ¡chacho!, para indicar sorpresa y asombro. (Frecuente en toda la provincia de Badajoz y también en Zamora). "Ascucha, chacho". "¡Chacho!, qué grande es eso". También se usa la expresión ACHO" [10].

Para terminar con esta breve aproximación a las hablas extremeñas, solo un comentario sobre la protección de los diferentes dialectos, así "El 'estremeñu' reivindica su protagonismo perdido como lengua y como referente cultural (…) La ONU identifica al extremeño como una lengua, dentro de la lista negra por el peligro que corre de desaparecer (…) La ONU lo identifica no obstante en la lista negra. Lo que significa que el extremeño está en serio peligro de extinción. Poco a poco ha quedado relegada al mundo rural. Su problema no es la dispersión geográfica, sino la edad de sus hablantes (una media superior a los 60 años). Usada desde tiempos inmemoriales (hay constancia documental del 'estremeñu' desde el siglo XVI), las lenguas vernáculas de Extremadura pasan por un letargo difícil de superar" [11].

Aunque no es un tema estrictamente lingüístico, sino más bien social, sobre el prestigio de los diferentes dialectos y la falta de aceptación por algunos de sus hablantes, por lo que reproducimos un artículo de un periódico basado en hechos reales, y no un estudio universitario:

"En estos días de Navidad, con Cáceres lleno de familiares que vuelven de Madrid o Barcelona a pasar unos días, me ha llamado la atención escuchar a muchos cacereños de toda la vida hablar pronunciando cada ese y cada jota como si fueran locutores de televisión. No lo entiendo. Avergonzarse del acento propio e imitar el de otras regiones es una suerte de complejo que me irrita.

Eso me sucedía en la calle. Luego, cuando entraba en el hospital para pasar allí algunas noches, escuchaba a gentes de la provincia que se expresaban como sabían, sin avergonzarse de sus coloquialismos y sus localismos, orgullosos de hablar como siempre han hablado y sin ningún complejo Cuando era adolescente, no aguantaba a los tontos de Cáceres que intentaban pronunciar las eses para parecer que no eran de aquí. Algunos de aquella generación aún presumen de tener ascendientes de fuera como si no sintieran el orgullo de ser de aquí, disimulándolo con eses y jotas.

Hace 40 años, lo de ser extremeño parecía un baldón. Ya no nos acordamos, pero nos hemos sacudido muchos complejos en este tiempo de autonomía. Por eso me dan pena los emigrantes que regresan a Extremadura y adoptan una pose de superioridad, en un intento de aumentar su autoestima minusvalorando al otro y despreciando no a su vecino, sino sus propios orígenes…

Lo de hablar fino es muy relativo. Si en la Edad Media, el reino de León hubiera sido más poderoso que el de Castilla, seguramente lo fino y elegante sería decir "estati quietu", al estilo de Ceclavín o Garrovillas, es decir, vocales finales leonesas cerradas a tope. Como Castilla fue el reino hegemónico, lo de "estati quietu" suena pueblerino, pero no lo es: simplemente, hablan como leoneses viejos" [12].

REFERENCIAS

1. Las Extremaduras [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://es.wikipedia.org/wiki/Las_Extremaduras. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
2. Extremadura (Portugal) [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://es.wikipedia.org/wiki/Extremadura (Portugal). – Fecha de acceso: 12.03.2019.
3. Hacia los conceptos de lengua, dialecto y hablas [Recurso electrónico]. – M. Alvar, Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. – Modo de acceso: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/hacia-los-conceptos-de-lengua-dialecto-y-hablas-0/html/00ec1fec-82b2-11df-acc7-002185ce6064_3.html. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
4. Manual de dialectología hispánica / M. Alvar [et al.]. – 6ª ed. – Barcelona, Ariel, 2009. – 388 p.
5. Dialecto castellano septentrional [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://es.wikipedia.org/wiki/Dialecto_castellano_septentrional. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
6. Dialectos castellanos meridionales [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://es.wikipedia.org/wiki/Dialectos_castellanos_meridionales. – Fecha de acceso: 12.03.2019.

7. Castúo [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://es.wikipedia.org/wiki/Castuo. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
8. Portugués oliventino [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://es.wikipedia.org/wiki/Portugues_oliventino. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
9. El dialecto Extremeño [Recurso electrónico] / Viudas Camarasa, A., Centro Virtual Cervantes. – Modo de acceso: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/aepe/boletin_15_08_76.htm. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
10. Diccionario virtual de Extremadura [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: http://diccionariovirtualextremadura.blogspot.com/2018/09/vocabulario-extremeno-de-francisco_10.html. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
11. El 'estremeñu' reivindica su protagonismo perdido como lengua y como referente cultural [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://www.eldiario.es/eldiarioex/sociedad/estremenu-reivindica-protagonismo-referente-cultura_0_481202851.html. – Fecha de acceso: 12.03.2019.
12. El acento extremeño [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://www.hoy.es/extremadura/acento-extremeno-20190103002436-ntvo.html. – Fecha de acceso: 12.03.2019.

J. A. Sánchez Parrón (Minsk)

LA REDEFINICIÓN DE LA ESPAÑA COLONIAL NACIONALCATÓLICA A TRAVÉS DE *LAS TINIEBLAS DE TU MEMORIA NEGRA* DE DONATO NDONGO

El presente trabajo pretende traer a un primer plano la relevancia que presenta para los estudios hispanófonos el acercamiento a la literatura ecuatoguineana contemporánea en lengua española y, en especial, a la obra del autor Donato Ndongo-Bidyogo. Por medio del estudio semiótico y antropológico de una de sus novelas, *Las tinieblas de tu memoria negra* (1987), se pondrán de manifiesto los cambios de perspectiva a nivel cultural e histórico introducidos por el autor hacia el nacionalcatolicismo franquista y hacia el rol colonial de España, que llevarán a un cuestionamiento y una reformulación de los mismos desde el prisma poscolonial centroafricano.

Los debates actuales en torno a la inmigración en el seno de la Unión Europea han propiciado que se sitúe el foco de atención política, económica y mediática sobre la inmigración irregular procedente de Oriente Próximo y, especialmente, de África. Este tipo de atención – planteada cotidianamente desde un punto de vista europeo –, unida a la ya tradicional vinculación inconsciente del continente africano con la pobreza, las guerras, las enfermedades y el hambre, está contribuyendo a reforzar la creencia de la existencia de dos mundos en pugna, separados por el mar Mediterráneo.

Los estereotipos relacionados con África dificultan en gran medida que la mayor parte de europeos puedan ver a los ciudadanos de este continente como algo más que exportadores de miseria, enfermedades y modos de vida incompatibles con los suyos. Como teme García Alviete [1], en Europa y, especialmente, en España, se corre el peligro de llevar al extremo la estereotipación del concepto de africano, convirtiéndolo en una carcasa semántica sólo relacionable con elementos

negativos. Esta estereotipación no sólo obviaría la riqueza material del continente, de la que depende en gran parte el mal llamado "primer mundo"; sino también, y muy especialmente, una gran riqueza cultural – secularmente infravalorada e ignorada por Occidente –, que tiene mucho que aportar al resto del mundo.

En ese contexto de riqueza cultural en gran parte desconocida se puede situar la literatura en español producida por autores de Guinea Ecuatorial: el país responsable de abrir la oficialidad lingüística del español más allá de España y de Hispanoamérica. Resulta evidente que este país centroafricano, con su millón de hablantes de español, difícilmente puede compararse en términos cuantitativos con los más 400 millones que se encuentran en Hispanoamérica o con los 46 millones de España. Sin embargo, sus coordenadas geográficas y su historia particulares podrían hacer sospechar que la voz y la literatura ecuatoguineanas sean depositarias de una base capaz de dialogar de forma inédita con las demás tradiciones hispanófonas.

En efecto, el presente trabajo se plantea como objetivo el evidenciar hasta qué punto la aparición del sistema literario ecuatoguineano redefine el marco de las culturas hispanófonas: a través de su específico empleo del lenguaje y de su acercamiento a la literatura, además de por su percepción propia del valor subsidiario desde el que se ha vinculado históricamente esta cultura centroafricana con respecto al resto de culturas hispanófonas – especialmente la española – . En esta línea, se pretende utilizar la novela de Donato Ndongo-Bidyogo, *Las tinieblas de tu memoria negra* (1987) [2], como ilustración del diálogo que plantea la literatura ecuatoguineana frente al sistema literario actual y a la historia contemporánea de España: en concreto, frente al primer Franquismo y a su papel expoliador y evangelizador en la antigua Guinea Española.

La dependencia del sistema literario ecuatoguineano con respecto al español. Por la relevancia que presenta este autor en el contexto del sistema literario ecuatoguineano, sería conveniente revisar algunos de los aspectos más destacados de su biografía personal y literaria, con el objetivo de poder conocer el contexto de su producción literaria, que comparte con la mayoría de los escritores de la diáspora ecuatoguineana. Donato Ndongo-Bidyogo es poeta, novelista, periodista y político que nació en 1950, en la provincia Centro Sur, en la parte continental de Guinea Ecuatorial. Con 13 años, se trasladó a Valencia y posteriormente a Barcelona, donde se licenció en Periodismo, además de en Geografía e Historia. Su formación española le llevó a vivir en el exilio de la metrópolis el proceso de independencia de su país, así como su rápida transformación en un régimen dictatorial, de la mano Francisco Macías Nguema (1968–1979). En 1985, unos años después de la llegada al poder de Teodoro Obiang Nguema, vuelve a su país y ejerce de reportero durante 10 años, para volver a exiliarse de forma definitiva en 1995, después de ver su vida peligrar en varias ocasiones con el recrudecimiento de la nueva dictadura de Obiang. Desde entonces ha ejercido como director del Centro de Estudios Africanos de la Universidad de Murcia y como profesor visitante en la Universidad de Missouri (2005–2008), además de como ministro de Asuntos Exteriores del Gobierno de Guinea Ecuatorial en el exilio.

Donato Ndongo es considerado como fundador de la literatura ecuatoguineana en lengua española, debido a su labor de investigación y de difusión de los autores de su país, que se evidencia con la edición de las importantes antologías *Antología de la literatura guineana* (1984) [3] y *Literatura de Guinea Ecuatorial. Antología* (2001). También ha colaborado en obras colectivas como *El África que viene* (1998) y *Planeta Kurtz* (2002). No obstante, cabe destacar que este joven sistema literario – del que se considera fundador, integrador y principal difusor – se trata de un sistema formado en su mayor medida por autores que, como Ndongo, viven y publican exiliados en España. Este hecho resulta de vital importancia, ya que, debido al mismo, resulta casi imposible hablar de la independencia editorial con respecto a España de la literatura hispanófona de Guinea Ecuatorial, al mismo tiempo que su producción se plantea muy alejada de una parte muy importante del que a priori debería ser su público: el pueblo ecuatoguineano. En otras palabras, el sistema literario ecuatoguineano en lengua española nace como subsidiario del sistema literario español, que actúa como centro y dominante en el marco editorial de la obra de estos autores, que se ven obligados a seguir dialogando desde la periferia del sistema dominante.

Otra de las particularidades del sistema literario del que Donato Ndongo forma parte – de vital importancia para los estudios hispanistas – es la elección de la lengua colonizadora como lengua de expresión artística. Pese a acercarse más a los postulados del escritor nigeriano Chinua Achebe que a los del keniano Ngũgĩ wa Thiong'o [4, p. 407–408], los autores hispanófonos de Guinea Ecuatorial asumirán el español de un modo distinto a como lo han asumido otros autores de excolonias. Por supuesto, no defenderán la posición de Ngũgĩ wa Thiong'o, que consideraba el uso de la lengua colonizadora forzosamente como una suerte impostura y de complicidad con los antiguos colonizadores, al asumir que cada lengua es una cristalización de las culturas en cuyo seno se han generado. La relación de Ndongo con el español será más cercana a la de Achebe con el inglés. Como el nigeriano, escribirá en la lengua colonizadora con la intención de llegar en extensión a muchas otras excolonias de España, asumiendo, además, que el español puede ofrecer una función de cohesión entre estos pueblos: especialmente considerando que muchos de ellos carecen de escritura propia, como ocurre con las lenguas originarias de golfo de Guinea (fang, bubi, ndowé, annobonés, etc.) y otras lenguas indígenas americanas. Sin embargo, a diferencia de Achebe, Ndongo no considerará en ningún momento que por su parte exista un gesto de apropiación de una cultura extraña al recurrir al español como lengua de creación. De un modo análogo a la mayor parte de escritores hispanoamericanos, Ndongo asume el español y el fang como sus lenguas maternas, definiéndose a sí mismo como "escritor africano en lengua española".

Conocidas las particulares características de producción, publicación y lectura de las obras hispanófonas de Guinea Ecuatorial, unidas a la aparente aceptación sin fisuras del español como lengua de creación por parte de los escritores de la antigua colonia, podría aventurarse, como primera conclusión, que no puede hablarse del sistema ecuatoguineano en lengua española como un sistema independiente. Desde esta perspectiva, se trataría más bien de una marca creada en el seno

del sistema editorial español con el objetivo de diversificar el mercado. Aunque en términos sociológicos, esto sea cierto, un análisis inmanente de los textos producidos por estos autores probablemente nos llevará a conclusiones muy distintas de carácter histórico y literario.

La mirada a España desde la otredad. Volviendo al caso particular de Ndongo, se puede decir que su mayor notoriedad literaria la ha alcanzado de la mano de dos de sus novelas – integrantes de una trilogía aún inacabada ambientada en las últimas décadas de colonización y en los posteriores procesos de independencia, dictadura y poscolonización de Guinea Ecuatorial – : *Los poderes de la tempestad* (1997) y, especialmente, *Las memorias de tu memoria negra*, que, desde su publicación en el año 1987, ha sido reeditada y traducida al inglés, al francés y al italiano.

Cargada de elementos autobiográficos, *Las tinieblas de tu memoria negra* se ambienta en la parte continental de la antigua Guinea Española, durante los años 50, durante los cuales el Franquismo ejerce un poder político, económico y militar bien establecido, al tiempo que transmite su ideología a la población local mediante la escolarización en las misiones católicas. A lo largo de la novela se plantea en retrospectiva la historia de un brillante niño guineano ante el que se abrirán dos futuros prometedores, pero totalmente antagónicos, entre los que se verá obligado a elegir: por una parte, se le ofrecerá la posibilidad de suceder a su tío Abeso en el rol de líder de la tribu fang (enfrentada al poder colonial) de la que procede su familia; por otro lado, su profesor, el padre Don Ramón Ortiz, le brindará la oportunidad de ordenarse sacerdote en España, para volver tras ello convertido en misionero católico a su país. La ambición personal del protagonista y su asunción de la superioridad política y tecnológica de los españoles, lo llevarán a decantarse por la segunda opción. Sin embargo, después de varios años en un seminario madrileño, renunciará al sacerdocio, al caer en la cuenta de que había elegido la peor opción para su futuro y para el de los personas de su país. Entonces decide volver la mirada al pasado para analizar los errores de su niñez y su primera adolescencia con los ojos de la madurez.

A nivel narrativo, se puede decir que uno de los rasgos fundamentales de la *Las tinieblas de tu memoria negra* es el recurso a la acumulación: tanto de discursos (nacionalcatolicismo, fascismo, guerra civil española, cultura tribal, ritos iniciáticos a la vida adulta, etc.) como de voces, que oscilan con libertad entre la segunda persona y el "yo protagonista":

En el primer banco delante a la derecha te sentías más cerca de la Verdad: […] la responsabilidad del primer banco a la derecha me obligaba a ser agradecido hacia Ese Hombre que nos había traído la Verdadera Libertad que los sindiós nos quisieron arrebatar esclavizándonos con engaños y asechanzas materialistas, esos sindiós que formaban una raza de hombres malvados pintados de rojo y cuyo lenguaje sembraba la confusión de los ismos: el único ismo redentor es el catolicismo [2, p. 27].

En este fragmento, que recoge algunas de las experiencias del protagonista en la escuela, se puede apreciar esa mezcla de voces: por una parte, aparece el "tú", proveniente del consciente "yo-presente", que se dirige, por otra parte, al todavía

inmaduro y desorientado "yo-pasado". Esa profundización desesperanzada en los errores personales del pasado representa la base del sentimiento de culpa que recorre la novela. Esa relevancia de la memoria personal puede extenderse fácilmente a la colectiva, representando la mirada exiliada de un pueblo que no supo alcanzar el futuro en libertad con el que soñaba. Desde esta perspectiva, a nivel comunicativo se puede entender la novela como una interpelación lanzada por el autor a las personas y a la historia de este pueblo. Así, Ndongo a este nivel omite voluntariamente el diálogo abierto con otros lectores hispanos con el objetivo de demarcar un espacio autónomo de conversación en el que África pueda hablar consigo misma en español.

Al nivel de la trama y de la construcción psicosocial de los personajes, se puede situar otro de los elementos fundamentales de la novela, que también se representa en el fragmento anterior: esto es, el diálogo y la asunción originales del discurso victorioso del nacionalcatolicismo por parte del pueblo ecuatoguineano. El "collage" ideológico de la España del primer Franquismo es representado a lo largo de toda la novela a través de los ojos de un niño ecuatoguineano que aprende de memoria las proclamas religiosas y las canciones fascistas del padre Ortiz, sin llegar a comprenderlas en profundidad y adaptándolas a su propia visión del mundo. De ahí que, por ejemplo, el protagonista, con mucha ironía, se imagine al bando republicano como una tribu invasora formada por hombres pintados de rojo. De esta forma, Ndongo representa magistralmente el modo en el que el pueblo colonizado dialoga con el discurso del pueblo colonizador, comprendiéndolo desde su propio horizonte de expectativas y adaptándolo a su propia realidad. Este hecho, típico de cualquier proceso colonizador, será visto por el pueblo dominante como una demostración del salvajismo y la inferioridad intelectual del pueblo colonizado, que deben ser combatidos mediante un mayor esfuerzo civilizador: "(Don Ramón) *andaba siempre con una fusta de melongo, pues creía, y así lo repetía, que la letra sólo puede entrar con sangre, porque los negros tenemos la cabeza muy dura*" [2, p. 24].

Dentro de la lógica narrativa, el niño protagonista será incapaz de comprender las contradicciones del discurso de su profesor y, por tanto, de rebatirle. De ahí que en la novela adquiera un papel muy importante el tío Abeso, líder y defensor de las tradiciones y los conocimientos ancestrales de la tribu fang de la que proviene el protagonista. Controlado el poder económico, político, militar y educativo de la región por las autoridades españolas, el tío Abeso y su tribu de nativos no bautizados representan la mayor oposición ideológica ante la que se enfrenta el sistema colonial en la zona. Por ello, la conversión al catolicismo y la aceptación de la lengua y del modo de vida españoles se convertirán en los principales objetivos del padre Ortiz. Fruto de la oposición entre ambos personajes, a lo largo del cuarto capítulo aparece uno de los diálogos vertebradores de la obra, en el que se relega al protagonista a un lugar secundario, participando de forma pasiva como traductor de los litigantes, sin entender en profundidad las materias tratadas ni poder tomar partido por ninguno de ellos.

En dicho diálogo se enfrentan, por una parte, la mirada etnocéntrica occidental del padre Ortiz, que asume las creencias del pueblo fang como propias del salvajismo; y, por otra, la mirada relativista cultural del tío Abeso, que se encarga de demostrar cómo cada una de sus costumbres y tradiciones posee un valor simbólico semejante al de las españolas. Así, por medio de la argumentación del tío Abeso, se desmiente la falacia de la superioridad del nacionalcatolicismo colonizador sobre el sistema de creencias del pueblo fang. Algunos de los diversos temas discutidos son los siguientes:

• La mitología. A través de la perspectiva del tío Abeso, se puede comprobar que, tanto los relatos bíblicos y las hagiografías católicas como las leyendas fang, representan una base mítica que sirve de apoyo para cada acercamiento del ser humano con la realidad que lo rodea. Sólo el medio por el que los individuos acceden a sus tradiciones míticas diferenciará a ambas culturas: en un caso, se realizará principalmente por medio de la lectura de las sagradas escrituras; y, en el otro, mediante la escucha de la recitación oral por parte de los ancianos de la tribu.

• Las figuras ejemplarizantes y su representación. A los ojos del tío Abeso, no existen diferencias entre el mesías y los santos católicos, por una parte, y los ancestros y los espíritus protectores de la tribu, por la otra. Por ello entiende que ambas culturas representen a sus figuras ejemplarizantes, ya sea mediante la pintura o el tallado de santos o de figuras totémicas, para favorecer su admiración física y espiritual. Del mismo modo, asume que sea en esas mismas figuras en quienes se basen los progenitores a la hora de nombrar a sus descendientes, con el objetivo de transmitir al nombrado las virtudes de ese santo, ese ancestro o ese espíritu. Sin embargo, a este respecto, se manifiesta una de las diferencias clave entre ambas culturas: la otorgación de un nombre en tradición fang no lleva asociadas implicaciones redentoras para el nombrado y, por tanto, este hecho no es utilizado como símbolo de conquista y dominación sobre otras doctrinas, como sí conlleva el bautismo para el cristianismo.

• El canibalismo. Quizás el cambio de perspectiva más interesante que introduce Ndongo por medio del tío Abeso tiene que ver con la igualación del canibalismo tribal con la eucaristía. Según las creencias de Abeso, el brujo de la tribu es considerado como un ser de naturaleza sagrada y, por ello, al morir su cuerpo adquiere un valor análogo al que tienen en el catolicismo el cuerpo y a la sangre de Jesucristo: en ambos casos la ingestión de la carne del brujo tras su muerte, o del vino y la sagrada forma durante la eucaristía, se realiza con un carácter de purificación y de comunicación trascendental abiertas a quien se alimenta con esos elementos sagrados.

Además de la igualación explícita que se realiza entre las creencias católicas y las tribales por medio de la mencionada conversación entre el tío Abeso y el padre Olóriz, Ndongo, de un modo más implícito, también contrapone los rituales de paso de la niñez a la vida adulta de ambas culturas y sus simbologías. Por medio de la circuncisión, en un primer momento, y por medio de la primera comunión, un poco más tarde, el protagonista de la novela se convierte en una persona adulta siguiendo dos ritos distintos, en los que la ropa blanca y el ayuno, como símbolos de pureza, se encuentran en la antesala del proceso de conversión.

En esta clara defensa de la cultura tribal, Donato Ndongo está reivindicando la riqueza cultural propia de los pueblos africanos, que nada tiene que envidiar a la de los pueblos que se proponen civilizarlos y demuestra lo injustificada de cualquier motivación salvadora o civilizadora de África. Así, el autor sólo deja espacio para la verdadera causa de la colonización: la expoliación del continente. Desde esta perspectiva, la transmisión de los ideales nacionalcatólicos permanentes en la educación que reciben los niños ecuatoguineanos presenta como objetivo principal el privarlos del conocimiento de su propia realidad y de su memoria colectiva, con la intención de que sean incapaces de autopercibirse como sujetos potencialmente independientes política, económica, histórica y culturalmente de España.

Esta crítica se plantea desde el comienzo mismo de la novela, creando para el lector un marco ideológico de oposición al sistema colonial nacionalcatólico, a partir del que se produce el acercamiento a los turbulentos sentimientos de la infancia del protagonista. En concreto, esta crítica se presenta durante la conversación introductoria en la que el responsable del seminario en el que se encuentra el protagonista intenta evitar que éste abandone el sacerdocio. El argumento principal del sacerdote se relaciona con la importancia que tiene para la Iglesia Católica el que los nuevos misioneros enviados a la Guinea Española sean personas nativas, ya que, conociendo las tradiciones y las lenguas locales, se hace mucho más fácil la confianza hacia los misioneros y, por tanto, la conversión y la salvación de almas en África. A lo que el protagonista responde: "*África no necesita únicamente sacerdotes. En mi país* […] *apenas hay médicos, ingenieros, abogados, que sé yo… nativos. También eso es primordial, padre, para alcanzar nuestra estabilidad, para nuestro progreso, para construirnos una nación*" [2, p. 18].

Conclusiones. Resulta evidente, a raíz de lo expuesto hasta este momento, que todavía hoy resulta complejo hablar de un sistema literario ecuatoguineano en lengua española: el contexto editorial ecuatoguineano y la relación de los escritores de la diáspora hacia el español lo reafirman. Sin embargo, un acercamiento a las obras revela una mirada original hacia sí mismos y hacia la tradición hispanófona por parte de estos autores que no puede encontrarse en otro sistema literario en lengua española. Siendo esta doble aspiración de diálogo nacional e internacional un elemento esencial de esta poética en el exilio.

Tal como menciona Nuerki Puplampu [5, p. 87–88], Donato Ndongo, al igual que Chinua Achebe y Léopold Senghor, concibe la memoria como el pilar sobre el que reconstruir la autoconsciencia, la dignidad y la identidad nacionales de Guinea Ecuatorial. De esta forma, el diálogo con el pasado se revela como medio de reivindicación de una historia y una cultura ignoradas por los distintos colonizadores y, en consecuencia, por los pueblos centroafricanos que aquéllos adoctrinaron durante siglos. Esa mirada crítica hacia el pasado pretende, en definitiva, fundar las bases de una oposición firme hacia todas las tiranías – ajenas y propias – que han arrasado y arrasan África.

Por otra parte, la mirada igualadora que, desde su perspectiva tribal centroafricana, dirige Ndongo hacia España, su cultura católica y su historia colonial ayuda a redefinir las coordenadas identitarias españolas, presentándola ante el lector, no como un imperio civilizado, sino como una tribu invasora incapaz

de comprender ni tan siquiera los símbolos de la tribu a la que somete. Además, como indica Zaranda Fernández [6, p. 382], este cambio de mirada – mucho más reciente en lengua española que en inglés o en francés – también amplia y redefine el horizonte de relaciones y particularidades en las letras hispánicas, haciendo necesario su atención por parte de la academia.

Por último, en el contexto actual de profunda interacción y mezcla, la mirada igualadora desde la otredad que ofrecen los escritores ecuatoguineanos en lengua española puede dar algunas de las claves para asimilar los cambios tan rápidos que se están produciendo en nuestras sociedades. Al vernos a nosotros mismos a través de nuevos ojos, resulta mucho más fácil hallar las relaciones que existen entre el extraño y nosotros, facilitando la igualación, el diálogo y el aprendizaje mutuo entre culturas, sin que se produzcan traumas ni sentimientos de pérdida de identidad por parte de ambos. Sólo a través de esa igualación que nos brinda la otredad pueden romperse las barreras físicas y, sobre todo, las mentales que nos separan: tal y como las describió Donato Ndongo en *Cántico*, su poema más famoso:

Yo describo la triste historia
de un mundo poblado de blancos
negros
rojos y
amarillos
que saltan de charca en charca
sin hablarse ni mirarse [3, p. 93–94].

REFERENCIAS

1. *García Alviete, D.* ¿Miradas éticas o fascistas? Representaciones de inmigrantes africanos en Salvajes y Poniente / D. García Alviete // Memoria colonial e inmigración : la negritud en la España posfranquista / Ed. Bellaterra ; ed. R. Cornejo Parriego. – Barcelona, 2007. – P. 217–238.
2. *Ndongo, D.* Las tinieblas de tu memoria negra / D. Ndongo. – Barcelona : Ed. ElCobre, 2009. – 174 p.
3. *Ndongo, D.* Antología de la literatura guineana / D. Ndongo. – Madrid : Ed. Nacional, 1984.
4. *Neri, F.* Multiculturalismo, estudios poscoloniales y descolonización / F. Neri // Introducción a la literatura comparada : Crítica / ed. A. Gnisci. – Barcelona, 2002. – P. 391–440.
5. *Nuerki Puplampu, M.* La reconstrucción de la identidad en Las tinieblas de tu memoria negra de Donato Ndongo-Bidyogo : tesis magistral / M. Nuerki Puplampu. – Calgary, 2000. – 101 p.
6. *Zaranda Fernández, J. M.* Hacia una redefinición de las historigrafías literarias nacionales africanas: los ejemplos de Sudáfrica y Guinea Ecuatorial / J. M. Zaranda Fernández // ALDABA. – 2001. – № 31. – P. 371–384.

КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Е. И. Абрамова, В. С. Фомина (Минск)

«СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК…»

В статье на материале русской волшебной сказки исследуется фрагмент фольклорно-языковой картины мира. Лингвистический и лингвокультурологи-ческий анализ сказочной концептосферы, составляющей субстанциональную основу сказочной картины мира, позволил выявить и описать особенности этой части фольклорно-языковой картины мира и вскрыть культурную информацию, содержащуюся в древних народных представлениях, верованиях и обычаях. Особое внимание уделено возможностям их включения в практику преподавания русского языка как иностранного и их роли в достижении не только лингвистической и социокультурной, но и межкультурной компетентности филологов-русистов.

Сказка – сложное и многогранное художественное явление, она всегда привлекала и привлекает исследователей – литературоведов, лингвистов, культурологов, этнологов, этнопсихологов, переводчиков и др. По мнению В. Я. Проппа, «область сказки огромна, для ее исследования требуется работа нескольких поколений ученых. Изучение сказки – не столько частная дисциплина, сколько самостоятельная наука энциклопедического характера» [1, с. 7]. Энциклопедичность науки о сказке связана с энциклопедичностью самой сказки, так как она является отражением фольклорной картины мира (далее – ФКМ), которая тесно связана с национальной картиной. Своеобразие ФКМ определяется особым, отличным от современного, мышлением. В ФКМ в опосредованной форме представлена картина мира традиционной народной культуры – культуры патриархального земледельческого общества. Фольклорная картина мира складывалась многие тысячелетия, ее становление и развитие связаны с осознанием человеком себя и своих интересов в потоке бытия.

Сказочные тексты являются фундаментальными константами национального менталитета и национальной культуры любого лингвокультурного сообщества. Сказочный текст, являясь материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений, передает особенности национального характера, будучи единственным способом его наивной экспликации. У разных народов есть сказки, в которых можно найти много общего, но персонажи этих сказок ведут себя по-разному, потому что сказки воссоздают народные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, воспроизводя на свой лад представления об уме, находчивости, целесообразности, хитрости, отваге, трусости и т.п. То, в какой форме и в каких образах передаются эти представления, не всегда понятно иностранцам.

Сказки являются прецедентными текстами культуры. Прецедентные тексты составляют костяк фоновых знаний человека. Они десятилетиями служат основой обучения, аккультурации ребенка. Прецедентные единицы

русской сказки как единицы культурного знания являются частью коммуникативного пространства каждого носителя современного русского языка. Герои и ситуации классических сказок входят в речь людей, встречаются в языке СМИ, рекламы. Для достижения взаимопонимания и взаимодействия в диалоге культур иностранцу необходимо уметь выделять наиболее важные, концептуально значимые смысловые блоки (образы, стереотипы, клише) русской сказки, для чего надо уметь не только осмысливать языковые выражения, но и владеть экстралингвистической ситуацией.

Русские народные волшебные сказки и литературные сказки, созданные на фольклорном материале, не только развлекают, они воспитывают. В сказочных текстах слушатель/читатель знакомится со схемой перехода, или инициации, из детства в зрелость и с архетипами-символами, сопровождающими этот переход. Героями волшебных сказок никогда не бывают взрослые люди (обряд инициации совершался в возрасте шести или двенадцати лет). В волшебных сказках представлены своеобразные «инструкции», модели поведения, ценности, жизненные сценарии для молодых людей. Сказка – это ответ на вопрос о том, какие душевные качества должен развить герой/героиня, какой приобрести опыт, какие выработать умения, чтобы стать самостоятельным и полноправным взрослым членом социума.

Эмоциональная модальность сказочного текста – это всегда удовлетворение. Герой/героиня сказки, пройдя все испытания, получает в конце концов награду; добро побеждает зло. А доминантой текста обычно является информативный регистр. Народ сообщает свои знания о повторяющихся, типичных явлениях, более того, цель этого сообщения состоит в том, чтобы эти явления повторялись и в будущем. Сказка – это своего рода коммуникация между прошлым и будущим.

Типичной в этом плане русской волшебной сказкой является сказка «Крошечка-Хаврошечка», герои которой – девочка-сирота, злая хозяйка и три ее дочери – Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка, говорящая рябая коровка, которая погибла и возродилась в виде чудесной яблони с наливными яблочками, серебряными веточками и золотыми листьями. Как и в других сказках такого рода, главная героиня преодолевает ряд препятствий, встречает сильного человека, выходит за него замуж и остается *в добре поживать, лиха не знать.* Типичными для волшебной сказки являются троекратная повторяемость эпизодов, формула *много ли времени прошло, мало ли*, финальные формулы.

Сюжет развивается последовательно, линейно. Зачин сказки представляет ситуацию как вневременную, бытийную: *Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.* Повествование ведется в основном в прошедшем времени (употребляются глаголы в форме прошедшего времени: попала, осталась, взяли, выкормили, позвала, пришла, забыла, разлеглась, не дозналась, забыла, спознала и т.д.), что позволяет представить события, о которых ведется речь, как действительно бывшими очень давно. Но при всей видимой линейности в сюжет вклиниваются элементы цикличности, а специфической чертой категории времени в тексте

является контаминация: время из плана прошлого переходит в настоящее, из настоящего в прошлое и т.п., и все это в пределах одного абзаца. Причем переходы частотны и так вплетены в структуру текста, что могут совершенно не замечаться. Прошедшее время перемежается с настоящим и будущим через императив и непосредственно формы будущего времени: *Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать. А коровушка ей в ответ: «Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сделано»* и т.п., будущее – через желательное наклонение – перемежается с настоящим и прошедшим: *Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучки косы расплетают. Как ни бились, – руки изорвали, а достать не могли.* Вектор времени как бы описывает круг, замыкаясь в самом себе. Такая организация времени свидетельствует о «вечном возвращении», о прямой связи прошлого и настоящего, которому сказка имманентна. Имея в ближайших родственниках миф, к которому было безусловное доверие, сказка сохранила его специфические черты.

Художественное пространство в тексте типично для сказки представлено оппозицией «свое – чужое». «Свое» (Крошечки-Хаврошечки) пространство – это *поле*, там светит *солнышко* и растет *травушка*. В поле у Хаврошечки *своя* рябая коровка. «Свое» пространство конкретизировано, эмоционально окрашено. «Чужое» пространство (хозяйки Хаврошечки и ее дочерей) неконкретно, оно обозначено только наречием *домой: Трехглазка вернулась домой и все рассказала.* Кроме того, существует еще пограничное пространство – *сад*, в котором Хаврошечка зарыла косточки рябой коровки. Пограничное пространство включает в себя признаки «своего» и «чужого» (в нем могут находиться и Хаврошечка, и дочери хозяйки), а также чудесного, волшебного. Чудом является яблонька с наливными яблочками, золотыми листьями и серебряными веточками.

С точки зрения современного слушателя, в сказке присутствуют три «чуда»: говорящая рябая коровка, дочки старухи с одним и тремя глазами и удивительная яблонька, выросшая из костей коровки. Но в тексте первые два «чуда» представлены как нечто совершенно обычное, например, разговаривающее животное не вызывает удивления ни у Хаврошечки, ни у Трехглазки, ни у старухи, в сказке нет характеристики этим явлениям, которые отражали бы реакцию на эти «чудеса». А вот яблоньке дивятся все: *Кто ни пройдет мимо – останавливается, кто проходит близко – заглядывается.* Чудеса симметрично располагаются в пространстве: говорящая коровка принадлежность «своего» пространства, дочки старухи находятся в «чужом» пространстве, а яблонька – в пограничном. Такое распределение не случайно. Персонажи, находящиеся в «чужом» пространстве, другие, даже внешне отличные от Хаврошечки (на что указывают уже их имена: Одноглазка, Двуглазка, Трехглазка, которые, собственно не имена даже, а, скорее, прозвища). Это как бы люди другого рода-племени. В этом случае становится понятным враждебное отношение хозяйки к Крошечке-Хаврошечке. Девочку ведь не в чем упрекнуть (она ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает) и только рябой коровке

рассказывает, *как ей тяжело жить-поживать*. Рябая коровка в этом контексте выступает как дух рода (корова могла быть тотемом рода), который помогает Хаврошечке, пока она еще Крошечка, выжить в чужом окружении. Коровка руководит Хаврошечкой, и это ярко представлено в речи, которая строится по типу реплика-стимул – действие-реакция: *Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сделано* (реплика-стимул). Из контекста ясно, что на реплику-стимул следует действие-реакция.

Все это очень похоже на магический ритуал. На ритуальность действия указывает его троекратная повторяемость и требование сохранения тайны. Очевидно, в сказке описывается обряд женской инициации, обеспечивающий посвящение, переход девушки в новую половозрастную группу. Основой инициации являлась, как известно, идея бессмертия. Именно она создала универсальную модель инициации, согласно которой после смерти вновь наступала жизнь: жизнь – смерть – новая жизнь. Неотъемлемой частью восточнославянских мужских инициации был конь или конская голова. В «мужской» волшебной сказке часто фигурирует мотив «пролезания» через голову коня, из правого уха в левое; в это время совершается чудесное превращение «дурачка» в богатыря. Этот мотив позволяет думать, что у славян для мужских инициаций делались ритуальные постройки в виде конской головы. Возможно нечто подобное – только с иной символикой – существовало и для инициаций женских. В культовых обрядах конь, петух, олень, огонь, молния, дуб – мужские символы, а корова, рыба, курица, вода, земля, береза – женские. Подтверждением того, что в сказке описывается обряд инициации, является и то, как употребляется имя главной героини: в начале сказки подчеркивается ее юный возраст и она зовется *Крошечкой-Хаврошечкой*, с середины сказки, с момента описания «пролезания» через ушко, – *Хаврошечкой.*

Гибель рябой коровки можно трактовать двояко. Во-первых, желание старухи зарезать рябую коровку может иметь в качестве мотивации стремление уничтожить род: нет духа рода, нет тотема – нет и рода. Коровку (дух рода) зарезали и съели, т.е. в сказке находит отражение древнейший обычай ритуального съедания бога [2, с. 549]. Во-вторых, это может быть священная жертва – обязательная составляющая инициации. Принесение коровы в жертву богам и духам было достаточно распространено у славян (позже вместо животного приносили в жертву каравай – круглый обрядовый хлеб: этимологически *каравай* обычно связывают с *корова* из о.-с. *korva* [3, с. 378]). На обыденность такой жертвы указывает то, что коровка даже не пытается спастись. Коровка опять руководит действиями девочки: *А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай* (снова реплика-стимул). *Хаврошечка все сделала, как коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала* (действие-реакция). Запрет на употребление в пищу мяса коровки (мясо тотемного животного) также отзвук древних верований [2, с. 767].

Таким же древним является и обряд собирания и захоронения костей. Кости – знак неразрушимой силы. Их нелегко уничтожить: их трудно сжечь, почти невозможно стереть в порошок. В мифе и сказке они символизируют неразрушимую душу-дух. Символы семени и кости очень схожи. Как кости, так и семя – это основа, начало, это ключ жизни. Из костей коровки вырастает новая жизнь – яблонька.

Сказка «Хаврошечка» описывает утраченные стадии старых ритуалов посвящения, пришедших из давних времен, позволяет представить жизнь и верования наших предков.

Такое истолкование текста лишь одно из возможных. Сказки в интерпретационном смысле многогранны. Герои сказок, как правило, являются не чем иным, как антропологизированными чувствами, состояниями и т.п., поэтому анализ текста сказки требует обращения к теории архетипов Юнга. Чтобы уяснить себе смысл сказки «Хаврошечка» под этим углом зрения, нужно понимать, что все ее элементы изображают качества одной-единственной женской души. Поэтому все аспекты сказки относятся к отдельно взятой душе, проходящей процесс инициации, и проливают свет именно на нее. Старуха-хозяйка и ее дочери олицетворяют неразвитые, но вызывающе жестокие элементы души. Это теневые элементы, т.е. те аспекты личности, которые эго считает нежелательными или бесполезными и поэтому изгоняет во тьму. С одной стороны, этот теневой материал вполне может быть положительным, потому что часто во тьму вытесняются и женские дарования, скрываются там и ждут, чтобы их обнаружили. С другой стороны, отрицательный теневой материал – тот, который с готовностью уничтожает или тормозит любую новую жизнь, – тоже может быть использован в собственных целях. Когда он прорывается, личность наконец осознает его истоки и качества, отчего становится сильнее и мудрее.

Хаврошечка послушно выполняет тяжелую ежедневную работу. Безропотное смирение выглядит геройством, но, в сущности, порождает все большее напряжение и конфликт между двумя противоположными натурами, одна из которых слишком добра, а другая слишком требовательна. На этом этапе перед женщиной стоит задача взять на себя ответственность за свою жизнь, научиться осознавать опасности, козни и интриги и противостоять им; позволить умереть тому, что должно умереть – нерассуждающей покорности, кротости, пассивности (рябая коровка). Лишь через эту «смерть» возможно изменение, рождение новой и прекрасной женской души, рождение индивидуальности (промежуточное пространство сказки – *сад* – служит воплощением этой идеи).

Яблонька как раз и символизирует эту прекрасную душу, то «чудо» в сказке, на которое все дивятся. Дерево – архетипический символ индивидуации; оно считается бессмертным, поскольку его семена продолжают жить, его корневая система дает приют и возрождает; оно является родным домом всей пищевой цепи жизни.

Яблоня и девушка – взаимозаменяемые символы женской самости, а плод – символ питания, созревания и понимания этой самости. Знание собственной души должно созреть, как яблоко, а корни (дерево) должны как

следует разрастись. Для этого надо время и душевная работа (поливать косточки). Пока девичья душа не пройдет испытания, в жизни ничего больше не сможет произойти.

Яблоня – метафора плодородия. Говоря о женской жизни в связи с символом дерева, обычно имеют в виду цветущую женскую энергию, созидающую жизнь.

Сказка принадлежит устной традиции, передававшейся из поколения в поколение. Поэтому трудно определить, когда возникли сказка и миф, а еще труднее говорить о возможных изменениях, которым они подвергались в течение истории. Тем не менее можно смело утверждать, что основные элементы и функции сказки и мифа остаются неизменными. Народ обладает удивительной способностью сохранять и передавать элементы своей традиции без искажений (а быть может, это свойство самой традиции). В этом смысле сказка подобна магической формуле, которую нельзя произносить неправильно, ибо она утратит свою мощь.

Но традиция – это не просто передача информации. Это искусство и наука передачи умения действовать и умения быть, способность воссоздавать опыт прошлого средствами настоящего, устанавливать ориентиры как для внутреннего, так и для внешнего мира.

Так какие же качества, какие черты характера женщины ценились (и ценятся) русским народом, какую модель женского поведения репрезентирует сказка «Крошечка-Хаврошечка»? Трудолюбие, стойкость, умение противостоять трудностям, не сломиться под ударами судьбы, верность слову, преданность, терпение, упорство, достоинство.

Интерпретация сказочного текста допускает разные подходы к нему и различные варианты анализа, но, в первую очередь, это должен быть лингвистический анализ, который обеспечивает адекватное понимание текста. Ход истории нельзя остановить, и связанные с ним изменения в языке, безусловно, должны учитываться при интерпретации текста сказки, поскольку возраст ее часто исчисляется столетиями. Так, героем русских бытовых и волшебных сказок часто является *Иван-дурак*. Синтаксическая функция существительного *дурак* в имени героя – это приложение, т.е. особый вид определения, служащий (в данном случае) для обозначения качества, свойства. *Дурак* в современном русском языке – это глупый, тупой человек. Но такую ли семантику имело это существительное в древности?

Этимологически и деривационно существительное *дурак* связано с глаголами *дуреть* «становиться дураком, шалеть, глупеть, терять разум, сходить с ума, беситься» [4, с. 832], с одной стороны, и *дурить, дуровать* «шутить, забавляться, играть; шалить, дурачиться, делать шалости и глупости; причудничать, блажить, проказить и сумасбродничать» [Там же, с. 831], *дурачиться* «дурить, дуровать, делать глупости, шалости; прикидываться дурачком, напускать на себя дурь, чудить; быть шутником, шутом» [Там же, с. 832], с другой (в современном языке дуреть – «глупеть, тупеть», дурить – «совершать нелепые, сумасбродные поступки; озорничать, безобразничать» [Там же, с. 453]). У Даля глагол *дуреть* толкуется через синоним

шалеть – «становиться шальным, сходить с ума или терять память, сознание» [4, с. 1023], а *дурить* – через *шалить* «дурить, баловать, чудить, проказить, дурачиться, повесничать» [Там же, с. 1022] (современное значение лексемы *шалеть* – «становиться шальным, терять способность здраво мыслить, соображать», *шалить* – «играя, забавляясь, вести себя более резво, вольно и шумно, чем следует; баловаться» [Там же, с. 698]). Вполне возможно, что существительное *дурак* в древности имело два значения, первое из которых давало характеристику интеллекту человека, а второе – характеризовало поведение невзрослой особи, ребенка. То есть слово *дурак* во втором значении в современном языке соответствует существительным *шалун, озорник, проказник (резвый ребенок)*. Многозначность лексемы *дурак* снималась контекстом, поэтому в бытовых сказках *Иван-дурак* – это глупый человек, который плачет на свадьбе и смеется на похоронах, а в волшебных сказках указывается, что *Иван-дурак* (или *Иванушка-дурачок*) – это ребенок, младший сын, и лексема *дурак* указывала скорее на его поведение и возраст. Сколько Иванушке-дурачку могло быть лет? Ответ можно найти в сказке П. П. Ершова «Конек-горбунок». Ершов, будучи талантливым интерпретатором, хорошо знающим народную поэзию и законы жанра народной сказки, создал оригинальную литературную сказку, в которой есть яркие и самобытные характеры, соответствующие требованиям народной эстетики, реалистически типизированные. В тексте говорится, что *У старинушки три сына: Старший умный был детина, Средний сын и так и сяк, Младший вовсе был дурак*. Читатель XIX века, знакомый с особенностями крестьянского быта, понимал эти строки несколько иначе, чем современный, так как видел в них не только указание на состояние ума, но и на возраст.

В «Словаре» В. И. Даля *детина* – это «парень, молодец, малый, ребятище; холостой взрослый, почти взрослый человек» [Там же, с. 727].) В крестьянских семьях женились очень рано. Известно, что «Кормчая книга» (свод церковных правил, составленный в XIII в.) устанавливала брачный возраст для девушек – 13, для юношей – 15 лет, а «Стоглав» в середине XVI в. обязывал священников венчать девушек не моложе 12, а юношей – 15 лет. Так что читателю XIX века было очевидно, что старшему сыну в сказке нет и 20 лет, а младшему – дураку – не больше 12 (время инициации), а возраст среднего сына, который был «и так и сяк», где-то посередине, т.е. он уже вышел из возраста, когда можно дурачиться, но еще не вошел в возраст, когда можно жениться. Да и старик-отец в сказке «Конек-горбунок», уговаривая Ивана идти в дозор, обращается к нему как к ребенку и сулит подарки, соблазнительные для ребенка: *Побегай в дозор, Ванюша. Я куплю тебе лубков, Дам гороху и бобов* (лубки – лубочные картинки, а недозревшие зеленые бобы сахарного горошка были лакомством для крестьянских ребятишек). И волшебная кобылица поучает Ивана: *Но конька не отдавай ни за пояс, ни за шапку, ни за черную, слышь, бабку* (черная бабка – главная игровая кость в игре в бабки (игра очень простая, для детей) [Там же, с. 33].

Таким образом, Иван-дурак в русской волшебной сказке – это не глупец, а молодой парнишка, озорник и шалун, или молодЕц, который в результате

различных испытаний становится мОлодцем (по В. И. Далю молодЕц – «юноша, парень, молодой человек», мОлодец – «хват, удалец» [4, с. 550]). В концовке русской волшебной сказки обычно указано, во-первых, к кому она обращена – к молодцАм, к юношам: *Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец*). Во-вторых, в финальной формуле определяется назначение текста: *Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцАм урок*, т.е. сказка показывает пример поведения, пример того, что должен и не должен делать мужчина. Он должен помогать попавшим в беду (даже если это Чудо-юдо рыба-кит); должен честно служить службу, выполняя все приказания; он должен быть великодушным: не убивать зверя, птицу, рыбу (здесь, очевидно, отзвук тотемистических представлений), а, говоря современным языком, заключить с ними договор о дружбе и сотрудничестве (сказка «Царевна-лягушка»), делить с неимущими последний кусок хлеба; должен прислушиваться к мудрецам и следовать их советам; с благодарностью принимать помощь, но всегда рассчитывать на собственные силы; воздавать добром за добро, а зло истреблять, т.е. быть справедливым; должен быть смелым: не прятаться от опасности и уметь над ней посмеяться.

В сказке всегда имплицитно присутствует рассказчик – краснобай и забавник. Это он в концовке утверждает, что сказка – ложь, однако в данном случае субстантив *ложь* не синонимичен существительному *обман* – «несоответствие истине», а имеет значение «вымысел», «краснобайство», чему есть подтверждение в ряде русских паремий: *Красное словцо не ложь*, *Красно поле рожью, а речь ложью, Вот тебе грош за красную ложь!*. Под *ложью* понимается балагурство, сочинительство, имеющее цель развлечь собеседника, ведь в конце концов основная функция сказки – развлекательная.

Использование при изучении русской волшебной сказки перечисленных методов анализа позволяет сформировать у иноязычных студентов верное понимание текста, помогает избежать ошибок в трактовке как сказки в целом, так и ее ключевых образов. И, безусловно, изучение русских народных сказок развивает у иностранных студентов представление об особенностях культуры русского народа, которые и по сей день определяют своеобразие русского менталитета.

Обращение к истокам национальной культуры, воплощенным в сказках, способствует формированию лингвокультурной компетенции, наличие которой позволяет иностранным студентам достигать взаимопонимания с представителями иноязычной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пропп, В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.
2. *Фрэзер, Дж. Дж.* Золотая ветвь : Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер. – М. : Политиздат, 1980. – 831 с.

3. *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 2-е изд. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2004. – Т. 1 : А – Пантомима. – 623 с.
4. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2006. – Т. 1 : А – З. – 1158 с. ; Т. 4 : Р – Я. – 1144 с.

А. М. Дудина (Минск)

СТРУКТУРНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (на материале французского и белорусского языков)

В статье рассматриваются проблемы аббревиации как специфического языкового явления, анализируются основные способы образования аббревиатур, их наиболее распространенные типы. Особое внимание уделяется прагматическому аспекту употребления сокращений в различных жанрах современного медийного дискурса (политическом и экономическом) на материале неродственных языков – французского и белорусского. Высокая частотность употребления аббревиатур указывает на их «клишированность», а также на наличие в них оценочных и эмоциональных характеристик, способствующих реализации тенденции к экспрессивности, эмоциональному воздействию на читателя.

В современной лингвистической науке уделяется серьезное внимание изучению языка средств массовой информации, и прежде всего, языка прессы, которому свойственны разнообразие жанров, яркость, динамичность, образность. Именно он являет собой широкое поле для различного рода новообразований. Интерес к специфике создания аббревиатур в разноструктурных языках и к особенностям их употребления в различных типах и жанрах речи обусловлен тем, что аббревиация оказывается одним из способов словопроизводства, наиболее полно отвечающим прагматическим установкам современности. Однако обзор работ, посвященных исследованию специфики газетно-публицистического стиля (А. А. Лукашанец, М. И. Тибилова, Е. М. Чекалина, М. А. Ярмашевич и др.), показывает, что вопросы использования аббревиатур на страницах газет, а также их сопоставительного анализа на материале различных языков еще не получили должного освещения.

Объектом исследования в настоящей статье явились аббревиатуры, употребляемые в различных видах франко- и белорусскоязычной прессы. Фактическим материалом исследования послужили современные периодические печатные издания на французском языке «L’express», «Le Figaro», «Libération», «Le Monde», «L’Obs», «Le Point», «La Tribune» и на белорусском языке «Звязда», «Новы час», «Рэспубліка» за период 2016–2019 гг.

В лингвистической науке существуют различные подходы к рассмотрению как процесса аббревиации, так и единиц, образованных в его результате, поскольку среди ученых нет единого мнения в отношении основных признаков сокращенных единиц. Так, например, О. Д. Мешков

дает им следующее определение: «Под общим названием «*сокращение*» кроются многочисленные и различные процессы и результаты, общим для которых является то, что слово так или иначе сокращается, становится короче по сравнению со своими прототипами» [1, с. 15].

Сокращения (усечения) в русском языке В. Г. Гак рассматривает как формальный признак конверсии, а во французском – как способ создания новой стилистической окраски [2, с. 157]. Это мнение разделяется лингвистами, которые отмечают, что сокращенные слова отличаются от несокращенных своим эмоциональным зарядом и стилистической направленностью.

Несмотря на то, что аббревиация не всегда упоминается в ряду продуктивных способов образования новых слов, однако факт ее наличия и распространения в языке не отрицается. В процессе сокращения образуются полноправные коммуникативные единицы со всеми качествами слов. Говорящему, который использует сокращение, выражение его мысли представляется достаточно точным, словно он использует полную форму слова или словосочетания или старую форму плюс суффикс или префикс. Новое образование представляет собой новую форму, даже «если с исторической точки зрения оно может или должно быть рассмотрено как сокращение» [3, с. 23]. Практически все исследователи принимают во внимание одну из главных особенностей аббревиатур – их тесную связь с исходной единицей (словом или словосочетанием).

Во многих работах термин *аббревиация* употребляется для обозначения явления, связанного с сокращенной записью речи (это графическая аббревиация, а сами записи – графические сокращения, графические аббревиатуры или просто аббревиатуры). Данным термином обозначается и способ словообразования, в результате которого создаются аббревиатуры различных видов (аббревиатурные лексемы, лексические сокращения, сокращенные и сложносокращенные слова). В этом случае в основу определения положен принцип, восходящий к форме и составу производной единицы. «Аббревиатуры, то есть сложносокращенные слова, образуются посредством сложения и выступают как композиты, правда, особого рода, поскольку при их образовании слагаются не полные основы, а сокращенные» [4, с. 181]. Данное положение – связь с прототипической основой, с производящей единицей – считается основным в понимании, как процесса аббревиации, так и аббревиатур, поскольку последние представляют собой сокращение словосочетаний или сложных слов. Тем самым признается, что аббревиатуры – это сложные слова, поскольку они создаются путем сложения усеченных компонентов.

По мнению Э. М. Береговской, *аббревиатуры* – это структурно-стилистические эквиваленты слов и словосочетаний, которые получают «преимущественное право циркуляции, в то время как развернутое наименование служит лишь средством толкования значения аббревиатуры» [5, с. 22]. Аббревиация служит своего рода вторичным кодом, выполняя тем самым функцию представления, замещения одной языковой материальной формы другой.

Таким образом, в самом общем виде процесс образования сокращений (*аббревиацию*) можно определить как замену какого-либо устойчивого языкового выражения (слова, словосочетания) в устной или письменной речи более коротким выражением на базе материала первого выражения и с сохранением общего смыслового содержания. Суть процесса аббревиации заключается в рациональном использовании в коммуникативных целях материальных элементов языка (его звуковой и графической оболочки).

К основным типам лексических сокращений принято относить: усечения (*phone* – téléphone, *спец* – спецыяліст); инициальные аббревиатуры (*CAPES* – Certificat d'aptitude au professorat de l'enseignement secondaire, *ДАІ* – дарожная аўтамабільная інспекцыя); сокращения смешанного типа (*Vel d'Hiv* – Vélodrome d'Hiver, *вертадром* – верталёт + аэрадром); инициальные слова: алфавитизмы (*la C.G.T.* – Confédération Générale du Travail, *КБА* – камбінат бытавога абслугоўвання); акронимы (*l'O.N.U.* – Organisation des Nations Unies, *ТОБ* – Тэатр оперы і балета). В белорусском языке многочисленны многокомпонентные аббревиатуры, такие как *дзяржспецслужба*, *прафтэхадукацыя*, *гарвыканкам*, *Белаграпрамбанк*, *Мінфін* и т.п. Во французском языке часто встречаются инициальные сокращения от многокомпонентных словосочетаний, например: *GIL* – Groupe européen Rhin-Rhône Alpes Genève pour la greffe d'îlots des Landarhans; *FCD* – Fédération des enterprises de commerce et de distribution), а также стяжения (контактуры): *agt* – agent, *bltn* – bulletin.

Особый интерес вызывают аббревиатуры, которые не остаются на периферии языка, а широко используются в повседневной жизни, в сфере политики, экономики, науки, спорта, в современных печатных изданиях и т.п., отражая свойственную языку тенденцию к экономии языковых средств.

Все возрастающее количество аббревиатур на страницах современных газет и журналов обусловлено как возросшими потребностями общества в кратких языковых единицах (научно-технический прогресс, глобализация мировой экономики, образование новых общественно-политических организаций, значительное увеличение терминологического словаря различных наук и т.д.), так и стремлением журналистов передать больший объем информации в рамках одной публикации. Широкое употребление аббревиатур в языке прессы, по сравнению с другими СМИ, объясняется также трудностями восприятия сокращений на слух.

В течение последних десятилетий аббревиатура получила широкое распространение в различных дискурсах, прежде всего в профессиональных: политическом (*UNESCO, ONU, СНД* и т.д.), медицинском (*SIDA, ВІЧ*), финансовом (*euro, еўра*) и т.п. «*Дискурс* – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста. Речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [6].

При анализе аббревиатур в политическом дискурсе, полученных методом сплошной выборки, было установлено, что практически все сокращения относятся к инициальным словам. Самыми распространенными оказались аббревиатуры названий политических партий, например: *PDC* – Parti démocrate-chrétien, *UDC* – Union démocratique du centre, *PS* – Parti socialiste; *СДП* – сацыял-дэмакратычная партыя, *НП* – нацыянальная партыя, *ЛП* – ліберальная партыя. Например: *Martine Aubry avait promis du renouvellement (des femmes, des jeunes) au PS* (Le Monde, 2017). Достаточно часто используются аббревиатуры названий различных организаций, бюро, ассоциаций, компаний и т.п.: *BIT* – Bureau international du travail, *OTAN* – Organisation du traité de l'Atlantique Nord; *ЕС* – Еўрасаюз. Чаще всего подобные аббревиатуры известны во всем мире, поэтому не расшифро-вываются, так как подразумевается, что читатель знает, о чем идет речь, или может догадаться по контексту о том, что означают подобные сокращения: *Les troubles politiques pourraient hypothéquer la tenue de sommet de l'ASEAN, agendé au 15 décembre à Bangkok* (Libération, 2016); *Un secret percé par Moia Hartop Soutter et son mari, qui se sont connus au WWF International et y travaillent toujours depuis dix-sept ans* (Le Monde, 2016). И лишь в тех случаях, когда журналист не уверен, что все поймут, о чем идет речь, он рас-шифровывает аббревиатуру: *L'ONU donne mandat à la Force internationale d'assistance et de securité (FIAS) pour intervener militairement en Afghanistan* (Le Monde, 2017); *Adopté à l'unanimité par la Conférence des directeurs de l'instruction publique (CDIP), ce projet a déjà été accepté par les cantons de Vaud, du Valais, de Neuchâtel, du Jura, de Schaffhouse et de Glaris* (La Tribune, 2016); *Права на падвойнае грамадзянства займелі б толькі тыя літоўцы, якія нарадзіліся ў Літве, але сталі грамадзянамі іншых краін НАТА і ЕС; «Мы павінны шукаць тое, што нас не раз'ядноўвае, а аб'ядноўвае. І на такой аснове ўсталёўваць адносіны», – распавёў Уладзімір Макей БелаПАН падчас сустрэчы кіраўнікоў МЗС краін ЕС і Усходняга партнёрства* (Звязда, 2019).

При анализе языкового материала было выявлено, что некоторые аббревиатуры, употребляемые во французской прессе, заимствованы из английского языка (*WWF, ASEAN* и т.д.), так как во французском языке нет аналогов данных названий. Кроме того, поскольку эти сокращения известны во всем мире, у читателя не возникает сложностей с их расшифровкой. Можно говорить о том, что чаще всего раскрывается значение тех аббревиатур, которые редко используются, или тех, которые обозначают реалии других стран, не знакомые читателям данного печатного издания.

Сокращению в *экономическом дискурсе* часто подвергаются названия организаций, учреждений, связанных с финансово-экономической деятельностью. Одну из групп экономически-финансовой лексики составляют единицы, которые называют различные финансовые организации, фонды и службы, характеризуют материальные вложения, имущественные права и отношения: *IMEF* – importation en vue de réexportation, *MMI* – Marché monétaire international, *OMC* – Organisation mondiale de commerce, *SAF* – service administratif et financier, *SAFRAN* – société de droit français à conseil

de surveillance et directoire, *SB* – salaire de base; *неліквід* – неліквідная маёмасць, *ГФС* – грамадскія фонды спажывання, *АЭДА* – арганізацыйна-эканамічная дзейнасць аб'ектаў.

Следующую тематическую группу сокращенных лексических единиц в рамках экономического дискурса составляют названия экономически-финансовых условий, а также названия финансовых операций и способов расчета: *EIT* – endettement intérieur total, *RNB* – revenu national brut, *VAHT* – valeur ajoutée hors taxe, *VAM* – valeur ajoutée manifacturée; *гасразлік* – гаспадарчы разлік, *КФР* – каштарысна-фінансавы разлік, *разрахунак* – разліковы рахунак, *спецрахунак* – спецыяльны рахунак.

Ряд аббревиатур обозначает различные формы денежных (налоговых, таможенных и т.д.) выплат, материальных пособий, формы кредитования: *TDC* – tariff douanier commun, *TC* – taux de change, *TC* – taxes comprises, *TD* – taux différential; *ускпадатак* – ускосны падатак, *страхзбор* – страхавы збор, *ПЭР* – прамыя эксплуатацыйныя расходы, *ФМЗ* – фонд матэрыяльнага заахвочвання и т.п. Отдельную группу составляют названия денежных единиц, кредитных карточек, платежных чеков, наименования облигаций, акций и т.п.: *LC* – lettre de crédit, *PR* – prêts et réductions, *FR* – factures recevables.

Что касается типа аббревиаций, в рассматриваемом дискурсе превалируют инициальные сокращения, реже встречаются композитные и усеченные аббревиатуры, например: *Défense de l'**AMF**: la révélation du scandale exigeait une réaction rapide et les agences de presse ont mal interprété le premier message* (L'Obs, 2016); *Dieu sait si j'ai de l'indulgence pour les déviants, les exclus, les parias, les iconoclasts, mais je me désolidarise de toute personne s'attaquant à la **SNCF*** (Libération, 2016); *Mauvais départ pour le Pôle emploi, fruit du marriage entre l'**ANPE** et l'**Assedic**, dont il est président: une partie du personnel a fait grève lundi* (Le Figaro, 2016); *З'яўленне дзіцяці ў сям'і – дадатковая фінансавая нагрузка на бацькоў, таму сем'ям пры яго нараджэнні выплачваецца аднаразовая дапамога. Пры нараджэнні першынца яна складае 10 бюджэтаў пражытковага мінімуму (1 **БПМ** роўны 224 руб.)* (Звязда, 2019).

Проанализированный материал свидетельствует о том, что во франкоязычном экономическом дискурсе активно используются аббревиатуры английского языка. Сокращенные лексические единицы белорусского языка в этой сфере относятся, в основном, к группе общеэкономической терминологии: *ВНП* – валавы нацыянальны прадукт, *ЧНП* – чысты нацыянальны прадукт, *СЭЗ* – свабодная эканамічная зона, *АЭДА* – арганізацыйна-эканамічная дзейнасць аб'ектаў, *ЭП* – эканамічныя паказчыкі, *бухулік* – бухгалтарскі ўлік, *СНП* – сукупны нацыянальны прадукт, *УВП* – унутраны валавы прадукт, *ТНС* – тавары народнага спажывання, *ТШП* – тавары штодзённага попыту.

Также были отмечены различия в позиции расшифрованных аббревиатур по отношению к прототипу. В 85 % случаев в газете полное название употребляется в постпозиции, что, очевидно, связано с тем, что предпочтение отдается новым низкочастотным языковым единицам. Например: *Le Syndicat national de l'édition phonographique (**Snep**) note le développement du CD single;*

*L'ONU donne mandat à la Force internationale d'assistance et de securité (**FIAS**) pour intervener militairement en Afghanistan* (Le Figaro, 2017); *Таму сёння многія краіны свету вядуць барацьбу за тое, каб заняць на рынку беспілотных авіяцыйных сістэм (**БАС**) вядучыя пазіцыі…* (Звязда, 2018); *Намеснік дырэктара па маркетынгу Мінскага завода безалкагольных напояў (**МЗБН**) Юрый Ракавец дапусціў, што завод напружыцца і паўдзельнічае ў эксперыменце па выпуску вады ў шкле, каб ацаніць вынікі* (Новы час, 2019). Раскрывается чаще всего значение тех аббревиатур, которые редко используются, или тех, которые обозначают реалии других стран, не знакомые читателям данного печатного издания.

Высокая частотность употребления сокращенных вариантов слов и словосочетаний в языке прессы указывает, с одной стороны, на их определенную «клишированность», а с другой – на наличие в них оценочных и эмоциональных характеристик, способствующих реализации тенденции к экспрессивности, эмоциональному воздействию на читателя. Использование аббревиатур в качестве средства экспрессии можно рассматривать как одну их основных характеристик их функционирования.

Таким образом, аббревиация представляет собой эффективный метод экономии речевых средств и устранения избыточности информации, что объясняет ее продуктивность. В аббревиатурах информация передается меньшим числом знаков, поэтому «емкость» каждого знака больше, чем в соответствующих исходных единицах. К числу причин широкого употребления аббревиатур относятся тяготение к необычности, к экспрессивности, стремление к словесным новообразованиям, а также возросшие потребности общества в кратких языковых единицах, позволяющих передавать бóльший объем информации в рамках одной публикации. Можно прогнозировать, что процесс пополнения печатных изданий новыми аббревиатурами не снизит темпов своей интенсивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мешков, О. Д.* Словообразование английского языка / О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1976. – 265 с.
2. *Гак, В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – М., 1983. – 235 с.
3. *Шадыко, С.* Аббревиатуры в русском языке: в сопоставлении с польским : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. Шадыко ; Гос. ин-т рус. яз. – М., 2000. – 45 с.
4. *Шанский, Н. М.* Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 310 с.
5. *Береговская, Э. М.* Хрестоматия по французской стилистике / Э. М. Береговская. – М. : Просвещение, 1986. – 206 с.
6. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 3.
7. *Когут В. И.* Большой словарь сокращений в современном французском языке / В. И. Когут. – М. : Центрополиграф, 2008. – 619 с.

Н. А. Залесская (Минск)

ТИПЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ TWITTER И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПУБЛИКУЕМЫХ ИМИ СООБЩЕНИЙ

Twitter стал одной из передовых платформ для обмена информацией. Следовательно, потребителям Twitter полезно знать происхождение твита, так как это влияет на характер просмотра информации и взаимодействия с этой информацией. В настоящей статье классифицируются твиты только текстового содержания на основе их происхождения. Разрабатывается контент-ориентированная категоризация типов сообщений, публикуемых пользо-вателями Twitter, а также классификация типов пользователей данной платформы на основе специфики производства и потребления информации. Предполагается, что анализ дея-тельности пользователей Twitter (производство и/или комментирование информации) оптимизирует потребление контента и управление последующим освещением события.

Twitter – одна из наиболее популярных социальных сетей: пользователи ежедневно публикуют в ней около 400 миллионов твитов. Эти общедоступные данные служат потенциальным источником информации, хотя такое количество твитов затрудняет нахождение релевантного контента. Поэтому тип пользователя учетной записи Twitter является важной переменной при анализе данных. Информация о происхождении твита влияет на восприятие контента (достоверность, местоположение и т.д.) конечным пользователем.

Одной из целей настоящего исследования является классификация твитов на основе их текстового содержания. Существует ряд причин, почему это может быть полезно. Одна из них заключается в том, что пользователи часто обмениваются контентом, взятом из сторонних источников, публикуя информацию на своей стене в Twitter. Следовательно, источник твита, опубликованного частным лицом, может изначально принадлежать организации. Вторая причина состоит в том, что, в связи с ограничением скорости, получить метаинформацию бывает достаточно сложно. И третья – в том, что информация профиля учетной записи пользователя бывает недоступна или неоднозначна (например, пользователи часто оставляют поля своего профиля пустыми или указывают некорректные данные).

Второй целью данного исследования является попытка показать, что классификация типов пользователей способна улучшить распознавание событий в Twitter. Типы пользователей Twitter могут быть проанализированы с точки зрения разных позиций. Проведенный анализ текстового содержания твитов позволил классифицировать их на два типа в зависимости от того, кем они написаны. Анализ твитов *организаций*, написанных вручную, выявил, что в твитах такого рода события упоминаются гораздо чаще, чем в *личных* твитах.

Для создания базы данных последующего анализа архивировались твиты на английском языке при помощи Twitter Streaming API. При отборе твитов внимание фокусировалось на полях с именами и описании профиля в каждой учетной записи пользователя, написавшего выбранный твит. Твит помечался как *личный*, если в поле имени или в описании профиля отсутствует лексика делового общения, и информация в поле имени является частью имени человека или поле описания профиля начинается либо с *I'm,*

либо с *I am*. Полученная информация проверялась вручную. Частный пользователь был определен как индивид, использующий Twitter в повседневной жизни для публикации информации о своей деятельности и личном статусе, комментирования социальных проблем и/или взаимодействия с близкими людьми. Был проведен анализ 100 пользовательских аккаунтов, с которых были отправлены твиты на английском языке. Учитывались имя, описание профиля, местоположение и URL-адрес учетной записи пользователя Twitter. Каждая учетная запись классифицировалась как *личная, неличная* или *неопределенная.* Среди 300 учетных записей, определенных вручную, 91,5 % были классифицированы как принадлежащие отдельным лицам, 5 % были определены как неличные и 3,5 % были отмечены как неопределенные.

Тем не менее классификация твитов в качестве *личных* только потому, что они были написаны пользователями, которым принадлежат учетные записи, может привести к неточностям (так как могут учитываться только те пользователи, которые предоставили в профиле более полную информацию о себе). Для решения этой проблемы был проведен анализ дополнительных учетных записей Twitter с учетом того факта, что приложения, разработанные специально для портативных устройств (например, Twitter для iphone), часто используются отдельными лицами для создания твитов, тогда как организации для создания контента в основном используют веб-версию Twitter и приложения для ПК.

Для дальнейшего анализа была собрана информация об источнике (т.е. о программных приложениях, использованных для создания твитов), отобраны англоязычные твиты, опубликованные в случайно выбранный день, и идентифицированы те, которые были явно написаны вручную и опубликованы из приложения. Данные твиты составили как минимум 1 % всех твитов. Табл. 1 показывает, какой процент твитов на английском языке пришелся на каждое приложение Twitter для различных платформ, на которые в совокупности приходилось примерно 66 % всех твитов.

Таблица 1

Твиты, опубликованные из приложений для мобильных устройств

Приложение	Процент
Twitter для iPhone	37,11
Twitter для Android	16,50
Twitter для BlackBerry	5,50
Twitter для iPad	2,55
Веб-версия (m2)	1,46
iOS	1,36
Echofon	1,29
Всего	65,77

Для проверки гипотезы о том, что высокий процент данных твитов – это *личные* твиты, был проведен еще один анализ. Было выбрано 300 учетных записей на английском языке, твиты из которых были отправлены с помощью одного из перечисленных выше приложений для мобильных устройств, и классифицированы в соответствии с прежними условиями. Из этих 300 учетных записей 87,1 % принадлежат индивидам. Только 1 % был оценен как явно неличный, тогда как 11,9 % были помечены как неопределенные.

Провести подобный анализ для идентификации твитов, написанных *организациями*, оказалось сложнее. Организации описывают себя различными способами, что затрудняет определение их названий в профилях пользователей. Кроме того, названия организаций часто упоминаются в учетных записях отдельных лиц как места работы (например, *I'm a software engineer at Microsoft Corporation/Я инженер-программист в корпорации Microsoft*). Поэтому для получения твитов организации использовались веб-каталоги организаций (например, www.twellow.com), и их твиты были собраны с помощью API Twitter. Было использовано 150 учетных записей организаций, с которых были отправлены твиты на английском языке. Чтобы не допустить преобладания сообщений одной организации, от каждой было выбрано не более 50 твитов. Чтобы автоматически отличать *личные* твиты от твитов *организации*, применялись два простых правила. Первое состоит в том, что «ответы» (@ ссылка на пользователя упоминается в начале твита) редко встречаются в твитах *организации*. Следовательно, если твит содержит ответ, скорее всего, это *личный* твит. Второе наблюдение заключается в том, что твиты *организации* часто содержат веб-ссылку на внешний контент. Если твит не является ответом и содержит веб-ссылку, он помечался как твит *организации*. В противном случае он классифицировался как *личный*.

Примеры твитов организаций

• *Diet Coke may be the new #2 popular, but U.S. soda market is shrinking/ Диетическая Кола может стать #2 по популярности, но в США рынок газированных напитков сокращается* http://ow.ly/1bSNnh;

• *Apple likely to introduce smaller, cheaper iPad mini today http://t.co/TuKBHZ3z/Вероятно, Apple представит сегодня более дешевый iPad mini http://t.co/TuKBHZ3z*.

Примеры личных твитов

• *Watching Black Mirror. It has totally sucked me in:D #notsomuch lol/Смотрю «Черное зеркало». Я подсел:D #несовсем лол*;

• *@john It's a stress fracture. Nah, no dancing was involved!/Это реально жесть. Нет, танцев не было*.

Twitter – это платформа, на которой пользователи выражают эмоции и свое отношение к происходящему. Для определения типа тональности твита (положительный, отрицательный или нейтральный) использовался инструмент Sentiment API. Предполагалось, что *личные* твиты передают позитивное или негативное настроение, а твиты *организации* – более нейтральные.

В ходе исследования выявлено, что твиты *организации*, как правило, содержат больше существительных. Авторы *личных* твитов чаще используют личные, возвратные и притяжательные местоимения (*me, us, you, myself, ourselves, my, mine, our*), так как обычно описывают себя (от первого лица) или обращаются к аудитории (второе лицо). Организации также часто обращаются к своей аудитории, используя в твитах местоимения второго лица (*Will you High Five the Penguins or Bears? #pittsburhgpenguins #hersheybears Sign up for a chance to win a trip to the Cup Final: http://t.co/XQP8ZDOINV/ Вы/Ты за кого? Пингвинз или Беарс? #pittsburhgpenguins #hersheybears. Подпишись, чтобы получить шанс выиграть поездку на финал Кубка: http://t.co/XQP8ZDOINV*). Глаголы в твитах *организаций* чаще встречаются в третьем лице. В *личных* твитах преобладает простое прошедшее время (Past Simple) вместо перфектных форм (*mattfellows: already arrived in LAX/уже прибыл в аэропорт Лос-Анджелеса*). Нередки в *личных* твитах глаголы в инфинитиве в сочетании с модальными глаголами (*funkeybrewster: @redeyechicago* W*hat should my next video be about?/О чем должно быть мое следующее видео?*).

Выявлено, что прилагательные в превосходной степени употребляются для выражения эмоций и мнений (*личные* твиты), тогда как в сравнительной степени – для констатации фактов и предоставления информации (твиты *организаций*). Наречия, в основном, используются в *личных* твитах для придания глаголу эмоциональной окраски. На удивление часто в *личных* твитах встречается вопросительное местоимение *whose*/*wh$* (*чей?*). Однако исследование выявило, что авторы *личных* твитов, как правило, используют «чей» в качестве сленговой версии выражения *who is* (*кто есть*). Например, *dinner & performance spectacular tonight!:) whose ready for some wine??/ сегодня вечером ужин и спектакль впечатляют! Кто готов выпить вина?*. Другим индикатором *личных* твитов являются наречия в превосходной степени, такие как *most* (*большинство*/*в большей степени*) и *best* (*лучше всего*). Например, *brroooklyn: I love best the sound my iPod makes when I shuffle its apps. Boo bee boo))/brroooklyn: Обожаю звук, который издает мой iPod, когда я переставляю иконки приложений. Буу бии буу)).* В *личных* твитах также нередко присутствует притяжательный падеж (Possessive Case).

Если тип тональности *личного* твита отрицательный, в нем чаще встречаются глаголы в прошедшем времени (Past Simple), потому что ряд авторов выражает негативные эмоции по поводу неких потерь или разочарованы в произошедших событиях. Вот пример наиболее часто применяемых глаголов: *missed* (*пропущено*), *bored* (*наскучило*), *gone* (*пропало*), *lost* (*потеряно*), *stuck* (*застряло*/*застопорилось*), *taken for* (*принято за что-л.*). *Личные* твиты часто демонстрируют эксцентричное и небрежное использование языка, тогда как твиты *организаций*, как правило, носят более формальный характер. Твит *организации* начинается с заглавной буквы, в нем правильно расставлены знаки препинания, все буквы в твите строчные. Новостные *организации* часто добавляют дескриптор темы к началу твита

(*Kanye West Scandal: Kanye West's signature reportedly forged on the contract at the upcoming NYFW event http://t.co/hpyLQYeL/Скандал с участием Канье Уэста: по сообщениям в прессе – на контракте, касающемся участия Уэста в предстоящей Неделе Моды в Нью-Йорке, подпись Уэста подделана*). С учетом этого представляется целесообразным анализировать употребление точки с запятой или дефиса в пределах первых трех слов твита. Использование удлиненных слов (например, *coooooooool; goooooal*) для усиления высказывания – еще одна особенность *личных* твитов. С учетом этого проводился поиск слов, в которых один и тот же символ повторяется три раза и больше (*i'm backkkk! guuudmorning twits/я веррнууулся! доообброее утро!*). Пользователи прибегают к произвольному употреблению сокращенных слов, в которых пропускаются или заменяются некоторые символы, чтобы соответствовать ограничению в 280 символов для одного твита (например, можно наблюдать переключение кодов – *2mrw – завтра*, *goodn8 – доброй ночи*). Кроме того, в *личных* твитах интенсивно используются хэштеги, сами твиты длиннее и упоминания пользователя в твите чаще (*Check out my blog I updated 2day 2 learn abt tuna #tunafish/Посмотрите мой блог, который я обновил сегодня, чтобы побольше узнать о тунце! #tunafish*).

Twitter предоставляет собой инструмент, с помощью которого пользователи ищут твиты по ключевым словам. Тем не менее запросы по ключевым словам для событий часто могут приводить к не относящимся к делу результатам из-за многозначности ключевых слов и переносного или метафорического их значения. Например, в Twitter поиск событий, посвященных гражданским волнениям (уличным беспорядкам) по нескольким репрезентативным ключевым словам (например, *strike* (*забастовка*), *rally* (*митинг*), *riot* (*бунт*) и т.д.) часто приводит к результатам, которые относятся к спортивным событиям, таким как *страйк* в боулинге или теннисное *ралли.* Например, *Robbie Meade: My new emote when I know I got a strike #bowling/ То самое чувство, когда понял, что у меня страйк #bowling.* Или к ситуациям, в которых ключевые слова используются в переносном значении. Например, *She is a riot!/Она бунтарка!*. Возникает вопрос о том, поможет ли определение типа пользователя, отправившего твит, преодолеть неоднозначность.

Чтобы исследовать гипотезу о том, что тип пользователя может влиять на поиск релевантных событий в Twitter, была проведена серия экспериментов на основе информации о двух типах событий – уличных беспорядков и вспышек заболеваний. В табл. 2 отражено процентное соотношение твитов, связанных с указанными событиями.

Таблица 2

Твиты, связанные с событиями, %

	Беспорядки	Вспышки заболеваний
Личные твиты	5,27	9,52
Твиты организаций	36,54	39,34
Все твиты	12,50	20,07

В табл. 3 представлены ключевые слова, которые используются для поиска в Twitter информации о рассматриваемых событиях.

Таблица 3

Ключевые слова, используемые для поиска в Twitter
для двух типов событий на английском языке

Уличные беспорядки	protest, protested, protesting, riot, rioted, rioting, rally, rallied, rallying, marched, marching, strike, struck, striking
Перевод	протестовать, протест, бунт, бунтовать, митинговать, митинг, маршировать, марш, забастовка, бастовать
Вспышки заболеваний	outbreak, epidemic, influenza, pandemic, quarantine, cholera, Ebola, flu, malaria, hepatitis, measles
Перевод	вспышка, эпидемия, грипп, пандемия, карантин, холера, лихорадка Эбола, грипп, малярия, гепатит, корь

С использованием API-поиск в Twitter был проведен отбор твитов, которые содержали хотя бы одно из ключевых слов, перечисленных в табл. 3. Анализ показал, что большинство твитов (> 80 %), в которых упоминаются ключевые слова, не относятся к событию, что подтверждает ненадежность использования только ключевых слов.

Таблица 4

На 200 твитах для каждого типа событий на английском языке

	Английский
Уличные беспорядки	89
Вспышки болезней	82

Между двумя типами пользователей существует заметная разница в количестве твитов, относящихся к реальным событиям. При рассмотрении фактов уличных беспорядков и вспышек заболеваний в твитах выявлен гораздо больший процент твитов *организации* с ключевыми словами, в которых упоминается событие, в отличие от *личных* твитов. Табл. 2 показывает, что в категории «уличные беспорядки» твиты *организации* на английском языке в 7 раз чаще (36,54 % против 5,27 %) сообщают о реальном событии, чем *личные* твиты с теми же ключевыми словами. В категории «вспышки заболеваний» твиты *организаций* имеют в 4 раза больше шансов сообщить о событии (39,34 % против 9,52 %). В твитах *организации* ключевые слова для поиска событий используются более согласованно и с большей конкретикой, чем в *личных*.

Итак, на основе текстового содержания твиты можно разделить на твиты *организаций* и *личные* твиты. Реальные события гораздо чаще упоминаются в твитах *организаций* с ключевыми словами событий, чем в *личных* твитах с теми же ключевыми словами, и поэтому включение информации о типах пользователей в модели распознавания событий весьма желательно. Создание отдельных классификаторов распознавания событий для твитов разных типов пользователей значительно более эффективно, чем использование

единой модели распознавания событий во всех твитах. Организации достаточно часто указывают на внешние источники информации через URL-адреса своих постов, тогда как частные пользователи больше отражают свой личный опыт и настроения в отношении событий и более активно взаимодействуют с другими участниками.

D. D. Kozikis, T. Y. Shchepacheva (Minsk)

THE AWARENESS OF SOCIAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF ENGLISH BOTH IN LANGUAGE STUDIES AND TRANSLATION

The article is purported to enhance the awareness of the teacher and student involved in language studies and translation affected by the social changes both in the mother country and beyond when boundaries between standard speech and unorthodox usage are becoming increasingly fuzzy. Such trends remain high on the agenda by a professional teacher of English or interpreter involved in teaching English in professional terms.

Any person involved in mastering or teaching English is well aware of the new challenges associated with its changes both at home in Britain proper due to multiethnic factors of the present composition of the population as well as the continuing spread of English both in Europe and far awide. Recent statistics suggest that among the over 65 million people living in the UK more than 9 million constitute the visible minority affecting all segments of British life.

Besides the traditional existing varieties of British English the accepted standard is also changing rapidly due to enhanced globalization and unheard of intensity of political, social and cross-cultural links. Moreover, the younger generation is more prone to these changes which gradually affect all the other age groups of British society.

Definitely such shifts in the meaning of words and expressions are most obvious in conversational speech. Tony Thorne, the reputed researcher of English slang was correct to observe that “perceived boundaries between “standard” and “unorthodox” speech are becoming increasingly fuzzy” [3] which is interpreted as something “unclear”.

These changes occur on all stylistic levels and in every sphere of language usage. Such shifts in the meaning of words are especially obvious both in conversational speech, and in verbal addresses of politicians on various conflicting and challenging issues of both home and foreign policy involving the interests of large groups of people nationally and internationally.

Lynn Visson [1] analyzing the given problem uses the term weasel words accepted in American lexicology referring in comparison to the animal which changes the colour of its skin to the changing environment. In this sense ambiguity and polysemy are of special interest. Thus besides the traditional *divine* apostle of God, we come across she looked *divine*, a *divine* evening. One should bear in mind that the process of lexical diffusion starts with several lexems which involves other words.

According to Google daily the English language is replenished by 50 words which become widely used. They enter mainly from slang, then they are circulated by the mass media, thus eventually entering the mainstream of verbal communication: *generation XL* referring to the McDonald generation of obese children, *office ghost* – a sly office employee who is formally at work but whose duties are done by others. In this context another interesting reference with the word *staycation* meaning vacation spent at home: "Resorts in the Caribbean are so expensive that this winter we'll have a staycation – we'll stay at home and go to movies and the theatre [2, p. 8]

The adjective *edgy* which recently denoted a state of nervousness and stress has acquired a new predominant meaning of being in vogue: e.g. She was a hit in her edgy dress.

Such examples which saturate the language of the mass media and every day speech should be treated seriously both by the learner and the teacher of English. Thus a meaningful scholar mastering English as a foreign language should concentrate one's efforts both on the traditional basics of language acquisition and on intercultural issues which affect the incessant changes in language usage.

The meanings of words of people of one generation change their meanings by young people of the other generation. The younger people are more prone to change than their predecessors. The word *staycation* may serve as an example. E.g. Resorts in the Caribbean are so expensive that this winter we'll have a *staycation* – we'll stay home and go to movies and the park. (vacation at home)

Ambiguity and polysemy also promote the usage of words with another meaning when a well-known lexeme acquires a new meaning. Hence the traditional *edgy* feeling (напряженный) we observe a new meaning in an *edgy* dress (the latest most fashionable dress).

Jargon words may be both of positive and negative meaning.

Today *"gay"* is mainly associated with homosexuality, though in traditional spirituals of the recent past it never had such associations (the Black Spiritual and country song "Old Black Joe": "Gone are the days when I was young and *gay*" (meaning a very merry person).

An interesting example of a neologism concerning *"Hello!"* "What? You expect me to work from 8 to 8 for 100 dollars? *Hello!*" (Are you crazy or mad?) The title of an article in New York Times "Subways and Manners? *Hello!*" (meaning good manners in the Metro are absolutely incredible).

The term *"slam-dunk"* widespread in basketball acquires a new meaning when it is used in every day speech: "His method of surgery is a *slam-dunk* in preventing tuberculosis".

Many new words which were used by small groups of people – Afro-Americans, feminist groups, gays entered general speech: "Women need to be *empowered* to make full use of their rights" (meaning their rights should be extended).

Ex. He *embraced* his wife meeting her at the airport. He *embraced* Buddhism living in Burma.

Another interesting tendency observed in language use is observed with parasite words: He was *like* 50 (perhaps). We had *like* four hours of discussion. It's now *like* 5:30 p.m. (not sure).

Due to new ways of life words like *grab, nab* acquire new meaning which were associated with "get" and "take".

E.g.: 1) On the way to work I go to the shop to *grab* a sandwich. 2) When hungry *grab* some grapes.

To *nab* in the past was used to catch, to detain, arrest a criminal. Today we observe a change of meaning: "I need to *nab* him before he leaves which means to clarify some issues of major importance".

Parallel to such tendencies one should also be aware of the tendencies which occur when English words and expressions easily enter other languages acquiring new meanings. Duden commented on the word *"shitstorm"* and German language experts voted it "Anglicism of the year" as a word used in German to denote a public outcry.

Parasite words enter the language and then become widely used: like – being not sure. E.g.: He was *like* 50 (perhaps). We had *like* four hours of discussion.

Such usage may cause confusion if treated independently of the context. Logically a scholar mastering English should always be aware of ensuing challenges.

REFERENCES

1. *Виссон, Л.* Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке / Л. Виссон, Р. Валент. – М., 2007. – 160 с.
2. *Fox, K.* Watching the English / K. Fox // Hodder & Stoughton. – 2005. – 432 p.
3. *Thorne, T.* Dictionary of Contemporary Slang / T. Thorne. – 3rd ed. – London : A. and C. Black Publ. Ltd, 2007. – 494 p.

А. В. Кузьмина (Санкт-Петербург)

ЛЕКСЕМА *ПОЭТ* В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ XXI ВЕКА И В ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

В представленной статье на примере лексемы *поэт* рассматривается способность языковых знаков выполнять функцию «языка» культуры. Сопоставление системного значения данной лексемы, представленного в современном толковом словаре русского языка, с тем ассоциативным наполнением этой единицы, которое хранится в лексиконе современных студентов, позволяет увидеть, какие именно «культурные» кванты семантики анализируемого слова актуальны в наше время для среднего носителя русского языка.

Антропоцентрический характер современной лингвистики открывает перед исследователями широкий круг возможностей, позволяющих по-новому взглянуть на уже привычные вещи. Так, в результате активной разработки вопросов лексической семантики и прагматики получили дополнительные мощные импульсы для своего развития идеи лингвокультурологии, направленные на выявление и анализ языкового выражения национального менталитета.

Пристальное внимание к культурной семантике языковых единиц, интерпретация национально-культурных смыслов с позиции как внешнего наблюдателя (Московская школа Ю. С. Степанова), так и с позиции рефлексии носителя живого языка (Московская школа В. И. Телия), определение культурно-языковой компетенции – все это лишь некоторые направления современной лингвокультурологии [1].

Предметом нашего исследования выступает лексема *поэт*: рассмотрим и сопоставим ту информацию об этой лексической единице, которая, с одной стороны, представлена в современных лексикографических источниках, а с другой стороны, хранится в языковом сознании современного носителя языка.

Лексикографическое описание лексемы *поэт* позволяет увидеть ее как элемент строгой и упорядоченной системы современного русского языка. В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова лексема *поэт* имеет следующую лексикографическую интерпретацию:

ПОЭТ, -а; ***м.*** [греч. poiētēs] **1.** Автор стихотворных, поэтических произведений. *Поэты и прозаики. Поэт-сатирик. Фет – п. русской природы. Кто ваш любимый п.?* / О художнике любого вида искусства, произведения которого отличаются поэтичностью. *В своих романсах Чайковский – настоящий п. Среди пейзажистов непревзойденным поэтом был Левитан.* / О человеке, творчески относящемся к своему делу, страстно увлекающемся им. *П. своего дела, в своем деле.* **2.** Тот, кто поэтически воспринимает действительность; лирик. *Быть поэтом в душе. П. по натуре. Да вы настоящий п.!* **<Поэтический** *(см.).* **Поэтов,** -а, -о *(1 зн.). Поэтова судьба* [2].

Приведенная словарная статья демонстрирует, что в языковой системе начала XXI века лексема *поэт* представлена двумя лексико-семантическими вариантами. Первая семема («автор стихотворных, поэтических произведений») имеет два оттенка значения, каждый из которых формируется путем расширения первого значения, что сопряжено с утратой некоторых семантических компонентов. Второй лексико-семантический вариант («тот, кто поэтически воспринимает действительность; лирик») представляет собой переносное значение, формирующееся путем метафорического переноса.

Таким образом, словарная статья показывает нам, что лексема *поэт* не является однозначной, лишена коннотаций, стремится к многозначности, расширяет свои синтагматические возможности. Эти изменения в сочетаемости слов, отражающие перегруппировку семантических компонентов, уже являются фактом языка: они утвердились в лексической системе настолько прочно, что лексикографы зафиксировали их как переносное значение и как несколько оттенков прямого значения.

Так выглядит лексема *поэт* в системе языка. Чтобы выявить, какая информация связана с этим словом в языковой способности современного носителя языка, обратимся к экспериментальной психолингвистической методике.

Выбор свободного ассоциативного эксперимента в качестве метода исследования обусловлен несколькими причинами:

1) благодаря этой методике осуществляется верификация лексического значения слова с позиции активного носителя языка, представителя «младшей» лексической нормы, обладающему определенным набором знаний и представлений, актуальным именно в наши дни;

2) данные ассоциативного эксперимента позволяют выявить те скрытые, часто не вербализованные в лексикографических источниках семантические компоненты значения слова, которые хорошо знакомы каждому, и потому воспринимаются всеми как нечто само собой разумеющееся.

Для выявления обозначенного фрагмента языкового сознания в течение февраля–марта текущего года была проведена серия ассоциативных экспериментов. Поскольку мы стремились максимально расширить группы реципиентов, было принято решение опросить студентов разных специальностей Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. В качестве респондентов выступили 250 студентов 1–2 курсов, для которых русский язык является родным.

Испытуемым был предложен список из 5 слов, среди которых была лексема *поэт*. Требовалось указать первые ассоциации, которые возникают в сознании при восприятии этих слов. Полученные в результате осуществленного ассоциативного эксперимента данные позволяют составить следующее ассоциативное поле:

Поэт – *Пушкин* (***58***), *гений* (***24***), *стихи* (***18***), *перо* (***17***), *вдохновение* (***9***); *Есенин, Лермонтов, творец* (***8***); *Маяковский, Пушкин А. С., рифма* (***6***); *любовь, стихотворения* (**5**); *А. С. Пушкин, Бродский, муза* (***4***); *Ахматова, душа, невольник чести, Пастернак* (***3***); *Байрон, Блок* (***2***); *анализ, анапест, Асадов, бедность; в России больше, чем поэт; величие, дар, дуэль, «Евгений Онегин», зеркало души, и гражданин, известный, интересный, кудри и баки, лирика, лекция, любимые стихи, Мандельштам, музей-квартира Пушкина, нерв жизни, несчастный; нет, я не Байрон!; образ, ода, письмо к женщине; погиб, …; портрет в классе, поэма, признание, проза, ритм, роман, свеча горела, серебряный век, сказка о золотой рыбке, слог, страдание, талант, Тарковский, Фет, чувства лучшие, эмоции* (***1***).

Несмотря на то, что большинство реципиентов в качестве реакций обозначили несколько слов, при формировании ассоциативного поля мы рассматривали только первое зафиксированное слово. Реконструированное ассоциативное поле включает в себя ровно 250 слов-реакций (при обработке ассоциативного эксперимента не было зафиксировано ни одного отказа), среди которых 65 разных реакций и 42 единичных реакций, то есть большая часть поля представлена повторяющимися 208 реакциями.

Последовательное проведение прямых параллелей и соответствий анализируемого ассоциативного поля с лексико-семантическими вариантами, представленными в толковом словаре, позволяет говорить о том, что в языковом сознании современного носителя языка актуализируется именно прямое значение лексемы *поэт*. Полагаем, это дополнительно подтверждается частотной для выявленного фрагмента языкового сознания реакцией «*стихи*» (**18**) и «*стихотворения*» (**5**).

Ядерная часть полученного в ходе проведенного эксперимента ассоциативного поля «Поэт» позволяет увидеть то общее «знание», которое объединяет представителей одной социальной группы: в языковом сознании современных студентов эта лексема связана прежде всего с русской культурой. Безусловно, самой сильной ассоциацией является имя А. С. Пушкина: реакция «*Пушкин*», зафиксированная **58** раз, дополняется вариантами ответов «*Пушкин А. С.*» **(6)** и «*А. С. Пушкин*» **(4)**, а также единичными ответами «*музей-квартира Пушкина*» и «*кудри и баки*». Таким образом, именем Пушкина на слово-стимул «поэт» откликнулись 70 человек, то есть почти каждый третий из опрошенных.

Однако А. С. Пушкин – не единственный поэт, чье имя появляется в анализируемом ассоциативном поле: голосом культурной памяти звучат имена Асадова и Ахматовой, Байрона, Блока и Бродского, Есенина, Лермонтова и Маяковского, Мандельштама, Тарковского и Фета. Прелесть ассоциативного эксперимента заключается еще и в том, что, как отмечает И. А. Стернин, «используя экспериментальные психолингвистические методики исследования значения, можно ранжировать семы по яркости» [3, с. 44]. И если выделить имена поэтов из фрагмента ассоциативно-вербальной сети и оформить как отдельное микрополе, также выступающими в качестве реакций, то получаем следующее: Поэт – *Пушкин* (**70**); *Есенин, Лермонтов* (**8**); *Маяковский* (**6**); *Бродский* (**4**); *Ахматова, Пастернак* (**3**); *Байрон, Блок* (**2**); *Асадов, Мандельштам, Тарковский, Фет* (**1**).

Очевидна еще одна группа реакций, представляющих собой строки любимых стихов, осколки прецедентных текстов, названия поэтических произведений: *невольник чести* (**3**); *в России больше, чем поэт; «Евгений Онегин», и гражданин; нет, я не Байрон!; письмо к женщине, погиб,…; свеча горела, сказка о золотой рыбке, чувства лучшие* (**1**).

Полученные данные, таким образом, позволяют говорить о том, что именно культурные слои ассоциаций, элементы персоносферы [4] и прецедентные феномены формируют ядро рассматриваемой лексемы *поэт*. Однако культурная специфика анализируемого слова не отменяет национальную специфику его понимания.

Поэт в современной русской языковой картине мира понимается как «*гений*» (**24**) и «*творец*» (**8**); как тот творец, который, взявшись за «*перо*» (**17**) создает «*стихи*» (**18**) и «*стихотворения*» (**5**), получающие «*признание*»; тот, кто знаком с «*музой*» (**4**) и кому доступно «*вдохновение*» (**9**); тот, у кого «*талант*» и «*дар*»; тот, чье «*перо*» (**17**) является не только изящным орудием письма, но и символом писательского труда как такового.

Интересно выглядит лексикографическое определение поэта как «автора стихотворных, поэтических произведений» в сопоставлении с развернутыми ассоциативными определениями, индивидуальными, единичными, но такими точными и глубокими: поэт – это «*зеркало души*» и «*нерв жизни*». И как же в связи с эти не вспомнить еще раз любимую строчку из Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт…».

Полагаем, важно отметить еще и то, как лексема *поэт* в языковом сознании среднего носителя языка ассоциативно соединена с рядом терминов литера-

туроведения: поэт – *рифма* (**6**), *анализ, анапест, лирика, образ, ода, поэма, проза, ритм, слог* (**1**). Это уже иная тема для исследовательского разговора, но мы хотя бы просто обозначим, что эти ассоциативные сигналы «школьного знания», элементы банальной эрудиции приоткрывают для нас информацию о лексеме *поэт* как единице «наивного литературоведения» [5; 6].

Таким образом, осуществленное исследование позволяет сделать следующие выводы

1. Лексикографическое представление лексемы *поэт* демонстрирует, что в системе современного языка это слово имеет 2 лексико-семантических варианта: на базе первого, прямого значения «автор стихотворных, поэтических текстов» оформляются два оттенка значения и фиксируется переносное значение, образованное путем метафорического переноса.

2. Фрагмент ассоциативно-вербальной сети, выявленный в результате свободного ассоциативного эксперимента, свидетельствует о том, что все ассоциации связаны исключительно с прямым значением, максимально актуальным для среднего носителя языка.

3. Ассоциативный потенциал лексемы *поэт* показывает то, что в пространстве обыденного знания среднего носителя русского языка она функционирует не только как единица лексикона: глубина понимания *поэта* как явления литературы (и шире – культуры), представленная в большинстве ассоциаций, говорит о том, что в языковом сознании анализируемая лексема «живет» как единица тезауруса и отражает национальную специфику картины мира русского народа.

4. Статистические данные подтверждают ядерный статус ассоциаций русской «культурной памяти» (44 % реакций от числа всех ассоциаций), что великолепно иллюстрирует одну из идей В. В. Колесова: не мы живем в языке, а язык живет в нас, храня интеллектуально-духовные «гены», переходящие из поколения в поколение [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьев, В. В.* Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 2008.
2. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. : Ридерз Дайджест, 2004.
3. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
4. *Хазагеров Г.* Персоносфера русской культуры / Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 33–45.
5. *Черняк, В. Д.* «Наивное литературоведение» как фрагмент лексикона современной языковой личности / В. Д. Черняк, А. В. Швец // Вестн. ТГПУ. – 2006. – № 5. – С. 79–84.
6. *Швец, А. В.* «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. В. Швец. – СПб., 2005.
7. *Колесов, В. В.* Жизнь происходит от слова… / В. В. Колесов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.

А. А. Мяховский (Минск)

КОНТАМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И КАК РЕЧЕВОЙ СБОЙ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Статья демонстрирует, что в образовании контаминантов-оговорок и намеренных контаминантов задействованы различные психолингвистические процессы, влияющие на структурные характеристики контаминанта. Намеренность или спонтанность контаминации обусловливают различия в акцентно-слоговой структуре контаминантов, выборе основ и степени их усечения либо наложения. Так, для намеренных контаминантов характерна гораздо бóльшая структурная вариатив-ность, а для оговорок – сохранение структуры основ.

Изучение контаминации в психолингвистическом аспекте ведется уже давно. Первыми внимание исследователей привлекли контаминанты-оговорки, которые рассматривались как речевой сбой (*lapsus linguae, slips of the tongue*) [8; 9], например, *dreeze = draft + breeze*. Работы о контаминации как способе словообразования (далее такие единицы называются намеренными контаминантами, пример: *conswervative = conservative + swerve*) появились несколько позже [10; 11; 12]. Еще Г. Бергштрем проводил параллель между намеренными контаминантами и оговорками [6], однако детальные исследования, посвященные их сравнению, появились гораздо позже [5; 10]. Например, Т. Берг вывел общие закономерности, которые в зависимости от вида контаминанта могут проявляться в большей или меньшей степени. Для контаминантов характерна 1) принадлежность к одной грамматической категории; 2) определенная фонемная структура; 3) устойчивое соотношение длин основ и контаминантов; 4) использование усечения и /или наложения при их образовании [5]. Однако до настоящего момента еще не было выполнено сопоставления намеренных контаминантов и оговорок по всем структурным типам. Кроме того, в основном сравнительные работы имеют описательный характер и не дают объяснения обнаруженным фактам.

Цель нашего исследования – выявить структурные различия между намеренными контаминантами и контаминантами-оговорками и определить причины установленных различий.

В работе рассматривается шесть основных структурных типов контаминантов[1] [4, p. 56–58]:

1) AB + CD = AD – *blizzard + disaster = blizzaster*;
2) W1 + CD = WD – *click + Christmas = clicklmas*;
3) AB + W2 = AW – *fabulous + lash = fabulash*;
4) W1 + W2 = WW – *flab + abdomen = flabdomen*;
5) AB + CD = AC – *hydrogen + railway = hydrail*;
6) AB + W2 = AWB – *paragliding + hawk = parahawking.*

[1] При данной записи A, B, C и D заменяют инициальные и финальные части основ, а W используется для основ, сохраненных в полном объеме, и может сопровождаться порядковым номером основы: W1, W2.

Наша гипотеза заключается в том, что различная психолингвистическая природа языковых единиц повлечет за собой некоторые структурные особенности контаминантов из сопоставляемых групп и различия в частотности структурных типов.

Материалом для исследования послужили 540 намеренных контаминантов из онлайн-базы «The Rice University Neologisms Database»[1] и из обработанной нами выборки Н. Беляевой [4]. Из последней выборки мы исключили единицы, относящиеся к периферийным структурным типам, а также лексемы, которые можно условно рассматривать как результат других способов словообразования. Основанием для исключения слов из выборки послужили структурные критерии Д. Данкс [7]. Материалом для изучения контаминантов-оговорок стала 101 единица, найденная в работе В. Фромкин [8] и в базе речевых ошибок ее же авторства – «Fromkin's Speech Error Database»[2].

В ходе исследования выяснилось, что среди намеренных контаминантов больше всего распространены типы AD (30,4 %) и WD (36,6 %), AW представлены несколько меньше (17,4 %), а оставшиеся типы составляют меньшинство (от 3,8 % до 7,9 %). Контаминанты-оговорки менее разнообразны в структурном отношении: почти все единицы относятся к типу AD (78,2 %) и AW (10,9 %). Значительная доля единиц не относится ни к одному из 6 основных структурных типов (10,9 %). Отдельные структурные типы вовсе не встречаются среди контаминантов-оговорок, потому что для их образования необходимо осуществление сознательных операций: например, для WW это точный подбор основ, которые допускают центральное наложение без усечения, а для AWB это точное установление границы центрального сегмента основы-1, подлежащего замещению основой-2 (с или без наложения). Вероятно, те структурные типы, для которых требуется целый ряд операций, не способны возникнуть в виде спонтанной оговорки. Для группы оговорок, не подпадающих ни под один структурный тип (10,8 %), характерны следующие отличительные особенности.

1. Наложение основ непоследовательно в сравнении с намеренной контаминацией. Оно затрагивает множество сегментов основы и имеет несколько хаотичный характер: *transpised* (*transposed* + *transcribed*), *herrible (horrible* + *terrible*). Следовательно, в таких случаях нельзя говорить об инициальном, центральном и финальном наложении.

2. Усечение также носит множественный характер: *strick* (*stiff* + *constricted*), *canes* (*coins* + *change*). В намеренных контаминантах усечение обычно затрагивает лишь определенную часть основы: инициальную (основа-2 в AD и WD), центральную (основа-1 в AWB) или финальную (основа-1 и основа-2 в AC, основа-1 в AW).

3. Имеют место ошибки на фонемном уровне. Так, в *momint* (*moment* + *minute*) происходит персеверация (повтор) фонемы <m>. Этому способствует то, что <m> входит в состав сразу двух слов (*moment, minute*), а также неоднократно встречается в составе основы-1.

[1] http://neologisms.rice.edu/index.php.
[2] https://www.mpi.nl/dbmpi/sedb/sperco_form4.pl.

В целом для структуры оговорок характерно использование многократного фрагментарного наложения и усечения, которые затрагивают бóльшую часть основы и делают установление принадлежности того или иного сегмента к основе-1 или основе-2 затруднительным. Эта тенденция касается не только группы, которая не подпадает под выбранную структурную классификацию, но и общих для намеренных контаминантов и оговорок типов. Но то, по какой причине в оговорках встречаются только указанные типы AD и AW, требует разъяснения. Согласно исследованиям намеренных контаминантов наиболее распространенным является структурный тип AD [10, p. 146; 16, p. 158]. Однако психолингвистические исследования на первый взгляд опровергают возможность широкого использования типа AW. Считается, что короткие основы являются полисемантичными и более частотными, что делает их извлечение из ментального лексикона более быстрым [15, p. 284]. Как мы выяснили, в типах AW и WD основа W короче и, следовательно, должна чаще занимать инициальную позицию в контаминанте, что приводит к более широкому употреблению типа WD, а не AW. Так и оказалось в намеренных контаминантах, но не в оговорках. Выяснилось, что основы оговорок склонны быть одинаковой длины, что не позволяет нам опираться на приведенные психолингвистические исследования, касающиеся длины основ. Тем не менее, с точки зрения порождения речи, можно предположить, что в момент произнесения основы-1 происходит резкая активация основы-2 и полное переключение на нее. Вероятно, инициальная часть основы-2 чаще всего сохраняется, потому что является необходимой для восстановления формы и значения слова: экспериментально доказано, что восстановить их проще всего по инициальному, а не центральному или финальному отрезку [13].

Известно, что по поводу соотношения длины основ и намеренных контаминантов ведутся споры: О. Бат-Эль [2] утверждает, что контаминант должен быть равен по длине более протяженной основе, а Л. Бауэр, что контаминант не превышает ее длины [3]. Х. Кубозоно [11] считает, что контаминант, как минимум, равен более протяженной основе или длиннее ее.

Наши подсчеты подтверждают позицию последнего автора: чаще всего (65,3 %) намеренные контаминанты равны по длине более протяженной основе и лишь в 15–25 % случаев длиннее ее. Примечательно, что они редко уступают по длине более протяженной основе (≈ 3 %), хотя по всем возможным типам этот показатель варьируется от 1,2 % (AD) до 10,5 % (AC). В WW и AWB случаев, когда контаминант короче более длинной основы, не было зафиксировано вовсе. Контаминанты, уступающие более короткой основе по протяженности, замечены только в структурном типе AC (10,5 %).

При анализе оговорок мы установили, что они практически всегда равны одной из основ (в 96,1 % случаев у AD, 100 % у AW), а сами основы тоже имеют одинаковую длину. Случаи, в которых контаминант длиннее и короче более протяженной основы, находятся в равном соотношении. Это возможно благодаря тому, что слова, на базе которых возникла оговорка, имеют схожую акцентно-слоговую структуру и фонемный состав.

Анализ показал, что в намеренных контаминантах основы обычно равны лишь в типах AD и AC, а в типах WW и WD основа-1 короче основы-2, в AW и AWB – наоборот. Наличие бóльшего числа вариаций соотношения основ по длине объясняется тем, что намеренная контаминация является осознанным процессом, на каждом этапе которого говорящий или пишущий в той или иной степени осуществляет контроль за речепорождением. При намеренной контаминации также часто наблюдается сходство основ по длине, фонемному составу и акцентно-слоговой структуре [10], но при оговорке оно достигает более высоких показателей, поскольку является необходимым условием для ее возникновения [8; 9].

Мы уже рассматривали некоторые особенности наложения и усечения основ в оговорках, но сейчас остановимся подробнее на сопоставлении двух групп контаминантов по данному признаку. В ходе исследования мы установили, что для оговорок AD и AW больше характерно усечение основ (66,3 %; 63,6 %), чем усечение в сочетании с наложением (33,7 %; 36,4 %). В намеренных контаминантах типа AW соотношение обратное: усечение в сочетании с наложением (59,1 %) преобладает над чистым усечением (39,8 %), а в намеренных контаминантах структурного типа AD эти группы почти равны (49,4 %; 50,0 %). Более широкое использование усечения, чем наложения в сочетании с наложением, в контаминантах-оговорках предсказуемо: усечение становится инструментом к минимизации допущенной ошибки, позволяет приравнять контаминант по длине и структуре к одной из основ. При этом не стоит забывать, что усечение при оговорках затрагивает сразу несколько сегментов. Наложение основ в оговорках имеет столь же фрагментарный характер и нацелено на минимизацию различий в структуре и фонемном составе основ: *herrible* (*horrible* + *terrible*), *cataclyst* (*cataclysm* + *catalyst*). Были замечены разновидности атипичного наложения, характерные лишь для оговорок:

1) полное сохранение одной основы с включением компонентов другой: *cataclyst* (*catalyst* + *cataclysm*);

2) полное сохранение одной основы с включением лишь центрального фрагмента другой: *insufferior* (*inferior* + *insufficient*), *omnipicent* (*omniscient* + *omnipotent*).

Случаи, подобные последнему, напоминают центральную замену. Однако очевидно, что основа-2 сохранена лишь частично, и это не дает нам права приравнивать их к AWB.

Итак, лишь усечение и наложение вместе позволяют максимизировать сходство контаминанта с основами: усечение устраняет различающиеся сегменты, а наложение позволяет сохранить схожие и оптимально соотнести их позиционно. Высокая степень сходства необходима еще и потому, что в случае допущения очевидной и легко заметной ошибки она скорее всего так и не будет произнесена, а подвергнется исправлению со стороны системы аутомониторинга [16] еще на предартикуляционном этапе.

Согласно И. Плаг и С. Арндт-Лаппе, контаминант чаще всего перенимает не только бóльшую часть фонемного материала основы-2, но и ее

акцентно-слоговую структуру [1, p. 22]. Особенно важную роль имеет сегмент, начинающийся с места падения первичного ударения и вплоть до конца слова. К. Пинерос тоже придает важное значение основе-2 и утверждает, что основа-1 как бы подчиняется ей [14].

При анализе акцентно-слоговой структуры контаминантов мы выделили три группы: в первой контаминант перенимает структуру основы-1 (W1), во второй – основы-2 (W2), в третьей он не похож ни на одну из основ (W0). При этом в группе W0 может иметь место совпадение только акцентной, только слоговой структуры или же их полное расхождение.

Выяснилось, что намеренные контаминанты чаще всего перенимают акцентно-слоговую структуру основы-2 (AD – 69,3 %, WD – 83,5 %, WW – 70,7 %), а типы, в которых контаминанты совпадают по структуре с основой-1, малочисленны (AW – 43,2 %, AC – 36,8 %, AWB – 86,4 %). В каждом из структурных типов намеренных контаминантов группа W0 имеет разную частотность: от 18,0 % (AD) до 33,7 % (AW). В данной группе обычно наблюдается хотя бы частичное совпадение структуры с одной из основ: в *absol**u**dicrous* (*absolutely* + *l**u**dicrous*) сохранено первичное ударение основы-2; в *boom|burb* (*boom* + *su|burb*) – слоговая структура основы-2.

В то же время оказалось, что у оговорок сходство акцентно-слоговой структуры выражено гораздо более явно: совпадение структуры с одной из производящих основ у оговорок имеет место в 95 % случаев, в сравнении с 82 % у намеренных контаминантов. Из них лишь 12,9 % оговорок переняли структуру основы-1, 37,6 % – структуру основы-2, в 49,5 % структура основ идентична и совпадает с контаминантом. Высокое сходство обеспечивают множественные фрагментарные наложения, значительная степень совпадения фонемного состава основ, стремление к уравниванию длины контаминанта и основ. В группе оговорок W0 заметно преобладание тех же случаев, что и у намеренных контаминантов: чаще всего сохраняется первичное ударение основы-2, а слоговое сходство с основами теряется.

Из всего вышесказанного можно заключить, что оговорки отличаются от намеренных контаминантов по ряду параметров. Для оговорок характерно меньшее структурное разнообразие, а внутри типов, общих для обеих групп, можно заметить явные отличия.

1. Длины основ и контаминантов в оговорках почти идентичны. Для намеренных контаминантов это верно лишь в отношении структурных типов AD и AC.

2. В оговорках при одновременном использовании наложение и усечение затрагивают сразу несколько сегментов основ. В группе намеренных контаминантов необязательно представлены оба морфонологических процесса (в некоторых типах преобладает лишь усечение).

3. Сходство акцентно-слоговой структуры основ, образующих оговорку, выше, чем у намеренных контаминантов. Это обеспечивается не только выбором подобных по структуре лексических единиц, но и одновременным использованием усечения (устраняет отличающиеся сегменты основ) и наложения (совмещает сходные сегменты основ).

Итак, различия в речемыслительной деятельности при образовании намеренных контаминантов и оговорок приводят к различиям в их структуре. Однако этапы построения контаминантов у двух групп совпадают: сперва происходит выбор основ со сходным фонемным составом и акцентно-слоговой структурой; потом устанавливается порядок, в котором они будут следовать; в конце происходит соединение основ посредством наложения и /или усечения. Различия в структуре намеренного контаминанта и оговорки недостаточные, чтобы говорить о качественно разных процессах их образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arndt-Lappe, S.* The role of prosodic structure in the formation of English blends / S. Arndt-Lappe, I. Plag // English Language and Linguistics. – 2013. – № 17 (3) – P. 357–563.
2. *Bat-El, O.* Blend / O. Bat-El // Encyclopedia of language & linguistics / ed. by K. Brown. – 2nd ed. – Amsterdam, 2006. – P. 66–70.
3. *Bauer, L.* Blends: Core and Periphery / L. Bauer // Cross-disciplinary perspectives on lexical blending / ed. by V. Renner, F. Maniez, P. Arnaud. – Berlin, 2012. – P. 11–22.
4. *Beliaeva, N.* Unpacking contemporary English blends: Morphological structure, meaning, processing : a thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy / N. Beliaeva : Univ. of Wellington. – Wellington, 2014. – 284 p.
5. *Berg, T.* Linguistic structure and change: An explanation from language processing / T. Berg. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. – 336 p.
6. *Bergström, G.* On blendings of synonymous or cognate expressions in English: A nontribution to the study of contamination / G. Bergström. – Lund : H. Osslon, 1906. – 211 p.
7. *Danks, D.* Separating Blends: a Formal Investigation of the Blending Process and its Relationship to Associated Word Formation Processes / D. Danks ; Univ. of Liverpool. – Liverpool, 2003. – 338 p.
8. *Fromkin, V.* The Non-Anomalous Nature of Anomalous Utterances / V. Fromkin // Language. – 1971. – № 47 (1) – P. 27–52.
9. *Garret, M.* The analysis of sentence production / M. Garret // The Psychology of learning and motivation. – N. Y. : Academic Press, 1975. – Vol. 9. – P. 133–177.
10. *Gries, S.* Quantitative corpus data on blend formation: Psycho- and cognitive-linguistic perspectives / S. Gries // Cross-disciplinary perspectives on lexical blending / ed. by V. Renner, F. Maniez, P. Arnaud. – Berlin, 2012. – P. 145–167.
11. *Kubozono, H.* Phonological constraints on blending in English as a case for phonology-morphology interface / H. Kubozono // Yearbook of Morphology. – № 3 – P. 1–20.
12. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach / H. Marchand. – München : Beck, 1969. – 545 p.

13. *Marslen-Wilson, W.* Accessing spoken words: The importance of word onsets / W. Marslen-Wilson, P. Zwitserlood // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 1989. – № 15 (3). – P. 576–585.
14. *Piñeros, C.* The creation of portmanteaus in the extragrammatical morphology of Spanish / C. Piñeros // Probus. – № 16 (2) – P. 203–240.
15. *Piantadosi St.* The Communicative Function of ambiguity in Language / St. Piantadosi, T. Harry, E. Gibson // Cognition. – 2012. – № 122 (3) – P. 280–291.
16. *Plag, I.* Word Formation in English / I. Plag. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – P. 240.
17. *Postma, A.* Detection of errors during speech production: A review of speech monitoring models / A. Postma // Cognition. – 2000. – № 77 (2). – P. 97–132.

Н. П. Науменко (Минск)

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

В данной статье предлагаются возможности исследования терминов террористической деятельности, позволяющие рассматривать их как единую терминосистему. Максимально полную картину терминосистемы «Терроризм и антитеррористическая деятельность» позволяют представить семантическое поле и разработанный в данном исследовании тезаурус. Термины антитеррористической деятельности классифицируются по структуре, значению и сфере употребления, что в совокупности дает представление о характере данной терминосистемы. Предлагаемая в статье классификация по сфере употребления систематизирует термины по направлениям деятельности, а также выделяет в каждой подсистеме тематические блоки и представляет особый интерес ввиду того, что позволяет облегчить понимание текстов данной тематики. Для исследуемой терминосистемы характерна высокая степень метафоризации, что способствует созданию уникальных авторских терминов.

Термины терроризма и антитеррористической деятельности рассредоточены по разным словарям: общим, энциклопедическим, этимологическим и толковым, поэтому целесообразно обратиться к исследованию данной терминологии с целью ее систематизации, унификации и стандартизации для объединения указанных терминов в единую терминосистему [1, с. 123].

Для работы с англоязычной терминологией терроризма и антитеррористической деятельности важны временные рамки, поэтому в статье используются только данные за 2016–2019 годы, так как эта терминология постоянно обновляется ввиду необходимости обозначения вновь возникающих событий и явлений. Как заявил в интервью газете «The Independent» (2018) министр обороны Великобритании Майкл Фелон: «We are also dealing with a terrorist enemy that is not making demands or holding people hostage, but simply wants to kill as many people as possible – so this is a new element to international terrorism». Таким образом, характер мирового терроризма изменился, что привело к возникновению новых специфических слов и выражений.

В сфере терроризма и антитеррористической деятельности важно своевременно реагировать и предотвращать новые трагедии, что возможно только при сотрудничестве стран, требующем своевременного обмена информацией, ядром которой является терминология.

Средства массовой информации играют важную роль в пополнении языка новыми терминами ввиду того, что зачастую именно пресса впервые освещает события и действия, что в такой сфере, как терроризм и антитеррористическая деятельность, особенно важно.

Материалом исследования послужили 100 микроконтекстов, содержащих 104 термина, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных газет и журналов, в числе которых «The Washington Post», «The Times», «The USA Today», «The Independent».

Терминология терроризма и антитеррористической деятельности содержит ряд терминов, которые появились в течение последних лет, некоторые из ранее употребляемых терминов приобрели новые и дополнительные значения, часть из них выходит из применения, перемещаясь в разряд устаревших. Это связано с интенсивным развитием технологий, появлением новых средств защиты, а также изменением характера террористической деятельности. Все это не могло не отразиться на состоянии исследуемой лексики. В рамках данной статьи под термином понимается слово или словесный комплекс, существующие в рамках определенной замкнутой системы и отличающиеся семантической целостностью, контекстуальной независимостью, высокой информативностью и точностью [2, с. 73], а под терминологией терроризма и антитеррористической деятельности – совокупность терминов данной отрасли, образующая особый сектор лексики [3, с. 91]. В связи с данным определением термина будет целесообразно рассмотреть исследуемую терминологию в составе лексико-семантического поля и составить ее тезаурус.

Особый интерес представляет малоизученная классификация терминов по категории понятия, которое обозначает термин. Выделяются термины объектов, процессов и признаков. Некоторые категории применимы к любым объектам, другие только к определенной области знания. Поэтому часть терминов в данной классификации принадлежит к общенаучным терминам, а часть – к узкоспециализированной лексике [1, с. 93].

Применив эту классификацию к терминам антитеррористической деятельности, различаем термины объектов: *bomb, chlorine, physical caliphate, crude pipe bomb, dawn raid, suicide vest*; термины процессов: *to hold captive, to unravel an attack, to radicalize, to seek alliances, to gun down*; термины признаков: *high-profile.*

На основании сферы использования можно выделить универсальные (для многих близких областей), уникальные (для конкретной области) и концепциально-авторские термины [4, с. 21–29]. Особое внимание нужно обратить на концепциально-авторские термины, так как они, как правило, не имеют устоявшихся аналогов в другом языке, но выражают позицию автора: *the crime-plagued city of Karachi*; *the shoot-to-kill law enforcement policy.*

В данной статье представленная классификация уточняется и систематизирует термины терроризма по направлениям деятельности, а также выделяет в каждой подсистеме тематические блоки. По направлениям деятельности выделяются термины, присущие информационному терроризму (*informational terrorism*), ядерному терроризму (*nuclear terrorism*) и химическому и биологическому терроризму (*chemical and biological terrorism*).

Очевидно, что самый большой пласт лексики представляют общие термины: *stronghold* ‘опорный пункт’, *act of terrorism* ‘террористический акт’, *islamist* ‘радикально-исламистский’, *to make a statement* ‘сделать заявление’. Данные термины могут быть использованы в любой из подсистем терминологии антитеррористической деятельности.

Применение террористами новейших достижений науки и техники расширяет их возможности, позволяет привлекать к себе всеобщее внимание с целью держать людей в постоянном страхе. Терроризм с применением технологий способен нанести вред всему мировому сообществу, особенно странам с развитыми информационными технологиями. В настоящее время для террористов легко уязвимы практически все компьютерные средства обработки и хранения информации. Сфера информационного терроризма стала развиваться сравнительно недавно, поэтому количество терминологических единиц в данной группе небольшое. В эту группу входят такие термины, как *intelligence gathering* ‘военная разведка’, *electronic surveillance* ‘электронная слежка’.

Термины, относящиеся к ядерному терроризму, суть которого заключается в проведении различного рода диверсий на опасных, с точки зрения экологии, объектах, таких как электростанции, заводы по производству ядерного топливного цикла и ядерных боеприпасов, химические, нефтехимические и нефтеперегонные, металлургические, биотехнические предприятия, хранилища их сырья и продукции, нефте-, газо- и аммиакопроводы, а также военные объекты, содержащие радиоактивные и ядовитые вещества, часто можно отличить по компонентам *nuclear* и *radiation.* Например, *nuclear annihilation* ‘ядерное уничтожение’, *radiation-emitting material* ‘радиоактивный материал’.

Виды химического оружия, яды и вещества, применяемые для массового уничтожения людей, входят в группу химического и биологического терроризма, в том числе *chemical weapon* ‘химическое оружие’, *chlorine* ‘хлор’, *blood agents* ‘ОВ общего ядовитого действия’, *chlorine dioxide* ‘двуокись хлора’, *VX* ‘ОВ нервно-паралитического действия’, *pathogen* ‘патоген, возбудитель инфекций’, *anthrax* ‘сибирская язва’, *smallpox* ‘оспа’.

В рамках каждой из подсистем термины также возможно определить в группы. Тематическими блоками в рамках общих терминов антитеррористической деятельности являются антитеррористические органы: *CIA, FBI, and SOCOM*, террористические группировки: *Al Qaida, ISIS, Boko Haram, Mujahedin-e Khalg Organization, HAMAS, Al-Gama’a al-Islamiyya*. В рамках химического и биологического терроризма выделяется группа средств деятельности: *VX, chlorine dioxide, pathogen* и т.п.

Лексико-семантическое поле отражает смысловую парадигму слов, которые объединены одним родовым значением и входят в определенную семантическую сферу, покрывающую определенную область действительности, и чаще всего применяется для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных общим лексико-семантическим признаком, т.е. имеющих некоторый общий компонент значения [5, с. 38].

Семантическая структура отдельного поля включает в себя следующие составляющие: ядро поля, представленное родовой семой или гиперсемой, и периферию. Гиперсема организует вокруг себя все другие элементы поля, в то время как периферия объединяет единицы, удаленные в разной степени в своем значении от ядра. Можно предположить, что все слова, входящие в поле, уточняют одно общее понятие, придавая ему частные значения или оттенки значений [Там же, с. 154–156].

Более широкое родовое понятие, которое находится ближе к ядру семантического поля является гиперонимом, тогда как более узкое видовое понятие – гипонимом. Например, в примере с глаголами движения слово *передвигаться* является гиперонимом, а глаголы *идти, убежать, прибегать, отплывать* – гинонимы. Но необходимо отметить, что слова-гипонимы в определенных случаях могут одновременно являться гиперонимами по отношению к словам еще более узкого значения. Возвращаясь к примеру с глаголами движения, слово *ходить* является гиперонимом к глаголам *приходить, входить* [6].

Элементы языка связаны между собой не только отношениями подобия и иерархии, но и отношениями смежности семантики, которые являются существенными смысловыми отношениями. Примерами данных связей могут служить часть – целое (*капля – вода*), действие – орудие (*слышать – ухо*), содержащее – содержимое (*школа – ученики*). Слова, способные образовывать подобные связи, формируют тематические смысловые поля, которые, в свою очередь, могут быть крупными и объединять несколько полей меньшего размера [5, с. 154–156]. Понятие *поле* находится в родо-видовых отношениях с понятием *лексико-семантическая группа*, т.е. они соотносятся как общее и частное [7].

На основе анализа родовых и видовых отношений, тематических групп исследуемой терминологии выделены следующие лексико-семантические группы: названия организаций: контртеррористические: *FBI, the Survivors Against Terror group*; террористические: *Al-Qaeda, militant group, dissident group, Lashkar-e-Taiba, Taliban, Talibanization, Boko Haram, sleeper cells*; виды терроризма: *domestic terrorism, international terrorism, state-sponsored terrorism, informational terrorism, nuclear terrorism, chemical and biological terrorism*. В центре семантического поля данной лексико-семантической группы находится термин *terrorism*, входящий в состав всех терминов данной группы. Для группы терминов, относящихся к ядерному терроризму: *nuclear annihilation, radiation-emitting material* – характерна гиперсема *nuclear*. К следующим лексико-семантическим группам данного поля относится терминология информационного терроризма: *intelligence gathering, electronic*

surveillance; термины, относящиеся к химическому и биологическому терроризму: *chemical nerve agent, to release a chemical nerve agent, chemical attack, chemical weapon, chlorine, VX, choking agent, chemical agent, controlled drugs*; действия, ассоциируемые с террористической деятельностью: *to terrorize, to launch an attack* (=*conduct, stage, commit, carry out*), *to be suspected of assassinating smb., to train militants, deweaponizing*; действия, ассоциируемые с антитеррористической деятельностью: *drive out* 'вытеснять, выбивать', *flush out* 'выбивать противника, *push back* 'заставлять отойти', *to put back into a box* 'остановить, прекратить активность', *foil an attack* 'предотвратить нападение', *to unravel an attack* 'выяснить обстоятельства атаки'.

Отразить системность языка в наиболее полной мере и выявить закономерность в развитии отдельных терминосистем позволяет не только семантическое поле, но и тезаурус – словарь или свод данных, полностью охватывающий термины, понятия какой-нибудь специальной сферы, в котором слова представлены не по алфавиту, а в предметно-тематических группах [8]. Также интерес с точки зрения языка представляет определение статистического тезауруса как информационно-поискового словаря, содержащего перечень слов, отобранных в результате статистического анализа текстов по какой-либо определенной тематике и сгруппированных в словарные статьи на основе частоты совместной встречаемости этих слов в одних и тех же текстах [Там же]. В рамках данной статьи тезаурус рассматривается как особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т.д.) между лексическими единицами. Тезаурусы в электронном виде являются одним из действенных инструментов для описания отдельных предметных областей и создания информационно-поисковых систем (ИПС) [9].

На основании анализа англоязычных текстов антитеррористической тематики с использованием Oxford Living Dictionaries, The Free Dictionary by Farlex и Cambridge Dictionary нами был составлен тезаурус англоязычной терминологии терроризма и антитеррористической деятельности, ниже представленный статьей термина *terror*. В группу «Related words» мы включаем единицы, часто встречаемые в непосредственной близости к данному термину в контекстах, и словосочетания с этим термином.

Terror – the use of extreme fear to intimidate people. *Usage Note*: the word *terrorism* is sometimes shortened to *terror,* especially in phrases like *the war on terror* 'a grave, universal conflict between good and evil' *Related words*: terror threat, terror threat level.

Terrorist – 1. A person who engages in terrorism. 2. Of or relating to terrorism. *Related words*: terrorist act, terrorist attack, lone wolf terrorist, knife-wielding terrorist. *Lone wolf terrorist* 'a terrorist or other criminal who acts alone rather than as part of a larger organization'. *Knife-wielding terrorist* 'a person who engages in terrorism and chooses knife as a weapon of terrorism'.

To terrorize – create and maintain a state of extreme fear and distress in someone; fill with terror. *Syn.*: strike terror in, strike terror into, fill with terror, scare, frighten, terrify, petrify.

Terrorism – The unlawful use of violence and intimidation, especially against civilians, in the pursuit of political aims. *Syn*.: act of terrorism, terrorist act. *Related words:* domestic terrorism, state-sponsored terrorism, international terrorism, informational terrorism, nuclear terrorism, chemical terrorism, bio-terrorism, war on terrorism, anti-terrorism, counterterrorism, counterterrorism division. *Anti-terrorism* 'opposed to or acting against terrorism'. *Counterterrorism* 'activities that are intended to prevent terrorist acts or to eradicate terrorist groups'. *Counterterrorism division* 'an agency that investigates terrorist threats and acts'.

Informational terrorism – the committing of terrorist acts with the use of informational technologies. *Related words*: intelligence community, counterintelligence, CIA, electronic surveillance, intelligence gathering. *Syn*.: IC, National Intelligence Community, United States Intelligence Community.

Nuclear terrorism – the use of a nuclear device by a terrorist organization to cause massive devastation or the use (or threat of use) of fissionable radioactive materials; assaults on nuclear power plants is one form of nuclear terrorism. *Related words*: bomb, atom bomb, atomic bomb, fission bomb, plutonium bomb – a nuclear weapon in which enormous energy is released by nuclear fission (splitting the nuclei of a heavy element like uranium 235 or plutonium 239).

Chemical terrorism – terrorism using the chemical agents of chemical warfare; can undermine the personal security of citizens. *Related words*: chemical agent, chemical nerve agent. *Syn*.: nerve gas. *Related words*: VX gas, poison gas, to release a chemical nerve agent, Chlorine, chemical agent, choking agent. *Chemical attack* 'an attack in which chemicals other than explosives are used as weapons, esp warfare using asphyxiating or nerve gases, poisons, defoliants, etc'. *Syn*.: chemical operations. *Chemical weapon* 'chemical substances that can be delivered using munitions and dispersal devices to cause death or severe harm to people and animals and plants'. *Related words*: poison gas, chemical bomb, gas bomb. *Chlorine* 'a halogen element, a heavy, greenish yellow poisonous gas: used to purify water and to make bleaching powder and various chemicals'. *Syn*.: atomic number 17, Cl. *Choking agent* 'a toxic chemical-warfare agent that affects the respiratory tract, especially the respiratory bronchioles, alveolar ducts, and alveoli. These agents, such as phosgene (CG), can lead to shortness of breath and pulmonary oedema'. *Syn*.: pulmonary agent.

Bio-terrorism – terrorism using the weapons of biological warfare. *Controlled drugs* 'psychoactive and or potentially addictive agents'. *Pathogen* 'any microorganism capable of producing disease'. *Related words*: food-borne pathogen, water-borne pathogen. *Food-borne pathogen* 'a pathogen – especially bacteria, for which the 'vector' is itself a food'. *Water-borne pathogen* 'a pathogen – especially bacteria, for which the 'vector' is itself water'. *Blood agents* 'poisons that affect the body by being absorbed into the blood'. *Related words*: arsine, cyanide, cyanide poisoning. *Arsine* 'a cell and blood poison, many organic derivatives of which have been in chemical warfare'. *Syn.*: arsenic trihydride, arseniureted hydrogen, arsenous hydride. *Cyanide* 'a binary compound containing the radical CN (cyanogen); since cyanide prevents tissue use of oxygen, most of its compounds are deadly poisons'. *Related words*: cyanide poisoning, hydrogen cyanide, cyanogen chloride. *Cyanide poisoning* 'poisoning by cyanide

or one of its compounds; most cyanide compounds are deadly poisons. Characteristics include nausea without vomiting, dizziness, convulsions, and death from respiratory paralysis'.

To defeat terrorism – to overcome; vanquish. *Syn.*: to root out, extirpate, uproot, eradicate, exterminate.

To tolerate terrorism – to refrain from interfering with or prohibiting (something undesirable or outside one's own practice or beliefs). *Syn.:* stand for, allow, permit.

Таким образом, разработанные в данной статье классификация терминов по направлениям деятельности с подсистемой в виде тематических блоков, семантическое поле и тезаурус позволяют представить максимально полную картину терминосистемы «Терроризм и антитеррористическая деятельность» и представляют собой стратегию исследования отраслевых терминосистем разного рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лейчик, В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
2. *Моисеев, А. И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / А. И. Моисеев. – М., 1970. – 162 с.
3. *Лотте, Д. С.* Образование системы научно-технических терминов. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М., 2001. – 160 с.
4. *Слюсарева, Н. А.* О типах терминов: на примере грамматики / Н. А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 21–29.
5. *Стернин, И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
6. *Щур, Г. С.* Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 254 с.
7. *Васильев, Л. М.* Теория семантического поля / Л. М. Васильев // Вопр. языкознания. – М., 1971. – № 5. – С. 105–113.
8. Ожегов Сергей Иванович [Электронный ресурс] // Авторы Википедии; Википедия, свободная энциклопедия. – 2008. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782. – Дата доступа: 12.02.2019.
9. *Лесников, С. В.* Тезаурус как отражение системности языка / С. В. Лесников // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 50. – С. 52–61.

Ю. В. Овсейчик (Минск)

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функциональная многозначность соединительных средств на примере связующей языковой единицы *donc* 'итак', которое традиционно классифицируется как сочинительный союз во французском языке. Выделены основные значения связующей языковой единицы, представлены особенности ее функционирования во французском языке, анализируются переводческие решения на материале французско-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

С развитием языка потребность в связующих средствах постоянно возрастает и, естественно, никогда не удовлетворяется полностью. Средства связи становятся все более разнообразными, а сами отношения – все более сложными, тонкими, дифференцированными. Следует, очевидно, признать, что слов, выполняющих связующую функцию, гораздо больше, чем собственно союзов. При этом граница, отделяющая собственно союзы от других классов слов, имеющих связующую функцию, достаточно зыбкая, а у исследователей, занимающихся проблемой синтаксических связей, нет единого мнения по этому вопросу.

Можно заметить, что ключевая проблема класса связующих языковых единиц заключается в том, что в нее включаются единицы, чьи границы, прежде всего, в самом языке достаточно размыты и нечетки. Это, отчасти, объясняется тем, что множество связующих единиц находится в стадии формирования, на пути перехода из одного разряда в другой. «Когда переход совершается на наших глазах, когда длинный процесс перехода своей серединой занял как раз переживаемую нами эпоху, тогда мы останавливаемся в недоумении над словом и не знаем, к какой части речи его отнести», – писал А. М. Пешковский [1, с. 142–143]. Проблему отнесения той или иной языковой единицы к определенному классу особенно четко сформулировал Л. В. Щерба: «Всегда остается какое-то количество слов, которое никуда не подходит. Их относят либо к наречиям, либо к частицам, являющимся своего рода складочными местами, куда сваливают вперемешку все лишнее, что никуда не подходит...» [2, с. 24].

Так, в качестве связующих языковых единиц, которые « assurent l’organisation d’un texte » могут выступать самые разнообразные единицы: наречия (*d’abord, alors, puis, ensuite*), предложные группы (*d’une part, dautre part, en tout cas, en fin de compte, en réalité*), предикативные конструкции (*c’est-à-dire, autrement dit, je veux dire, comme je le dis*), союзы и союзные слова (*puisque, car*), вводно-модальные слова (*probablement*), но и словосочетания и выражения (*y compris*) и целые предложения (*je le reconnais, revenons à notre sujet)* [3; 4; 5].

Связующие языковые единицы представляют отношения между двумя положениями вещей либо как «объективные» (принимаются во внимание ‘условия истинности’ и семантическое наполнение компонентов), либо как «субъективные» (учитывается, прежде всего, точка зрения говорящего, его оценка связи между данными положениями вещей). Например: (1) Il n’est pas venu *parce qu*’il est malade; (2) Il n’est pas venu. *Donc* il est malade.

В (1) говорящий устанавливает причинно-следственные отношения между положениями вещей « *Il n’est pas venu* » и « *Il est malade* » ‘объективно’, на основе их истинности. В (2) отношение, показателем которого является *donc*, носит другой характер: говорящий считает положение вещей « Il n’est pas venu » достаточным основанием для вывода « *Il est malade* », хотя на самом деле это может быть и не так.

Объектом данного исследования стала частотная связующая языковая единица *donc* (согласно французскому текстовому корпусу Frantext фикси-

руется 10 000 словоупотреблений *donc* на 5 118 текстов по состоянию на декабрь 2018 г. [6]), которая одновременно является и сочинительным союзом, и наречием, и частицей, восходя в классической латыни к слову *dunc*, представляющее собой слияние *dumque* от усеченного варианта *dum* в значении ‘allons!’ и *tunc* ‘alors’ [7]. Так, материал исследования составляют 2 276 контекстов с *donc*, отобранных методом сплошной выборки из французско-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка [8].

Donc как сочинительный союз выражает следствие (3) или представляет умозаключение (4) из сказанного или написанного ранее, вводя целое предложение или его часть. Причем нередко имеется пунктуационная маркированность запятой, точкой запятой, двоеточием. Ср.:

(3) *Tu viens* ***donc*** *d’une autre planète ?* [2];

(3) ***Стало быть****, ты попал сюда с другой планеты?*;

(4) *Vous retardez de quatre minutes. N’importe. Il suffit de constater l’écart.* ***Donc****, à partir de ce moment, onze heures vingt-neuf du matin, ce mercredi 2 octobre 1872, vous êtes à mon service* [4].

(4) *Они отстают на четыре минуты. Но это несущественно. Достаточно установить расхождение.* ***Итак****, начиная с этого мгновения, т.е. с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, 2 октября 1872 года, вы у меня на службе.*

Как союз *donc* отражает также структуру повествования и используется для композиционно-смысловой организации текста, введения рассуждения-умозаключения, причем часто в сочетании с другими союзами или наречиями, например:

(5) *Je fais le tour de la place Victor-Hugo* ***et*** *j’essuie d’un revers de manche la sueur de mon front. Rue de Sontay. Rue de la Pompe, au 179. C’était* ***donc*** *là qu’habitait Farmer… Je contemple la façade de l’*immeuble. *Un appartement, au dernier étage? Il attendait Carmen. Poincaré 15–29.* ***Tout à l’heure****, je composerai ce numéro qui n’existe plus* ***et*** *j’appuierai très fort le combiné à mon oreille.* ***Mais*** *maintenant, je suis de nouveau sur le trottoir de la place Victor-Hugo,* ***tandis qu****’un car bleu et jaune s’arrête et déverse des Japonais, leurs appareils-photo en bandoulière* [2].

(5) *Обойдя вокруг площадь Виктора Гюго, я отираю обшлагом пот со лба. Улица Сонте. Улица Ла-Помп, 89.* ***Так вот*** *где жил Фармер… Я разглядываю фасад дома. Где была его квартира – может, на верхнем этаже? И он ждал Кармен. Телефон Пуанкаре 15–29. Скоро я наберу этот номер, которого уже нет, и крепко прижму к уху телефонную трубку. Но пока что я снова возвращаюсь на площадь Виктора Гюго, где останавливается синий с желтым автобус, из которого вываливаются японцы с фотоаппаратами через плечо.*

В этом значении связующая единица имеет целый ряд синонимических эквивалентов: *ainsi*, *par conséquent*, *conséquemment*, *en conséquence*, *partant*, *par suite*, *dès lors*, *alors*, *c’est pourquoi*, *comme cela*, *comme ça*, *d’où*, *en conclusion*, *or* [7].

Donc как наречие имеет либо анафорическое значение, возобновляя в устной или письменной речи тему (6), либо деиктическое, привлекая собеседника или читателя к тому, о чем идет речь (7). Как наречие *donc* не имеет фиксированной позиции во французском языке и может находиться дистантно от определяемого как в начале предложения (6), так и в конце предложения (7) или непосредственно с определяемым (8):

(6) *Or nous sommes furieusement tenus ici de voir politiquement les choses,* ***donc****…* [6];

(6) *А мы здесь безусловно обязаны смотреть на вещи с политической точки зрения,* ***стало быть…*** ;

(7) ***Donc****, à partir de ce moment, onze heures vingt-neuf du matin,…* [4];

(7) ***Итак****, начиная с этого мгновения – то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра...* ;

(8) *Je regardai* ***donc*** *cette apparition avec des yeux tout ronds d'étonnement* [2].

(8) ***Итак****, я во все глаза смотрел на это необычайное явление.*

Donc как модальная частица вносит в предложение разные значения субъективного отношения к сообщаемому. Либо непосредственно маркируются эмоциональные реакции говорящего, либо выражается волеизъявление, либо устанавливаются разнообразные связи и отношения сообщения с его источником, с другими частями сообщения, с другими событиями или фактами. Употребление данной частицы возможно как в утвердительных высказываниях (9), так вопросительных (10) и восклицательных (11):

(9) *Cette étude obscure, grasse de poussière, avait* ***donc****, comme toutes les autres, quelque chose de repoussant pour les plaideurs, et qui en faisait une des plus hideuses monstruositésparisiennes* [6];

(9) *Как и все адвокатские конторы, эта полутемная, покрытая слоем жирной пыли комната, внушавшая посетителям отвращение, принадлежала к самым гнусным парижским уродствам*;

(10) *« Mais on a* ***donc*** *le signalement du voleur ?» demanda Andrew Stuart* [4];

(10) *Так,* ***значит****, приметы вора изветны? – спросил Эндрю Стюарт*;

(11) *« Prenez* ***donc*** *garde ! vous êtes folle ! » Ensuite elle inspecta tous les jardins de Pont-l'Évêque; et elle arrêtait les passants: « Vous n'auriez pas vu, quelquefois, par hasard, un perroquet ?»* [5].

(11) *«Осторожнее! Вы с ума сошли!» Фелисите обшарила все сады Понл'Эвека, останавливала прохожих: «Вы не видали моего попугая?»*.

Таким образом, языковая единица *donc* в независимости от того является ли она союзом, наречием или частицей, представляется весьма своеобразной и может по-разному интерпретироваться в зависимости от семантико-синтаксических и прагматических контекстов своего функционирования.

«Загадочность» связующей языковой единицы *donc* становится более очевидной при межъязыковом сравнительном анализе. В этой связи

параллельные корпуса дают возможность межъязыкового сопоставления и анализа разнообразных переводческих решений неоднозначных связующих языковых единиц. В рамках нашего исследования сопоставительному анализу подверглась связующая языковая единица *donc* в 215 контекстах на французском языке в 6 документах, представляющих оригинальные литературные произведения, написанные за период 1832–1985 гг. и их переводные варианты на русском языке [8]. Любопытен факт корреляций количества словоупотреблений на единицу произведения в языке оригинала, так, количество словоупотреблений варьируется от 3 до 110 (табл. 1).

Таблица 1

Корреляция количества словоупотреблений на единицу произведения

Автор, произведение	Год издания	Кол-во словоупотреблений	
		в языке оригинала	в переводном варианте
P. Modiano «Quartier perdu» / П. Модиано «Утраченный мир»	1985	3	3
A. de Saint-Exupéry «Le petit prince» / А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»	1942	27	17
G. Flaubert «Un coeur simple» / Г. Флобер «Простая душа»	1877	6	5
J. Verne «Le tour du monde en quatre-vingt jours» / Ж. Верн «Вокруг света за восемьдесят дней»	1872	110	84
Pr. Merimée «Lokis» / П. Мериме «Локис»	1869	12	10
H. de Balzac «Le colonel Chabert» / О. де Бальзак «Прославленный Годиссар»	1832	57	31
Всего		215	162

Материал проанализированных 215 контекстов иллюстрирует три переводческих решения связующей единицы *donc*: использование различных переводных эквивалентов, выполняющих такую же функцию и наделенных таким же значением, как и в языке оригинала (140 случаев – 65,12 %), игнорирование в переводе (53 случая – 24,65 %) и использование других языковых средств в 22 случаях – 10,23 %).

В случае с переводными эквивалентами обнаруживается разнообразие связующих языковых единиц русского языка для передачи многозначности французской единицы *donc*: следствие, необходимость, усиление, противопоставление, следование, побуждение, ограничение, повторение. Однако анализ демонстрирует, что доминирующими оказываются лексические единицы со значением ‘следствие’: 67,14 % от всех переводных эквивалентов (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция соединительного элемента *donc* и переводных эквивалентов

Всего	140	Процент
‘Следствие’ (*итак, поэтому/потому, таким образом, значит, и вот*)	94	67,14
‘Необходимость’ (*должно/стало быть*)	23	16,43
‘Усиление’ (*же*)	15	10,71
‘Противопоставление’ (*впрочем*)	8	5,71
‘Следование’ (*тогда, и*)	7	5
‘Побуждение ‘ (*ну и*)	7	5
‘Ограничение’ (*только*)	5	3,57
‘Повторение’ (*еще и*)	4	2,86

Материал исследования показывает, что предпочитаемым эквивалентом для передачи причинно-следственных значений мобильной французской языковой единицы *donc* является лексическая единица *итак* (43,5 % от 94 контекстов), выносимая в начальную позицию предложения в русском варианте перевода, например:

(12) *J’ai* ***donc*** *dû choisir un autre métier* [2];
(12) ***Итак****, мне пришлось выбирать другую профессию*;

(13) *Cette folie de notre époque vint* ***donc*** *réagir sur l’illustre Gaudissart* [6].
(13) ***Итак****, это безумие нашего времени оказало свое воздействие и на прославленного Годиссара.*

В русском варианте перевода отмечается многообразие средств, передающих более тонкие причинно-следственных отношений в зависимости от контекста, что иллюстрируют следующие примеры:

(14) *Il connaissait* ***donc*** *Valentin* [1];
(14) ***Стало быть****, Валантена он знает*;

(15) ***Donc****, monsieur le professeur, trois jour ou deux jours après son mariage* [5];
(15) ***Так вот****, господин профессор, через два или три дня после свадьбы*;

(16) *C’est* ***donc*** *un industriel? – dit John Sullivan* [4];
(16) ***Значит****, это делец? – спросил Джон Сэлливан*;

(17) *Il n’a* ***donc*** *que la nuit pour creuser ses procès* [6].
(17) ***Таким образом****, в его распоряжении остается только ночь, для того чтобы вникнуть в судебные решения.*

Игнорирование в переводе наблюдается в тех случаях, когда речь идет о побуждении к действию (18) либо имеет место повтор сказанного (19) или сделанного (20). Ср.:

(18) *Allons, Simonnin, ne faites* ***donc*** *pas de sottise aux gens, ou je vous mets à la porte!* [6];
(18) *Хватит, Симонен, перестаньте дурачиться, а то я выставлю вас за дверь*;

(19) *Je refis* ***donc*** *encore mon dessin: mais il fut réfusé comme les précédents* [2];
(19) *Я опять нарисовал по-другому. Но и от этого рисунка он отказался…*;

(20) *Avait-il* ***donc*** *le pressentiment que j’écrirais quelque chose?* [1].
(20) *Предчувствовал ли он, что я однажды напишу?*.

В случаях игнорирования связующей единицы информационная составляющая текста, как правило, не страдает. Однако можно говорить о смысловых потерях при переводе не на информационном уровне, а на уровне взаимодействия автора текста и читателя, и в этом смысле связующие языковые единицы действительно представляют собой переводческую трудность.

Можно утверждать, что в современном состоянии связующие единицы избыточны с точки зрения синтаксического «устройства» высказывания, но при этом несут важную информацию о соотнесении данного высказывания со сказанным или написанным ранее. Можно предположить, что все они участвуют, хотя и с разными функциями, в оформлении передаваемой адресату информации, облегчая последнему точное ее понимание.

Использование других языковых средств для передачи многозначности французской связующей единицы носит авторский характер и не подлежит систематизации в силу уникальности каждого отдельного словоупотребления, например:

(21) *Finissez* ***donc*** *votre requête, elle doit être signifiée avant l'audience de la quatrième Chambre* [6].

(21) *Заканчивайте побыстрее прошение, оно должно быть подано до заседания Четвертой палаты.*

Анализ параллельных текстов позволил выявить как вариативность в употреблении исследуемой языковой единицы, так и многообразие переводческих решений: от полного игнорирования данных элементов текста до передачи значения с помощью других классов лексических единиц.

Итак, в контексте данная единица выражает соединительные, причинно-следственные, условно-следственные отношения, отношения следования и т.п., одновременно связывая два или более компонентов высказывания (синтагмы, простые и сложные предложения) таким образом, что первый компонент с той или иной степенью однозначности позволяет прогнозировать появление второго.

Синтаксическая мобильность французской связующей единицы и ее высокая частотность употребления демонстрируют огромное разнообразие отношений, которые она маркирует, что позволяет по-разному интерпретировать многочисленные функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 1956.
2. *Щерба, Л. В.* Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Избр. работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1. – С. 5–24.
3. *Riegel, M.* Grammaire methodique du francais / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. – Paris : P.U.F., 2016. – 1168 p.
4. Graimaire Larousse du francais contemporain. – Paris : Larousse, 1981. – 496 p.
5. *Grevisse, M.* Le bon usage. Grammaire fraincaise / M. Grevisse. – Paris : Duculot, 1993. – 1762 p.
6. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.frantexte.fr/.
7. Centre National des resources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnrtl.fr/.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/.

И. И. Панова, Е. П. Шило (Минск)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ РЕЧЕВЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АНГЛИЙСКОМ УСТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Изучение реализации усилительных наречий различной частеречной сочетаемости в английских художественных произведениях, публичной, обиходно-бытовой и непринужденной коммуникативных сферах устной речевой реализации позволило установить устойчивые тенденции как в характере соотношения лексико-семантических и просодических средств, так и степени их проявления в различных ситуативных условиях речевого общения. Использование наречий-интенсификаторов стилистически маркировано и заключается в различной рекуррентности их частеречной сочетаемости, диапазоне вариативности фразовой слоговыделенности в их разной позиции во фразе. Включение лексических наречий-интенсификаторов в структуру фразы не является абсолютным способом повышения ее экспрессивности. Наиболее константным приемом социокультурной интерпретации информативной и прагматической содержательности фразы является ее просодическая экспликация.

Целесообразное расслоение выразительных средств как нормативных, так и вариативных образований в устной речи определяют совокупности коммуникативных и социокультурных условий, составляющих понятие речевой ситуации. Противопоставление однотипных социолингвистических свойств языковых образований на различных уровнях анализа их актуализации в разных коммуникативных сферах общения позволяет рассматривать их как стилистически ограниченные речевые нормы. Социально значимым оценочным критерием проявления речевой культуры говорящего является, следовательно, функционально-значимая и прагматическая адекватность используемых выразительных средств.

В данной работе представлены результаты сравнительного экспериментально-фонетического анализа экспрессивно маркированных фраз, содержащих усилительные наречия в английской публичной официально-деловой и непринужденной обиходно-бытовой сферах речевого общения.

Как известно, широта семантики и многогранность модификационного, дистрибутивного и эмотивно-модального потенциала лексико-морфологических классов наречий в английском языке представлена в англистике в их достаточно развернутой классификации. Наиболее последовательно в большинстве работ определены семантико-морфологические [1], функционально-направленные [2; 3] и объектно/субъектно ориентированные классы наречий [4].

Представляя собой открытый класс слов как продуктивная словообразовательная модель в английском языке, наречие при подвижности его локализации в предложении имеет различную частеречную сочетаемость. Отнесение лексико-морфологических классов наречий к разряду «интенсивов», или «интенсификаторов», т.е. так называемых модусных слов, часто основывается на интуитивном определении степени проявления в них доминирующего признака усиления функциональной содержательности целостной речевой единицы или смыслового веса усиливаемого ими слова. В результате, инкорпорирующие их фразы позволяют идентифицировать

информативное содержание речевого акта на прагматическом уровне в рамках определенных, различающихся по степени эмотивности образов позитивной или негативной оценочной направленности. Например:

I am absolutely not interested in visiting them.

That young lady was awfully beautiful in the theatre.

They highly disagree!

It was extremely good.

I really don't like these open plan offices [5, p. 6].

На начальном этапе сравнительного эксперимента одна из задач исследования заключалась в необходимости установить в функционировании наречий-усилителей принципы сохранения социокультурных тенденций в частотности используемых лексических единиц, системности их частеречной сочетаемости и позиционной специфики в каждой коммуникативной сфере их употребления. Стабилизация указанных характеристик в каждом социокультурном пространстве гипотетически рассматривалась как составная часть стилистической нормы.

С целью подтверждения допустимости использования наречий в качестве интенсификаторов в соответствии с доминантными признаками их коннотативной семантики методом сплошной выборки были выделены наречия с аффиксом *-ly* из словаря Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners [7]. Их количество относительно всех 240 000 словарных статей составляло 0,002 % включений.

Количественная встречаемость наречий-интенсификаторов в двух хронологически различных художественных (классическом и современном) произведениях [5, p. 8], в публичной официально-деловой и непубличной непринужденной английской речи с учетом их частеречной принадлежности в процентном выражении относительно указанного объема словарной выборки показаны в табл. 1.

Таблица 1

Частотность наречий-интенсификаторов в стилях речи, %

Стиль	Часть речи			Объем выборки
	Глагол	Прилагательное	Другие	
Художественный	27	60	13	863 стр.
Официально-деловой	30	46	24	5 000 слов
Непринужденный	46	42	12	5 000 слов

Коэффициент совокупной частеречной встречаемости наречий в художественных произведениях равен 0, 091 %; в устной речи он составляет 2,43 %; при этом в диалогах спонтанной непринужденной речи их частотность равна 1,66 % [6], а в аудио- и видеозаписях образцов официально-деловых монологов английских политических деятелей в объеме указанной выборки речевого материала составляет 1 % [9].

В сравниваемых устных текстах стилистические различия также имеют место в частеречной сочетаемости усилительных наречий. Официально-деловые монологи отличает более широкий спектр употребления лексически

разных наречий-интенсификаторов, в то время как в непринужденной речи их вариативность была ограничена словами *really, actually, certainly* в 76 % в содержащих их фразах при полном отсутствии интенсификаторов, используемых в официально-деловых сообщениях типа *fundamentally, highly, critically, profoundly* и т.п.

Сравнение просодических структур стилистически разных фраз с наречиями-интенсификаторами проводилось на перцептивном и акустическом уровнях по акцентно-тональным и темпоральным признакам. Для фонетического эксперимента были выбраны 100 тематически наиболее нейтральные с точки зрения стилистической заданности их лексического наполнения фразы в исполнении носителей британского общенационального типа произношения, которые активно владеют его орфоэпической нормой. Данные просодических транскрипций фраз, зафиксированных опытными аудиторами-фонетистами, и акустические величины параметров частоты основного тона (ЧОТ), и среднеслоговой длительности наречий (СДС) показали наиболее эксплицитные различия в стилистических вариантах фраз по признакам их фразовой слоговыделенности как интенсификаторов разных частей речи.

Так, например, наречия, определяющие глагол в непринужденном стиле речи почти в три-четыре раза чаще получают эмфатическое и частичное ударение и реже выделены полным ударением. Например:

It's ∪∪really •getting on my ˥nerves˧ I ˥tell you…

We ∪don't •really •need to ˥learn ˏGerman.

I ∪think you ∪actually •need to ∪speak to our ∪Customer ˥Services De∩partment.

Количественные данные дистрибуции типов фразовой слоговыделенности наречий-интенсификаторов показаны в табл. 2.

Таблица 2

Степень выделенности частеречных интенсификаторов в стилях речи, %

Часть речи	Ударение							
	эмфатическое		полное		частичное		безударное	
	Стиль							
	официально-деловой	непринужденный	официально-деловой	непринужденный	официально-деловой	непринужденный	официально-деловой	непринужденный
Глагол	6,6	17,4	73,3	43,5	6,6	26,1	13,3	13
Прилагательное	30,4	23,8	60,9	62	–	4,8	8,7	9,5
Другие	16,6	16,7	58,3	83,3	16,6	–	8,3	–
Среднее	17,9	19,3	64,2	63	7,73	10,3	10,1	7,5

Наиболее значимые стилистические различия в их количественной частотности усиления глаголов характерны для всех типов ударений. Различия во фразовой слоговыделенности частичным ударением или случаи их безударного произнесения стилистически отличают наречия-определители других частей речи.

Стилистические контрасты по степени слоговыделенности интенсификаторов в их различной дистрибутивной позиции во фразе заключаются в выделенности глаголов и прилагательных эмфатическим или полным ударением в их конечной локализации во фразе официальной речи (16,6 % и 76,5 % соответственно). В непринужденной речи они наиболее проминантны в срединной позиции при усилении значения всех частей речи: глаголов в 60 %, прилагательных в 100 % и других частей речи в 75 % случаев. Например:

The ∪courts would •almost ∴∴certainly \strike it ˏdown as a •vio∪lation of the ∪U•S ∪Consti\tution.

This ˇterrorism is com∪∪pletely •indis^criminate{ and has ∪been \thrust u∩pon us.

It's ∪∪really •getting on my \nerves{ I \tell you…

∪That's ex\tremely ˏnice of you.

Усилительные наречия в каждом из сравниваемых стилей не являются акцентуационными центрами фраз. Вместе с тем способ их тональной маркированности стилистически дистинктивен. В официально-деловой речи усилительные наречия разной степени ударности в 72 % случаев произносятся с ровным тоном, а в непринужденной речи их повышенная проминантность в 49 % случаев отмечалась кинетическими тонами разного направления. Например:

There is ∪no •moral ˏway to ∪sympathize with ∪grossly im•moral \actions.

∪This was ˇactually ∪rather •bad \news.

Сравнение величин параметрических значений частоты основного тона (ЧОТ) и среднеслоговой длительности (СДС), показанное в табл. 3, подтверждает контрастивность перцептивной оценки стилистически разной принадлежности фраз по показателям максимального и минимального уровней и диапазона ЧОТ, а также их темпоральной реализации.

Таблица 3

Акустические значения наречных интенсификаторов в стилях устной речи

Часть речи	Ударение							
	эмфатическое		полное		частичное		безударное	
	Стиль							
	официально-деловой	непринужденный	официально-деловой	непринужденный	официально-деловой	непринужденный	официально-деловой	непринужденный
Глагол	6,6	17,4	73,3	43,5	6,6	26,1	13,3	13
Прилагательное	30,4	23,8	60,9	62	–	4,8	8,7	9,5
Другие	16,6	16,7	58,3	83,3	16,6	–	8,3	–
Среднее	17,9	19,3	64,2	63	7,73	10,3	10,1	7,5

Эксперимент показал, что на базе данных комплексного анализа просодических структур фраз возможно установить как стилистически достоверные акцентные, тональные и темпоральные портреты наречных

интенсификаторов в просодии фразы, так и инвариантные признаки, которые не обнаруживают в их структурах значимых функционально-стилистических границ. Максимально близкие акцентно-тональные структуры имеют фразы, инкорпорирующие наречия-интенсивы, которые в силу их значительной частотности в речи утрачивают эмотивную нагрузку и не повышают просодическую экспрессивность выделенного слова, т.е. они чаще являются частично ударными или безударными.

Сравнительное изучение и оценка роли наречных интенсификаторов в повышении экспрессивности фразы указывает на то, что в устной публичной и обиходно-бытовой непринужденной речи возрастает количество участия лексических интенсификаторов как эмотивного способа повышения воздействия речевого высказывания по сравнению с художественной прозой. Данная тенденция в рамках исследуемого материала была установлена с учетом лингвистических факторов их частеречной сочетаемости и дистрибуции во фразе. Сравнение стилистического характера экспликации средств эмотивной выразительности фраз показало их как вербальную, так и просодическую избирательность в соответствии с требованиями языковой структуры определенной коммуникативной среды речевого общения.

Важно также в аспекте рассматриваемой проблематики указать на то, что разнообразие информативного речевого пространства есть результат отражения событийной действительности в персонифицированном оценочном ее представлении говорящим, соотносимым с ограниченной социокультурной сферой общения. Особая интеграция средств лексической и просодической интенсификации в каждой коммуникативной сфере общения обеспечивает прототипически адекватное восприятие эмотивно прагматической интенции воздействия как нормативный речевой акт.

Наречия-интенсификаторы как особый субъектно ориентированный класс не всегда во фразе коррелируют с их выделенностью просодическим средствами. Однонаправленное взаимодействие разноуровневых средств в исследуемом материале имели место только в тех наречиях, в семантике которых наиболее эксплицитно доминирует прагматический аспект оценочности.

Несомненно, составление полной картины дифференцированного описания вариантов исследуемых фраз повышенной экспрессивности в устной речи объективно осложнено действием многоаспектных комбинаций стилеобразующих факторов, влияющих на выбор стилистически адекватных выразительных средств в каждом коммуникативном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархударов, С. Г.* Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских / С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1974. – 178 с.
2. *Блох, М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка : учебник для студентов филол. фак-тов ун-тов и фак-тов англ. яз. педвузов / М. Я. Блох. – М. : Высш. шк., 1983. – 383 с.

3. *Зубенко, Н. В.* Когнитивно-семантические параметры наречий с суффиксом -ly в английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Б. Зубенко ; Пятигор. гос. ун-т. – Пятигорск, 2016. – 27 с.
4. *Jackendoff, R. S.* X-bar syntax: a study of phrase structure / R. S. Jackendoff. – Cambridge, MA : The MIT Press, 1977. – 249 p.
5. *Maugham, M. Somerset* Of Human Bondage / M. Somerset Maugham. – Pan Books : William Heineman, London, 1983. – 687 p.
6. *Карневская, Е. Б.* Практическая фонетика английского языка : учебник / Е. Б. Карневская [и др.]; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 8-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2010. – 368 с.
7. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners / publ. manager L. Delacroix. – 6th ed. – Harlow : Longman, 2014. – 2161 p.
8. *O'Neil, E.* Long Day's Journey into Night / E. O'Neil. – New Haven ; London : Yale University Press, 1976. – 176 p.
9. British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.britishpoliticalspeech.org/about.htm. – Дата доступа: 05.03.2019.

В. У. Праконіна (Мінск)

ЯКАСНЫЯ ЗМЕНЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў XX–XXI ст.

Працэсы, якія характарызуюць развіцце беларускай літаратурнай мовы ў XX–XXI ст., паўплывалі на колькасны і якасны склад беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Аналіз этапаў фарміравання беларускай эканамічнай тэрміналогіі, даследаванне дадзенай тэрмінасістэмы ў структурным і сістэмным аспектах дазваляе выявіць дынамічныя працэсы ў ходзе яе фарміравання і развіцця (у дыяхраніі). Пры аналізе адпаведных працэсаў неабходна ўлічваць катэгорыю моўнай нормы, якая на працягу XX–XXI ст. неаднойчы змянялася. Да ліку якасных змен у беларускай эканамічнай тэрміналогіі адносяцца змены ў семантыцы тэрмінаў, змены ў правапісе, а таксама працэсы семантычнай архаізацыі тэрміналагічных паняццяў.

Семантычныя змены ў лексіцы і ў тэрміналогіі даследавалі С. В. Грынеў-Грыневіч, Д. М. Шмялеў, А. Ш. Даўлетукаева, І. А. Радчанка, В. Ф. Ракіна, Л. М. Аляксеева, Н. М. Карпухіна, С. М. Струкава, І. І. Савіцкая, Т. В. Капейко і інш.

Асноўнымі шляхамі змянення значэння тэрміна з'яўляюцца:

- метафарызацыя – працэс пераносу назвы з аднаго прадмета на другі на аснове падабенства формы, колеру і функцыі і інш.;
- тэрміналагізацыя – набыццё агульнаўжывальным словам прыметы тэрміналагічнасці;
- транстэрміналагізацыя – пераход тэрміна з адной тэрміналагічнай сістэмы ў іншую са змяненнем значэння;
- метанімія – перанос назвы з аднаго класа аб'ектаў на другі на аснову сумежнасці;
- дэтэрміналагізацыя – страта тэрмінам тэрміналагічнасці ў выніку яго выхаду з тэрміналагічнай сістэмы.

Найбольш распаўсюджанай лексіка-семантычнай з’явай у беларускай эканамічнай тэрміналогіі з’яўляецца метафарызацыя тэрмінаў. Даследчыкі заўважаюць, што калі метафара ў мове «становіцца прамой назвай дадзенай рэчы» [1, с. 76–77], то ў тэрміналогіі за любой метафарай стаіць значэнне тэрміналагічнае.

Метафара ўзнікае ў тэрміналогіі як вынік параўнання, а таксама паводле падабенства знешняга выгляду (формы), функцыі (дзеяння), месцазнаходжання, колеру, асацыяцыі, некалькіх прымет [1]. У беларускай эканамічнай тэрміналогіі можна вылучыць наступныя віды метафар.

Паводле асацыяцыі. Гэта самая вялікая група тэрміналагічных адзінак, утвораных, як правіла, па мадэлі «прыметнік + назоўнік». Усе тэрміны з гэтай групы маюць у сваім складзе тэрміналагічныя элементы, якія выклікаюць асацыяцыі з агульнаўжывальнымі словамі: *валюта замкненая* [2, с. 23], *валюта устойлівая* [2, с. 77], *валюта цвердая* [2, с. 71].

Паводле падабенства функцыі (дзеяння). Асноўная частка тэрміналагічных словазлучэнняў пабудавана па мадэлі «назоўнік, утвораны ад дзеяслова + назоўнік»: *задавальненне патрэб* [2, с. 76], *закрыцце рахункаў* [2, с. 23], *замарожванне даходаў* [2, с. 23], *кан’юнктура рынку* [2, с. 31].

Паводле падабенства знешняга выгляду (формы): *комплекс знешнеэканамічны* [3, с. 194], *стымуляванне перакрыжаванае* [4, с. 123], *тавараправодная сетка* [2, с. 73].

Паводле падабенства месцазнаходжання: *інтэграцыя вертыкальная* [5, с. 12], *нізавы ўлік* [2, с. 44], *пазіцыя валютная* [3, с. 193], *разлік гаспадарчы нізавы* [2, с. 44].

Паводле падабенства колеру: *металургія каляровая* [6, с. 63], *металургія чорная* [6, с. 66], *процант чырвоны* [7, с. 57], *сторна чырвонае* [8, с. 11].

Беларускія эканамічныя тэрміны шляхам метафарызацыі ўтвараліся ў асноўным на аснове падабенства па асацыяцыі або функцыі: гэта звязана з суаднесенасцю эканамічных тэрмінаў з абстрактнымі працэсамі і паняццямі.

Да тэрмінаў, якія развілі мнагазначнасць у выніку метафарызацыі, адносяцца: *выхад (прадукцыі)* [9, с. 53], *гульня* [9, с. 119], *заахвочванне* [9, с. 99], *забарона* [2, с. 24].

Яшчэ адной лексіка-семантычнай з’явай у беларускай эканамічнай тэрміналогіі з’яўляецца **ажыўленне ўстарэлых слоў**: «у перыяд адраджэння пісьмовай мовы і пашырэння яе функцый узнікае асаблівая патрэба ў новых словах, а значыць, і неабходнасць у адшуканні ўсе новых крыніц папаўнення лексічнага складу» [10, с. 116].

У працэсе фарміравання некаторых беларускіх эканамічных тэрмінаў дынаміка не прасочваецца. Гэта, як правіла, *гістарызмы* – «словы, якія выйшлі з актыўнага ўжытку і перайшлі ў пасіўны склад лексікі з той прычыны, што зніклі рэаліі (прадметы, з’явы, паняцці), для абазначэння якіх яны існавалі» [11, с. 18]. Такія тэрміны прадстаўлены ў картатэцы беларускіх эканамічных тэрмінаў у адным варыянце, прыведзеным у «Слоўніку бугальтэрскае тэрмінолегіі» (1928). Паняцці, абазначаныя дадзенымі тэрмінамі зніклі: *арцельшчык* [12, с. 52], *базіс* [13, с. 8], *барацьба клясавая* [14, с. 198], *імобіль* [12, с. 58], *інтарэс клясавы* [15, с. 503], *разверстка харчовая* [16,

с. 102]. Такія тэрміны, як правіла, абазначаюць рэаліі савецкага часу і сустракаюцца ў крыніцах беларускай эканамічнай тэрміналогіі адпаведнага перыяду[1].

Змены адбыліся ў архаізмах – тэрмінах, якія абазначаюць устарэлыя назвы з'яў, прадметаў, паняццяў: *арытмэтыка камэрцыйная* [12, с. 59], *база, лабаз* [12, с. 53], *бракар* [12, с. 53], *вылічэньне курсавое* [12, с. 60], *выпазычка* [12, с. 54], *дыфэрэнцыя* [12, с. 56].

Тэрміны-архаізмы, у адрозненне ад гістарызмаў, суадносяцца з сучаснымі эканамічнымі паняццямі. Пар.: *арытмэтыка камэрцыйная* [12, с. 59] – *падліковы працэс* [8, с. 29], *вылічэньне курсавое* [12, с. 60] – *курсавая розніца* [2, с. 33], *купец* [13, с. 503] – *прадпрыемец* (*прадпрымальнік*) [17, с. 85], *маклак* [12, с. 61] – *пасрэднік* [18, с. 24], *пераказ поштай; паштовы пераказ* [12, с. 64] – *перавод* [19, с. 49].

Прычыны семантычнай архаізацыі тэрмінаў даследчыкі бачаць у наступным: «першая, інтралінгвістычная прычына, накіравана на пераадоленне "лішняга" слоўнікавага складу і датычыць шматлікай катэгорыі назоўнікаў дэнататыўнага і абстрактнага характару… Другая, пазамоўная прычына, звязана з састарэннем саміх паняццяў, якія абазначаліся пэўнымі словамі; тут выяўляецца сувязь лексічных значэнняў з пазамоўнай рэчаіснасцю і рэферэнтным аднясеннем)» [20, с. 51–52].

Да ліку тэрмінаў, якія ў XX ст. лічыліся **неалагізмамі**, адносяцца наступныя адзінкі: *адмонізацыя* [12, с. 51], *акомэнда* [12, с. 51], *акцыдэнцыя* [12, с. 52], *барат* [12, с. 53], *дыто* [12, с. 56]. Дадзеныя тэрміны, з'яўляючыся запазычаннямі, увайшлі ў склад беларускай эканамічнай тэрміналогіі пераважна ў 20-я гг. XX ст і выкарыстоўваюцца ў дадзенай галіне тэрміналогіі і сёння (са зменамі ў правапісе).

На працягу станаўлення, фарміравання і развіцця беларускай эканамічнай тэрміналогіі беларускі правапіс неаднаразова мяняўся. У 20-я гг. XX ст. тэрмінолагі карысталіся тарашкевіцай, пасля рэформы 1933 года правапіс быў кардынальна зменены. А. І. Жураўскі адзначае, што «ў даваенных замежных выданнях на беларускай мове больш ці менш паслядоўна захоўваліся правапісныя і граматычныя нормы дарэформеннага беларускага правапісу, тады як у Савецкай Беларусі ўсе выданні прытрымліваліся толькі новага правапісу, прынятага ў 1933 г. Так фактычна ўзніклі два варыянты беларускай літаратурнай мовы, адрозненні паміж імі выяўляліся ў правапісных нормах, граматычных формах і ў лексіцы» [21, с. 8]. Правілы гэтай рэформы былі ўдакладнены ў «Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі»

[1] У «Слоўніку бугальтэрскае тэрмінолёгіі» (1928), «Палітычнай эканоміі» Л. Любмімава (1925) «Палітычнаай эканоміі ў сувязі з тэорыяй савецкай гаспадаркі» І. Лапідуса (1931), «Пачатковым курсе палітычнай эканоміі» Л. А. Лявонцьева (1936) дадзеныя тэрміны гістарызмамі не з'яўляюцца і абазначаюць актуальныя на той час паняцці з эканамічнай сферы. У тэрміналагічных крыніцах канца XX – пачатку XXI ст. (Г. І. Базылева «Слоўнік эканамічных тэрмінаў» (1992); О. П. Зенькович «Краткий русско-белорусский словарь экономических и бухгалтерских терминов» (1994); С. Я. Янчанка «Слоўнік катэгорый эканамічнай тэорыі» (1999); С. Ф. Шымуковіч «Эканамічная гісторыя Беларусі» (2002); А. М. Савіцкая «Руска-беларускі слоўнік эканамічных тэрмінаў» (2007)) тэрміны-гістарызмы ўжываюцца для найбольш максімальнай перадачы ўсіх эканамічных рэалій.

1959 года. На сучасным этапе арфаграфічныя нормы былі мадыфікаваны ў 2008 годзе ў сувязі з выхадам новай рэдакцыі «Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі». Пастаянныя змены моўных норм вядуць да якасных змен у беларускай эканамічнай тэрміналогіі.

Эвалюцыя семантычных змен у межах беларускай эканамічнай тэрміналогіі прывяла да якасных змяненняў унутры дадзенай галіны. Якасныя змены беларускіх эканамічных тэрмінаў праяўляюцца ў пэўнай трансфармацыі іх значэння, гучання, ужывання. Сюды адносіцца калькаванне тэрмінаў з рускай мовы, архаізацыя тэрмінаў, тэндэнцыя да вяртання ўстарэлых слоў у актыўны ўжытак, семантычны спосаб утварэння беларускіх эканамічных тэрмінаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Струкава, С. М.* Беларуская мова. Тэрміналагічная лексіка па нафта- і газаздабычы : вучэб. дапам. / С. М. Струкава. – Наваполацк : ПДУ, 2004. – 297 с.
2. Краткий русско-белорусский словарь экономических и бухгалтерских терминов / сост. О. П. Зенькович [и др.] ; под ред. О. П. Зенькович. – Минск : Ураджай, 1994. – 88 с.
3. Внешнеэкономическая деятельность : словарь-справочник / С. Ю. Кричевский [и др.] ; под ред. С. Ю. Кричевского. – Минск : Выш. шк. 1992. – 208 с.
4. Маркетинг : словарь-справочник / Л. В. Бедрицкая [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1993. – 333 с.
5. Слоўнік эканамічных тэрмінаў / склад. Г. І. Базылева. – Мінск : МДПІ, 1992. – 54 с.
6. Слоўнік па эканоміцы : праект для абмеркавання / Акад. навук Беларус. ССР, галоў. рэд. БСЭ. – Мінск, 1967. – 88 с.
7. *Шаршнёў, А. В.* Беларуская мова. Прафесійная лексіка / А. В. Шаршнеў. – Мінск : Прыватны ін-т кіравання і прадпрымальніцтва, 2010. – 85 с.
8. Падлік, аналіз, кантроль : Руска-беларускі тлумачальны слоўнік / склад. В. І. Стражаў [і інш.]. – Мінск, 1990. – 32 с.
9. *Дубовик, А. Е.* Англо-русско-белорусский словарь менеджера = English-Russian-Belarussian dictionary for a manager = Англа-руска-беларускі слоўнік менеджара / А. Е. Дубовик. – Мінск : Выш. шк., 1996. – 320 с.
10. *Баханькоў, А. Я.* Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А. Я. Баханькоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 230 с.
11. *Губкіна, А. В.* Беларуская мова. Эканамічная лексіка / А. В. Губкіна, В. А. Зразікава. – Мінск : Изд-во Гревцова, 2009. – 198с.
12. Беларуская навуковая тэрміналогія. – Менск, 1928. – Вып. 17 : Слоўнік бухгалтарскай тэрміналогіі : расійска-беларускі слоўнік : праект. – 71 с.
13. Руска-беларускі слоўнік эканамічных тэрмінаў / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Магілеў. дзярж. ун-т харчавання, Кафедра гуманіт. дысцыплін ; склад.: А. М. Савіцкая, А. У. Бунас. – Магілеў : МДУХ, 2007. – 86 с.
14. *Любімаў, Л.* Палітычная эканомія : пачатковы курс / Л. Любімаў. – Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – 208 с.
15. *Лапідус, І.* Палітычная эканомія ў сувязі з тэорыяй савецкай гаспадаркі / І. Лапідус. – Мінск : Белдзяржвыд-ва, 1931. – 516 с.

16. *Шымуковіч, С. Ф.* Эканамічная гісторыя Беларусі / С. Ф. Шымуковіч. – Мінск : Акад. кіравання пры Прэзідэнце Рэсп. Беларусь, 2003. – 243 с.
17. *Агароднікава, С. В.* Беларуская мова : зб. практыкаванняў для студэнтаў эканам. ВНУ / С. В. Агароднікава, М. І. Бажкова, І. І. Навасельцава. – Мінск : БДЭУ, 1999. – 88 с.
18. Краткий англо-белорусско-русский экономический словарь (приложение к учебнику «English for Businessmen») / Л. С. Решетова [и др.] ; под ред. Л. С. Решетовой. – Минск, 1995. – 45 с.
19. *Гассиева, И. И.* Словарь-минимум экономических терминов: Русско-белорусско-англо-французско-арабский : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; ред. Р. В. Михновец. – Минск, 1995. – Ч. 2 : Л – Я. – 1995. – 88 с.
20. *Струкава, С. М.* Лексіка беларускай мовы: гісторыя і сучаснасць / С. М. Струкава. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – 776 с.
21. *Жураўскі, А. І.* Праблемы норм беларускай літаратурнай мова / Акад. навук Беларусі, Беларус. кам. славістаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 35 с.

А. Н. Чударь (Минск)

ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ ДИМИНУТИВОВ В РАЗНОВИДНОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ[1]

В статье рассматриваются полисемия и омонимия диминутивных единиц в национальных разновидностях английского языка Южного полушария (австралийский, новозеландский, южноафриканский английский). Основными критериями разграничения многозначных диминутивов и диминутивов-омонимов послужили семантический и словообразовательный. Выявлено, что полисемия диминутивных единиц может наблюдаться при наличии нескольких значений у производящей основы диминутивов, а также развиваться внутри самих диминутивных единиц.

Проблема разграничения полисемии и омонимии до сих пор остается неразрешенной. В первую очередь отсутствует единое мнение об источниках омонимии. В то время как некоторые ученые причисляют к омонимам исключительно различные по происхождению слова, совпавшие по звучанию на определенном этапе развития языка (В. И. Абаев, В. Н. Сидоров и др.) [1], другие исследователи считают, что наряду с омонимами этимологическими также существуют омонимы семантические, возникшие из полисемии, т.е. в результате распада многозначной лексемы на несколько омонимичных лексических единиц (В. В. Виноградов [2], Р. А. Будагов [3] и др.).

Единый взгляд на критерии, позволяющие провести четкую границу между полисемией и омонимией, также отсутствует. Среди основных подходов к разграничению рассматриваемых явлений можно выделить применение историко-этимологического критерия (В. И. Абаев, В. Н. Сидоров [1]), выявление различий в словообразовательных парадигмах (А. И. Смирницкий [4]), в синтаксической и лексической сочетаемости (М. Г. Арсеньева [5],

[1] Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

Л. А. Новиков [6]); поиск различий в морфемной членимости (О. С. Ахманова [7], Л. Л. Кутина [8]); подбор синонимических и антонимических рядов (Е. М. Галкина-Федорук [9]); перевод единиц на другие языки (О. С. Ахманова [7]); определение возможности каламбурного использования (В. И. Абаев) и т.п.

Одним из основных критериев разграничения омонимии и полисемии сегодня является семантический, т.е. наличие общего семантического компонента в значениях многозначного слова и его отсутствие в словах-омонимах. Однако, как отмечает Ю. Д. Апресян, общие семантические компоненты могут присутствовать и в значениях омонимов; «связь между двумя значениями ощущается говорящими тогда, когда общая часть этих значений неэлементарна» [10, с. 185]. Ю. Д. Апресян называет такую часть значения «нетривиальной» и указывает, что ее наличие является обязательной для признания многозначности слова.

Проблема разграничения полисемии и омонимии актуальна и для диминутивов. В данной работе мы определим критерии, позволяющие отделить полисемичные диминутивы от диминутивов-омонимов, а также выявим основные типы многозначности диминутивных единиц в разновидностях английского языка Южного полушария (австралийской, новозеландской и южноафриканской). Сопоставление диминутивных единиц из рассматриваемых разновидностей в задачи данного исследования не входит.

Материалом исследования послужило 127 диминутивов, отобранных из следующих словарей: «Australian Oxford Dictionary», «The New Zealand Oxford Dictionary» и «Dictionary of South African English». Список был также дополнен диминутивами, извлеченными из корпуса национальных разновидностей английского языка GloWbE (54 единицы). Поскольку в словарях отражены не все значения диминутивов, в данной работе будут рассмотрены также значения диминутивных единиц, обнаруженные в корпусе.

Основным критерием разграничения многозначных диминутивов и диминутивов-омонимов в нашей работе явился семантический, т.е. многозначными признавались единицы, имеющие «нетривиальный» общий семантический компонент, например, *shortie* «1. a person who is shorter than average ‘человек ростом ниже среднего’; 2. a short garment, especially a short dress, nightdress, or raincoat ‘короткая одежда, особенно платье, ночная рубашка или плащ’» или *laatlammetjie* «1. a child born long after the other children in a family ‘ребенок, родившийся намного позже других детей в семье’; 2. a first child born late in a marriage ‘поздний первый ребенок’; 3. a latecomer ‘опоздавший’».

Вслед за А. Н. Воробей [11] мы также использовали словообразовательный критерий, поскольку все диминутивы являются производными лексическими единицами, вследствие чего особенности их образования могут играть важную роль при разграничении полисемии и омонимии. Прежде всего, необходимо учитывать основу, от которой образуется диминутив. Так, лексические единицы относятся к омонимам, если они образованы от разных производящих основ, например, *pressies* дим. от *presents* ‘подарки’ – *pressies* дим. от *pressed drugs* ‘спрессованные наркотики’.

Как показало наше исследование, существуют как случаи, когда все значения диминутивов являются омонимичными, так и случаи, когда диминутив-омоним сосуществует наряду с несколькими значениями многозначного диминутива. Рассмотрим несколько примеров диминутивов, все значения которых являются омонимичными: *sunnies* дим. от *Sunnites* ‘сунниты’ (одно из направлений в исламе) – *sunnies* дим. от *sunglasses* ‘солнечные очки’; *connies* дим. от *conductors* ‘кондукторы’ – *connies* дим. от *conservative party* ‘члены консервативной партии’.

В приведенных выше случаях все рассмотренные диминутивы-омонимы были образованы от разных основ. Таким образом, основным критерием, позволившим определить омонимию в данных примерах явился словообразовательный.

В некоторых случаях, однако, омоним существует наряду с многозначным диминутивом. Рассмотрим следующие примеры. Диминутив *softies*, формально образованный от прилагательного *soft* ‘мягкий’, может использоваться для обозначения различных мягких (в том числе в переносном значении) объектов, например, 1) *soft toys* ‘мягкие игрушки’; 2) *soft drinks* ‘безалкогольные напитки’; 3) *soft people* ‘люди с мягким характером’. Омоним представлен диминутивом *softies*, образованным от существительного *software* и использующимся для обозначения разработчиков программного обеспечения – *software developers*.

Flatties (дим. от прилагательного *flat* ‘плоский’) используется для номинации плоских объектов. В нашей выборке встретились следующие значения: 1) *flat-heeled shoes* ‘туфли без каблука’; 2) *flatfish* ‘камбала’ (плоская рыба); 3) *chicken flatties* ‘плоская курица’ (способ приготовления курицы). В данном случае диминутив-омоним *flatties* образован от существительного *flatmates* ‘соседи по квартире’.

Диминутив *schoolies* от существительного *school* ‘школа’ может означать 1) *school students* ‘учащиеся школы’; 2) *school break* ‘школьные каникулы’, в то время как диминутив *schoolie*, образованный от *school* ‘стая рыб’ имеет значение «a young fish, that swims in a school» ‘молодая рыба, плавающая в стае’.

Если в случаях с *softies* и *flatties* диминутивы-омонимы были образованы от разных основ (словообразовательный критерий), то в случае с диминутивами от слова *school* производящие основы уже являлись омонимичными. Таким образом, в последнем примере основным критерием для выявления омонимии явился семантический.

Что касается полисемии диминутивных единиц в разновидностях английского Южного полушария, все многозначные диминутивы можно разделить на две группы в зависимости от того, был ли диминутив образован от основы, изначально имеющей несколько значений, или же полисемия возникла уже в рамках самой диминутивной единицы.

Рассмотрим диминутивные единицы, образованные от многозначных производящих слов. Здесь можно выделить две основные группы диминутивов. Первая группа – диминутивные единицы (существительные), образованные от многозначных прилагательных. К таким диминутивам относятся:

• *Goodies* (дим. от прилагательного *good* ‘хороший’) может означать 1) *chocolate, popcorn* ‘шоколад, попкорн’ (в значении *good* «giving pleasure; enjoyable or satisfying» ‘приятный, доставляющий удовольствие’); 2) *healthy food* ‘здоровая еда’ (*good* = «useful» ‘полезный’); 3) *good people* ‘хорошие люди’ (*good* = «showing kindness; possessing or displaying moral virtue» ‘демонстрирующий доброту; обладающий высокими моральными качествами’) [12];

• *Freshies* – диминутив, формально образованный от прилагательного *fresh* ‘свежий’, – может использоваться в следующих значениях: «1) *fresh fruit/vegetables* ‘свежие фрукты/овощи’ (в значении *fresh* = «recently made or obtained; not tinned, frozen, or otherwise preserved» ‘недавно созданный или полученный; не консервированный, замороженный или сохраненный каким-либо иным способом’); 2) *fresh footsteps* (on the snow) ‘новые следы (на снегу)’ (fresh = «recently created» ‘созданный недавно’); 3) *newcomer* ‘новичок’ (*fresh* = «new or different» ‘новый или другой’); 4) *freshwater crocodiles* ‘крокодилы, живущие в пресной воде’ (*fresh* = «not salty» ‘не соленый’)»;

• *Lefties* (дим. от *left* ‘левый’) может означать «1) *left-handed person* ‘левша’ или *left-sided player* ‘игрок с сильной левой ногой/рукой’ или *people sleeping on the left side of the bed* ‘люди, которые спят на левой стороне кровати’ (от *left* = «relating to the side of a human body or of a thing that is to the west when the person or thing is facing north» ‘относящийся к стороне тела человека или вещи, находящимся по направлению к западу, когда человек обращен лицом к северу’); 2) *people with left-wing political views* ‘люди с левыми политическими взглядами’ (от *left* = «relating to a person or group favouring radical, reforming, or socialist views» ‘о человеке или группе радикальных, реформистских или социалистических взглядов’)».

Еще одна группа многозначных лексических единиц, от которых были образованы диминутивы в нашей выборке, – слова, которые изначально обозначали животных, но, благодаря метафорическому переносу, они также стали называть людей. Приведем несколько примеров из корпуса:

• *Chickies* дим. от *chicks* ‘птенцы, цыплята’ в нашей выборке также был использован по отношению к ученикам в школе: *all the little **chickies** in the class nodded approvingly* ‘все маленькие дети (букв. *цыплята*) в классе кивнули в знак одобрения’;

• *Bokkies* дим. от *bok* ‘антилопа’ также используется в качестве ласкового прозвища: *Coconut oil contains antimicrobial, anti-viral, anti-bacterial and antifungal properties that help to promote the healing by soothing the baby’s delicate skin. You can either rub it straight onto your **bokkies** bum, or mis it with other essential oils and natural ingredients for a home made nappy cream* ‘Кокосовое масло обладает противомикробными, антивирусными, антибактериальными и противогрибковыми свойствами, что способствует заживлению и успокаивает нежную кожу ребенка. Вы можете намазать им попку вашего малыша (букв. *антилопы*) или же смешать его с другими эфирными маслами и природными ингредиентами для создания домашнего крема под подгузник’;

• *Piggies* дим. от *pigs* ‘свинья’ также может обозначать алчных людей: *If you look at the num[b]er of ministers this gov[ernmen]t has created, you can only come to one conclusion – there is a lot of* ***piggies*** *at the trough lining up for big pensions* ‘С таким количеством министров, как при настоящем правительстве, можно прийти только к одному выводу – огромное количество алчных людей (букв. *поросят*) столпилось у корыта в ожидании высоких пенсий’. Согласно словарям «Oxford English Dictionary» [12] и «Cambridge Dictionary» [13], в семантике слова *pig*, от которого образован диминутив, помимо компонента ‘алчный, жадный’ (также в отношении еды), выделяются также значения ‘грязный’, ‘неряшливый’, ‘неприятный’, ‘эгоистичный’ и ‘грубый’. В данном случае определение компонента значения, который актуализируется в рассматриваемом предложении, происходит за счет элемента контекста *big pensions* ‘высокие пенсии’.

В приведенных выше примерах зафиксированные в словарях значения лексических единиц, от которых были образованы диминутивы, сохраняются и у самих диминутивов. Можно назвать это явление «врожденной» многозначностью, присущей диминутивным единицам изначально, в отличие от «приобретенной» многозначности, которая наблюдается в тех случаях, когда диминутив обладает более широким спектром значений по сравнению с производящим словом.

Многие дополнительные значения диминутивов с «приобретенной» многозначностью развиваются на основе метонимии. Среди основных типов метонимических переносов исследователи (А. А. Потебня [14], А. Бирих [15]) называют локальную (пространственную), темпоральную (временную), атрибутивную (признаковую), каузативную (причинно-следственную) метонимию и другие типы. Вышеперечисленные случаи представляют собой так называемую качественную метонимию; кроме них, выделяется также количественная метонимия, представленная синекдохой.

В нашей выборке были представлены различные типы метонимии. Рассмотрим несколько примеров.

Пространственная метонимия отмечается в значениях диминутива *pokies* от *poker machine* ‘игровой автомат’, который также может обозначать место (клуб), где установлены данные автоматы, или даже людей, которые там работают (пространственная + атрибутивная метонимия).

Атрибутивный тип метонимии можно наблюдать и в следующих диминутивных единицах: *towies* дим. от *tow truck* ‘эвакуатор’ – также человек, который управляет эвакуатором; *sickies* дим. от *sick leave* ‘больничный’ также используется для называния людей, находящихся на больничном: *I have gotten sick because of Eddie and have to make soup for both of us* ***sickies*** ‘Я заболела из-за Эдди, и мне пришлось готовить суп для нас обоих, *больных’*.

Метонимия типа ‘материал – изделие’ представлена в значениях диминутива *tinnies* от *tin* ‘жестянка’, который может называть лодку с алюминиевым корпусом, а также диминутива *woolies* от *wool* ‘шерсть’, который также может означать различные предметы одежды, сделанные из шерсти.

Метонимия типа ‘часть – целое’ (синекдоха) лежит в основе формирования дополнительного значения диминутива *tummies*. Так, помимо указания на ‘живот’ (от *stomach*), данный диминутив также может означать людей, которые любят вкусно поесть: *These chicken wing dumplings $15 came highly recommended by the ever-knowing* ***tummies*** *who shared my meal table* ‘Эти фаршированные куриные крылышки за $15 мне порекомендовали всезнающие *гурманы*, разделившие со мной стол’.

Необходимо отметить, что актуализация того или иного значения рассмотренных нами многозначных диминутивов определяется их контекстным окружением. Так, например, *falsies* (формально дим. от прилагательного *false* в значении ‘поддельный, фальшивый’) в зависимости от контекста может служить для указания на различные фальшивые предметы, например, 1) бюстгальтера с подкладкой (обычно толстой); 2) накладных ресниц; 3) вставных зубов. Диминутив *oldies*, образованный от прилагательного *old*, в свою очередь может использоваться для обозначения старых, давно знакомых объектов. В нашей выборке диминутивом *oldies* были обозначены 1) старые песни, фильмы; 2) старые вещи (игрушки, ботинки и т.п.; 3) давно знакомые места; 4) пожилые люди.

Кроме того, проанализированный нами материал позволяет говорить о наличии узуальных и окказиональных значений диминутивных единиц. Во многих рассмотренных случаях возможные значения диминутивов, извлеченные при работе с контекстами из корпуса, не сводились к значениям, представленным в словаре. Например, диминутив *leftie*: если значения «left-handed person» ‘левша’ или «people with left-wing political views» ‘люди с левыми политическими взглядами’ являются словарными, значение «people sleeping on the left side of the bed» ‘люди, которые спят на левой стороне кровати’ является окказиональным, созданным для повышения экспрессивности (статьи): ***Lefties*** *wake up in better moods. They tend to be more positive and capable of handling heavy workloads and stress* ‘Люди, которые спят на левой стороне кровати, просыпаются в лучшем настроении. Они обычно более позитивны и способны лучше справляться с большой нагрузкой и стрессом’.

Таким образом, в качестве основного критерия для разграничения многозначных диминутивов и диминутивов-омонимов мы выбрали семантический. Кроме того, в силу производного характера диминутивов, продуктивным может быть также использование словообразовательного критерия.

Многозначность диминутивных единиц может являться результатом полисемии производящей основы или же развиваться в рамках самих диминутивных единиц. Основными типами полисемантичных производящих основ диминутивов в нашей выборке стали многозначные прилагательные, а также наименования животных (метафорический перенос). Развитие многозначности внутри самой диминутивной единицы зачастую происходит на основе метонимии.

Конкретное значение диминутивной единицы актуализируется в рамках определенного контекста. В некоторых случаях актуализируемые в контексте значения диминутивов не зафиксированы в словарях, не являются узуальными, а возникают в рамках конкретной ситуации общения и реализуют определенные прагматические цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, В. И.* О подаче омонимов в словаре / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31–43.
2. *Виноградов, В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 80–94.
3. *Будагов, Р. А.* Слово и его значение / Р. А. Будагов. – 2-е изд. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 64 с.
4. *Смирницкий, А. И.* Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя : сб. ст. / редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М., 1955. – С. 11–53.
5. *Арсеньева, М. Г.* Многозначность и омонимия / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. – 131 с.
6. *Новиков, Л. А.* К проблеме омонимии / Л. А. Новиков // Лексикографический сб. – 1960. – № 4. – С. 93–102.
7. *Ахманова, О. С.* Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1974. – 448 с.
8. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения института языкознания АН СССР // Лексикографический сб. – 1960. – № 4. – С. 35–92.
9. *Галкина-Федорук Е. М.* К вопросу об омонимах в русском языке / Е. М. Галкина-Федорук // Рус. яз. в школе. − 1954.− № 3.− С. 14–19.
10. *Апресян, Ю. Д.* Избр. тр. : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. I : Лексическая семантика. – 472 с.
11. *Воробей, А. Н.* Соотношение семантической и морфологической деривации в американском и русском сленге : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Н. Воробей. – Минск, 2019. – 179 л.
12. English Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.oxforddictionaries.com/. – Дата доступа: 01.03.2019.
13. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/. – Дата доступа: 05.03.2019.
14. *Потебня, А. А.* Из записок по теории словесности : Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое / А. А. Потебня. – Харьков : Паровая тип. и литография М. Зильберберг, 1905. – 652 с.
15. *Бирих, А.* Метонимия в современном русском языке / А. Бирих. – Мюнхен : Verl. Otto Sagner, 1995. – 191 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (Минск)

ЛЕКСЕМЫ ИНДИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье предпринимается попытка определить степень словообразовательной активности лексем индийского происхождения в современном русском языке и выявить специфику образования дериватов на базе рассматриваемых лексических единиц.

Потребности межкультурной коммуникации неизбежно заставляют нас быть открытыми миру: знакомиться с разными культурами, каждый день совершать «вхождения» в мир других языков, обмениваться словами-знаками. Конечно, большую роль играют культурно-исторические, социальные, экономические, политические факторы, синтез которых всегда специфичен и индивидуален. Однако языковое воздействие прослеживается всегда. Каждый раз, сталкиваясь с иной культурой, мы испытываем и воздействие иного языка, посылающего свой «десант» на чужую территорию.

Индийская лексика в рамках современного русского языка живет на протяжении длительного времени. Однако до сих пор наиболее вероятно ее отнесение как носителями языка, так и специалистами к лексике экзотической. Тем интереснее для нас возможность проследить, как лексемы индийского происхождения обустраивают свою жизнь в рамках лексико-семантической системы русского языка как языка-реципиента, и проанализировать словообразовательный потенциал слов индийского происхождения. Способны ли столь чужеродные для нас номинации и реалии, за ними стоящие, взрывать барьеры, создавать словообразовательные гнезда и цепочки или так и остаются «изолянтами»?

В центре нашего внимания – заимствования индийского происхождения, закрепленные в русскоязычной лексикографической традиции, т.е. кодифицированные авторитетными лексикографическими источниками. Тем не менее в поле нашего зрения попадают и факты, отмеченные в речевой практике носителей русского языка. Предмет исследования – словообразовательные возможности заимствованных лексем индийского происхождения и их реализация в деривационном пространстве современного русского языка.

Источниками материала нашего исследования послужили данные словообразовательных словарей русского языка, словарей иностранных слов и словарей иных типов. В качестве основных источников выступили «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова в двух томах (1985) [1], «Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов» Л. П. Крысина (2008) [2], «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (2000) [3], «Новый словарь иностранных

слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний» Е. Н. Захаренко и др. (2008) [4], «Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология» Л. М. Баш, А. В. Бобровой и др. (2005) [5], «Словарь русского языка» в четырех томах под ред. А. П. Евгеньевой (1985–1988) (далее – МАС) [6], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2008) (далее – словарь С. А. Кузнецова) [7], «Современный толковый словарь» [8], «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (2003) [9]. В качестве дополнительных источников привлекались данные орфографических и акцентологических словарей современного русского языка. Заметим, что в энциклопедических словарях по объективным причинам индийские реалии представлены значительно шире, однако мы опирались на данные исключительно лингвистических словарей, объектом описания которых являются факты языковых систем. Именно в лингвистических словарях дается информация о значениях и употреблении слов. В целях анализа нами также привлекались данные текстовой базы Национального корпуса русского языка [10].

Современная русская лексикография фиксирует лексику индийского происхождения с известной долей вариативности. Однако подобная вариативность синхронного описания абсолютно оправданна с точки зрения диахронии. Взаимоотношения русской и индийской языковых культур насчитывают столетия. Общеизвестно, что первые упоминания об Индии в русскоязычных текстах относятся к XI в. Далекая сказочная Индия вербализуется еще в «Повести временных лет», а в XV в. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина уже не обходится без целого кластера лексем, описывающих быт, культуру и обычаи индийцев. XIX в. открывает для русского сознания мир мифологии, философии, религии Индии. Отметим, что далеко не все лексические единицы индийского происхождения, несколько веков назад попавшие в мир русских текстов, представлены в лингвистических словарях сегодня.

В настоящее время лексикографические источники современного русского языка разных типов фиксируют разнящиеся по объему и составу лексические группы единиц индийского происхождения. Сводный корпус лексем индийского происхождения, отобранных из различных лингвистических словарей (толковых, орфографических, акцентологических и т.д.), насчитывает 102 единицы: *Агни*, *агни-йога*, *адити*, *акхьяна, асана*, *ахимса* и *ахинса*, *ашрама*, *аюрведа*, *бандана*, *баньян / баниан, бе́нгало / бенга́ло / бу́нгало / бунга́ло*, *бери-бери*, *бинди, Брама / Брахма*, *браман / брамин / брахман / брахманы*, *Будда*, *бурхан*, *вайшии*, *варна*, *веданта*, *Веды*, *веранда*, *ви́на*, *Вишну*, *гавиал*, *гарна*, *гаур*, *гаял*, *гу́ру / гуру́*, *деванагари*, *джугара, джунгли, джут, динги, дум-дум, дхарма*, *дхоти*, *имбирь, Индра*, *йог*, *йога*, *карма*, *кашемир / кашмир*, *Кришна*, *кули*, *кшатрии*, *локаята*, *магараджа / махараджа*, *магарани / махарани*, *мадаполам*, *ма́ндала / манда́ла*, *мантра*, *маратх / маратхи*, *махатма*, *махаяна*, *Митра*, *на́нсук / нансу́к*, *ная*, *нирвана*, *пайса / пайс*, *пали*, *пандит*, *панча-шила*, *панчаят*, *панчен-лама*, *пария*, *пижама*, *пракрит*, *прана*, *пунш*, *ра́джа / раджа́*, *рани*, *рупия*, *сагиб / саиб / сахиб*, *сандхи*, *санскрит*, *Сарасвати*, *сари*, *сахар*, *сварадж*, *свастика*, *сикх / сикхи*, *сипай*,

сутра, *тантра*, *Тримурти*, *Упанишады / упанишады*, *урду*, *хаки*, *хартал*, *хатха-йога*, *хинаяна*, *хинди*, *хиндустани*, *чакра / чакры*, *чарвака*, *чатуранга*, *шаман, Шамбала*, *шандра*, *Шива*, *шудры*. В составе корпуса обращают на себя внимание несколько единиц, образованных путем апеллятивации – перехода имен собственных в имена нарицательные (*кашемир*, *дум-дум*, *мадаполам*), трактовка происхождения которых не может быть однозначной. Одни словари дают их с пометой *инд.*, *ст.-инд.*, другие – *франц.*, третьи – без помет вовсе. Мы включили данные лексемы в корпус заимствованной лексики индийского происхождения, но оцениваем их вхождение как условное.

В современных словарях отсутствует ряд лексем, послуживших производящими основами в ходе деривации на почве заимствующего языка, в ситуации включения в эти словари более сложных по морфемной структуре единиц с тем же корнем: так, в русскоязычных словарях не отмечены лексикографами более элементарные в деривационном отношении единицы, соотносительные со словами *джайнизм*, *гандизм*, *индуизм* (*индуист*, *индуистский*). В морфемной структуре данных лексем, безусловно, присутствуют корни индийского происхождения в качестве производящей базы, однако мы не включаем их в сводный корпус заимствований индийского происхождения. Данные лексические единицы образованы по словообразовательной модели современного русского языка с использованием свойственных ему словообразовательных средств (сам суффикс *-изм* – опосредованное заимствование из древнегреческого языка через латинский – встречается и в других индоевропейских языках, в частности в английском), а значит, не могут быть напрямую отнесены к заимствованиям в русском языке и трактуются нами как факты русского словообразования. Заимствованный корень живет в заимствовавшем его языке исключительно в связанном виде: производные кодифицированы лексикографическими источниками, производящая основа осталась за рамками языка-реципиента. Такова реальность языка.

Отметим лексическую недоосвоенность многих отобранных лексем, а также вариативность формальной стороны ряда из них. В условиях лексической недоосвоенности и экзотического характера языкового фактического материала существование в системе языка подобных единиц в статусе «изолянтов» ожидаемо и закономерно, однако будет ли оно долговременным? Преодоление собственной изоляции заимствованной лексемой сопряжено с ее словообразовательным и семантическим развитием, что возможно лишь в условиях ее востребованности в современной речевой практике.

Действительно, большая часть слов, составляющих корпус заимствований индийского происхождения, вообще не образует производных в современном русском языке (70,6 %). «Нулевая» деривационная активность значительной доли лексем индийского происхождения легко прогнозируема: национально-специфический, экзотический характер части отобранного лексического материала влечет за собой их редкое использование в речевой практике, серьезные тематические ограничения текстовой реальности (*ви́на* ‘музыкальный инструмент’, *ашрама* ‘период жизни древнеиндийского ария («дважды рожденного»). Деление жизни на четыре ашрамы (ученик, домохозяин, лесной отшельник, бродячий аскет) было освящено религией’,

сварадж ‘главный политический лозунг индийского национально-освободительного движения в 1906–1947 гг., призывавший к борьбе против британского господства, за самоуправление’, *хартал* ‘(на яз. хинди, букв. – закрытие лавок), в Индии в нач. 20 в. – 1947 г. форма направленных против английских властей забастовок, сопровождавшихся закрытием лавок, бойкотом иностранных товаров и пр.’ и т.д.); кроме того, налицо грамматическая скованность ряда заимствований индийского происхождения в силу их морфологической неизменности (например, *бинди*, *сари*, *хинди*, *урду*, *хаки*, *рани*). Однако остальные лексические единицы корпуса используют свой словообразовательный потенциал в большей или меньшей степени и проявляют словообразовательную активность.

Более 17 % заимствований индийского происхождения выступают производящими для единичных слов в русском языке, проявляя минимальную деривационную активность (1–2 деривата). Потребностями коммуникации объясняется существование в языке пар *веранда → веранд-очк-а*, *джугара → джугар-н-ый*, *джут → джут-ов-ый*, *пеньк-о-джут-ов-ый*; *дхарма → дхармический*, *имбирь → имбир-н-ый*, *имбирн-ые*; *карма → кармический*, *магараджа → магарадж-ск-ий*, *маратх(и) → маратх-ск-ий*, *Митра → митра-изм*, *нансук → нансук-ов-ый*, *пракрит → пракрит-ск-ий*, *сикхи → сикхизм*, *сикх-ск-ий*, *сипай → сипай-ск-ий*, *мадаполам → мадаполам-н-ый*, *мадаполам-ов-ый*, *пижама → пижам-н-ый*, *пижам-ов-ый*, *Шива → шива-изм*.

Словообразовательных цепочек фактически нет: отмечена лишь единичная цепочка *хиндустани → хиндустан-ец → хиндустан-к-а*.

Отдельные лексемы индийского происхождения оказываются способными взять на себя роль производящих основ и порождают целые словообразовательные гнезда, лаконичные и более или менее пространные.

Среднюю степень словообразовательной активности проявляют лексемы индийского происхождения, образующие на русской почве 3–4 производных. Данные единицы составляют 6,9 % от общего числа лексем, составляющих отобранный корпус заимствований: таковы *браман / брамин / брахман / брахманы, Веды, имбирь, йога, кашемир / кашмир, Кришна, тантра*. Так, лексема *Веды* образует несколько производных на одной словообразовательной ступени: *Веды → веда-изм*, *вед-изм, вед-ий\ск-ий*; *браман / брамин / брахман / брахманы → браман-изм*, *брахман-изм*, *брахман-ск-ий*; *йог-а → йог*, *хатха-йога*, *йоготерапия*. Отдельно оговорим уникальность положения лексемы *кашемир / кашмир* в словообразовательной системе современного русского языка: варьирование формальной стороны знака языка приводит к возникновению двух словообразовательных гнезд, образованных омонимичными производящими базами (*кашемир / кашмир* – ‘ткань’, *Кашмир* – ‘штат в Индии’): *кашемир → кашемир-ов-ый, кашемир → креп-кашемир → креп-кашемировый*; *Кашмир → кашмир-ец* (→ *кашмир-к-а, кашмир-ск-ий 1*), *Кашмир → кашмир-ск-ий 2*.

Высокая словообразовательная активность характеризует лексемы *Будда*, *пунш, санскрит, сахар, шаман.* Приведем иллюстрации: *Будда → буддизм → буддий-ск-ий*, *Будда → буддист → буддистка*, *буддист → буддист-ск-ий*; *санскрит* порождает 2 цепочки: *санскрит → санскрит-ск-ий*

(→ *по-санскрит-ск-и*), *санскрит → санскрит-о-логи*(*ия*) (→ *санскритолог → санскритолог-ическ-ий*); *пунш → пунш-ик*, *пунш-овк-а 1*, *пунш-ев-ый, пунш-ев-ой* (*пунш-овк-а 2*), *пунш-ева-ть*; *шаман→ шаман-и-ть*, *шаман → шаман-ств-о → шаманств-ова-ть 1*, *шаман → шаман-изм → шаман-ист*, *шаман → шаман-ск-ий*, *шаман → шаман-ий*, *шаман → шаман-и-ть → по-шаманить*, *шаман → шаман-ствова-ть 2 → за-шаманствовать*. Несомненный лидер лексема *сахар* (индийского происхождения, по данным словаря Л. П. Крысина) порождает макрогнездо с колоссальным количеством цепочек и членов на разных ступенях словообразования (только производных первого порядка у данного заимствования 33 (!), а общее количество производных разного уровня – 83 (!)). Однако так как, согласно данным других авторитетных лексикографических источников, лексема *сахар* – арабского происхождения, мы не будем в рамках настоящего анализа подробно останавливаться на данном деривационном феномене.

Статистические данные об удельном весе лексических единиц с разной степенью словообразовательной активности представлены в таблице.

Деривационная активность слов индийского происхождения в современном русском языке

Степень словообразовательной активности в русском языке	Кол-во лексических единиц	Иллюстрации
Нулевая (нет производных)	70,6 % (72 ЛЕ)	*адити*, *асана*, *вайшиш*, *гавиал*, *гуру*, *дхоти*, *деванагари*, *кули*, *мандала*, *ная*, *пали*, *панчаят*, *прана*, *рупия*, *сари*, *урду*, *чатуранга* и т.п.
Низкая (1–2 производных)	17,6 % (18 ЛЕ)	*джугара*, *джут*, *карма*, *пракрит*, *сипай*
Средняя (3–4 производных)	6,9 % (7 ЛЕ)	*браман / брамин / брахман / брахманы*, *Веды*, *имбирь*, *йога*, *кашемир / кашмир*, *Кришна*, *тантра*
Высокая (5 и более производных)	4,9 % (5 ЛЕ)	*Будда*, *пунш*, *санскрит*, *сахар*, *шаман*
Всего	100 %	102 наименования

Таким образом, наиболее представленной в современном русском языке оказывается группа лексем индийского происхождения с нулевой деривационной активностью. Среди наименований, которые вступили в словообразовательные отношения, преобладают лексемы с низкой степенью активности.

На настоящий момент современные словообразовательные словари русского языка не фиксируют гнезда, которые составляют вместе с производящей основой производные, отмеченные в толковых, орфографических, акцентологических и иных русскоязычных словарях, например: гнездо *Кришна → кришнаит → кришнаитский*, *Кришна → кришнаизм*, *кришнаит → кришнаитка* отсутствует в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова, хотя указанные производные присутствуют в других словарях современного русского языка и широко представлены в Националь-

ном корпусе русского языка (например, выявлено 48 документов, 184 вхождения лексемы *кришнаит*, а также 17 документов, 29 вхождений слова *кришнаитский*, 7 документов, 36 вхождений наименования *кришнаизм* и т.д.).

Тем не менее лексикографическая работа в данном направлении ведется: так, «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (2000) предлагает гнездо с производящим базовым словом *тантра*, отсутствующее в более ранних специальных словарях: *тантра → тантрический*, *тантра → тантрист → тантристский*, *тантра → тантризм.*

По нашим данным, реальное обрастание лексем индийского происхождения дериватами на собственно русской почве и их укоренение в лексико-семантической системе русского языка значительно опережают фиксацию данных процессов в специальных лингвистических словарях русского языка. Словари других типов оказываются более мобильными. Первенство в скорости реагирования на реалии сегодняшней речевой практики принадлежит орфографическим и акцентологическим словарям, что вполне логично, закономерно и легко объяснимо. Говорящие нуждаются в норме-ориентире, а спрос на данную информацию (как правильно написать, как верно произнести) вызван в первую очередь потребностями современной коммуникации.

Сегодня лексемы индийского происхождения, еще не ставшие фактами деривационной системы современного русского языка по данным специальных словообразовательных словарей, уже успели пройти кодификацию в словарях иных типов (преимущественно орфографических и акцентологических) и обзавестись привычной синтагматикой в повседневной коммуникации. В наше время привычными становятся *йоговский чай*, *йоговское питание*, *йоговское дыхание*, *йоговская еда*, *йоговская чистка*, *йоговское очищение*, *йоговское упражнение*, *мантрическая формула*, *мантрический календарь*, *мантрический звук*, *тантрические практики*, *тантрическая любовь*, *тантрическая нумерология*, *тантрическая музыка*, *тантрический буддизм*, *тантрическая йога* и т.п. Данные русскоязычных интернет-запросов в поисковых системах Google, Yandex Rambler, Mail и др. подтверждают это.

Словари современного русского языка разных типов фиксируют все новые и новые дериваты, порождаемые на базе лексем индийского происхождения на почве русского языка. По словообразовательным моделям русского языка образуются номинации лиц (*будд-ист*, *шаман-к-а*, *хиндустан-ец*), действий (*пуни-ева-ть*, *шаман-и-ть*, *шаман-ствова-ть*), признаков (*джугар-н-ый*, *пракрит-ск-ий*, *нансук-ов-ый*). Отмечена группа слов – имен существительных мужского рода с семантикой идейного течения, религиозного учения, направления мысли, склонности, стиля, характера действия с суффиксом *-изм* (*будд-изм*, *сикх-изм*), слова с уменьшительно-ласкательной семантикой (*веранд-очк-а*), слова с аффиксоидами (*санскрит-о-логи(ия)*), составные наименования (*агни-йога*, *хатха-йога*) и т.п. Лексемы индийского происхождения отнюдь не ограничены в своих деривационных возможностях, используют разные модели номинации. Корпусы текстов последнего десятилетия, современная речевая практика убедительно демонстрируют значительное количество инноваций в сфере деривации на базе лексики индийского происхождения, предлагая обширный материал практической лексикографии будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985.
2. *Крысин, Л. П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
3. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000.
4. *Захаренко, Е. Н.* Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2008. – 1039 с.
5. Современный словарь иностранных слов : толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва [и др.] – Изд. 5-е, стер. – М. : Цитадель-Трейд, ИКТЦ-ЛАДА, Рипол Классик, 2005. – 960 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988.
7. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. ; М. : Норинт, Рипол классик, 2008. – 1534 с.
8. Современный толковый словарь издательства «Большая советская энциклопедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm. – Дата доступа: 30.10.2018.
9. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель, 2003.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru/. – Дата доступа: 15. 02. 2019.

А. А. Гойло (Минск)

СИНГАПУРСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ В ПОСТКРЕОЛЬСКОМ КОНТИНУУМЕ[1]

В статье сравниваются исторические и социальные условия становления новых разновидностей английского языка и креольских языков. Выделяются формы существования сингапурского английского на основе модели посткреольского континуума и анализируется целесообразность такого подхода с опорой на различия в становлении новых разновидностей английского. Рассматривается концепция перехода от континуума к диглоссии, а также предлагается альтернативный вариант развития сингапурского английского.

Термин *посткреольский континуум* является одним из ключевых в креолистике, а также часто используется в работах, посвященных национальным разновидностям английского языка. Однако не все разновидности английского языка однозначно вписываются в концепцию посткреольского континуума. Цель нашей статьи – разрешить эту проблему и показать

[1] Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

применимость термина *посткреольский континуум* к идиомам, в истории становления которых нельзя выявить факт образования креола из пиджина (на примере сингапурского английского).

В социолингвистических работах, посвященных изучению национальных разновидностей английского языка, используется несколько терминов. Наиболее популярными из них являются *мировые разновидности английского языка* (*World Englishes*) и *новые разновидности английского языка* (*New Englishes*), а также антонимичные термины коренные / некоренные (*native* / *non-native*) и нативизированные / индигенизированные (*nativized* / *indigenized*).

Мировые разновидности английского языка – наиболее общий термин, охватывающий все разновидности английского в мире, включая британский английский [1, p. 30]. Что касается используемого нами термина *новые разновидности английского языка*, то в его трактовке имеются расхождения. Э. Шнайдер пишет, что этот термин охватывает появившиеся сравнительно недавно разновидности английского в странах, где значительная часть населения не были изначально носителями английского языка, особенно в Азии и Африке [Там же]. В то же время С. Муфвене использует данный термин для описания всех разновидностей английского, которые появились после начала колониальной экспансии Англии, включая, например, американский английский и ирландский английский [2, p. 21]. При этом С. Муфвене отмечает, что пользуется термином только потому, что нет более подходящего [2]. Мы принимаем трактовку С. Муфвене, так как она включает в себя наибольшее количество разновидностей английского и проводит разграничение между ними по одному параметру, в то время как подход Э. Шнайдера, на наш взгляд, недостаточно строгий (например, сомнения вызывает временной фактор – не всегда понятно, насколько недавно должны были бы сформироваться разновидности, чтобы их можно было считать «новыми»).

При использовании терминов *коренные* и *некоренные разновидности* (а также *нативизированные* и *индигенизированные*) акцент делается на том, являлось ли большинство населения в определенном регионе носителями какой-либо разновидности английского на этапе формирования соответствующего идиома (к коренным, например, относятся американский или австралийский английский) или нет (соответственно, некоренными называются, например, индийский или сингапурский английский) [Там же].

Кроме того, важной для нашего исследования является предложенная Б. Качру круговая модель разновидностей английского языка. Согласно этой модели все разновидности делятся на три круга [3, p. 11–14]:

1) внутренний, к которому относятся нативизированные разновидности (например, британский, американский, канадский английский и т.д.);

2) внешний, к которому относятся индигенизированные разновидности (например, индийский, сингапурский, филиппинский английский). Б. Качру высказывает мысль о том, что разновидности внешнего круга находятся на этапе формирования собственной нормы, независимой от уже сложившихся норм внутреннего круга;

3) расширяющийся, к которому относятся разновидности английского в странах, где он используется в качестве иностранного (например, Беларусь, Россия, Китай).

Для описания спектра форм, в которых существуют разновидности внешнего круга, широко используются термины посткреольского континуума: *базилект*, *мезолект* и *акролект*. Традиционно в креолистике (вслед за работами Д. ДеКампа [4], Д. Бикертона [5] и др.) считается, что ситуация посткреольского континуума образуется в результате конкуренции престижного суперстратного языка-лексификатора и креольского языка, образованного на его основе [6, с. 97]. В итоге образуется континуум, в котором можно выделить наиболее отдаленную от лексификатора часть (базилект) и наиболее приближенную к лексификатору часть (акролект), а между этими двумя полюсами располагается градиент из множества конкурирующих вариантов (мезолект).

Согласно традиционной концепции креольские языки развиваются в результате нативизации пиджина: изначально узкоспециализированный язык с малым объемом лексики начинает использоваться социумом для коммуникации в различных сферах, вследствие чего его строй значительно усложняется. При этом важную роль в креолизации играет тот факт, что новое поколение жителей данного социума начинает усваивать пиджин в качестве родного языка [Там же, с. 91].

Существуют, однако, и альтернативные мнения. С. Муфвене предлагает другой термин – *вернакуляризация*, который имеет более широкий охват, чем *нативизация*. По мнению исследователя, креольский язык необязательно образуется в ситуации, когда пиджин становится родным для нового поколения жителей региона, в котором произошел языковой контакт. Главным фактором креолизации пиджина выступает именно значительное расширение сферы его применения, а нативизация может дополнять этот процесс. С. Муфвене также отмечает, что некоторые креольские языки образовались уже после акролекта и мезолекта, как, например, галла – язык афроамериканцев побережья штатов Джорджия и Южная Каролина. Соответственно, можно считать креольские языки на основе английского не отдельными языками, что соответствует традиции, а разновидностями английского. При этом отличием креольских языков от нативизированных или индигенизированных разновидностей английского языка является тот факт, что основой для первых являлись нестандартные формы английского языка, в то время как вторые развились в результате преподавания нормативного английского языка (как правило, британской разновидности) в школах, как, например, в случае Сингапура или Индии [2].

Идея С. Муфвене о значении вернакуляризации в развитии идиомов кажется нам особенно релевантной, так как применение терминов посткреольского континуума для описания всех разновидностей внешнего круга представляет собой проблему, поскольку предполагается существование креольского языка в соответствующих регионах.

С одной стороны, значительное число разновидностей английского, которые можно отнести к внешнему кругу (или к «новым»), действительно развивались в типичных для образования пиджинов условиях – носящие

узкоспециализированный характер контакты носителей разных языков в отсутствие общего для сторон языка: как правило, торговые или эксплуататорские отношения, когда пиджин развивался как средство общения между рабовладельцами и рабами. Например, большинство разновидностей английского языка на Карибах появились в результате колонизации островов, на которых затем налаживали производство при-быльной продукции, для чего использовали рабов [1, p. 95–96].

С другой стороны, существуют особые разновидности английского языка, в истории формирования которых сложно установить факт развития креола из пиджина. Ярким примером такой разновидности является сингапурский английский, на котором мы остановимся подробнее.

В момент основания в Сингапуре первого британского торгового поста в 1819 году значительную часть населения региона составляли малайцы. Сейчас в Сингапуре доминируют три этнические группы: на первом месте китайцы, на втором – малайцы и на третьем – выходцы из разных регионов Индии (большинство из них тамилы) [7]. Употребление английского языка в колонии было чрезвычайно ограниченным до начала XX века. Английский использовался чиновниками, военными и бизнесменами из Британии, кроме него, население говорило на различных южно-китайских диалектах, дравидийских языках и малайском. Дж. Платт отмечает существование пиджина на основе английского, однако основным лингва франка в регионе на начальном этапе был пиджин на основе малайского языка – так называемый базарный малайский. Согласно Дж. Платту, пиджин на основе английского языка использовался только в общении между британцами и китайцами или индийцами, причем только если оба собеседника приехали недавно – лица, которые прожили в регионе достаточное время, использовали базарный малайский. С начала XX века в регионе начинают появляться англоязычные школы, доступ к которым имели только привилегированные слои населения. Однако после Второй мировой войны обучение в школе становится обязательным, а в качестве языков преподавания необходимо было выбрать два (из английского, малайского, стандартного китайского и тамильского). Благодаря этому начиная с середины XX века большинство жителей Сингапура обучались английскому языку в школе. Кроме того, как отмечает Дж. Платт, большинство учителей в школах сами были жителями Сингапура [8]. Таким образом, классического развития креольского языка из пиджина в Сингапуре не наблюдалось, потому что пиджин на основе английского так и не вышел за рамки чрезвычайно ограниченного использования.

Несмотря на отсутствие процесса креолизации в истории формирования сингапурской разновидности английского языка, исследователи (например, сам Дж. Платт [Там же]) отмечают наличие континуума. Акролект сингапурского английского отличается от разновидностей внутреннего круга в основном лишь фонетически и лексически, в то время как базилект (который часто называют «синглиш») может быть не понятен носителю разновидностей внутреннего круга.

Свидетельство существования континуума мы обнаружили и в своем исследовании синтаксической вариативности в сингапурском английском. Мы провели эксперимент, цель которого была выяснить, насколько приемлемыми являются некоторые структуры косвенных вопросов, выявленные нами в более раннем корпусном исследовании [9]. Респондентам предлагалось оценить приемлемость и степень распространенности предлагаемых высказываний по шкале от 1 до 4, а также ответить, смогли бы они использовать подобные предложения в своей речи. Кроме того, одним из типов заданий было переформулирование предложенного прямого вопроса в косвенный. При переформулировании одного из предложенных высказываний, респонденты предлагали следующую градацию вариантов:

I don't know if it's possible to do that.[1]
I don't know whether it's possible to do that.[2]
I don't know can or not leh.[3]
Can do or not?
Can or not?
Can meh?

На наш взгляд, сингапурский английский вполне можно описать в терминах посткреольского континуума, даже несмотря на то, что креольский язык на основе английского на территории Сингапура не развился, так как градиенты вариантов, похожие на представленный нами в примерах выше, отмечаются многими учеными (см. [8]).

Однако не все исследователи соглашаются с тем, что спектр конкурирующих вариантов в сингапурском английском можно считать континуумом. Например, Я. Лаймгрубер отмечает, что вариативность в сингапурском английском напоминает скорее диглоссию, чем континуум [11]. Как утверждает ученый, синглиш обычно не используется во время занятий в школах и университетах, официальных выступлениях и на рабочем месте. Кроме того, правительство проводит активную политику искоренения синглиша с помощью инициативы «Speak Good English Movement» ('Говори на хорошем английском')[4]. Носители разновидности также осознают разницу между базилектной и акролектной разновидностью сингапурского английского. Тем не менее, Я. Лаймгрубер признает, что ситуация в Сингапуре не совсем точно соответствует описанной Ч. Фергюсоном [12] (например, базилектные черты могут использоваться в «престижных» контекстах) и предлагает идею перехода от континуума к диглоссии [10]. Кроме того, другие исследователи отмечают, что смешиваются не только базилектная и акролектная разновидности сингапурского английского – жители Сингапура активно переключаются между синга-

[1] 'Я не знаю, возможно ли это'. Значение всех вариантов предложения примерно одинаковое.
[2] Данный вариант наблюдался реже первого.
[3] *Leh* и *meh* – это два примера из целого ряда дискурсивных частиц, которые отмечаются исследователями в сингапурском английском. *Leh* обычно считается маркером неуверенности, а *meh* – скепсиса [10, p. 82–88].
[4] Это движение, по словам членов управляющего комитета, стимулирует сингапурцев говорить на «грамматически правильном английском», который понятен всем [14].

пурской разновидностью английского малайским языком, диалектами китайского и тамильским, а также позитивно воспринимают синглиш, что не совсем соответствует классическому пониманию диглоссии [13].

Нам представляется возможным взглянуть на континуум в сингапурском английском и с другой стороны. Поскольку разновидности внешнего круга находятся на стадии формирования своей нормы [3], мы полагаем, что развитие сингапурского английского необязательно идет в сторону диглоссии. Можно предположить, что в процессе формирования нормы сингапурский английский движется к вполне традиционному стилевому варьированию и разделению идиома на литературную и нелитературную формы. Базой для кодифицированной литературной формы в таком случае может стать существующий на данный момент акролект. Различные мезолектные варианты, используемые в менее формальной обстановке, кажутся подходящими кандидатами на роль основы литературной разговорной речи, в то время как базилект может являться, на наш взгляд, предшественником нелитературных форм существования сингапурского английского.

Таким образом, можно заключить, что термин *посткреольский континуум* необязательно применяется для описания лишь тех разновидностей английского, базилектом которых является креольский язык. Континуум, наблюдаемый в сингапурском английском, развился не из-за конкуренции языка-лексификатора с креольским языком, а в результате контакта английского с различными субстратными языками в процессе целенаправленного обучения местного населения языку. На наш взгляд, отказываться от концепции континуума при рассмотрении языковой ситуации в Сингапуре не стоит, так как в сингапурском английском все еще наблюдается значительная вариативность как минимум на уровне синтаксиса. Кроме того, само понятие континуума кажется нам своего рода архетипичным для лингвистики, так как проведение границ между различными формами существования языка представляет собой чрезвычайно сложную задачу, поскольку границы эти стираются как на горизонтальном уровне (географическом), так и вертикальном (социальном). Следует ожидать, что смешение и конкуренция вариантов, характерных для различных форм существования языка, будет наблюдаться даже после кодификации собственной нормы в сингапурском английском.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schneider, E. W.* English around the world : an introduction / E. W. Schneider. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011. – 258 p.
2. *Mufwene, S.* New Englishes and criteria for naming them / S. Mufwene // World Englishes. – 1994. – Vol. 13, № 1. – P. 21–31.
3. *Kachru, B. B.* Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle / B. B. Kachru // English in the world: teaching and learning the language and literatures / eds. R. Quirk, H. G. Widdowson. – Cambridge, 1985. – P. 11–31.
4. *DeCamp, D.* Toward a generative analysis of a post-creole speech continuum / D. DeCamp // Pidginization and creolization of languages / ed. D. Hymes. – Cambridge, 1971. – P. 349–370.

5. *Bickerton, D.* The nature of a creole continuum / D. Bickerton // Language. – 1973. – Vol. 49, № 3. – P. 640–669.
6. *Беликов, В. И.* Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : РГГУ, 2001. – 317 с.
7. Singapore Department of Statistics [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.singstat.gov.sg/. – Date of access: 14.03.2019.
8. *Platt, J. T.* The Singapore English speech continuum and its basilect 'Singlish' as a 'Creoloid' / J. T. Platt // Anthropological Linguistics. – 1975. – Vol. 17, № 7. – P. 363–374.
9. *Гойло, А.* Частотность инверсии в новых разновидностях английского языка (на материале косвенных вопросов) / А. Гойло // «Дарагое мне – і маё – беларускае» : навук. зб. да 100-годдзя з дня нараджэння прафесара Ф. М. Янкоўскага / рэдкал.: Г. М. Валочка [і інш.] ; навук. рэд. Д. В. Дзятко. – Rīga, 2018. – С. 334–336.
10. *Leimgruber, J.* Singapore English: structure, variation and usage / J. Leimgruber. – N. Y. : Cambridge Univ. Press. – 150 p.
11. *Leimgruber, J.* From post-creole continuum to diglossia: the case of Singapore English [Electronic resource] / J. Leimgruber. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/253778544_From_Post-Creole_Continuum_to_Diglossia_The_Case_of_Singapore_English. – Date of access: 14. 03. 2019.
12. *Ferguson, Ch. A.* Diglossia / Ch. A. Ferguson // Word. – 1959. – Vol. 15, № 2. – P. 325–340.
13. *Siemund, P.* Studying the linguistic ecology of Singapore: a comparison of college and university students / P. Siemund, M. Schulz, M. Schweinberger // World Englishes. – 2014. – Vol. 33, № 3. – P. 340–362.
14. Speak Good English Movement [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.goodenglish.org.sg/. – Date of access: 14.03.2019.

В. В. Евдокимова (Минск)

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОЙ КОМПРЕССИИ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ (на материале испанского и белорусского языков)

В статье представлены результаты исследования смысловой компрессии аналитической статьи на материале испано- и белорусскоязычной прессы. Были установлены 3 типа языковых преобразований (обобщение, опущение, перефразирование), компрессирующих информацию, и выявлена корреляция их частотности с объемом свертываемого фрагмента текста.

Увеличение плотности информационных потоков в современном обществе активизирует процессы образования лаконичных единиц языка, позволяющих передавать в сжатом виде достаточно большие объемы информации. Наиболее ярко данная тенденция наблюдается в публицистическом дискурсе: необходимость рационального использования газетной полосы, с одной стороны, и непрерывное стремление к выразительной передаче разнообразной информации, с другой стороны, запускает механизмы языковой компрессии.

В лингвистической литературе понятие компрессии не имеет однозначного толкования. Анализ научных работ, затрагивающих различные аспекты данного феномена, позволяет выделить два подхода, основанных на широком и узком понимании языковой компрессии. Компрессия в широком смысле рассматривается как одна из главных тенденций функционирования и развития языка, действующая по всей сфере его использования, но проявляющаяся с разной степенью интенсивности по различным коммуникативным сферам [4].

Компрессия же в узком смысле – это набор конкретных средств, которые способны к реализации компрессии в широком смысле на всех языковых уровнях [3]. Прежде всего, имеются в виду те средства языка, которые позволяют сократить протяженность высказывания и площадь текста. Например, случаи узуальной или окказиональной номинации явления или признака, уже поименованного другой языковой формой; словообразовательные приемы, дающие производные наименования и представляющие собой свернутую форму более сложных грамматических построений; употребление различных синтаксических конструкций (причастных, инфинитивных, герундиальных), упрощающих различные типы придаточных предложений.

Традиционно компрессия понимается как уменьшение объема плана выражения без уменьшения объема плана содержания [2]. Такое понимание функциональной сути языковой компрессии положено в основу настоящего исследования. В самом общем плане компрессия достигается путем устранения слов несущих повторную, избыточную информацию, отказом от излишней детализации понятия, сокращением развернутых номинаций и т.п.

Объектом настоящего исследования является заголовочный комплекс аналитической статьи на испанском и белорусском языках, который представляет собой языковой блок в среднем от 2 до 6 предложений, включающий собственно заголовок, зачин, или лид (от англ. *lead*), врезки (специально выделенные фрагменты, стимулирующие интерес читателя). Такого рода вторичный текст, представляет собой содержание статьи в сжатом виде или, в терминах теории Т. ван Дейка, отражает верхние узлы иерархии суперструктуры текста [1]. Анализ фактического материала позволяет констатировать, что в заголовочном комплексе реализуется смысловая компрессия, отвечающая закону жанра с одной стороны, и авторской интенции, с другой.

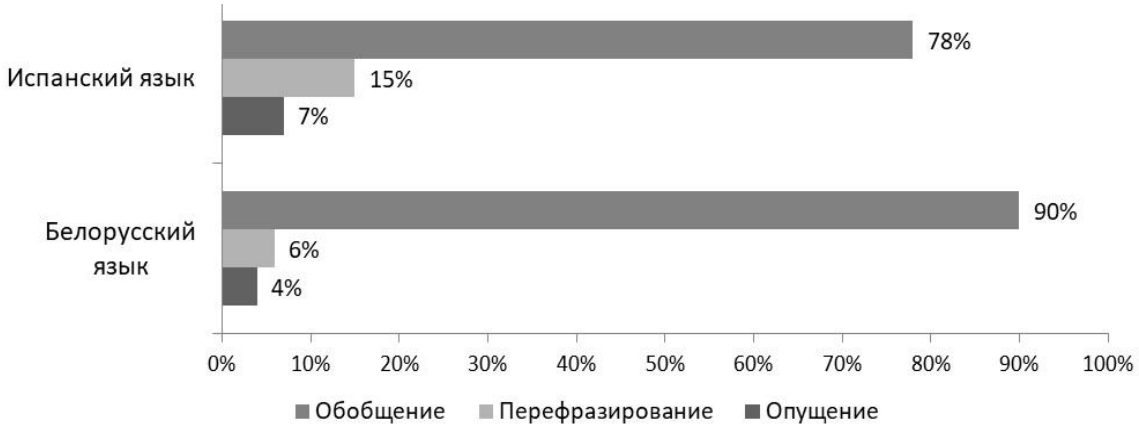
Заголовочный комплекс связан также с другим важным элементом языкового оформления газетной полосы – тематической рубрикой (*política*, *economía*, *internacional*, *cultura*, *deporte*, *opinión*). Заголовок и рубрика стыкуются по принципу включения части в целое (*internacional*: *Europa*, *Estados Unidos*; *грамадства*: *экалогія*, *здароўе*), и представляют собой самый высокий уровень обобщения.

Предмет исследования составляют типы языковых преобразований, реализующих смысловую компрессию, и приемы их экспликации на испанском и белорусском языках.

В результате анализа фактического материала с применением макроправил свертывания текста (по Т. А. ван Дейку) были установлены приемы сжатия информации, при помощи которых из текста выводится наиболее

важная и релевантная информация. К ним относятся *обобщение*, *опущение* и *перефразирование* [1, с. 245]. Каждый прием коррелирует с объемом свертываемого фрагмента текста. Эта часть исследования соотносится с изучением смысловой компрессии, т.е. компрессии в широком смысле.

На приведенном ниже рисунке отражено процентное соотношение употребления выделенных способов смысловой компрессии.



Процентное соотношение употребления способов смысловой компрессии

О б о б щ е н и е является наиболее распространенным типом языковых преобразований в исследуемом фактическом материале, так как позволяет сжимать большие фрагменты текста. В материале испанского языка данный способ фиксируется в 78 % случаев, в белорусском языке использование этого приема составляет 90 %. Под обобщением понимается преобразование фрагментов текста (в среднем от одного до трех абзацев) либо в более общее понятие, не находящееся в строгих гиперо-гипонимических отношениях, либо в более простую синтаксическую структуру, которая в отвлеченном виде передает содержание фрагмента, не повторяя его текстуально.

Например, в статье *¿Por qué el cambio de hora afecta más a niños y ancianos?* говорится о том, как влияет на состояние здоровья перевод часов на зимнее время. В первом предложении лида перечисляются последствия, вызванные нехваткой солнечного света: *Cambios de humor, falta de vitamina D o enfermedades cardiovasculares son algunas de las consecuencias de la falta de luz tras el cambio al horario de invierno.* Каждому из трех членов перечисления соответствует фрагмент статьи (от 1 до 2 абзацев), в которых последовательно описывается ухудшение настроения, способное иногда вызывать депрессию, недостаток витамина Д из-за сокращения количества солнца, увеличение сердечно-сосудистых болезней в зимнее время по причине нехватки натурального света. Таким образом, посредством синтаксической конструкции с перечислением обобщается основное содержание статьи, которое на поверхностном уровне эксплицирует семантические категории причины и следствия структурно-смысловой схемы текста.

В статье на белорусском языке *Волаты будуць жыць* говорится о разработке комплекса технологий по созданию микропопуляции зубров для увеличения количества этих редких животных в стране. Синтаксически заголовок выражен простым предложением с прямым порядком слов и мета-

форической номинацией *волаты.* Содержание статьи обобщается с помощью сложноподчиненного предложения с придаточной определительной частью: *У Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі з'явілася ўнікальная распрацоўка, якая дазволіць краіне заняць і ўтрымліваць першае месца ў свеце па агульнай колькасці зброяў.* В главном предложении называется явление (*унікальная распрацоўка*), а в придаточной части дается его основная характеристика.

О п у щ е н и е является наименее распространенным типом языкового преобразования в выборке обоих языков и составляет в испанском – 7 %, в белорусском – 4 %. Использование данного приема предполагает элиминирование из предложения дополнительной информации. При исследовании материала было установлено, что случаи опущения могут быть сгруппированы по двум критериям: 1) по структуре предложения (может опускаться придаточная либо главная часть) и 2) по синтаксической функции опускаемого элемента (определение, обстоятельство, сказуемое, подлежащее, члены перечисления).

Например, в статье *¿Y si desaparece el dinero?* анализируются ближайшие перспективы использования бумажных и электронных денег. В заголовочный комплекс входит предложение *En el siglo XXI será más común encontrar billetes y monedas en los museos que en nuestros bolsillos*, в котором опускается главная часть сложноподчиненного предложения, выражающая эпистемическую модальность как способ отношения к рассматриваемой проблематике. Ср. полный вариант в тексте статьи: *Sobre lo que no hay duda es que en el siglo XXI será más común encontrar billetes y monedas en los museos que en nuestros bolsillos.*

В статье *Наколькі зараз актуальны погляды Махатмы Гандзі?* рассказывается о возможностях применения педагогических постулатов индийского деятеля в современном образовании. В данной статье в предложении заголовочного комплекса *Місія – злучаць пакаленні* опускаются члены перечисления, а также определение и дополнение, выраженное порядковым числительным и существительным в родительном падеже. Ср. полный вариант этого предложения, представленный в тексте статьи: *Першая місія адукацыі – злучаць пакаленні, перадаваць незапашаны стагоддзямі вопыт, забяспечваць пераемнасць у развіцці культуры і цывілізацыі*. Примечательно, что выше, при анализе обобщения в качестве приема смысловой компрессии, было отмечено эффективное использование конструкции с перечислением для смыслового сжатия содержания статьи. В данном случае, наоборот, с той же целью элиминируются члены перечисления. Это зависит от композиционно-смысловой организации конкретного текста и от языковой природы членов перечисления. Наибольшей степенью отвлеченности отбладают номинативные, а не глагольные конструкции.

Процентное соотношение использования п е р е ф р а з и р о в а н и я как способа смысловой компрессии составляет 15 % в испанском языке и 6 % в белорусском языке. В исследованном корпусе материала перефразирование осуществляется как лексическими, так и грамматическими средствами. На лексическом уровне это в первую очередь использование синонимической или гиперо-гипонимической замены. На грамматическом уровне – замена сложной глагольной формы простой или же упрощение и сокращение структуры предложения.

Например, испанская статья *El porcentaje nunca va a ser un criterio irrefutable para determinar si hay o no plagio en una tesis* посвящена проблеме показателей процентного соотношения совпадающих фрагментов текста при проверке дипломных и диссертационных работ на оригинальность с помощью различных компьютерных программ. В статье приводится ряд мнений различных экспертов, работающих с платформами проверки текста на уникальность, а также участвующих в их разработке. В заголовке существительное *el pocentaje* обобщает слова из цитаты специалиста, которая приводится в тексте статьи, *"El tanto por ciento de coincidencia con otros textos nunca va a ser un criterio irrefutable para determinar si hay o no un plagio"*.

В статье на белорусском языке *Новы погляд на старыя праблемы водазабяспячэння* анализируются перспективы изменения качества воды и способов обеспечения питьевой водой населения страны. Полное предложение из текста статьи *Прыйшоў час падысьці да праблемы выкарыстання пітной вады ў нашай краіне па-гаспадарску* в заголовочном комплексе перефразируется в номинативную конструкцию *Гаспадарскі падыход да пітной вады*. Синтаксическое построение с глаголом *Прыйшоў час пыдысьці па-гаспадарску* заменяется на отглагольное существительное *падыход* с определением, выраженным прилагательным *гаспадарскі*.

Наиболее частотным из проанализированных языковых преобразований является обобщение. Опущение и перефразирование используется значительно реже в обоих сопоставляемых языках. По существу это означает, что первый тип языковых преобразований напрямую связан с объемом сворачиваемых фрагментов текста (абзац и более). Посредством обобщения компрессируются экспозитивные фрагменты статьи (описательные либо повествовательные), в структурном отношении это может быть вводная часть. Опущение и перефразирование в меньшей степени сокращают объем, поэтому их частотность более низкая. Данные типы преобразований в большей степени касаются аргументирующей и заключительной частей статьи.

Процессы понимания и логического обобщения текста являются универсальными операциями человеческого мозга. Когнитивный процесс вычленения иерархически организованных пропозиций для построения вторичного текста (т.е. смысловая компрессия) является естественным результатом понимания текста. Следовательно, в процессе обучения иностранному языку возможно опираться на универсальную способность к логическому обобщению, которая на поверхностном уровне реализуется разными лексико-грамматическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дейк, Т. А. ван.* Язык; Познание; Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Типографкомплекс, 1989. – 312 с.

2. *Комарова, С. С.* Семантическая компрессия в прагматике высказывания : на материале современной немецкоязычной прессы : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / С. С. Комарова. – Самара, 2005. – 175 л.

3. *Литвин, С. И.* Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации: на материале английского и русского языков : дис. … канд. филол. наук 10.02.20 / С. И. Литвин. – М., 2003. – 168 л.
4. *Мурзин, Л. Н.* Компрессия и семантика языка / Л. Н. Мурзин // Семантика и производство лексических единиц (проблемы деривации) : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1979. – С. 36–46.

Г. А. Жуковская (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

С изменением социальной и политической жизни в стране и в мире в русском языке появилось значительное количество фактов, свидетельствующих о развитии системы языка практически на всех его уровнях. Наиболее активно эти процессы происходят на лексическом и стилистическом уровнях, о чем свидетельствует проникновение в нормативную речь и иноязычной лексики. Небезызвестно, что именно экстралингвистические факторы, а точнее экономика, культура, история, спорт, общественные и международные отношения, существенный скачок технического уровня развития (Интернет, информационные технологии и т.д.) обусловливают появление и использование слов из другого языка как реакцию на эпоху. Иноязычная лексика очень широко представлена в современной прессе.

Русский язык всегда очень активно пополнялся за счет заимствований. С давних пор лингвисты и просто население России относились к этой ситуации по-разному. Одни выступали категорически против расширения лексической системы за счет иноязычной лексики, другие, наоборот, считали, что этой неизбежный процесс живого языка, который регулированию не поддается. Спор вечный, противостояние точек зрения во все времена неизбежно. Роль специалистов в этом случае может носить исключительно наблюдательный и частично регулирующий характер. Запретить к использованию в той или иной сфере деятельности человека иностранное слово далеко не всегда возможно. Такая ситуация в современном обществе обусловлена тем, что языковые контакты (взаимодействие двух и более языков) существенно расширились, в особенности связанные с английским и русским языком. Так, например, Е. Б. Нарочная и Г. В. Шевцова отмечают в своей работе: «Одной из главных особенностей современного слово-употребления стало распространение иноязычной лексики, прежде всего американо-английского происхождения. Англотизация и американизация автохонных языков стали повсеместным явлением не только для России и стран Европы, но также и Азии. Видимо, стоит согласиться с английским исследователем С. Питерсом, который говорит об эпохе *“лингвистической глобализации”*, понимая под таковой более активные процессы взаимопроникновения языков в период глобализации с увеличением числа америка-низмов в языках мира» [1].

Следует отметить, что новые иноязычные слова (появившиеся примерно в течение 20–30 лет) присутствуют практически во всех стилях и регистрах речи и во всех российских государственных и негосударственных изданиях средств массовой информации. Например, Е. Б. Нарочная, Г. В. Шевцова

отмечают, что частотность употребления заимствованной англо-американской лексики не одинакова в различных изданиях и варьирует от 5–10 %. [1]. Указанный разброс, с точки зрения авторов, объясняется адресной направленностью самих публицистических изданий: или массовому кругу читателей, или интеллектуально ориентированным адресатам, или пользователям персональных компьютеров, или же стилизацией проамериканского образа жизни современного молодого человека. Издания, предназначенные для представителей молодого поколения, в особенности насыщены иноязычными словами, которые очень легко принимаются и используются данной категорией граждан. «Так, самый высокий процент заимствований – 42 % в статьях на политические темы и о компьютерных технологиях, практически также американизирована сфера потребления и досуга – 38, далее следуют экономика, финансы, менеджмент и маркетинг – 35 и культура, спорт – 31 %. Данные количественные показатели свидетельствуют об обусловленности языковой картины мира общей глобализационной ориентацией на англо-американскую модель общества, ее экономику, политику, культуру и стиль жизни» [Там же]. Однако процесс глобализации с помощью внедрения в сферу коммуникации не всегда оценивается положительно. Так, например, С. Г. Тер-Минасова пишет о том, что широкое распространение глобального (английского) языка нивелирует языковую национальную культуру, складывавшуюся веками [2].

Вхождение в язык и закрепление в нем новых слов, а именно иноязычных, очень широко представлено в современной прессе. Значительное количество членов социума вовлекается в различные сферы общественной жизни России через медиапространство, поскольку средства массовой информации также влияют на формирование современного коммуникативного фона. Поэтому и пресса, с одной стороны, отражает речевую культуру и тенденции ее развития, общественные взгляды и настроения и, с другой, в большой степени двигает развитие языка и создает представление о языковой картине мира. Активное использование иноязычной лексики в публицистическом стиле дает возможность приспособить (ассимилировать) новые слова к русскому языку, т.е. к особенностям его фонетики, словообразования, грамматики. Основными функциями публицистического стиля, как известно, являются информативная и функция воздействия. Задача журналистов состоит в том, чтобы сообщить о фактах, а также дать им оценку, используя различные языковые средства, в том числе и иноязычные слова. Нередко в характеристику публицистического стиля входит такое понятие, как экспрессивность, особенно это наблюдается в последнее время.

При анализе современной прессы нельзя не отметить тот факт, что проблема использования иноязычных лексем в СМИ актуальна еще и потому, что статьи нередко пишутся непонятным языком, который можно назвать «птичьим». Например: *Сегодня мы познакомим вас с современными трендами для продвижения брендов*. Журналисты, используя новые, порой красивые слова, далеко не всегда могут достигнуть своей основной цели – полноценного восприятия созданного ими текста, т.е. его понимания адресатом. Поэтому возникает вопрос, насколько все иноязычные слова (иногда уже не столь новые и, естественно, самые последние заимствования)

являются доступными для понимания с точки зрения их значения и восприятия того контекста, в котором они были использованы излагающими материал. Не являются ли они агнонимами для большинства носителей русского языка, а во многих случаях и для самих пишущих сотрудников газет и журналов. Существует ряд причин, которые обусловливают использование иноязычной лексики в современном русском языке, в том числе и в СМИ: 1. Отсутствие наименования явления или предмета в русском языке (естественная причина) – *холдинг, блог, сканер, кластер*. 2. Использование терминологии в отдельных отраслях научных знаний – *гуглить, репост, коммент, арт-терапия*. 3. Попытка более лаконичного наименования взамен словосочетания или целого выражения – *бейдж, снэк, файер, импичмент*. 4. Незнание или неумение найти адекватную синонимическую замену иностранному слову в русском языке – *лайфхак, лук*. 5. Использование иноязычных слов как элемента снобизма перед аудиторией: стремление указать на превосходство, самолюбование перед аудиторией, желание казаться оригинальной личностью, проявлять творческий подход в речевой деятельности – «Я бы хотела, чтобы *босс* (начальник) *проаппрувил* (одобрил) и *пролонгировал* (продлил) мне *контракт* (договор)».

Стремление современной журналистики к яркости, оригинальности, экспрессивности, желание идти в ногу со временем, увлечение языковой глобализацией во многом объясняет наличие в текстах иноязычной лексики, в особенности англицизмов (англо-американизмов). Эта тенденция наблюдается во всех сферах массовой коммуникации, где заимствованные слова могут выступать как в роли жаргонизмов или модных клише, так и в политической и экономической сфере, где англицизмы выступают в роли заменителей слов из русского языка или не имеющих аналогов в русской речи. Сегодня многие носители русского языка испытывают дискомфорт из-за потока новых заимствованных слов. А речь с большим количеством новых заимствований выглядит неестественной или просто модной. По результатам многочисленных исследований современной языковой ситуации выделяются, например, такие иноязычные новые слова-англицизмы, которые широко используются в СМИ: *контент, месседж, мониторинг, рейтинг, пиар, перфоменс, маркетинг, транш, оффшоры, паблик рилейшен, консалтинг, брифинг, сайт, презентация, тариф, бренд, имидж, холдинг, хит, трафик, блокбастер, бартер, бестселлер, ноу-хау, роуминг, аутсайдер, секьюрити, промоутер, консенсус, импичмент, дедлайн, дистрибьютер, нетворкинг, тюнинг, импичмент* и т.п. При этом количество их постоянно увеличивается.

В целях проверки восприятия адресатом иноязычной лексики, которая широко используется в разных средствах массовой информации, был проведен эксперимент среди молодых читателей (студентов от 17 до 35 лет) и представителей старшего возраста (от 35 до 60 лет). Всего в эксперименте участвовало 60 человек. Реципиентам было предложено 10 новых англицизмов, которые используются в современной прессе. Причем частотность употребления этих лексических единиц различна, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка [3]. Следует отметить, что предложенные данные по частотности употребления их в СМИ ограничены

2014 годом. При проведении опроса также важно было установить, насколько указанная лексика стала восприниматься носителями русского языка как обычная (не новая) в последние годы.

Лексема	К-во употреблений	К-во документов	Активность употребления (2000-е гг)	
			Max (год)	всплеск
рейтинг	11 601	7 501	2011	2004, 2014
бренд	4 458	3 123	2013–2014	2007
трафик	879	695	2014	2007
стартап	416	211	2014	2009
промоутер	347	284	2013–2014	2007
импичмент	182	146	2007	2001, 2004, 2009
тюнинг	169	123	2014	2001
дедлайн	115	103	2001–2002	
дистрибьютер	9	9	2001–2002	
нетворкинг	3	2	2013–2014	

Результаты отчасти прогнозировались, исходя из наблюдения за речевой компетентностью и культурной грамотностью носителей языка в целом. В частности, предполагалось, что предложенные лексемы все еще представляют трудность с точки зрения понимания их содержания. В качестве материала для эксперимента были взяты минитексты из популярных газет, например, «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Метро», где встречаются указанные выше иноязычные слова. Например: 1. *Но почти всегда продавец будет убеждать вас: товар из Астрахани. Потому что это уже* ***бренд****. Впрочем, выяснить происхождение ягод несложно – нужно всего лишь потребовать документы на продукцию у продавца.* 2. *Однако наступил* ***дедлайн****, а мраком неизвестности покрыт не только состав нашей дримтим, но до сих пор не ясно, кто же будет тренером и генеральным менеджером сборной.* 3. *Косметику продаю знакомым Люба Игнатова, 15 лет,* ***дистрибьютер****: – В метро я увидела объявление о приеме на работу в косметическую фирму.* 4. *И именно Церковь предоставляла людям возможности для реализации себя, так что в этом смысле такой* ***нетворкинг*** *существовал всегда, ведь это вещь, заложенная в социальной природе человека.* 5. *В Nokia Asha 501 стоит специальный интернет-браузер Xpress, который сжимает данные до 85 %, делая загрузку страниц быстрее и экономя интернет-****трафик****, а в итоге ваши деньги.* 6. *Согласно докладу того же НАИРИТ, каждый пятый российский* ***стартап*** *в сфере высоких технологий так или иначе связан с лженаукой*. 7. *И розовое такси по ночной Москве – и что бы вдруг клоун-****промоутер*** *тормознул машину на перекрестке, распахнул дверцу и оставил в девичьих ладошках охапку воздушных шариков.* 8. *Олигарх возглавил очередной* ***рейтинг*** *журнала Forbes как самый щедрый отец: предприниматель потратил астрономическую сумму на роды гражданской супруги.* 9. *Но труды его не стали напрасными, машина стала визитной карточкой его тюнинг-ателье, ее показывали даже на выставке автороскоши Top Marques в Монако.* 10. *Они только-только загнали врага в угол, уже подготовив ему в горсовете* ***импичмент****.*

При подведении итогов эксперимента было установлено, что высокая частность употребления в речи таких слов, как *рейтинг*, *бренд*, *трафик*, иногда еще не свидетельствует о том, что представление об их лексическом значении не вызывает затруднений. Так, например, лексема *рейтинг* трактовалась следующим образом: *статистика*, *место в каком-либо занятии*, *список успеваемости*, *положение в таблице лучших*. Трактовка значения слова *бренд* была следующей: *модная*, *дорогая вещь*; *востребованный предмет в обществе.* Популярная сегодня лексема *трафик* чаще всего понимается как *пакет услуг связи на определенное время*, а так же как *дорожное движение*, *пробка на дороге*, *высокая загруженность на дорогах*. При этом 8 % из всех опрашиваемых не смогли указать значение слова *трафик.* Лексические значения слов *рейтинг* (*степень популярности общественного деятеля* и т.д.; *числовой или порядковый показатель*) и *бренд* (*торговая марка*; *марка фирмы, компании*) были указаны верно практически всеми участниками эксперимента независимо от возраста читателей. Среди предложенных слов были такие, у которых, по данным Национального корпуса русского языка, средняя частотность употребления в средствах массовой информации. Это слова *стартап* и *промоутер*. Наиболее частая трактовка значения лексемы *стартап* – это *начальный этап какого-либо дела*, но есть и такое представление о значении: *то*, *что начинают*; *место*, *где проводят спортивные конкурсы*; *интернет-кошелек*. Иноязычной лексеме *промоутер* чаще всего присваивалось следующее значение: *специалист по продвижению товара*; *человек*, *занимающийся раздачей листовок*, *рекламщик*; реже – *тот*, *кто разбирается в технике*, *организующий спортивные соревнования*.

Как оказалось, наибольшую трудность для участников эксперимента при определении значения представляли такие слова, как *дистрибьютер* (68 %), *нетворкинг* (63 %), *импичмент* (53 %), *дедлайн* (22 %), *трафик* (10 %). В скобках указан процент участников, которые вообще не имеют представления о значении предложенных слов.

При сравнении результатов опроса студентов и представителей старшего поколения оказалось, что значение слова *стартап* неизвестно 30 % взрослых и 20 % студенческой молодежи. Лексема *импичмент* незнакома 10 % представителям старшего поколения и 62 % реципиентам из молодежи, а иногда трактовалось студентами следующим образом: *недоверие к какому-либо продукту*, *выдвижение на пост*; *выговор*, *замечание*. В целом, существенных различий в понимании значений новых иноязычных слов читателями разных возрастов практически не отмечено.

Таким образом, всегда ли процесс коммуникации через прессу является успешным? Далеко не всегда. Суть существующей сегодня проблемы использования новых слов заключается, во-первых, в отсутствии бережного отношения к адресату со стороны представителей журналистики, которое выражается в том, что пресса, предназначенная для широкого круга читателей, далеко не всегда идущих в ногу с современными и модными тенденциями в целом и употреблением новых англо-американских заимствований; во-вторых, сами журналисты не всегда имеют четкое пред-

ставление о значении используемых ими в текстах лексических единиц; в-третьих, читатели прессы зачастую не могут понять предложенный текст из-за обилия еще незнакомых им новых слов (агнонимов), с которыми они могли бы провести аналогию в русском языке; в-четвертых, язык не всегда успевает обработать эти новые слова, в результате чего возникает вариативность трактовки лексического значения, а также написания и произношения; т.е. семантика многих слов в современном русском языке еще окончательно не устоялась.

Для того чтобы не было коммуникативных неудач или сбоев при восприятии информации, следует учитывать тот факт, что любое новое слово проходит процесс освоения, во многом определяющийся тем, насколько часто оно встречается в нашей устной или письменной речи. В этом случае не столь важно наличие или отсутствие аналогий в русском языке, важно, чтобы лексическая единица стала своей, а не оставалась чужой. Эффективность общения во многом зависит от того, в какой степени выбранное слово выражает нужный смысл и насколько понятно адресату. Журналистам, работающим в таких средствах массовой информации, которые предназначены для широкого круга читателей, следует быть более осторожными при использовании в современном тексте новых иноязычных лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нарочная, Е. Б.* Иноязычные слова в современной российской публицистике [Электронный ресурс] / Е. Б Нарочная, Г. В. Шевцова. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-slova-v-sovremennoy-rossiyskoy-publitsistike. – Дата доступа: 8.03.2019.
2. *Тер-Минасова, С. Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М. : АСТ ; Астрель ; Хранитель, 2007. – 286 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskorpora.ru/. – Дата доступа: 20.02.2019.
4. *Михневич, А. Е.* Агнонимы – феномен языка, знания или культуры? [Электронный ресурс] / А. Е. Михневич. – Режим доступа: http://ito.edu.ru/2003/ito/II/2/II-2-3.html. – Дата доступа: 12.03.2019.
5. *Козырев, В. А.* Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестн. Герцен. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 54–59.

Л. Г. Каширина (Рига)

РУССКО-ЛАТЫШСКОЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА ЛАТВИИ

В статье рассматриваются специфические черты дискурса русских медиа Латвии. Помимо тематики, связанной с ситуацией и реалиями страны, наиболее характерными особенностями журналистских текстов, по мнению автора, являются латышизмы и прецедентные тексты русской культуры. Анализ употребления данных языковых единиц

показал, что латышизмы и прецедентные тексты русской культуры объединяют функция установления контакта с русскоязычными читателями Латвии и функция создания иронии в дискурсе местных медиа.

Современные средства массовой информации каждой страны отличаются спецификой тематики, отражающей реалии данной страны, топонимикой, набором ключевых слов и концептов, а также другими стилистическими особенностями журналистских текстов. В русских медиа Латвии, помимо перечисленных особенностей, заметны специфические черты, связанные с взаимовлиянием латышского и русского языков. С одной стороны, это использование латышизмов (слов из латышского языка), с другой – прецедентных текстов, соотнесенных с историей, культурой и литературой России. Стилистические функции данных языковых единиц различны, но их «сосуществование» в журналистских текстах объединяет ключевая функция любых медиа – взаимодействие с аудиторией. Возможности воздействия на аудиторию, благодаря включению в тексты как латышизмов, так и прецедентных текстов, близких русскоязычному читателю, представляется интересным для изучения и характеристики особенностей русских медиа Латвии.

На современном медиарынке Латвии русские медиа, как печатные, так и интернет-ресурсы, занимают значительное место. Ежедневная общественно-политическая газета «Сегодня» (начало издания с 1919 года, продолжение традиций – «Советская молодежь», известная в СССР до 1989, «СМ-сегодня» 1991–1999, «Вести сегодня» 1999–2017), еженедельники «Сегодня. Неделя», «Вести», «Суббота», «МК-Латвия», журналы различной тематики, а также интернет-версии названных изданий и русскоязычные информационные порталы Delfi.ru, TVNet, MixNews, BB.lv и другие. Как известно, аудиторией интернет-медиа является преимущественно молодежь и люди среднего возраста. Аудитория современной русской прессы Латвии – это, в основном, средний и старший возраст читателей, интересующихся социально-политическими проблемами, событиями в России и в мире. В связи с этим печатные русскоязычные медиа ориентированы на данную категорию читателей, что обусловливает специфику тематики, языковых и стилистических особенностей журналистских текстов.

Одной из таких особенностей является активное использование латышизмов в текстах русских медиа Латвии.

Латышский и русский языки живут и взаимодействуют на территории Латвии не одно столетие. Результатом культурного и языкового взаимодействия является естественная интерференция этих двух основных языков Латвии и ее многонационального населения. Языковая интерференция активно изучается латвийскими исследователями в разных аспектах: исторические заимствования, диалектные взаимовлияния, городская речь рассматривались в трудах М. Ф. Семеновой, И. С. Кошкина, И. В. Диманте и других [1; 2; 3].

В последние десятилетия филологи уделяют внимание взаимодействию русского и латышского языков, прежде всего, в социокультурном аспекте, анализируя преимущественно разговорную речь горожан, функции заимство-

ваний и мотивации говорящих. Также интерес исследователей привлекают использование русских слов, прежде всего, разговорных, эмоционально окрашенных в речи латышей: например, *давай*, *пофиг*, *пацан*, *девки* и т.п. в статьях А. Филея, В. И. Калининой и других [4; 5].

Известно, что в речь русскоговорящего населения Латвии также прочно вошла лексика из бытовой речи латышей. Наиболее частотными в речи русских горожан Латвии стали: «*ринда*», *бунжа*, *бунтик*, *бучка*, *канна*, *аплиециба*, *атпакаль*, *максать* (*замаксать*), *лудзу*, *свейки*, *сапрот*, *мейтене*, *пуйка*, *драуги*, *ата*, *кунгс(-и)*, *сколотая*, *страдать*, *слимница* и ряд других. Рассматривая социокультурный аспект употребления данной лексики, А. Филей справедливо отмечает, что ее активными носителями являются «субкультурно ориентированные группы, например, школьники, студенты, криминальные элементы, которые проводят много времени, общаясь с представителями других национальностей, что особенно показательно в Латвии». В свою очередь, растет число заимствований в профессиональных сферах (медицина, образование, бухгалтерия и т.д.), которые практически полностью переведены на государственный язык, и русскоговорящие специалисты в живом общении употребляют терминологию на латышском, считает латвийский филолог-русист Александр Филей [6].

Естественно, что в русских массмедиа отражается этот процесс взаимовлияния русского и латышского языков, достаточно активного использования русскоговорящими Латвии латышизмов. Однако в текстах медиа латышизмы используются в разных функциях. Частотно употребление эмоционально нейтральных слов, обозначающих бытовые предметы или действия, в качестве «маркеров территории» (Л. К.). Данные лексемы понятны любому русскоговорящему читателю прессы или интернет-ресурсов и как бы обозначивают принадлежность событий и действующих лиц к территории Латвии. Наиболее часто это *ринда*, *бунжа*, *канна*, *бунтик*, *слимница*, *сколотая* и т.п., которые включаются в живую речь персонажей очерков, статей, репортажей.

Однако чаще латышизмы используются журналистами для создания иронии относительно событий или персонажей, преимущественно в статьях общественно-политической тематики с критической оценкой деятельности отдельных политических персон, партий или правительства.

Так, статью, посвященную критике очередного пособия по русской литературе для латышских школ, предваряет заголовок «Кур ир Пушкинс?» *(А где Пушкин?)* [7]. В статье автор, Николай Кабанов, известный в Латвии журналист, публицист и депутат латвийского сейма, выражает недоумение по поводу списка биографий русских писателей, поэтов и их произведений, в котором на фоне А. А. Ахматовой, М. А. Булгакова и А. И. Солженицина с «антисталинской поэмой «Прусские ночи» и «теоретически неподъемного для школьника «Архипелага» не оказалось Пушкина! Заголовок текста, оформленный как вопрос по-латышски, создает коннотацию некомпетентности авторов пособия относительно ценностей русской культуры либо намеренного искажения таковых.

Далее автор пишет: «Возникает резонный вопрос: а какой язык, *кунги (господа)*, вы предлагаете осваивать?!» Используя латышизм *кунги*, журналист акцентирует данную коннотацию, усиливая иронию относительно авторов пособия. Следует отметить, что данная лексема достаточно частотна в данной функции при характеристике местных чиновников и известных лиц.

Также Николай Кабанов в статье о снятии с должности мэра города Даугавпилс, под заголовком «Даугавпилс заказывали?» [8], раскрывая неправомерность данной акции под давлением националистических сил пишет: «А ну как неправильный мэр объявит свою *пашвалдибу (самоуправление)* открытым городом и поднесет захватчикам ключи?». Включение в предложение данного латышизма из административной речи создает коннотацию противопоставления «правильный – пролатышский, пронационалистический», «неправильный – прорусский, пророссийский», готовый отдать город «захватчикам», то есть России.

В интернет-ресурсе Press.lv. в освещении скандальной истории с публикацией в соцсети известного латышского активиста и антиглобалиста по поводу ареста 18 ноября (День 100-летия независимости Латвии) нескольких латышей с флагами с изображением «огненного креста» (свастики), публикует заголовок, цитируя в русском переводе: «Оролс: Латвия прогнулась под евреев! Судить латыша за угунскрустс *(огненный крест)*?!» [9]. В данном случае латышизм *угунскрустс* используется в обозначении реалии латышской фольклорной символики, исторически связанной с антисемитскими и антинемецкими настроениями латышских националистов 30-х годов XX века. Включенный в цитату латышизм конкретизирует политическую позицию автора высказывания.

«Максла (искусство) вместо масла» [10]. В заголовке статьи о проблеме вложения неоправданно значительных средств на проведение Вселатвийского праздника песни автор (Николай Кабанов) так же, как и в предыдущих текстах, используя латышизм, создает коннотацию иронии относительно события в форме аллитерации, чем усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

В рассмотренных текстах статей латышизмы реализуют функцию экспрессивно-эмоционального воздействия и контакта с русскоязычной аудиторией за счет иронии, отражающей авторскую позицию, близкой русскоязычной читательской аудитории.

Так же, как и латышизмы, функцию контакта с русскоязычной аудиторией, поддержание интереса к публикациям русских медиа Латвии, реализуют прецедентные тексты, соотнесенные с русской культурой и литературой. В качестве прецедентных текстов выступают различные лексические единицы: названия стихотворений, части известных высказываний из классики русской литературы, кинофильмов и песен. Функции прецедентных текстов, их структурные виды и типология, роль в современных массмедиа, достаточно полно исследованы в русистике, прежде всего в трудах Ю. С. Караулова, В. И. Конькова, Е. А. Нахимовой, С. И. Сметаниной и др. [11; 12; 13; 14].

В русской прессе Латвии прецедентные тексты, принадлежащие русской культуре, наиболее часто используются для выражения авторской иронии, экспрессивно-эмоциональной оценки событий и персонажей.

Так, в тексте статьи редактора газеты «Сегодня» Андрея Шведова [15] прецедентные тексты являются стилеобразующим элементом, формирующим контакт с русскоязычным читателем. В статье автор откровенно высмеивает военную доктрину нагнетания опасности российской агрессии против Латвии. Статья построена как развернутая метафора, где политика военного ведомства сравнивается с «разбитной разведенкой», которая все ждет «своего героя» (нападения России). Заголовок статьи «Уж полночь близится, а Путина все нет» отсылает читателя к «Пиковой даме» Пушкина, к теме жестокого обмана героини. Далее в описании «ожидания» отсылка к ситуации и тексту культового фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы...»: «Потратилась, накрыла стол, сидит, ждет… Ладно потенциальный сожитель – можно и другого поискать. А что делать *с тающей заливной рыбой и оливье с ограниченным сроком годности?*». Активно используя разговорную лексику, автор хлестко иронизирует над ситуацией и завершает статью строкой *Хорошо, что народ и армия едины*, отсылая читателей к широко известному лозунгу советских времен с коннотацией «заведомо провальное дело против интересов народа».

Наиболее активно прецедентные тексты используются в заголовках, которые, как известно, выполняют контактоустанавливающую функцию и благодаря ассоциациям с известными фактами русской культуры, привлекают внимание русскоязычного читателя к основному тексту.

Так, заголовок «Там, у соседа, пир горой» к статье Николая Кабанова [16] о различиях уровня жизни и благополучия Латвии, Литвы и Эстонии, вызывает ассоциацию с известным стихотворением Владимира Высоцкого и однозначно указывает, кто, кому и почему завидует в этой триаде.

В заголовок «Вместе весело шагать по просторам. А делить шесть миллиардов евро получается грустно и склочно» [17] Андрей Шведов включает цитату из любимой детьми советской песни о дружбе и коллективизме, которая в контакте с последующим предложением создает коннотацию иронии по поводу единства участников проекта строительства железной дороги через Балтию в страны Западной Европы.

«Рука бойца колоть устала?» [18] – цитатой-аллюзией из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» начинается текст Андрея Шведова под заголовком «Пора (С)мириться с Кремлем», что так же создает иронию по поводу неожиданно «лояльного мнения» о России представителей Латвии на очередной сессии ООН.

В статье «О посольстве Латвии в Каталонии» [19] Андрей Шведов ссылается на известную цитату В. И. Ленина: «…приметы назревающих перемен в политическом устройстве государств описал еще дедушка Ленин. Это *когда верхи не могут, а низы не хотят*».

Название одного из эпизодов популярной в России юмористической программы «Ужасы нашего городка» в заголовке задает иронично-саркастический тон статьи о необоснованных обвинениях мэра Риги со стороны

правящих партий: «Ужасы нашего городка: на мэра Риги нацелили премьер-министра» [20]. Далее в тексте автор, Эдуард Эльдаров, еще раз подчеркивает абсурдность этих обвинений: *…правящим сейчас крайне выгодно эксплуатировать тему «ужасов нашего городка»*.

Анализ значительного объема текстов показал, что прецедентные тексты русской культуры, истории и литературы активно используются в русских медиа Латвии. Различные по источникам и структуре, прецедентные тексты выполняют контактоустанавливающую функцию в заголовках и функцию эмоционально-экспрессивного воздействия на русскоязычных читателей, вызывая ассоциации с известными и авторитетными для русской культуры источниками. Можно утверждать, что использование прецедентных текстов является стилеобразующим фактором в массиве общественно-политических статей русскоязычного ежедневного издания «Сегодня» и его интернет-версии.

Также был проведен анализ использования латышизмов в текстах того же издания, основной функцией которых можно назвать соотнесенность текстов с реальностью существования на территории Латвии, а также эмоционально-экспрессивной функцией выражения иронии и авторской позиции.

Таким образом, латышизмы и прецедентные тексты русской культуры при всех культурно-языковых различиях реализуют общие функции, и формируют стилевую специфику дискурса русскоязычных медиа Латвии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенова, М. Ф.* Сопоставительная грамматика русского и латышского языков / М. Ф. Семенова. – Riga : SIA «Vards», 1994.
2. *Кошкин, И. С.* Контакты русского языка в Латвии в первой половине XX века. Humaniora Lingua Russica. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры / И. С. Кошкин. – Тарту : Тартуский ун-т, 2009.
3. *Диманте, И. В*. Языковые контакты: дву- и трехъязычие на территории Латвии XVIII–XXI вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://seminariumhumanitatis.positiv.lv/index.htm. – Дата доступа: 21.02.2019.
4. *Филей, А.* Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии [Электронный ресурс] / А. Филей. – 2014. – Режим доступа: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/filey-problems-of-bilingualism/. – Дата доступа: 18.02.2019.
5. *Калинина, В. В.* Русский язык как инструмент делового сотрудничества / В. В. Калинина // Русистика и современность. – Рига, 2010.
6. *Филей, А.* «Davai!»: латыши используют русские слова, чтобы речь стала выразительнее // Новая газета. – 2018. – 17 дек.
7. Сегодня – 2017. – 14 сент.
8. Сегодня – 2017. – 29 авг.
9. Press.lv. – 2018. – 8 мар.
10. Сегодня – 2013. – 9 авг.
11. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.

12. *Коньков, В. И.* Речевая структура газетных жанров : учеб. пособие / В. И. Коньков ; С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. журналистики. – СПб. : Роза мира, 2004. – 219 с.
13. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
14. *Сметанина, С. И.* Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина, В. А. Михайлов – М., 2002. – 382 с.
15. Сегодня – 2018. – 15 янв.
16. Сегодня – 2018. – 14 февр.
17. Сегодня – 2018. – 15 февр.
18. Сегодня – 2019. – 15 янв.
19. Сегодня – 2017. – 1 окт.
20. Сегодня – 2019. – 14 мар.

И. Г. Лебедева (Минск)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ЗВУКОВ БЕЛОРУСАМИ

Исследуются особенности процесса восприятия. Анализируются фонологические признаки французских гласных и согласных при восприятии русско-язычными белорусами французской устной речи. Сопоставляются перцептивные и артикуляторные модификации французских гласных и согласных у белорусов. Формулируются экспериментально обоснованные выводы о взаимосвязи перцепции и артикуляции. Установлено, что явлением, обусловливающим недостаточную степень сформированности перцептивно-артикуляционной базы французского языка у белорусов, выступает нарушение слоговой длительности, сказывающееся на изменении параметров дифференциальных признаков гласных и согласных.

Процессы, лежащие в основе восприятия речи, чрезвычайно сложны. Восприятие включает в себя не только собственно декодирование языкового сообщения, но также и воссоздание его взаимосвязи с широким репертуаром информации различной природы. Оно представляет собой сложный комплекс, раскладывающийся на ряд отдельных процессов, высокий уровень автоматизации которых концентрирует внимание слушающего только на конечном результате лингвистической обработки – опознании слов, а промежуточные процессы им не осознаются.

При восприятии устной речи имеет место аналитико-синтетическая обработка акустического сигнала, сравнение выделенных признаков с хранящимся в памяти образом-эталоном и последующая смысловая интерпретация [1]. Единство эталонов воспринимаемых единиц в сочетании с правилами их сравнения составляет перцептивную базу языка [2], которая является конечным продуктом высшей нервной деятельности по развитию речи, итоговым результатом работы речевой функциональной системы индивида. На заключительном этапе своего развития на уровне третичных зон мозга она представлена высшими фонологическими обобщениями ритмико-мелодических,

слоговых структур и фонем, благодаря которым осмысливается и опознается звучащая речь [3]. Формирование механизмов восприятия происходит в процессе накопления и обобщения информации разных модальностей (акустической, зрительной, кинестезий), которая в силу интегративной деятельности мозга становится собственно лингвистической [Там же], таким образом, становление перцептивной базы происходит в тесной взаимосвязи с функционированием акустического, зрительного, кожно-вибрационного и мышечного анализаторов. Ведущая роль при отсутствии патологии слуха принадлежит акустическому способу кодирования информации, однако это обстоятельство не позволяет говорить об акустическом коде как о единственном.

Согласно данным нейрологии восприятие предмета предполагает наличие образа действенной установки, которая возникает лишь в результате высоко развитой тонической деятельности мозжечка и коры, регулирующей двигательный тонус и обеспечивающей состояние активного покоя, необходимого для наблюдения [4]. Иными словами, восприятие предполагает высокое развитие как сенсорного, так и двигательного аппарата. Например, восприятие пространственного расположения вещей формируется в процессе реального двигательного овладения пространством – сначала посредством хватательных движений, а затем передвижения. Применительно к процессу восприятия речи сказанное означает, что восприятие речи формируется под непосредственным влиянием артикуляции. По мнению ряда авторов [5; 6; 7], полному пониманию речи можно научить только через артикуляцию.

При обучении иностранному языку взрослых закономерно отмечаются процессы взаимодействия языковых систем. Родной язык оказывает интерферирующее влияние на формирование системы иностранного языка. Наиболее трудно поддающаяся коррекции интерференция наблюдается в фонетике. Это объясняется сложностью артикуляционных движений в целом: помимо осознаваемых основных движений, артикуляция сопровождается еще фоновыми и корригирующими движениями, которые не осознаются и пополняются за счет сформированных ранее артикуляторных действий. В худшем варианте – это движения из родного языка, в лучшем – гибридные формы. В силу взаимосвязи артикуляции и перцепции интерферирующее воздействие родного языка будет отмечаться как при говорении на иностранном языке, так и при его восприятии, то есть на восприятие речи неродного языка будут оказывать влияние первично сформированные системы или система. Так, на восприятие французской речи русскоязычными белорусами будут влиять фонетические особенности белорусского варианта русского языка.

Для выявления особенностей восприятия французских звуков белорусами было проведено экспериментальное исследование. Испытуемым русскоязычным белорусам было предложено прослушать и записать французский аутентичный текст, в котором предварительно была увеличена продолжительность пауз между синтагмами, что позволяло зафиксировать услышанное. Исходный французский текст считался эталоном, а написанное испытуемыми – перцептивными вариантами. Ошибки восприятия принимались за неадекватные идентификации, каждая из них подвергалась анализу на предмет выпадения или вставки звуков, а также изменения их различительных признаков.

Было выявлено, что самыми частотными неадекватными идентификациями выступают вставки и выпадения, им подверглись 56 % согласных и 32 % гласных (процент от общего количества неадекватно идентифицированных гласных и согласных). Таким образом, очевидным оказывается факт наличия ритмических искажений в перцептивном поле испытуемых. Длительность акцентных единиц перцептивно модифицировалась: одни слоги становились короче, а другие – удлинялись. Например: *c'était une* de *ces journées* = ^{6}*c'é*|^{5}*tai*|^{4}*t une*| ^{3}–*ou*| ^{2}*sep*t| ^{1}*jour*|´*nées ; mais c'est bien ça le repère = mais c'est bien* ´*ça* ^{2}*le* |^{1}– ´|*père.* Обращает на себя внимание факт, что, как правило, перцептивно удлинялись второй и четвертый предударные слоги, а перцептивно становились короче первый и третий предударные слоги. На наш взгляд, причиной таких модификаций является несовпадение в ритмической выделенности безударных слогов в контактирующих языках: во французском языке ритмически выделенными оказываются второй и четвертый безударные слоги, а в белорусском варианте русского языка ритмическая выделенность отмечает начальный и первый предударный слоги элементарной акцентной единицы.

Чаще всего выпадению и вставке были подвержены увулярный [r] и переднеязычные [l], [t], [n], [d], а также гласные [a], [œ]. Такое поведение согласных и гласных также вполне предсказуемо: увулярные звуки отсутствуют в белорусском варианте русского языка. Чаще всего при постановке или коррекции французского произношения обучаемому белорусу ошибочно предлагается брать за основу белорусское фарингальное [ɣ]. Опора на этот эквивалент создает трудности при реализации французских гласных переднего ряда, может косвенно обусловить дифтонгизацию гласных и образование дополнительного заударного слога. Например: Marie [mar*ɨ*], père [p*ei*r], bonjour [bõ´ʒur^{i}].

Проблемность восприятия переднеязычных согласных объясняется их различной артикуляцией в двух языках. Французские переднеязычные – апикальные, то есть артикулируются кончиком языка, в белорусском варианте русского они дорсальные, достаточно расслабленные, в их артикуляции задействована вся передняя часть языка. Время артикуляции напряженных французских апикальных меньше, чем у расслабленных белорусских дорсальных, таким образом, воспринимаемые белорусом переднеязычные согласные не попадают в зону идентичности сформированного в перцептивной базе эталона и искажаются. Например: *il vient voir* s*es amis = il vient voir* d*es amis*. Таким образом, различная длительность реализации сходных, но не идентичных звуков приводит, несомненно, к ухудшению их распознавания в потоке речи.

Факт частотного выпадения французских гласных [a], [œ] из перцептивного поля белорусов также закономерен. Первый гласный используется в компрессии русского текста, а второй – французского: *жав$_{о}$ронок, chez l$_{e}$ boulanger*. Этот факт является причиной частотного выпадения гласных [a] и [œ] в перцептивных вариантах испытуемых, например: *toute m*e*nue* = ^{2}*toute*| $^{1\,\Delta}$Δ|´*nue; ne pouv*ait *pas l*a *proté´ger* = ^{7}*ne*| ^{6}*peut*|$^{5\Delta}$Δ| ^{4}*pas*| $^{3\Delta}$Δ| ^{2}*pro*|^{1}*té*|´*ger*.

Вторая по значимости группа неадекватной идентификации согласных представлена трудностями дифференциации степени участия голоса (34,9 %). Идентификация консонантного признака «*степени участия голоса*» при восприятии *звонких* согласных обнаруживает следующие закономерности:

- в *ударном слоге* при преобладании неадекватных идентификаций тенденция к субституции признака звонкости на признак глухости, звонких смычных на щелевые отражает увеличение его абсолютной длительности в восприятии испытуемых;
- *в предударном слоге* тенденции к замене звонких согласных сонорными перцептивными вариантами, а также к замещению щелевых смычными указывают на сокращение длительности этого слога в восприятии испытуемых;
- максимально проблемным для восприятия испытуемых оказывается качество переднеязычности консонантного компонента французского слога.

При неадекватной идентификации *глухих* согласных, маркирующих предударные слоги (82,0 %), заменителями являлись звонкие и сонанты в предударных слогах и глухие согласные – в ударных. Например: *j'ai pu atteindre ce couloir* = ^{3}*j'ai*| ^{2}*pu*| ^{1}*a*|ˊ*tteindre* ^{2}*le*| ^{1}*cou*|ˊ*loir* ; ^{1}*il* |ˊ*fait* ^{1}*si* |ˊ*froid* = ^{1}*il*| *fai*|^{1}*sait* ˊˊ*froid ; comme le sang* = ^{2}*comme*| ^{1}*le*| ˊ*chant*.

При восприятии испытуемыми французских гласных, помимо искажений вставки и выпадения, были выявлены неадекватные идентификации по четырем дифференциальным признакам: назальности, ряду, огубленности и подъему. Анализ их рекуррентности выявил, что в ударном и безударном слогах наиболее проблемными являются признаки подъема гласных и назальности. В предударном слоге плохо распознается признак огубленности гласного (таблица).

Подверженность вокалических элементов французского слога неадекватной идентификации по исследуемым признакам (% от общего количества неадекватных идентификаций в каждом конкретном слоге акцентной единицы)

Слог	Признак						Σ
	Подъем	Выпадение	Назальность	Огубленность	Вставка	Ряд	
Предударный	20,4	26,5	17,8	20,0	12,2	3,1	100,0
Ударный	37,0	21,6	27,7	7,3	4,1	2,3	100,0
$\overline{X}$	28,7	24,1	22,8	13,6	8,1	2,7	100,0

Эксперимент выявил следующие закономерности:

- трудности восприятия подъема гласных переднего ряда;
- ослабление дифференциальной значимости признака *подъема* в более удаленных от ударения слогах с предпочтением более открытых перцептивных вариантов;
- редуцирование количества используемых в качестве перцептивных вариантов вокалических элементов, отсутствие субституций полузакрытыми гласными [e], [ø], [ɔ];

- при неадекватной идентификации признака *назальности* у гласных имеет место увеличение длительности воспринимаемых гласных в ударном и ритмически выделенных предударных слогах и ее сокращение в ритмически невыделенных безударных слогах, обусловленные разным характером протекающих в них перцептивных трансформаций;
- для неадекватной идентификации признака огубленности гласных свойственны трудности восприятия переднеязычных гласных, проблемность дифференциации в безударном слоге, сокращение воспринимаемой длительности ритмически невыделенных предударных слогов в результате трансформации делабиализации гласных; увеличение длительности ритмически выделенных предударных слогов в результате трансформации лабиализации гласных.

Таким образом, анализ идентификации испытуемыми французских гласных и согласных позволяет сделать следующие выводы.

1. Несовпадение длительных интервалов ингерентного состава слога родного и иностранного языков осложняет восприятие иноязычной речи и приводит к неадекватной идентификации дифференциальных признаков его составляющих, и к трансформациям слоговых структур в результате вставки и выпадения сегментов.

2. В большей части неадекватные идентификации обусловлены искажением длительности воспринимаемых гласных и согласных. Неадекватная интерпретация белорусами длительности французских звуков проявляется в:

- увеличении перцептивного интервала ударного слога в результате появления вставочных согласных и гласных, трансформаций, сопровождающихся понижением степени участия голоса эталона, заменами смычных согласных щелевыми, идентификацией ротовых гласных как носовых, искажении подъема воспринимаемого гласного в сторону его увеличения;
- сокращении перцептивного интервала предударного слога посредством выпадения согласных, повышения их степени участия голоса, изменения щелевого способа образования на смычный, деназализации носовых гласных и потери признака огубленности у воспринимаемых огубленных гласных.

3. В наибольшей степени проблемной является перцептивная дифференциация французских согласных по признаку «место образования». Переднеязычные согласные чаще других подвергаются неадекватной идентификации по признакам выпадения, вставки, степени участия голоса и назальности, а также выступают в качестве наиболее рекуррентных перцептивных вариантов при неадекватной дифференциации согласных иного места образования. Французские гласные переднего ряда также проблемны для восприятия у белорусов, поскольку именно они чаще всего подвержены неадекватным идентификациям по признакам выпадения, вставки, подъема, назальности и огубленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова [и др.]. – М. : МГУ, 1997. – 414 с.
2. *Джапаридзе, З. Н.* Перцептивная фонетика / З. Н. Джапаридзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1985.– 115 с.

3. *Евчик, Н. С.* Перцептивная база языка при норме и патологии слуха / Н. С. Евчик. – Минск : МГЛУ, 2000. – 305 с.
4. Речь. Артикуляция и восприятие / Л. А. Чистович [и др.]; под ред. В. А. Кожевникова, Л. А. Чистович. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 211 с.
5. *Винарская, Е. Н.* Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. Периодика раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка : книга для логопеда / Е. Н. Винарская. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
6. *Mehler, J.* Naître humain / J. Mehler, E. Dupoux. – Paris : Ed. Odile Jacob, 1990. – 281 p.
7. The influence of syllabic structure in handwriting and typing production / P. Zesiger [et al.] // Les cahiers de l'I.C.P. – 1995. – № 4. – P. 77–88.

А. В. Сытько (Минск)

ДЕОНТИЧЕСКАЯ ОБРАЩЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ (на материале немецкого и русского языков)

Деонтический агент раскрывает, кто является потенциальным исполнителем необходимого, разрешенного или запрещенного действия. Содержательно этот компонент модального плана деонтического высказывания проявляет себя весьма вариативно в институциональных дискурсах, которые представляют собой конвенциональное, нормативное речевое взаимодействие людей. Данная работа представляет собой результат анализа типов модальных агентов, эксплицированных грамматическим субъектом в формально-грамматической структуре и реализуемых в политической речи в немецкой и русской лингвокультурах.

Деонтика, как отношение к действиям по непременному созданию или изменению положения дел в мире, выражается в языке высказыванием, в котором имеются два плана: *содержательный*, фиксирующий действие для выполнения, и *деонтический*, содержащий информацию о различного рода нормах, характере модального отношения к действию и о потенциальном исполнителе действия, иными словами, о модальном источнике, модальной силе и *модальных агентах*.

Деонтический агент, или субъект деонтики, представляет собой некий одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие и к которому обращена информации о том, что дóлжно, запрещено или разрешено осуществить. Понятие *деонтический субъект* рассматривается как явление содержательное и определяется как лицо, которое превратит потенциальную ситуацию в актуальную. В этом состоит отличие его от субъекта речи, понимаемого как тот, от кого исходит действие, отношение или признак. При этом субъект деонтики может совпадать с формально-грамматическим субъектом, подлежащим.

Так, Г. А. Золотова выделяет личный и предметный субъект [1, с. 275]. Поскольку в деонтике речь идет о выполнении некоего действия, то субъект всегда представлен в одном из вариативных значений лица: определенный (конкретный), неопределенный и обобщенный. А. В. Бондарко по признаку конкретности/неконкретности лица вычленяет два типа личных субъектов: конкретные и неконкретные, а в рамках последних – неопределенные

и обобщенные [2, с. 50]. Данные семантические подклассы субъекта выделяются большинством лингвистов (см. работы В. В. Виноградова, В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, Н. Ю. Шведовой, А. В. Бондарко).

Целью данного исследования стало установление типов деонтических агентов, совпадающих с грамматическим субъектом, в ядерном жанре политического дискурса – в политических речах в немецкой и русской лингвокультурах. Для этого было проанализировано 200 выступлений канцлера и президентов Германии и России перед общественностью и парламентом о положении дел в стране или с политическим докладом за период с 2000 по 2018 г., взятых с официальных сайтов (http://www.kremlin.ru/events/president, http://www.bundespraesident.de и https://www.bundeskanzlerin.de).

Институциональный дискурс задает некий схематизм и предполагает расстановку в нем определенных акцентов при реализации деонтики, фокусируя внимание либо на модальном агенте, либо на модальном источнике, либо на модальной силе. Иными словами, существует некая «дискурсивная организация модальных структур» [3, с. 33], следовательно, содержательная специфика и специфика проявления компонентов деонтического плана деонтики «обнаруживает сильную зависимость от самой дискурсивной системы координат» [4].

Политическая коммуникация направлена на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе. Определение содержания субъекта деонтики, эксплицированного грамматическим субъектом, оказывается весьма нетривиальной задачей в условиях ограничений, накладываемых строгими рамками политического дискурса.

Так, в политической речи субъект деонтики, эксплицированный в поверхностной структуре, имеет конкретную, общую или неопределенную референцию.

1а. В жанре политической речи политик выступает как речевой субъект собственного дискурса («я» индивидуальное), поэтому деонтика может быть обращена к *производителю речи*, эксплицированному в грамматической структуре предложения. В таком случае деонтическое высказывание употреблено перформативно. Однако в политической речи деонтика, направленная на говорящего, отмечается только в клишированной форме *должен сказать*, ***muss*** *sagen/aussprechen* с функцией привлечения внимания к определенному моменту своей речи, например:

В завершение нашей сегодняшней процедуры ***позволю*** *себе сказать буквально два слова…* (В. В. Путин. Вручение государственных наград, 27.11.2018);

Ich ***muss*** *angesichts der Lage und auch der Verhandlungsverläufe der letzten Tage, insbesondere des Sonntags, an dem die Regierung viele neue Angebote auf den Tisch gelegt hat, sagen, dass ich, wenn sich da nichts ändert, wenn man sich also nicht auf das konzentriert, was wirklich zur Debatte steht, sehr schlechte Chancen sehe, uns in kurzer Zeit einigen zu können.* (Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des Spitzengesprächs zur Initiative “Familienbewusste Arbeitszeiten”, 08.02.2011) ‘С учетом ситуации и хода переговоров за последние несколько дней, особенно в воскресенье, когда правительство представило

много новых предложений, я должна сказать, что если ничего не изменится и вы не сконцентрируетесь на том, что на самом деле подлежит обсуждению, то перспективы договориться за короткое время представляются мне плохо’.

В сфере представления политических взглядов, при демонстрации определенных позиций и обстоятельств такой тип субъекта деонтики позволяет наряду с акцентированием высказывать оценочную авторскую позицию (сожаления), что создает положительный образ говорящего как личности, испытывающей определенные эмоции по поводу того или иного положения дел:

*Именно с мнением таких людей, с их позицией считаются представители органов власти, учитывают их рекомендации, то есть ваши рекомендации, относятся как к равноправным партнерам, и в результате, конечно, выигрывают люди, должны выигрывать люди. Такая ситуация, к сожалению, **должен** об этом сказать, наблюдается не везде, не во всех субъектах Российской Федерации*. (В. В. Путин. Встреча с федеральными и региональными омбудсменами, 05.12.2014);

*Liebe Kolleginnen und Kollegen, vielleicht denken Sie, dass das eigentlich Selbstverständlichkeiten sind. Doch **ich muss** das leider hier so deutlich aussprechen; denn ich habe das Gefühl, dass sich einige in Großbritannien darüber noch Illusionen machen.* (Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel, 27.04.2017) ‘Уважаемые коллеги! Вы можете подумать, что это само собой разумеется. Но, к сожалению, я должна здесь четко обозначить; поскольку у меня есть ощущение, что некоторые в Великобритании все еще строят иллюзии по этому поводу’.

1б. Конкретно-личный субъект выступает с градацией от единичности к множественности (*я*, *ты*, *вы*). В жанре политической речи политик выступает как субъект институционального дискурса («я» социальное) и обращенность с деонтической информацией к так называемому *дискретному агенту* (конкретному ситуативному адресату) имеет в данном дискурсе характер не «чистой» направленности на ситуативного адресата, как это происходит в диалоге. Семантический субъект, выраженный конкретно-личным местоимением *Вы*, представляет собой в политической речи расширенного адресата, кореферентного лицам определенных социально-профессиональных групп, который чередуется в дискурсивном отрезке с обобщенно-групповым вариантом деонтического агента, например, с классом *полпредов, молодежи*:

***Полпреды** именно те люди, которые находятся на стыке федерального и регионального уровней и **должны** помочь центру полной и объективной информацией о состоянии дел в этой сфере. **Вы должны** донести до людей позицию Президента по ключевым проблемам государственной политики. Для такой огромной страны, как Россия, – это особенно актуально и важно. Полномочные представители **должны** занять более активную позицию в вопросах защиты безопасности государства.* (В. В. Путин. Выступление на совещании с полномочными представителями Президента в федеральных округах, 25.12.2000);

Deshalb möchte ich mich an die Jugend wenden: Sie sind in Deutschland ja Digital Natives und keine Digital Immigrants mehr. Das heißt, Sie wachsen schon

*in der Zeit der Digitalisierung auf. **Sie müssen** uns ab und zu Anstöße geben, wenn wir als Gesellschaft der Älteren noch zu langsam sind. Wir **brauchen** die Jugend dringend, um modern zu sein und bei neuen Entwicklungen mitzukommen.* (Ansprache Merkels im Rahmen Peterburger Dialog, 16.11.2012) ‘Вот почему я хотела бы обратиться к молодежи: в Германии Вы являетесь цифровыми аборигенами и больше не «цифровыми иммигрантами». Это означает, что Вы выросли в эпоху «цифры». Вы должны давать нам время от времени импульс, если мы, как общество более старших людей, все еще слишком медлительны. Нам срочно нужна молодежь, чтобы быть современными и успевать за новыми разработками’.

2а. Деонтическим агентом в политической речи может выступать *обобщенный субъект*. Процесс обобщения субъекта исследователи представляют следующим образом [5, с. 86–87]: 1) совокупный/дуальный субъект (я/мы с тобой); 2) собирательный субъект (*группа*); 3) неопределенно-личный субъект; 4) обобщенно-личный субъект (*мы*). В политической речи обобщенный агент выступает в двух разновидностях: общегрупповой (*те, кто*) и инклюзивный или интегративный агент (*мы*).

Первый подразумевает группу определенных лиц или непосредственных участников коммуникации, которые по разным причинам в высказывании не обозначены: *Во-вторых, те, кто **должен** был прогнозировать события и содействовать координации, оказались неадекватны глубине кризиса, оказались неповоротливы, негибки, медлительны.* (В. В. Путин. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, 05.06.2009).

В деонтических высказываниях с обобщенным агентом в форме инклюзивного *мы* используются пресуппозиции о том, что сложится или сложилась нежелательная как для говорящего, так и для слушающих ситуация, требующая вмешательства и поиска решения.

Референциальные возможности деонтического субъекта *мы* в политической речи широки. Он обладает большой вариативностью семантического содержания.

Внутри группы (к которой относит себя говорящий) *мы* действует интегрирующее, включая пресуппозиции говорящего выступать от имени других. За пределами группы *мы* выделяет группу либо отделяет ее от других групп, например:

*Das tut Portugal in herausragender Weise. Wir **müssen** aber auch unmissverständlich zeigen, dass wir die gemeinsame Währungsunion fortentwickeln wollen. Dazu gehört eine gemeinsame Bankenaufsicht und dazu gehört mehr wirtschaftliche Koordinierung als bisher*. (Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich des deutsch-portugiesischen Unternehmertreffens, 12.11.2012) ‘Португалия делает это замечательно. Но мы должны однозначно показать, что мы хотим продолжать развивать общий валютный союз. Это подразумевает совместный банковский надзор и требует бóльшей экономической координации, чем раньше’.

Так, обобщенный конкретный деонтический агент *мы* представлен в политических речах в обеих лингвокультурах следующими вариантами совокупности говорящего и адресата:

а) адресат, представляет собой определенные группы лиц, ответственных за выполнение действия, а говорящий принадлежит к этой группе и распространяет на себя действие деонтики, репрезентуя идею совместности:

Безусловно, борьба с коррупцией у нас – одно из ключевых направлений укрепления государственности. <...> Но это совсем не значит, что, понимая это, ***мы должны*** *сложить руки и ничего не делать. Напротив,* ***мы должны*** *активно с этим бороться, и, чтобы различные авантюристы не использовали это в своих целях,* ***мы должны*** *показать людям и обществу, что государство само в состоянии бороться эффективно, и делает это, и будет делать дальше. Так и будем к этому подходить.* (В. В. Путин. Встреча с членами Совета законодателей, 24.04.2017);

Wenn das Land Angst haben muss, dass es, wenn es das zugibt, für die nächsten fünf bis zehn Jahre in ein wirtschaftliches Chaos schliddert, dann wird es das nicht zugeben. Deshalb ***müssen wir*** *Absicherungsmechanismen entwickeln, damit Länder auch bereit sind, Fälle der Weltgesundheitsorganisation zu melden, sodass man schnell reagieren kann, bevor der Schaden noch größer wird. – Das ist also auch eines unserer Themen.* (Rede von Bundeskanzlerin Merkel beim G20-Dialogforum Wirtschaft (Business 20), 03.05.2017); ‘Если страна должна бояться того, что в течение следующих 5–10 лет она погрузится в экономический хаос, если она признает это, то она этого не допустит. Вот почему нам необходимо разработать меры предосторожности, чтобы страны были готовы сообщать во Всемирную организацию здравоохранения о случаях заболевания, чтобы можно было быстро реагировать до того, как ущерб станет еще больше. Так что это одна из наших тем’;

б) обобщенный субъект деонтики может представлять совокупность адресата-наблюдателя и говорящего для реализации прагматического потенциала коллективности. Адресат-наблюдатель («народ») – субъект политического действия, внимания которого добиваются политики, на чьи интересы они ссылаются. При актуализации такого компонента деонтического плана демонстрируется участие в речевом событии всего социума, к которому причисляются также и коммуниканты за рамками речевого события, а отправитель речи реально или потенциально объединяет себя с любыми адресатами, например:

Пожалуй, в Европе снова можно услышать голоса неонацистов, защищающих фашизм, его главарей, голоса представителей движений, отрицающих основные человеческие права и свободы, призывающие к насильственным изменениям послевоенных границ. Поэтому ***мы должны*** *быть бдительными, поэтому* ***мы должны*** *сотрудничать, взаимно уважая интересы друг друга, с сознанием совместной ответственности за мир, свободу, демократию и безопасную жизнь граждан.* (М. А. Медведев. Выступление на торжественном мероприятии, посвященном 65-летию освобождения Братиславы от гитлеровских захватчиков, 07.04.2010);

Die Menschenverachtung der rechtsextremistischen Mörder ist letztlich unbegreiflich. Und doch ***müssen wir*** *versuchen zu ergründen, wie und durch wen sie so geworden sind, wie sie geworden sind.* ***Wir müssen*** *alles tun, damit nicht auch andere junge Männer und Frauen zu solcher Menschenverachtung heranwachsen.* (Die Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel: „Wir sind ein Land, eine Gesellschaft“, 23.02.2012) ‘Презрение к правым экстремистским убийцам в конечном итоге непостижимо. И все же мы должны попытаться выяснить, как они стали такими, какими они стали. Мы должны сделать все, чтобы другие молодые мужчины и женщины не доросли до такого презрения’.

Такого рода способы отождествлять себя с аудиторией позволяют политикам апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности, что свидетельствует о высоком генеративном потенциале политического дискурса, отмечает Е. И. Шейгал [6]. Это способствует переводу деонтики во внутренний план адресата-наблюдателя, иными словами, ее интериоризации. Такая форма обобщенного агента *мы* полностью теряет определенность лица, становясь похожей на генерализованный деонтический агент.

2б. Высшая степень обобщения субъекта, его генерализация, наблюдается в ситуации узуальности, что позволяет в политической речи включать в общность генерализованного деонтического агента и говорящего, и адресата, и любое другое потенциально возможное лицо. Именно через сему ‘генерализованное’ субъект высказывания и дискурса связывается с участниками коммуникации. Денотатами *генерализованного* агента (*все*, *каждый*) выступают или единицы обобщенного множества, или все множество:

Мы последовательно призывали и призываем Тегеран проявить и должную степень открытости, и необходимую степень кооперабельности с МАГАТЭ <…>. Но очень серьёзная ответственность лежит на всех, кто действует в интересах поиска взаимоприемлемой развязки. Здесь ***все должны*** *действовать энергично и солидарно, а не ограничиваться односторонними действиями*. (Д. А. Медведев. Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях, 12.07.2010);

Meine Damen und Herren, mit diesen Vereinbarungen setzen wir nicht mehr und nicht weniger um als wichtige Eckpunkte des Koalitionsvertrages. Dabei gilt natürlich: ***Jeder muss*** *sich an die vereinbarten Regeln halten; jeder Mitgliedstaat ist für seinen Haushalt selbst verantwortlich; Haftung und Kontrolle gehören zusammen*. (Rede von Bundeskanzlerin Merkel Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel, 28.06.2018) ‘Дамы и господа, благодаря этим соглашениям мы установили не более и не менее важные краеугольные камни коалиционного соглашения. Конечно, каждый должен придерживаться согласованных правил; каждое государство-член несет ответственность за свой собственный бюджет; ответственность и контроль вещи взаимосвязанные’.

Степень генерализации субъекта может быть различной, поскольку некоторые высказывания «типизируют», обобщают действия представителей определенной социальной группы, а другие констатируют факты, типичные для представителей всех групп, т.е. для всех людей. При этом действия

определенной социальной группы нередко могут возводиться в ранг «абсолютной» обобщенности. Так, в политической речи различаются два типа генерализованного деонтического агента:

• неопределенная генерализация со значением абстрактности или тотальности в ситуации временной нелокализованности, когда характеризуются все подобные ситуации и любой и каждый субъект в них, а денотат субъекта представляет все множество подобных агентов: *Современный человек* ***должен*** *быть не только интеллектуально развитым, особенно студент, но и в физическом отношении* ***должен*** *быть здоровым, сильным.* (В. В. Путин. Встреча с преподавателями и студентами Дальневосточного федерального университета, 01. 09.2013);

• определенная генерализация: конкретную, единичную обращенность к вполне определенным субъектам/субъекту, когда денотат субъекта определен ситуацией высказывания. Это так называемое партикулярная обращенность со значением определенности, которая относится к конкретной ситуации общения и обобщает лица, задействованные в данной ситуации или относящиеся к ней, например: *Оправдать доверие граждан России. И потому, как говорится, всем нам* ***нужно*** *просто засучить рукава и работать. Работать без всякого чванства и амбиций, с полной отдачей сил. Это относится к каждому из нас, в том числе, конечно, и ко мне.* (В. В. Путин. Выступление на завершающем заседании VIII съезда партии «Единая Россия», 17.12.2007).

3. Деонтический агент может быть реализован в политической речи *неопределенным* субъектом, который занимает серединное положение на шкале устранения и обобщения лица [5, с. 86–87] и воплощается в неопределенной множественности при обозначении групп людей [7, с. 228]. Очевидно, что эксплицированный вариант деонтического агента *кто-то* (*должен выполнять это*) не типичен для институционального дискурса в целом, хотя и не исключен:

Es geht nicht darum, dass jemand seine Nationalstaatlichkeit aufgibt. Es geht nicht darum, dass ***sich jemand*** *zusätzlich zu etwas* ***verpflichtet****, sondern es geht einfach nur darum, dass man all das, was man schon einmal versprochen hat, jetzt auch wirklich umsetzt*. (Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen der Konferenzreihe „Denk ich an Deutschland“ zum Thema „Wie wollen wir leben?“ bei der Alfred-Herrhausen-Gesellschaft, 28.09.2012) ‘Речь не о том, чтобы кто-то отказался от своей национальности. Дело не в том, что кто-то должен дополнительно взять на себя обязательства, а в том, чтобы действительно воплотить в реальность все, что обещано’.

В данном случае можно говорить о неопределенности, понимая под этим нечеткость очерчивания границ подмножества. Прагматика представления субъекта как неопределенного, даже если он известен говорящему как определенное лицо, заключается в желании/необходимости говорящего по каким-либо причинам не специфицировать субъект, а сосредоточить внимание на действии. О. А. Сулейманова отмечает, что генерализованный субъект используется в тех случаях, когда для говорящего неважно/невозможно/нежелательно четко очертить круг потенциально участвующих лиц, достаточно указать, какому критерию они должны соответствовать для того, чтобы квалифицировать их как участников [8, л. 299].

Таким образом, модальный агент деонтического высказывания представляет собой неоднородное, вариативное явление, которое предоставляет широкие прагматические возможности производителю высказывания в дискурсе. Дискурсный подход позволяет понять условия формирования того или иного типа деонтического агента.

Набор деонтических агентов предопределен самой дискурсивной практикой и имеет сходство в реализации модального агента независимо от лингвокультуры. Так, генерализация и обобщение модального агента, а также включение говорящего в совокупность агентов обусловлено функциональными и системообразующими характеристиками политического дискурса, а именно театральностью и агональностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 1982. – 368 с.
2. *Бондарко, А. В*. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / А. В. Бондарко. – СПб., 1992. – С. 29–70.
3. *Греймас, А. Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. − М. : ЛКИ, 2007. − 336 с.
4. *Задворная, Е. Г.* Дискурсия [Электронный ресурс] / Е. Г. Задворная // Постмодернизм : энциклопедия. – Минск, 2001. – 1040 с. – Режим доступа: http://textarchive.ru/c-1069760-pall.html. – Дата доступа: 14.08.2018.
5. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 768 с.
6. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – М. ; Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.
7. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
8. *Сулейманова, О. А.* Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.01 / О. А. Сулейманова. – М., 2000. – 332 л.

Н. М. Щенникова (Минск)

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Французы уделяют большое внимание чистоте родного языка. Однако, как показывает анализ, английские заимствования активно проникают во французский язык, особенно в тексты французской прессы экономического и рекламного характера. Изучение материалов СМИ представляется одним из самых эффективных способов исследовать появляющиеся в языке англицизмы.

Современный мир характеризует такое понятие, как *глобализация*. Зная один из мировых языков, любой человек может прикоснуться к научным, техническим и информационным достижениям современности. Сегодня популярность языка напрямую связана с возможностями и успехами той или иной экономической составляющей страны. Лидирующие экономики современного мира диктуют и лидирующие позиции своих языков. Мир захватывают такие языки, как английский, китайский и русский, оставляя в тени другие языки.

В настоящее время мы сталкиваемся прежде всего с угрозой исчезновения огромного количества языков, проблемой культурного самоопределения, а также потерей языкового разнообразия [1, с. 89]. Согласно данным ЮНЕСКО 50 % языков мира находятся в опасности, 90 % языков (от 6 000 до 7 000 языков мира) могут исчезнуть до конца этого века [Там же, с. 91].

Лексика языка – это живое явление, которому свойственно как обогащаться новыми лексическими единицами, так и терять их. В языке процесс заимствования, когда лексические единицы одного языка могут переходить в лексический состав другого, развивается очень динамично. Самые актуальные заимствования приходят сегодня из английского языка.

Несмотря на тот факт, что тема англицизмов во французском языке уже достаточно давно является камнем преткновения между различными учеными, лингвистами, политиками и даже обычными жителями Французской Республики, взаимодействия этих языков избежать невозможно. Оба языка, как английский, так и французский, оказывают друг на друга взаимное влияние. На протяжении многих десятилетий основным языком-источником пополнения английского словаря продолжает оставаться французский язык. Вместе с тем сегодня наблюдается заметный рост сознательного употребления французами английских заимствований, что отражает тенденции развития и настроение современного общества. Французы зачастую предпочитают использовать *low-cost* ‘низкозатратный’ вместо *budgétaire*, *made in* ‘сделанный в’ вместо *fait dans*, *fast-food* ‘фастфуд’ вместо *prêt-à-manger*.

Одним из самых простых и быстрых способов исследовать новые слова, появляющиеся в языке, представляется изучение материалов средств массовой информации (СМИ). Именно в СМИ возникает бóльшая часть всех новых слов. Мир прессы сам по себе является уникальным, поскольку именно язык СМИ включает множество неологизмов, слова с оценочной лексикой, сленг, иногда он может быть настолько неформальным, что порождает слова, ранее нигде не встречавшиеся.

Сегодня все чаще тексты СМИ содержат английские заимствования, которые являются самыми актуальными и распространенными. Это связано как со стремительным развитием технологий, экономики и других сфер жизни, так и с признанием английского языка языком международного общения. Безусловно, англицизмы не могут не проникать в тексты французской прессы, в особенности экономического и рекламного характера.

Нельзя не согласиться с точкой зрения, что любое заимствование является «чужим» в языке-реципиенте. Вместе с тем, если одни из них так и остаются «гостить» в новом языке, другие заимствования приспосабливаются к его системе. А. В. Синицын, выделив три стадии адаптации заимство-

ванного слова – 1) слова воспринимаются людьми как окказионализмы; 2) если языковой коллектив принимает эти слова, они становятся узуальными лексическими единицами и 3) заимствования входят в систему принимающего языка – приходит к выводу, что «англицизм – это неологизм, образованный посредством заимствования элемента или целой лексической единицы из английского языка, прошедший три стадии адаптации и закрепившийся во французском языке» [2, с. 8–10].

Неоспоримо мнение о том, что французский – один из самых богатых языков в мире. Он является одним из самых красивых, мелодичных и выразительных языков. В таком случае, безусловно, не может не возникнуть вопрос о том, какие функции выполняют англицизмы в массмедийном дискурсе. Согласно исследованиям С. Г. Апетян, можно выделить шесть таких функций:

1) передача образа мышления лингвокультурного сообщества англичан;
2) появление жаргонизмов на базе английских заимствований;
3) экспрессивная функция;
4) манипулирование сознанием и создание стереотипов у адресата;
5) употребление узконаправленной англоязычной лексики в речи специалистов или широких слоев населения;
6) признание лексических единиц английского языка как более престижных [3, с. 19].

Современная тенденция использования англицизмов появилась прежде всего, благодаря СМИ, которые, в первую очередь через рекламу, постепенно формировали в сознании адресата важность использования английской лексики.

Проведя анализ отобранных в текстах французской прессы англицизмов, считаем необходимым обратить внимание на особенность передачи заимствованных слов и выражений: встречающиеся англицизмы часто выделяются курсивом либо же берутся в кавычки; нередки также и дополнения в виде описания понятия на французском языке.

Как и любые другие заимствования, англицизмы претерпевают «этап» адаптации и освоения во французском языке, поскольку их морфологические и фонетические системы имеют свои отличительные особенности. Лингвистами предлагаются различные виды классификаций адаптации английских заимствований.

Для подбора практического материала, необходимого для проведения анализа английских заимствований в текстах французской прессы, нами были отобраны выпуски периодических изданий «Le Figaro», «Le Monde», «Le Nouvel Observateur», «Elle», вышедшие в период с 2014 по 2018 г., за основу взята классификация адаптации англицизмов, предложенная С. Г. Апетян, в которой автор выделяет *прагматический*, *семантический* и *словообразовательный уровни*.

1. Прагматический уровень

- Частое и активное употребление англоязычной лексики при наличии французских эквивалентов и синонимов: *job – travail, bar – bistro, best-seller – livre à succès, babydoll – poupée, ball – ballon, fashion – mode, leader – meneur, boom – agiotage, break – rupture, car – voiture, dressing – habillement, frenchy – français, lifting – levage, people – les gens* и т.п.

• Использование англоязычной лексики в качестве экспрессивных средств речи (выражение через англицизмы пренебрежительного или другого особого отношения к предмету или действию), например, *pop* вместо *popular* ‘популярный’, *prof* вместо *professor* ‘профессор, профессионал’, *showbiz* вместо *show business* ‘шоу-бизнес’, *logo* вместо *logotype* ‘логотип’, *fab lab* вместо *fabrication laboratory* ‘мастерская для самостоятельного изготовления’, *headband* вместо *heading band* ‘ведущая команда’ и т.п.

• Демонстрация образа мышления англичан. Ярче всего это выражено в словосочетаниях типа *control freak* ‘маньяк контроля, или человек, жаждущий все вокруг контролировать’, *home sweet home* ‘дом милый дом’, *business angels* ‘частные инвесторы’. Интерес вызывает и тот факт, что, например, в сознании англичан родной дом «сладкий», человек, желающий все контролировать, называется «чудаком», а инвесторы, поддерживающие начинающие компании – «ангелами».

• Создание стереотипов и манипулирование сознанием общества. Интересными и показательными можно назвать такие прилагательные, как *frenchy* и *so British*, что в очередной раз подтверждает «взаимную симпатию» французов и англичан.

• Восприятие английских заимствований в качестве престижной лексики, например: *cool* вместо *excellent* ‘классный’, *cocktail* вместо *boisson* ‘коктейль’, *cash* вместо *les espèces* ‘наличные деньги’, *look* вместо *image* ‘образ’, *week-end* вместо *la fin de la semaine* ‘выходные’, *lifting* вместо *lissage* ‘лифтинг’, *fashion* вместо *mode* ‘мода’, *star* вместо *célébrité* ‘знаменитость’, *fake news* вместо *fausses nouvelles* ‘ложные новости’, *come-back* вместо *réapparition* ‘возвращение’, *ticket* вместо *billet* ‘билет’, *challenge* вместо *défi* ‘вызов’, *hobby* вместо *passe-temps favori* ‘хобби’, *made by* вместо *faite par* ‘сделанный кем-то’, *stress* вместо *tension* ‘стресс’ и т.п.

2. С е м а н т и ч е с к и й у р о в е н ь

• Вхождение англицизмов в синонимичные ряды и их фиксация в словарях: например: *clown – fou, pitre, bouffon, paillasse*; *cosy – confortable, agréable*, *team – équipe, bande, escouade, groupe*; *leader – dirigeant, meneur, chef* и др.

• Расширение или сужение объема понятия слова в заимствующем языке:

1) английское слово *drop*, имеющее около семи значений в родном языке, перешло во французский язык как минимум в известных трех значениях: ‘подъемное оборудование’, используемое для погрузки (на судах) товаров, прибывающих по железной дороге’; ‘удар’ (в теннисе и регби); ‘конфета’ (английская);

2) существительное *crack* имеет в английском языке 6 значений, основное из которых ‘трещина’, во французском языке известны только 3 из них: ‘исключительная скаковая лошадь’; ‘вид наркотика’ и ‘выдающийся человек’;

3) лексическая единица английского происхождения *deal* обогатила французский язык лишь двумя значениями: ‘нелегальный оборот наркотиков’ и ‘сделка’. В английском же языке помимо этих значений существуют и такие, как ‘соглашение’; ‘отношение’; ‘раздача карт во время карточной игры’;

4) сохранение оригинальной графической формы и первоначального смысла аббревиатур: например, аббревиатура *MOOC*, которая расшифровывается как *massive open online course* ‘массовый открытый онлайн-курс’, перешла во французский язык без изменений.

3. С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й у р о в е н ь

- Преобладание существительных над другими частями речи. Из отобранных нами 207 англицизмов мы можем представить следующее количественное выражение частей речи: существительное – 149, прилагательное – 9, глагол – 2, выражения и словосочетания – 47.

Особенностью многих заимствований является присущее английскому языку окончание *-ing*, например: *marketing, targeting, jogging, leasing, putting, lifting, upcycling, shopping, relooking, crowdfunding, footing, packaging* и т.п.

- Передача английских словосочетаний одним выражением или словосочетанием, например: *fish and chips* или *poisson et frites*; *dog walkers* или *promeneurs de chiens*; *game designer* или *le concepteur de jeu*; *talk-show* или *l’émission télévisée*; *street food* или *l'alimentation de rue*; *open space* или *espace ouvert* и т.п.
- Употребление семантически и структурно неадаптированных англицизмов: *all-in one* ‘все в одном’, *smartphone* ‘смартфон’, *frency* ‘так по-французски’, *t-shirt* ‘футболка’, *start-up* ‘начинающая компания’, *garden-party* ‘вечеринка на свежем воздухе’, *baby-sitter* ‘няня’, *disk-jockey* ‘диск-жокей’, *leaderboard* ‘рейтинговая таблица’, *roll-on* ‘шариковый’, *box-office* ‘театральная касса’ и т.п.
- Употребление англицизмов, не зафиксированных в толковых словарях французского языка, которые в результате переходят в статус жаргонизмов либо проходят (все или частично) все стадии адаптации и в последующем фиксируются в словарях. К этой категории можно отнести следующие заимствования: *dot-coms* ‘интернет-компании’ и *problem solvers* ‘люди, разрешающие проблемы’.
- Вхождение английских заимствований в словарный состав французского языка вместе с однокоренными словами, которые относятся к различным частям речи. Например, *putt* ‘удар в гольфе’ – *putter* ‘закрытый гольф-клуб’ – *putting* ‘толкание в гольфе’; *lifter* ‘подтягивать’ – *lifting* ‘подтяжка’; *tweet* ‘твит’ – *tweeter* ‘твитнуть’ – *tweeteur* ‘пользователь твитера’; *clic* ‘клик’ – *cliquer* ‘кликнуть’; *flirt* ‘флирт’ – *flirter* ‘флиртовать’; *surf* ‘заниматься серфингом’ – *surfeur* ‘человек, занимающийся серфингом’ и т.п.

В результате изучения подобранного материала можно утверждать, что причинами, по которым англицизмы появляются во французских печатных СМИ, являются, несомненно, такие факты, как привлечение читателя, придание эффекта новизны, что наделяет сам журнальный или газетный текст престижем и помогает французскому тексту оставаться «в тренде», быть актуальным.

Особый интерес для исследования вызывают необычные словосложения, словосочетания и выражения. Такие английские заимствования, как правило, не зафиксированы во французских словарях, а их составные части могут сочетаться и составлять другие пары слов. Например, сложное

английское существительное *garden-party* ‘прием на открытом воздухе’ вошло во французский язык как самостоятельная языковая единица, однако часть этого слова *party* можно встретить при образовании новых существительных, где первая часть обычно является исконно французской. К примеру, *baignades-party* ‘вечеринка у бассейна’, *crêpe-party* ‘встреча за «блинами»’, *drogue-party* ‘встреча наркоманов’, *surprise-party* ‘внезапная тусовка’, *télé-party* ‘телевизионная вечеринка’.

Учитывая тот факт, что Французская академия на протяжении многих лет борется за чистоту и сохранность французского языка, на официальном сайте этого научного учреждения традиционно существует рубрика «Неологизмы и англицизмы», где отдельным выражениям и словам посвящены целые статьи с примерами и пояснениями. Например, столбец с английскими выражениями в статьях назван «Так не говорят», соответственно столбец с французскими эквивалентами – «Так говорят», например: следует говорить *la bonne méthode, le bon conseil*, а не *le bon workout* ‘хороший выход из положения’; *à la mode*, а не *trendy* ‘в тренде’ *coulisse*, а не *backstage* ‘за сценой’ и т.п.

Изучение областей и сфер, из которых английские заимствования проникают во французский язык, представляется также весьма интересным. Результаты анализа подтверждают, что чем более развита та или иная сфера жизни общества и государства в целом, тем больше заимствований проникает в аналогичные сферы другого народа. Проанализированный нами материал (207 англицизмов) наглядно показал, что среди заимствованных во французский язык англицизмов встречаются слова, относящихся к различным сферам. Полученные результаты выглядят следующим образом:

- техника и информационные технологии – 22 % (*blog, blogeur, cyberspace, book scanner, digital, e-mail, car, clic, cliquer, clipping machine, cloud, cloud computing, logo, gadget, game designer, hacker, open source, open space, MOOC, net, marketing web, high-tech, jack, internet, geek, portable, like, tracker, tweet, tweeteur, zoom, web, woofer, slash, site, smart grid, smartphone, streaming, podcast*);
- музыка и шоу-бизнес – 12 % (*clip, fan, fan-zone, news, guest-star, one-man-show, hip-hop, hipster, hit-parade, pop, pop-songs, press people, protest songs, punk, red carpet, superstar, talk-show, rock, rock-n-roll, star, showbiz, record*);
- общество – 12 % (*bad boy, bar, club, clubbeur, control freak, fake news, flirter, french kiss, mainstream, garden-party, gentleman, home sweet home, power couples, jolly good fellow, people, leader, pub, the place to be, self-made man, start-up nation*);
- мода, красота – 11 % (*design, beauty look, beauty sphere, fab lab, duffle-coat, dressing, look, new-look, oversized, jumpsuit, peeling, kit, lifting, pussy hats, style outdoor, relooking, t-shirt, shopping, spray*);
- спорт – 10 % (*ball, baseball, basketball, coaching, fitness, football, jogging, match, surf, team, tennis woman*);

• социальные, политические, демографические и климатические проблемы – 8 % (*age reversal, baby boomers, boom, born again Brexit, challenge, mutation stop, overdose, stress, trash, upcycling, war on drugs, soft power, smoking, problem solvers, hard power*);

• экономика – 6 % (*crowdfunding, dot-coms, business angels, cash, cash machine, leasing, retargeting, turnover, stock, start-up, no deal*);

• профессии, занятия, быт людей – 5 % (*baby-sitter, disk-jockey, dog walkers, hobby, job, prof, quantified self, serial killer, sniper*);

• литература, кино, театр, цирк – 5 % (*best-seller, bookish people, box-office, clown, fantasy, science-fiction, science-non-fiction, western*);

• строительство, интерьер – 5 % (*crack, footing, kit, pack, packaging* (*un*), *open source, open space, style outdoor, trash*);

• кулинария – 3 % (*bowl, cocktail, fish and chips, ice rolls, wine tour, street food*);

• медицина – 1 % (*pacemaker, baby bump*).

Следует отметить, что во французском языке увеличивается количество англицизмов, описывающих современные глобальные проблемы человечества. Изучение процесса появления заимствований в языке представляется творческим и весьма интересным, так как порой изменения в языке бывают настолько необъяснимы и необычны, что они не могут не вызывать особый интерес для их исследования. Невозможно оставить без внимания тот факт, что количество и характер заимствованных слов говорят нам об отношениях между различными народами и уровне их культуры. По количеству заимствований, пришедших из того или иного языка, можно также судить о престижности, распространенности и важности языка-источника. Хотелось бы подчеркнуть, что тема заимствований, с нашей точки зрения, всегда будет оставаться актуальной, одной из самых анализируемых и привлекающих интерес ученых к исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнова, О. А.* Роль Франции и международной организации «Франкофония» в сохранении культурного многообразия / О. А. Смирнова, Т. П. Семенычева // Вести Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. – 2011. – № 1 (19). – С. 89–96.

2. *Синицын, А. В.* Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук ; 10.02.05 / А. В. Синицын ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2014. – 23 с.

3. *Апетян, С. Г.* Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов (лексико-семантические и когнитивно-прагматические аспекты) : автореф. дис. … канд. филол. наук ; 10.02.19 / С. Г. Апетян ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2011. – 23 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА: В ПОИСКАХ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Е. В. Будагова (Минск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы перевода экономической терминологической лексики с испанского языка на русский. Указываются основные задачи общей и специальной теории перевода, дается определение понятий *специальная лексика* и *термин*, описываются его основные свойства и функции, затрагивается проблема полисемии терминов, описывается внешняя структура экономического термина и приводятся модели построения экономических терминосочетаний в испанском языке, также дается общая характеристика испанской экономической терминосистемы.

Среди многочисленных сложных проблем, рассматриваемых современным языкознанием, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью». Перевод представляет собой целенаправленную деятельность, которая отвечает определенным требованиям и нормам и ориентируется на достижение определенного результата.

Одной из основных задач общей теории перевода является раскрытие сущности эквивалентных отношений между содержанием оригинала и перевода, поиск соотносительных и параллельных способов выражения содержания подлинника иными средствами другого языка.

Перевод всегда имеет дело с различными стилями общенационального языка, он всегда учитывает их соотношение и взаимопроникновение, равно как и формы отношения средств выражения к выражающему языку. Перевод текстов, принадлежащих к определенному функциональному стилю, оказывает влияние на характер переводческого процесса и требует от переводчика применения особых методов.

Раскрывая специфику отдельного подвида перевода, специальная теория перевода изучает три ряда факторов, которые должны учитываться при описании переводов этого типа. Во-первых, сама по себе принадлежность оригинала к особому функциональному стилю может оказывать влияние на характер переводческого процесса. Во-вторых, ориентированность на подобный оригинал может предопределить стилистические характеристики текста перевода, а, следовательно, и необходимость выбора таких языковых средств, которые характеризуют аналогичный функциональный стиль уже в переводящем языке. И, наконец, в результате взаимодействия этих двух факторов могут обнаруживаться собственно переводческие особенности, связанные как с общими чертами и различиями между языковыми признаками аналогичных функциональных стилей в исходном и переводящем языках, так и особыми условиями, и задачами переводческого процесса этого типа. Иными словами, специальная теория перевода изучает воздействие на

процесс перевода языковых особенностей определенного функционального стиля в исходном языке, аналогичного ему функционального стиля в переводящем языке и взаимодействия этих двух рядов языковых явлений.

В рамках каждого функционального стиля речи можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода весьма значительно. Так, в научно-техническом стиле, к которому можно отнести экономическую терминологию, – это лексико-грамматические особенности научно-технических текстов.

Специальная лексика – это слова и словосочетания, не обладающие свойством термина идентифицировать понятия и объекты в определенной области, но употребляемые исключительно в данной сфере общения, отобранные узким кругом специалистов, привычные для них, позволяющие им не задумываться над способом выражения мысли, а сосредотачиваться на сути дела. Специальная лексика включает всевозможные производные от терминов слова, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей, а также целый ряд международных слов, употребляемых в строго определенных словосочетаниях и тем самым специализированных. Такая лексика обычно не фиксируется в терминологических словарях, ее значения не задаются научными определениями, но она также характерна для научно-технического стиля, как и термины.

В материалах экономической тематики часто встречаются международные слова, которые употребляются в любых функциональных стилях. При переводе этих лексических единиц переводчик сталкивается с такими же трудностями и применяет такие же приемы, как и его коллеги, переводящие тексты других литературных стилей. Также в экономических текстах встречаются лексические элементы, более характерные для разговорного стиля, при переводе которых переводчику приходится сталкиваться с необходимостью выбора экспрессивно-стилистических вариантов. Случается, что экономические тексты подчас бывают не совсем нейтрально-объективными. Очевидно, что для понимания и перевода подобных фраз переводчику экономической литературы недостаточно иметь знания в области экономической терминологии и специальной лексики. Как и любой переводчик, он должен владеть всеми богатствами языков, с которыми имеет дело.

В современной лингвистической литературе понятие термина обычно определяется по семантическим признакам (в зависимости от того, что данный термин обозначает: предмет определенной области знаний или понятие), а также по функции соответствующих языковых единиц. Терминами называются специальные слова, обладающие особой функцией. Как отмечает Т. Л. Канделаки, особыми функциями термина являются следующие: назывная, функция выражения, дефинитивная, профессиональная, познавательная и объяснительная [1, с. 7]. Однако семантическая характеристика термина как специфической языковой единицы, отражающая сущность терминологической лексики, не позволяет строго отграничить терминологию от общеупотребительной лексики, хотя данный признак служит основой для распределения терминологической лексики по областям

знаний. При определении термина, наряду с семантическими признаками рассматриваемой языковой единицы, должны приниматься во внимание также некоторые формальные, грамматические ее особенности. В частности, к какой части речи относится данная языковая единица [2, с. 15]. В обозначении терминов могут участвовать имена существительные, прилагательные, глаголы, причастия. Но чаще всего встречаются имена существительные или словосочетания на их основе, отглагольные существительные, а также прилагательные, образованные от основ существительных.

Термин – это слово или словосочетание, которое имеет специальное значение, выражает и формирует профессиональное понятие и используется в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации. Основными свойствами термина являются: системность, стремление к точности и однозначности в пределах своего терминологического поля, стилистическая нейтральность, отсутствие экспрессии.

Известные лингвисты отрицательно относятся к полисемии терминов и считают, что термин не зависит от контекста. А. А. Реформатский подчеркивает, что термин не нуждается в контексте, так как термин связан не с контекстом, а с терминологическим полем. Под терминологическим полем понимается та терминология, в пределах которой термин однозначен [3, с. 36]. Однако часто контекст является необходимым условием для выражения значения разнозначных терминов, кроме того, контекст просто необходим при переводе, чтобы правильно найти нужный эквивалент. Переводчик часто сталкивается с проблемой полисемии. Большое количество многозначных терминов обусловливается тем, что некоторые общеупотребительные слова становятся терминами при метафорических и метонимических переносах с общих названий на специальные. Как указывает Т. А. Чеботникова, говорить о полисемии терминов, зависимости их значения от контекста, как об отрицательных явлениях в терминологии представляется неправомерным, поскольку, во-первых, полисемия терминов не лишает возможности понимать их правильно, а во-вторых, преодолеть полисемию помогает понятийный контекст, который отражает совокупность понятий данной науки, школы, направления или отдельной научной теории [Там же, с. 38].

Например, основным источником полисемии и омонимии экономической терминосистемы испанского языка является использование образной номинации (метафоры и метонимии), взаимосвязь между общеупотребительной лексикой испанского языка, научно-технической терминологией и экономическими терминами английского языка. Как в развивающейся терминосистеме, в экономической терминологии также наблюдаются терминологические эквиваленты: *marketing – mercadeo*; *variabilidad – variación*.

Явления метафоризации и метонимизации, имеющие место в экономической терминосистеме, часто вызывают определенные трудности при переводе с испанского на русский язык таких терминологических сочетаний, как *burbujas especulativas en la bolsa* – спекулятивный ажиотаж на бирже,

capitales-golondrinas – (Лат. Ам.) кочующие капиталы, *flotación de tipos de cambio* – плавание валютных курсов, *serpiente europea* – европейская валютная змея, *serpiente monetaria* – валютная змея, режим колебания валютных курсов.

Центром терминологии являются простые термины, отражающие понятия данной области, неразложимые в дальнейшем на составляющие их смысловые компоненты. В то же время они являются структурно-семантическим началом производности других терминов. Простые термины не многочисленны, однако продуктивны. Доказательством их продуктивности является большое количество сложных по форме терминов – это производные, сложные слова, терминологические словосочетания и фразеологические единицы: *banco – bancario, bancarrota*, *bancarrotero*; *depositar en el banco, banco industrial*, *banco único de datos*. Они являются родовыми по отношению к производным от них видовых. Простые термины экономической терминосистемы составляют четыре типа лексических основ:

1) общеупотребительные слова: *banda, campo*, *pagos*, *precio*;

2) научные термины греко-латинского происхождения: *macroeconomía*, *industria*, *doctrina, ad valorem*, *per cápita*;

3) заимствования и кальки: *management*, *marketing*, *bolsa negra*;

4) простые термины-символы в письменном тексте: *fibra*, *GATT*.

Сложные термины образуются путем аффиксации: *consum-o, consum-ir, consum-idor, consum-ismo*; *des-empleo, in-capacidad*; путем сокращения и аббревиации: *PIB – producto interno bruto*; *PN – peso neto*; *vol. – volumen*; *S.A. – sociedad anónima*; словосложения: *tonelada-kilómetro, compra-venta, oleoducto, contracomercio*. Сложные термины выражаются в стремлении к сжатию формы и расширению смысла номинативной единицы. Термин выступает в качестве знака, но не всегда его семантика полностью отражает понятие, поэтому в качестве знака используются терминосочетания, расчлененные и относительные наименования, позволяющие уточнить границы содержания специального понятия. В экономической терминосистеме терминологические сочетания используются довольно широко. Какой бы сложной ни оказалась структура терминосочетания, в ней всегда обнаруживается центральный элемент, которым в большинстве случаев является первое существительное.

В основном выделяются следующие модели построения экономических терминосочетаний:

1) существительное + прилагательное: *licitaciones públicas* – государственные торги;

2) существительное + предлог + существительное: *emisiones de bonos* – эмиссия ценных бумаг;

3) предлог + существительное: *al por mayor* – оптом;

4) глагол + существительное + прилагательное: *proporcionar recursos financieros* – предоставлять финансовые ресурсы.

Отношения в структуре терминосочетания между центральным и периферийным средствами номинации лексико-семантические. Структурно-семантическая организация данной терминосистемы реализуется посредством гиперо-гипонимии.

При переводе экономических текстов следует учитывать взаимосвязь между научной терминологией и общеупотребительной лексикой. Многие немотивированные слова бытового языка становятся мотивированными при их употреблении в экономической сфере. Происходит переосмысление закрепленных значений уже существующих в языке наименований и образование у них новых значений: *igualación* – выравнивание; (экон.) соглашение, договор, *intereses* – интересы; (экон.) проценты; имущество, состояние.

Экономическая терминосистема испанского языка находится в процессе постоянного развития, потому что она постоянно пополняется новыми терминами, отражающими современные явления экономической действительности. Взаимосвязь между научной терминологией и общеупотребительной лексикой проявляется в том, что многие немотивированные слова становятся мотивированными при их употреблении в экономической сфере. Характерной особенностью испанской экономической терминосистемы является формирование ее номинативных единиц за счет иноязычного лексического фонда, в основном за счет англицизмов. В структурном отношении номинативная организация экономической терминологии характеризуется посредством морфологических, синтаксических и лексических ресурсов испанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Канделаки, Т. Л.* Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и исторические аспекты терминологии : сб. ст. – М., 1970. – С. 3–11.
2. *Немченко, В. Н.* К определению понятия термина как объекта лексикографического описания / В. Н. Немченко // Термин и слово : межвуз. сб. – Горький, 1985. – С. 14–21.
3. *Чеботникова, Т. А.* Многозначность термина и контекст / Т. А. Чеботникова // Термин и слово : межвуз. сб. – Горький, 1982. – С. 34–39.

О. Н. Вербова (Минск)

КОГНИТИВНЫЕ ТОЧКИ ОПОРЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ ТЕКСТА ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема салиентности типов знаний в значении лексических единиц лексико-семантического поля наименований растений в современном английском языке, а также вопрос о том, какой род когнитивных компонентов становится своего рода опорой в ходе переводческой деятельности.

Когнитивная парадигма уже давно прочно вошла в сферу изучения лингвистических феноменов. Ее реформирующая сила направлена на исследование глобальных и основополагающих для человеческого знания проблем – поиск стратегий и тактик, определяющих концептуализацию и категоризацию опыта человека. Особая роль отводится когнитивному подходу в транслатологии. И это не удивительно, так как подобный междисциплинарный подход может считаться достаточно продуктивным

и доказавшим свою состоятельность. Когнитивный подход к переводу направлен на определение «сущности переводческого процесса, выявления основных закономерностей переводческих приемов, что позволяет перейти на качественно новый уровень осмысления перевода» [1, с. 91]. В основу данного направления легли работы, в которых в качестве объекта исследования были избраны отдельно взятое предложение (см. труды М. Мински, Дж. Лакоффа, Р. Лэнакера, Л. Талми, Ч. Филлмора), а также текст в целом (см. труды Т. А. ван Дейка и В. Кинча, посвященные изучению и разработке когнитивных моделей понимания текста). Однако следует отметить, что обучение переводу с использованием прототипических стратегий, где объектом является предложение, может представлять некоторого рода трудности. В частности, когда речь идет о начальном уровне, об этапе формирования навыков, который не подразумевает наличие зрелой, состоятельной компетентности. Прежде чем приступать к обучению переводу предложений и текстов, целесообразно обратить внимание на подготовительный этап – этап работы со словарями, а именно с одно-язычными толковыми словарями и способах прочтения, интерпретируемых в них слов. И что самое главное – о знаниях, заключенных в значениях лексических единиц.

Совершая очередной шаг вперед, эволюционируя, человек сталкивается с необходимостью постичь, временами переосмыслить, усложняющуюся окружающую действительность, знания о которой находят свое отражение в лексической системе языка, актуализируясь посредством семантических признаков в лексических значениях тех или иных единиц. В первую очередь специалист в области перевода обращается к словарям различного толка как источникам необходимых ему знаний, как к одному из многих дискурсов в коммуникативном пространстве человека, призванном фиксировать то существенное, значимое, что представляет собой богатство в его жизни и жизни общества в целом. Ю. Д. Апресян в этой связи подчеркивает, что «словарь – моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [2, с. 6]. А особенность переводческой деятельности заключается в том, как очень метко подмечает М. Твен, что «переводчик сдает слова по весу, а не по счету» [3].

Интересным в данной связи является поиск ответа на вопрос, что приобретает вес в значении той или иной лексической единицы, на какой род когнитивных точек опоры падает выбор и, следовательно, активизируется в том числе и при осуществлении переводческой деятельности – как в письменном, так и в устном (последовательном, синхронном) переводе. Попутно отметим, что под когнитивными точками опоры, изучение которых составляет объект нашей работы, мы понимаем те или иные семантические признаки, закрепляемые в лексическом значении семантической группы, домена, поля лексических единиц, входящих в класс тех или иных наименований в современном английском языке.

Поиск ответа на поставленный вопрос состоит в выявлении свойственных лексическим значениям семантических признаков. Например, из семантических признаков субстантивных имен семантического поля наименований растений, фиксируемых в словаре третьего издания Большого толкового словаря Вебстера (1993), ставящего своей задачей исчерпы-

вающе эксплицировать значения лексических единиц, мы выбираем логическое определение как наиболее информативное [4]. Рассмотрим, к примеру, набор семантических признаков, актуализируемых в определении слова *alfalfa* ‘люцерна посевная’ – «an important European leguminous forage plant (Medicago sativa) with trifoliate leaves and bluish purple flowers grown widely and principally for hay, capable of surviving dry periods because of its extraordinarily long root system, and adapted to widely varying conditions of climate and soil – called also lucerne». Перечень признаков, составляющих значение данной лексической единицы, включает несколько признаков классификационного типа: ‘классификация’ – *leguminous* ‘бобовое’, *Medicago sativa*; ‘обыденный классификатор’ – *plant* ‘растение’. Наряду с этим семантика данного субстантивного имени включает, в том числе, и такие социально значимые признаки, индикаторами которых являются следующие элементы значения: *important* ‘важный’, *forage* ‘кормовой’, *grown widely and principally for hay* ‘широко культивируемый в основном в целях заготовки сена’, которые представлены в семантической модели как семантический компонент ‘коммерческая и иная ценность’. Присутствует в значении данного слова и информация о перцептивных признаках растения и его частей: *trifoliate* ‘трехлистный’, раскрывающий строение цветка’, ‘цвет’ – *bluish purple* ‘лилово-синий’, ‘размер’ – *extraordinarily long* ‘чрезвычайно длинный’. Присущи лексическому значению данного слова также признаки, фиксирующие информацию о месте (*European* ‘европейский’) и особенностях произрастания растения (*capable of surviving* ‘способный перенести’, *adapted to* ‘приспособленный к’) и некоторые другие [5].

В ходе анализа материала нами был выявлен оптимальный, полный, вобравший в себя все возможные признаки, компонентный состав семантики наименований растений, фиксируемый в вышеуказанном словаре, который может быть представлен следующим образом.

Степень фиксации семантических признаков в лексических значениях наименований растений в английском языке (4 489 единиц)

Группа 1		
КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ		
А. Научный латинизированный имя-классификатор	Б. Обыденный имя-классификатор	В. Научный имя-классификатор
Г. Подобие другим видам	Д. Связь с другими видами	
Группа 2		
ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ		
А. Визуальный (цвет, форма, размер, строение, внешний вид)	Б. Тактильный	В. Вкусовой
Г. Обонятельный	Д. Аудиальный	
Группа 3		
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ПРИЗНАКИ		
А. Локативность	Б. Возраст / этап жизни	В. Темпоральность (время года / суток)

Окончание таблицы

Группа 4		
ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧЕЛОВЕКОМ		
А. Коммерческая и иная ценность	Б. Культивирование (разведение)	В. Связь с человеком
Г. Экологический статус		
Группа 5		
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ		
А. Особенности произрастания	Б. Особенности воздействия (эффект) / вред	В. Особенности размножения
Г. Пол		

Полученные нами данные позволяют заключить, что в значениях лексических единиц из максимальных 25 семантических признаков чаще всего фиксируются одиннадцать. Частотность профилирования этих признаков, очевидно, свидетельствует о существовании некоторого рода «рабочей» когнитивной модели, в состав которой обязательно входят компоненты-признаки классификационного ранга, перцептивного и утилитарного. Таким образом, оправданным будет говорить о значимости данных салиентных атрибутов в профессиональной переводческой деятельности, как указующих оптимально верный путь, по которому может идти моделирование текста перевода. Последняя группа – группа, в которой представлены признаки с минимальной, порой единичной, частотностью фиксации (в силу этого она не будет рассматриваться нами в ходе данного исследования).

Рассмотрим примеры предложений, в которых фиксируется указанная выше лексическая единица *alfalfa* ‘люцерна посевная’.

A. Too much tedding can shatter leaves of ***alfalfa*** *or clover, lowering the quality of the hay* [6].

А.[1] Слишком много ворошения может разбить листья люцерны или клевера, понизив качество сена.

Б. *It is good practice to plow down a heavy coat of manure for corn and then to replow the land for* ***alfalfa*** *the next season* [Там же].

Б.[2] Хорошей практикой является вспашка тяжелого слоя навоза для кукурузы, а затем вспашка земли для люцерны в следующем сезоне.

В. *The* ***alfalfa plant is known to be*** *the* ***‘mother’*** *of* ***all plants*** *because of the high nutrition characteristics that it possesses* [7].

В.[1] Известно, что люцерна является «матерью» всех растений из-за высоких характеристик питания, которыми она обладает.

Г. ***Alfalfa*** *is a plant that usually has bacteria that grow on it's roots that take nitrogen from the air and change it chemically to a form that is usable by plants* [Там же].

Г.[1] Люцерна – это растение, которое обычно имеет бактерии, которые растут на его корнях; бактерии берут азот из воздуха и изменяют его химически в форму, которая может использоваться растениями.

Как видно из приведенных примеров, в указанных предложениях наличествуют слова, в значении которых, наряду с теми или иными компо-

нентами значений, актуализируются в разной степени выделенные нами доминирующие компоненты значений наименований растений в английском языке (см. таблицу). Наиболее частотными дублирующими компонентами в данных контекстах являются классификационные признаки (см. А, Б, В, Г), а также признаки, указывающие на характер взаимодействия с человеком (см. А, Б, В), например, в лексическом значении слова *plant* ‘растение’ (см. предложения В и Г) также профилируется классификационный компонент «обыденный имя-классификатор» – *a young tree, vine, shrub, or herb planted or suitable for planting* ‘молодое деревце, вьющееся растение, кустарник или злак, посаженный или пригодный для разведения’. В примере В мы регистрируем контекст, актуализирующий признак «коммерческая и иная ценность» – *because of the high nutrition characteristics that it possesses* ‘из-за высоких характеристик питания, которыми она обладает’. Медиальный статус характерен для признаков перцептивного блока (см. А, Г) и группы пространственных и временных признаков (см. Б). Так, в контексте примера А используется слово *leaves* ‘листья’, что указывает на строение растения, а в контексте примера Б актуализируется *next season* ‘в следующем сезоне’, профилирующий временной признак.

Таким образом, мы можем предположить, что семантические компоненты, когнитивные точки опоры, профилируемые в лексических значениях слов, являются необходимой компонентой в обучении моделирования текста перевода, так как, зная данные единицы и используя всю глубину человеческого знания, переводчик может быть на шаг впереди, может некоторым образом прогнозировать результат своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нефедова, Л. А.* Когнитивные особенности перевода научно-технического текста / Л. А. Нефедова, И. Н. Ремхе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – Вып. 2. – С. 91–101.
2. *Апресян, Ю. Д.* Лексикографическая концепция нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой, А. В. Петровой. – М., 2001. – Т. 1. – С. 6–17.
3. Большая книга афоризмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rus-aphorism-dict.slovaronline.com/. – Дата доступа: 21.11.2018.
4. *Горский, Д. П.* Определение (логико-методологические проблемы) / Д. П. Горский. – М. : Мысль, 1974. – 311 с.
5. *Вербова, О. Н.* Семантические пространства слов разных лексико-семантических групп (на материале наименований животных и растений в современном английском языке) / О. Н. Вербова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2013. – № 4 (65). – С. 52–60.
6. Wordhippo [Electronic resourse]. – Mode of access: https://www.wordhippo.com. – Date of access: 16.03.2019.
7. Diet Health Club [Electronic resourse]. – Mode of access: https://www.diethealthclub.com. – Date of access: 16.03.2019.

Т. И. Голикова, А. М. Литвиненко (Минск)

СТЕРЕОТИПНЫЕ ЯВЛЕНИЯ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются стратегии перевода некоторых британских и американских стереотипов. На примерах анализируется выбор стратегии перевода стереотипных явлений. Указывается, что выбор той или иной стратегии перевода зависит от ряда факторов, таких как национальная идентичность адресата перевода, осведомленность о существовании определенного стереотипа, его соотнесенность с положительными или отрицательными коннотациями лингвистических средств передачи стереотипа в межкультурном общении с учетом как исходного, так и переводящего языков. Стратегии перевода стереотипов ориентированы как на культуру языка перевода, так и в отдельных случаях – на культуру исходного языка, что позволяет адресату перевода точнее представить стереотипные явления иной лингвокультурной среды.

Перевод является одним из важнейших источников передачи культурной информации и культурных ценностей в процессе межкультурной коммуникации. Один из актуальных вопросов теории перевода – определение ключевых понятий перевода, к которым, в частности, относится стратегия перевода.

Согласно А. Д. Швейцеру, стратегия перевода представляет собой определенную программу, схему переводческих действий [1, с. 65].

Стратегия перевода – это своеобразная генеральная линия поведения при переводе, а именно преобразование исходного текста с возможной «деформацией» последнего, когда решается вопрос, чем жертвовать в процессе перевода [2, с. 508].

Выбор стратегии перевода зависит не только от исходного текста, но и от множества других факторов. Среди факторов, влияющих на выбор стратегии перевода, отмечают как лингвистические, так и экстралингвистические явления, такие как тип и жанр переводимого текста, целевая аудитория перевода, коммуникативная ситуация, фоновый багаж переводчика, а также социальные, политические, психолингвистические, лингвистические и культурные факторы и нормы [3].

Нами проводились наблюдения за использованием разнообразия стратегий перевода британских стереотипов на основе монографии К. Фокс «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения» [4] и ее перевода на русский язык [5]. В данной монографии представлены культурные стереотипы, стереотипы восприятия и мышления, речевые стереотипы англичан, которые передаются на русский язык при помощи различных переводческих стратегий. Представим некоторые из них, основываясь на материале выбранных фрагментов монографии и их перевода.

1. С т р а т е г и я ф о р е н и з а ц и и предполагает выбор таких способов перевода, которые позволяют наиболее ярко подчеркнуть отличительные черты культуры на языке оригинала, отсутствующие в культуре языка перевода. В данном случае подчеркиваются языковые и культурные особенности оригинального текста с тем, чтобы получатель перевода мог максимально приблизиться к культуре языка оригинала [6]. Примером может

послужить речевое клише *How do you do?*, которое в тексте перевода оставлено переводчиком без изменений, с последующим переводческим комментарием, поясняющим, что общепринятая стереотипная модель используется в качестве приветствия во время светской беседы с англичанином, правильной реакцией на которую является повтор того же речевого клише. Здесь речь идет об использовании стратегии форенизации, так как переводчик сохраняет в тексте перевода стереотипное явление без изменений, что приближает получателя к оригинальному речевому этикету британской культуры.

2. Стратегия доместикации предполагает сглаживание отличительных черт и культурных различий, обнаруженных в исходном тексте. Е. В. Шелестюк и Э. Д. Гриценко называют такой вид перевода «сглаживающим». В этих случаях переводчик опускает понятия, явления, требующие пояснения на переводящем языке, или просто заменяет их схожими понятиями и явлениями из культуры языка перевода [6]. Пример применения стратегии доместикации при переводе стереотипных явлений можно наблюдать в следующем фрагменте рассматриваемой монографии: *What I am suggesting is that gossip may be particularly important to the English, because of our obsession with privacy.* – ‘На мой взгляд, сплетни занимают столь важное место в жизни англичан потому, что по натуре мы скрытные люди’.

В данном примере сочетание *obsession with privacy* передается на русский язык при помощи атрибутивного словосочетания ‘скрытные люди’. Имеет место замена прагматически маркированной лексики на нейтральную, что позволяет отнести данную стратегию перевода к стратегии доместикации.

3. Стратегия сохранения стереотипа. Один из разделов монографии К.Фокс озаглавлен *The moat-and-drawbridge rule* ‘Правило «крепостного рва с подъемным мостом»’. Здесь уместно говорить о применении стратегии сохранения стереотипа, поскольку известный британский стереотип «мой дом – моя крепость» передан на русский язык эквивалентом.

4. Стратегия заимствования стереотипа. *This meta-rule helps to explain why the English have an international reputation for dressing in general very badly.* – ‘Это правило правил помогает понять, почему во всем мире считают, что англичане одеваются безвкусно’.

О приведенном фрагменте автор монографии К. Фокс говорит, что такое стереотипное явление, как «англичане плохо одеваются», достаточно широко распространено в Европе. Так, посчитав данный стереотип культурно-маркированным, переводчик прибегает к стратегии заимствования стереотипа.

5. Стратегия смягчения стереотипа в какой-то степени является формой стратегии доместикации. Переводчиком выбирается данная стратегия, так как стереотипы в культуре исходного языка и переводящего языка могут не совпадать, а значит сохранять формальный признак стереотипа не целесообразно. Следовательно, происходит некоторая замена стереотипа на смягчение. *But frowns, glares, raised eyebrows and contemptuous looks – accompanied by heavy sighs, pointed coughs, scornful snorts, tutting and muttering (“Well, really!” “Bloody hell!” “Huh, typical.” “What the…”) – are usually the worst that you will be subjected to if you jump a queue.* – ‘Но насупленные или поднятые брови, сердитые или презрительные взгляды,

сопровождаемые тяжелыми вздохами, многозначительным покашливанием, пренебрежительным фырканьем, недовольными возгласами и брюзжанием («Вот те раз!»; «Ничего себе!»; «Ха, молодец!»; «Что за…») – это самое худшее, что ожидает хитреца, проигнорировавшего очередь'. В приведенном фрагменте можно проследить замену речевых клише английского языка *Well, really! Bloody hell! Huh, typical, What the* на смягченные клише русского языка 'Вот те раз!'; 'Ничего себе!'; 'Ха, молодец!'; 'Что за…'. Замена клише вызвана тем, что стереотип «англичане терпимы и вежливы в любой ситуации», бытующий в русскоязычном обществе, не нарушается в тексте перевода.

6. Стратегия нейтрализации стереотипа предполагает опущение стереотипа или стереотипного явления в переводном тексте, то есть его нейтрализацию во избежание возможной негативной реакции. *What looks like unfriendliness is really a kind of consideration: we judge others by ourselves, and assume that everyone shares our obsessive need for privacy*. – 'То, что на первый взгляд представляется неприветливостью, – это на самом деле предупредительность: мы судим о других по себе, полагая, что каждый человек разделяет наше стремление к уединению'. Словосочетание *obsessive need for privacy* передается словосочетанием 'стремление к уединению'. Здесь переводчик максимально нейтрализует степень пристрастия англичан к неприкосновенности своей личной жизни, подчеркивая стремление к сохранению дистанции при общении.

7. Стратегия введения стереотипа часто используется для того, чтобы подчеркнуть определенные культурные особенности, выделить некоторые черты культуры англичан. *It is just that only the English (and our 'colonial descendants') seem to regard animated tones and expressive responses as effeminate*. – 'Просто в Англии (и в наших «бывших колониях») оживленный тон и экспрессивные реплики – прерогатива женщин'. В предложенном фрагменте мы можем наблюдать введение стереотипа «англичанки – несдержанные особы», который лишь усилит другое стереотипное явление – «англичанин – джентльмен».

Основываясь на классификации стратегий перевода стереотипов, предложенной А. В. Степановой и С. В. Мангушевым [3], а также на результатах анализа нашего материала, предложим к выше приведенной классификации еще две стратегии перевода: стратегию преуменьшения стереотипа и стратегию преувеличения стереотипа. Первая стратегия предполагает, что стереотипное явление из текста оригинала сохраняется в тексте перевода, но его прагматическая составляющая, коннотация (чаще негативная), ослабляется или передается не в полной мере. Так, в предложении *A number of my informants, both natives and visitors, had cited this 'reflex apology' as a particularly striking example of English courtesy* необходимо обратить внимание на стереотипное явление, которое К. Фокс называет *reflex apology*, что в тексте перевода передается как 'непроизвольное *sorry*'. Переводчик применяет стратегию форенизации, сохранив формальный признак стереотипа, слово *sorry*, однако преуменьшая при этом степень склонности англичан к выражению вежливости в любой ситуации, заменяя при переводе

‘рефлекторное извинение’ на более нейтральное словосочетание ‘непроизвольное *sorry*’. Однако в других ситуациях переводчик передает данное словосочетание как ‘инстинкт *sorry*’ и ‘рефлекс *sorry*’, что правомерно в контексте фрагмента «Правила вежливости», описывающего стереотипы поведения как закрепленные в обществе стандарты поведения. Данное клише является речевой моделью для англичан, которая носит обязательный характер в британском обществе при вежливом общении в различных ситуациях.

8. Стратегия преувеличения стереотипа применяется переводчиком в том случае, когда возникает необходимость намеренно подчеркнуть ту или иную культурную особенность этноса. К примеру, фрагмент *Apart from reminding me that there is an element of typically English reserve in our reluctance to display our house numbers, as well as a fixation with privacy* содержит стереотип «для англичан частная жизнь превыше всего». При переводе словосочетания *fixation with privacy* ‘гипертрофированная приверженность принципам неприкосновенности частной жизни’, которое отражает указанное выше стереотипное явление, переводчик использует как стратегию сохранения стереотипа, так и стратегию преувеличения стереотипа, применяя описательный способ перевода словосочетания *fixation with privacy* ‘гипертрофированная приверженность’.

Во фрагменте «Правило “крепостного рва с подъемным мостом”» прослеживается такой британский автостереотип, как «мой дом – моя крепость», который К. Фокс считает скорее истинным, чем ложным. По классификации П. Н. Донец [7], данный стереотип можно определить как стереотип, относящийся к вещам: *крепость* в данном случае воплощает не только страсть англичан к соблюдению неприкосновенности частной жизни, но и индивидуальность каждого англичанина, так как англичане не просто «владеют» домом, они «работают над ним». В тексте перевода сохраняются все тонкости английской «замкнутости», описанной К. Фокс на примере запутанной системы нумерации домов и названий улиц. Переводчик сохраняет предоставленный автором список синонимов к слову *street* на английском языке, но при этом снабжает читателя их переводом на русский язык, что позволяет говорить о том, что переводчик смог передать внутренние проявления культуры англичан (идеи, верования, ценности), которые были заложены автором текста оригинала.

В данном фрагменте нами также был обнаружен такой стереотип, как «англичане – замкнутые, скрытные люди», что является негативным стереотипом, обычно приписываемым англичанам другими народами. Однако данное явление можно отнести к группе таких стереотипов, которые, согласно Н. В. Сорокиной, могут иметь различное эмоционально-оценочное содержание, в то время как когнитивный компонент остается неизменным [8]. Так, для самих англичан этот стереотип будет означать «англичане – строгие приверженцы частной жизни», что можно отнести к позитивным стереотипам. Лингвистически данное явление прослеживается в таких лексемах, как, например, *well-hidden or non-existent numbers*, что в переводе передается как ‘скрытые или несуществующие номера’.

Во фрагменте «Правила неприкосновенности частной жизни, или частная жизнь превыше всего. Занятия личного характера и бытовая деятельность» представляет интерес сочетание *Privacy rules*, которое передается как ‘Частная жизнь превыше всего’. Здесь находит отражение коллективный стереотип, поскольку данный краткий тезис несет в себе большое количество информации, касающейся отношения англичан к частной жизни. Перевод данного тезиса, содержащего важный национально-культурный компонент, не приводит к формированию искаженного представления о нации англичан, к пренебрежению по отношению к ним, поскольку переводчик учитывает необходимость равноценности реакции получателя оригинала и получателя перевода.

Обобщая, отметим, что речевая культура англичан характеризуется разнообразием специфических национально-культурных явлений, которые невозможно не учитывать при переводе.

В монографии К. Клакхон «Зеркало для человека» [9] антрополог описывает различные стороны жизни американцев, доказывая, что антропология, в том числе культурная принадлежность человека, является «зеркалом», в котором он может увидеть собственное отражение. В работе К. Клакхона описаны многочисленные культурные стереотипы, стереотипы мышления и восприятия, оценочные стереотипы, речевые стереотипы американцев. Данные явления в тексте перевода передаются с использованием определенных лингвистических средств. Рассмотрим некоторые из стереотипных явлений, опираясь на текст фрагмента «Соединённые Штаты глазами антрополога» из монографии К. Клакхона и ее перевода на русский язык [10].

Интерес представляет такой часто встречающийся на страницах работы стереотип поведения, как «американцы – энергичные люди, оптимистически настроенные в любой ситуации». По классификации Н. В. Сорокиной [8], данный стереотип можно отнести к позитивным стереотипам, поскольку, рассмотрев данное стереотипное явление в поведении незнакомого человека, мы можем с легкостью восполнить часть культурной информации о нем. Лингвистически данный стереотип проявляется, например, через словосочетание *radiant vitality*, которое на русский язык передается как ‘искрящийся оптимизм’. В данном случае, сохранив содержащийся в тексте оригинала эмоционально-окрашенный компонент прилагательного, переводчик лингвистически сохраняет ту степень энергии и оптимизма, которую американцы проявляют не только в сложных ситуациях, но и в повседневной жизни. Здесь необходимо упомянуть и такие нередкие в речи американцев устойчивые речевые модели, как *Let’s get going, Something can be done about it*. Данные речевые конструкции лишь подчеркивают особенность американского народа искать еще один шанс даже в безнадежной ситуации. В тексте перевода данные явления передаются как ‘Давайте попробуем’ и ‘Что-то с этим еще можно сделать’ соответственно.

Описывая различные сферы жизни американского народа, К. Клакхон, часто использует такие словосочетания, как *American creed* ‘американское кредо’, *American spirit* ‘американский дух’, *American Way* (‘американский путь’), которые помогают распознать стереотип «американцы – большие патриоты».

На страницах главы «Соединённые Штаты глазами антрополога» прослеживаются такие стереотипы, как «американцы – трудоголики и неудержимые карьеристы» и «американцы неравнодушны к материальному богатству». Эти два коллективных стереотипа взаимосвязаны, однако первый можно отнести к стереотипам поведения, а второй – к стереотипам мышления. Стереотипы можно назвать негативными, поскольку многие народы отрицательно относятся к тому, что американцы готовы «идти по головам» ради достижения собственного успеха. С другой стороны, данная характерная черта может интерпретироваться иначе, поскольку сами американцы имеют другое отношение к карьерному росту, успеху и материальным ценностям; соответственно для них стереотипы «американец-трудоголик» и «богатый американец» являются позитивными стереотипами.

В работе К. Клакхона лингвистически данный стереотип выражается через словосочетание *striving for money*, которое на русский язык передается как ‘жажда денег’. Опираясь на стереотип «американцы неравнодушны к материальному богатству», переводчик, чтобы не только сохранить прагматическое значение словосочетания, но и подчеркнуть его силу, намеренно перевел лексему *striving* эмоционально окрашенным словом ‘жажда’, когда есть нейтральный вариант перевода, например, ‘стремление’. Обратим внимание на такое словосочетание, как *work for work’s sake*, которое, в какой-то степени, можно назвать лозунгом работающего американца. В тексте перевода данное словосочетание передается как ‘работа ради работы’, что говорит о том, что, опираясь на макроконтекст, переводчик не прибегает к замене стереотипного явления, сохранив его в переводе для достижения той же реакции получателя текста перевода.

Таким образом, можно отметить, что американская культура содержит большое количество стереотипных явлений в национальной культуре, что отражено в работе антрополога К. Клакхона и ее переводе на русский язык [10]. Подчеркнем, что при работе над фрагментом «Соединенные Штаты глазами антрополога» переводчик А. А. Панченко постарался максимально полно сохранить заложенные в лингвистические средства стереотипные явления американской культуры.

Рассмотренные стереотипные явления и стратегии их перевода позволяют нам говорить о том, что в процессе перевода как лингвокультурной трансляции нельзя игнорировать значимость стереотипов и стереотипных явлений, национально-культурных элементов языка. Выбор стратегии перевода стереотипов зависит от таких факторов, как национальность получателя перевода, его осведомленность о существовании определенных стереотипов, существование в культуре языка перевода определенных негативных коннотаций относительно некоторых стереотипных явлений. При этом не менее важным является фактор равноценности реакции получателя перевода на предоставляемое сообщение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Швейцер, А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. − 277 с.

2. *Гарбовский, Н. К.* Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
3. *Степанова, А. В.* Выбор стратегии перевода в зависимости от реализуемого лингвокультурного стереотипа / А. В. Степанова, С. В. Мангушев // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., Орел, 26 марта 2018 г. / ФГБОУ ВО «ОГУ им. И. С. Тургенева» ; редкол.: О. Ю. Иванова [и др.]. – Орел, 2018. – С. 177–185.
4. *Fox, K.* Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – London : Hodder And Stoughton, 2005. – 424 p.
5. *Фокс, К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / К. Фокс. – М. : РИПОЛ классик, 2011. – 512 с.
6. *Шелестюк, Е. В.* О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки [Электронный ресурс] / Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филол. науки. – 2016. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/vch/386/vcsu16_04.pdf. – Дата доступа: 16.02.2019.
7. *Донец, П. Н.* Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / П. Н. Донец. – Харьков, 2003. – 368 с.
8. *Сорокина, Н. В.* Современные концепции определения понятия «национальный стереотип» в гуманитарных науках : аналитический обзор [Электронный ресурс] / Н. В. Сорокина // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 5 (25). – Режим доступа: http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201341. – Дата доступа: 16.02.2019.
9. *Kluckhohn, C.* Mirror For Man. The Relation Of Anthropology To Modern Life [Электронный ресурс] / C. Kluckhohn // The Internet Archive. – Режим доступа: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.530285/page/n5. – Дата доступа: 16.02.2019.
10. *Клакхон, К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. Клакхон. – СПб. : Евразия, 1998. – 352 с.

А. В. Зубов (Минск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются особенности перевода стихотворных текстов с одного языка на другой. Анализируется специфика перевода поэтических текстов в противовес переводу прозаических текстов. Подчеркиваются особенности перевода на другой язык формы и содержания исходных стихотворений. Особое внимание уделяется сопоставительному лингвистическому анализу исходных стихотворных текстов. Приводятся примеры таких исследований.

Поэтический текст представляет собой сложную многоаспектную структуру. Полное воссоздание всех элементов этой структуры на другом языке невозможно. Среди различных аспектов структуры каждого поэтического произведения существуют один или несколько важнейших, которые определяют его неповторимую индивидуальность.

Именно в этом заключается трудность перевода поэтических произведений. С одной стороны, чтобы выразить главную идею стихотворного текста и донести все эмоции и переживания автора оригинала, переводчик должен быть сам поэтом и обладать эстетическим видением окружающего мира, с другой – он должен быть еще и писателем, а потому владеть своим собственным стилем изложения [1, с. 72].

Любой стихотворный текст является комплексом взаимодействующих и взаимообусловленных элементов разного порядка, образующих некий замкнутый в себе организм. В него входят элементы содержания и элементы формы. Относясь к стихотворению как произведению искусства, необходимо уяснить себе его место в ряду других произведений, узнать: кто был его автором, когда он жил, в какой стране, в какой культурно-исторической обстановке, какой социальной средой он воспитан, какие взгляды он отражал, какими воздействиями обусловлено его творчество [2, с. 176].

В стихотворении, как и в любом тексте, выделяют две основные составляющие: форму и содержание. Форму в поэзии определяют ритм и мелодия. «Ритм – самое глубинное, самое мощное организующее начало поэзии. Ритмом держится стих, ритмом он живет и дышит» [Там же, с. 179]. Различные ритмы оказывают на человека различное воздействие. Возможные способы изучения ритмических особенностей стихотворений и их переводов на разные языки детально описаны в исследовании Г. Гочечиладзе [3, с. 90].

Вполне естественно, что основное содержание исходного стихотворения в переводном тексте должно быть передано со всей полнотой и точностью. И здесь возникает много трудностей. Чаще всего в большинстве слов языка перевода нет точных соответствий словам языка оригинала стихотворного текста: существительные охватывают несовпадающие круги понятий, глаголы выражают несовпадающие действия и состояния, прилагательные характеризуют не одни и те же признаки, наречия, союзы несут несходные функции, различаются в разных языках и способы употребления числительных [2, с. 177].

Рассмотрим на конкретных переводах стихотворных текстов лингвистические подходы к изучению различных составляющих содержания оригинальных стихотворных текстов и их переводов на другие языки. Такие подходы могут помочь переводчикам решить проблему достижения эквивалентности при переводе поэтических произведений.

Рассматривая лексический уровень перевода английских стихотворений на русский язык, авторы исследований [1; 4] четко определили типы лексических трансформаций, использованных переводчиками Л. С. Бархударовым и С. Я. Маршаком при переводе английских стихотворений на русский язык.

Большой цикл исследований по выявлению лингвистической специфики стихотворных текстов и их переводов проводится на кафедре информатики и прикладной лингвистики Минского государственного лингвистического университета в процессе выполнения студентами дипломных работ и магистерских диссертаций.

Так, в одной из таких работ выявлялись лексические и синтаксические трансформации, использованные переводчиками С. Я. Маршаком и В. Я. Якушиным при переводе ими трех стихотворений Дж. Байрона. При

этом анализ лексических трансформаций приводился не для всех слов стихотворений Дж. Байрона, а только для тех слов, которые выражают основное содержание каждого из исследуемых стихотворений. При этом основное содержание каждого стихотворения представлялось в виде двух групп опорных слов – главных и второстепенных. Выделение в текстах-оригиналах и их переводах таких опорных слов проводилось автоматически с использованием двух компьютерных программ [5, с. 79–84] на основе автоматического вычисления коэффициентов важности этих слов.

Таким же образом вычислялись главные и второстепенные слова соответствующих русских переводов. Сравнение лексических значений таких слов в текстах-оригиналах и в их переводах позволило определить, что чаще всего переводчики использовали словарные *эквиваленты*, 3 раза – *генерализацию*, 4 раза – *конкретизацию* и один раз был использован *антонимический перевод*.

Еще одно подобное исследование было проведено и на материале пяти стихотворений Дж. Байрона, переведенных С. Я. Маршаком (два стихотворения), М. Ю. Лермонтовым (одно стихотворение), В. И. Ивановым (одно стихотворение) и А. М. Арго (одно стихотворение). Здесь были выявлены лексические трансформации, использованные при переводе каждым переводчиком.

Более глубокий анализ стихотворных текстов на русский язык был проведен в процессе выявления в ходе выполнения дипломной работы, связанной с лексико-семантической спецификой перевода 15 сонетов В. Шекспира на русский язык двумя переводчиками – С. Я. Маршаком (15 текстов) и Н. Гербелем (15 текстов). Далее по всем текстам В. Шекспира и всем текстам каждого переводчика с помощью компьютерной программы были построены частотно-алфавитные словари словоформ. При каждой словоформе таких словарей указывалась ее абсолютная частота употребления во всех пятнадцати текстах и количество строф этих текстов, в которых встретилась словоформа, а также, сколько раз словоформа была употреблена в каждой строфе.

Далее со словоформами каждого такого частотного словаря проводились следующие действия:

1) удалялись все служебные словоформы (предлоги, частицы, артикли, наречия);

2) объединялись частоты употребления различных грамматических форм одного и того же слова;

3) объединялись частоты употребления в каждом словаре словарных и контекстуальных синонимов каждого слова.

На последнем шаге в каждом из полученных трех словарей были выделены наиболее употребительные существительные, прилагательные и глаголы.

На следующем этапе анализа из исследования [6] были взяты 53 лексико-семантических подкласса существительных, 34 подкласса глаголов и 22 подкласса прилагательных. Им были присвоены соответствующие коды, которые на следующем шаге исследования приписывались каждому из отобранных существительных, глаголов и прилагательных.

На заключительном этапе исследования были подсчитаны частоты употребления всех существительных, глаголов и прилагательных с каждым

лексико-семантическим кодом. Анализ полученных в виде таблиц сопоставительных данных позволил сделать достаточно неожиданные выводы. Так, в оригинальных текстах, по сравнению с текстами переводчиков, В. Шекспиром чаще всего употреблялись существительные, выражающие *абстрактные понятия*. В переводах Н. Гербеля преобладают существительные, выражающие *названия физических действий, специфичных для человека*, а у С. Я. Маршака несколько чаще употребляются существительные, обозначающие *названия частей тела человека*. Такие же любопытные данные были отмечены при анализе остальных численных данных, приведенных в таблицах соответствующих исследований.

Как верно отмечено в исследовании [2, с. 175], без разрешения проблемы сопоставительного стихосложения невозможен поэтический перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козловская, А. В.* Проблема достижения эквивалентности при переводе поэтических произведений / А. В. Козловская, С. А. Давыдова // Кросскультурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 окт. 2013 г. – Минск, 2014. – С. 71–76.
2. *Лозинский М.* Багровое светило / М. Лозинский // Стихи зарубежных поэтов в переводе. – М., 1974. – С. 173–180.
3. *Гачечиладзе, Г.* Стихосложение и поэтический перевод / Г. Гачечиладзе // Поэтика перевода. – М., 1998. – С. 88–99.
4. *Бархударов, Л. С.* Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – М., 1984. – Вып. 21. – С. 42–48.
5. *Зубов, А. В.* Статистический анализ содержания текста и его формальное представление / А. В. Зубов // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1986. – Вып. 745 : Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. – С. 75–94.
6. *Богданова, Н. А.* Структурно-семантическая организация немецких коротких рассказов : дис. … канд. филол. наук : 10.02.21 / Н. А. Богданова. – Минск, 2008. – 154 л.

Н. П. Науменко (Минск)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ СЛОГАНОВ

В статье анализируются лингвокультурные, стилистические и языковые особенности англоязычных слоганов гастрономической рекламы, релевантные для формирования стратегии их перевода на русский язык. В результате анализа удалось определить средства выразительности, используемые для создания гастрономического слогана, расклассифицировать гастрономические слоганы по структуре, содержанию, целевой аудитории, диапазону использования, а для достижения коммуникативной цели – подразделить их на переводимые и пересоздаваемые. При переводе рекламных слоганов необходимо сохранить их художественную ценность и коммуникативную задачу, учитывая социокуль-

турные факторы стран исходного и переводящего языков, в особенности кулинарные реалии. Достижение эквивалентности текста перевода гастрономического слогана по отношению к тексту его оригинала реализуется на базе теории «скопос» герменевтической модели перевода с наиболее продуктивным использованием таких переводческих трансформаций, как целостное преобразование и модуляция,

Реализация рекламных задач осуществляется через стереотипную систему по созданию образа фирмы, товара или услуги в текстовом формате. Эта система представляет собой рекламный текст, который выполняет информирующую и убеждающую функции. Обе эти функции реализуются в рекламном тексте одновременно, а степень представленности зависит от количества использованных языковых средств. Рекламный текст выражает основную идею рекламного послания. Он должен привлечь внимание потенциального покупателя, заинтересовать его и побудить приобрести услугу или товар.

Основными структурными единицами рекламного текста являются заголовок, основной текст, слоган и эхо-фраза. Слоган должен побудить читателя к действию. Это наиболее важная часть торгового предложения, поэтому он должен соответствовать теме, быть лаконичным и запоминающимся [1, с. 157]. Слоган – рекламный словесный эквивалент логотипа фирмы, одна из констант рекламы, которая повторяется в рекламных текстах фирмы или продукта [2, с. 43]. Удачный слоган представляет собой независимое рекламное сообщение и может начать жить в разговорной речи, при этом не теряя связи с продуктом. Его обычно помещают рядом с логотипом фирмы или в конце рекламного сообщения. Это место обусловлено обобщающей ролью слогана в рекламной кампании. Кроме того, слоган служит связующим звеном между многими отдельными сообщениями, входящими в общую рекламную кампанию [3, с. 7].

В наши дни одно из важнейших мест занимает коммуникация, каким-либо образом имеющая отношение к пище, ее свойствам, процессу питания, способам приготовления и употребления, поэтому как лингвисты, так и маркетологи уделяют особое внимание гастрономической рекламе. Данный тип дискурса называют «глюттоническим» (от лат. *gluttonare* – ʻесть, питаться, объедаться’). Еда и связанный с ней дискурс «представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы “культурный капитал”, национальная самоидентификация, персональная самоидентификация, и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые)» [1, с. 157].

Настоящее исследование проводилось на базе 228 слоганов англоязычной рекламы, отобранных методом сплошной выборки из 60 американских кулинарных изданий: «5280 Magazine», «All recipes», «Bake from scratch», «Better nutrition», «Bon Appétit», «Clean Eating», «Cooking Light», «Dr. Oz The good life», «Eating Naturally», «Eating Well», «Family Circle», «Fine cooking», «Food and Wine», «Food network», «Food Solutions», «Gluten Free», «Good housekeeping», «Grate. Pair. Share», «Health Magazine,» «Joy of kosher», «Marta Steward living», «Paleo Magazine», «Rachael Ray Every day», «Real food», «Real Simple», «Southern living», «Taste of home», «Weight watchers».

При достаточной исследованности рекламного дискурса в целом гастрономическая реклама остается открытой для исследователей. Особенно это касается гастрономических слоганов

Тексты гастрономической тематики, в том числе и слоганы, обладают целым рядом отличительных характеристик, проявляющихся в названии блюд, кухнях народов мира, традициях и обычаях поведения за столом. С лингвистической точки зрения такие тексты требуют использования определенной лексики, особых грамматических и синтаксических конструкций.

Слоганы гастрономической тематики разнообразны и создаются с привлечением различных средств художественной выразительности. Их цель – привлечь внимание покупателя к предлагаемому продукту питания. Этого можно достичь либо рассказав потребителю о качестве товара, либо же убедив его в пользе, которую данный товар принесет своему покупателю. Для этого опытные маркетологи воздействуют на эмоции или на вкусовые рецепторы своей целевой аудитории.

Принципы классификации гастрономических слоганов

Цель слогана	Слоган хвалит товар	Слоган хвалит потребителя
Вкусовые качества	Сосредоточен на вкусовых или иных качествах продукта	Сосредоточен на вкусовых или иных предпочтениях потребителя
Эмоции	Сосредоточен на эмоциях, вызываемых продуктом	Сосредоточен на эмоциях и желаниях потенциального потребителя

Данная классификация основывается на двух основных оппозициях: «прагматичность – эмоциональность» и «товар – потребитель». Таким образом, рекламные слоганы можно разделить на товарные вкусовые, товарные эмоциональные, потребительские вкусовые и потребительские эмоциональные.

Анализ рекламных слоганов выявил следующие результаты: самым распространенным типом гастрономических слоганов оказались слоганы эмоциональной группы: товарно-эмоциональные (85 из 228) и потребительские эмоциональные (63). Товарно-вкусовые встречаются немного реже (45 из 228), а самой редкой категорией оказались потребительские вкусовые слоганы (18). Также ряд слоганов оказался в смешанной категории (15).

Сравнительный анализ средств художественной выразительности по категориям показал следующие результаты. Среди всех средств художественной выразительности для категории товарных вкусовых слоганов характерно использование большого числа эпитетов: *Discover the mouthwatering flavours of Twinings Herbal Teas* (Twinings). При создании этого вида слоганов значительно чаще, чем в других категориях, используются конструкции с эллипсисом: *Great taste, half the sugar* (Tropicana). Довольно часто в сравнении с другими категориями используются слоганы в виде сложного предложения: *Crafted with rich, authentic ingredients for a taste that can only be from Boar's Head* (Boar's Head), хотя преобладающей структурой слоганов является простое предложение.

Для потребительских вкусовых слоганов характерной чертой является использование метафор: *Your tongue crashed into a chocolaty, peanut, caramel iceberg* (Snickers ice-cream) и сложных предложений: *What's really sweet is we removed the artificial preservatives* (Oscar Mayer Ham in Honey sauce). Нередко используется прием сравнения, в том числе отрицательного: *Nothing says "welcome to the neighborhood" like fresh-from-the-oven cookies* (Chips deluxe). Также для потребительских слоганов, в частности этого типа, популярно использование притяжательных местоимений: *Only Eggland's Best is the egg good enough for your family* (Eggland's Best).

Наиболее частотные товарно-эмоциональные слоганы, использующие большое число лексических средств выразительности, таких как эпитеты и метафоры: *Secret weapon in the kitchen* (Domino blue agave nectar), также часто строятся на основе симметричных конструкций: *Three more right twix® to crave & three more left twix® to detest. More flavors. Same sides* (Twix).

Потребительские эмоциональные слоганы характеризуются более частым использованием лексических средств выразительности по сравнению с вкусовыми категориями. Они представлены практически в равной степени, однако превалирует метафора: *Unlock a world of unique taste experiences* (S. Pellegrino). Данный тип слоганов чаще всего строится на основе такой грамматической категории, как повелительное наклонение *с* использованием притяжательных и личных местоимений, что обеспечивает прямое побуждение к потреблению рекламируемого продукта: *Add a tasty new twist to your family favorites* (Bush's organic beans).

Таким образом, слоганы, которые воздействуют на эмоции человека, являются более выразительными за счет большего использования лексических художественных средств и более простыми с точки зрения структуры, что обеспечивает их запоминание и воздействие на потребителя, а также популярность среди копирайтеров. Для слоганов, где основой уникального торгового предложения является вкус продукта и его полезные свойства, характерно использование более сложных грамматических структур, хотя лексические средства используются также весьма часто.

При переводе исследуемых слоганов необходимо уметь передать как художественные достоинства оригинала, так и коммуникативную функцию слогана с учетом рассмотренных выше принципов их классификации и средств художественной выразительности. Для достижения этой задачи недостаточно просто его перевести, слоган должен быть включен в культурную среду языка перевода [4, с. 114].

При этом нужно учитывать цель слогана, категорию потребителя, языковые особенности оригинала и т.п. Рекламные образы должны быть понятными и вызывать доверие целевой аудитории. При этом эквивалентность перевода оригиналу не абсолютная, а динамическая: если реакция человека на сообщение на языке оригинала такая же, как и у человека, который воспринимает текст на языке перевода, то текст перевода можно считать эквивалентным исходному тексту [5, с. 9]. Таким образом, при передаче рекламного слогана на иностранный язык он не столько пере-водится, сколько пересоздается [6, с. 32].

Задачей переводчика рекламных слоганов является сохранение его маркетинговой и художественной ценности. Причем если маркетинговую информацию переводчику изменять возбраняется, то свободное обращение с художественной формой без использования того же художественного приема, что и в оригинале, просто необходимо [3, с. 92].

Для оценки степени адекватности текста перевода по отношению к тексту оригинала в теории перевода принято обращаться к моделям перевода. Под моделью перевода понимается «условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые, можно осуществить процесс перевода всего оригинала или некоторой его части» [7, с. 189]. Данные модели носят условный характер, поскольку истинный процесс перевода происходит в сознании переводчика и скрыт от наблюдения, однако они позволяют выявить его основные характеристики, а также представляются полезными в дидактических целях.

Для данного исследования релевантными являются такие модели перевода, как теория «скопос» и герменевтическая модель перевода.

Суть теории «скопос» (от греч. *skopos* – цель, задача) заключается в том, что выбор стратегий и методов перевода зависит от поставленной цели, которая зачастую устанавливается заказчиком. Успех перевода в данном случае зависит от достижения поставленной цели. В зависимости от нее будут различаться сами тексты перевода, при этом близость перевода к оригиналу может оказаться несущественной, если в этом не заключается «скопос». Руководствуясь поставленной задачей, переводчик выбирает соответствующую стратегию перевода [8, с. 81–82].

«Скопос» перевода может также отличаться от цели, установленной текстом оригинала, так как перевод, являясь актом создания текста, представляет собой иное событие, нежели создание исходного текста. При этом внимание уделяется содержанию текста, а не его форме, и перевод оценивается по достижению поставленной цели. Текст перевода считается эквивалентным, если соответствует тексту оригинала по выполняемой функции.

Перевод нацелен на определенную коммуникативную задачу, которую обычно определяет «инициатор» и заказчик перевода, а переводчик в связи с этим определяет переводческую задачу. Для этого следует понять функцию текста, ожидаемую аудиторию, причину, по которой создается текст, а также место и время, в которых будет восприниматься этот текст.

Герменевтическая модель перевода – модель, при которой перевод основывается на законе интерпретации, начинаясь с понимания текста и им же заканчиваясь. Процесс перевода здесь осознается как процесс вторичного порождения текста [9, с. 32].

Основными категориями герменевтической модели перевода являются предпонимание, понимание и интерпретация. На стадии предпереводческого анализа уточняются границы переводческого пространства оригинала, лингвокультурологический и прагматический фон, жанр авторского текста. Далее переводчик переходит на стадию понимания текста оригинала и формирования своего переводческого текста, который после окончательной

интерпретации на всех уровнях переводческих трансформаций выльется в третичный текст для реципиента, отчуждаемый от переводчика-интерпретатора на самостоятельную жизнь [4, с. 78–79].

На основании данных моделей перевода большинство слоганов пересоздаются: *Enjoy the taste of rich, never bitter Gevalia* (Gevalia) ‘С насыщенным вкусом кофе «Gevalia» Вы никогда не почувствуете горечь’. У слова *горечь* появляется два значения: во-первых, имеется в виду, что этот кофе никогда не будет горчить; во-вторых, что человек его выпивший всегда будет в отличном настроении.

Существует множество примеров, когда имя бренда при передаче при помощи транскрипции или транслитерации вызывает у потребителя совершенно не те ассоциации, на которые рассчитывал рекламодатель. Например, детское питание «*Bledina*», посуда «*Pedrini*», туалетная бумага «*Serla*». Также за пределами русскоговорящих стран вы не найдете зубной пасты «*Blend-A-Med*» от P&G. За рубежом она продается под названием «*Crest*». Но русскоговорящие потребители вряд ли покупали бы пасту «*Крест*», т.е. при переводе слоганов зачастую приходится локализировать отдельные понятия и реалии, понятные исключительно носителям языка. Текст на языке перевода должен восприниматься читателем так же, как если бы слоган был написан на родном языке.

В целом, для перевода гастрономических слоганов применимы все те же переводческие приемы, что и для других слоганов. Однако переводчик может столкнуться с рядом трудностей при переводе названий блюд, ингредиентов, кухонной утвари, а также кулинарных глаголов, существительных, обозначающих способ приготовления, которые отсутствуют в языке перевода.

Следует отметить, что в кулинарных журналах важную роль играет подход редактора к «скопосу» перевода: если целевой аудиторией считаются домохозяйки, пытающиеся удивить своих мужей кулинарными способностями, то названия будут более простыми, в них будут присутствовать пояснения, если же адресатами рекламы принято считать любителей иностранной культуры, здесь больше используется транскрипция.

Так при переводе названий блюд, которые придают кулинарным рецептам их национальный колорит, наиболее используемыми приемами являются транскрипция или транслитерация, так как подобные реалии, как правило, считаются непереводимыми: *Every sandwich wants Hellmann’s* (Hellmann’s Mayonnaise) – Каждому сэндвичу нужен «Хэльманс». Используется также частичная транскрипция: *apple crumble* – ‘яблочный крамбл’.

В то же время, помимо пересоздания, некоторые слоганы могут быть успешно переведены с использованием традиционных лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций.

При переводе гастрономических слоганов используется прием синтаксического уподобление: *Where have I been all your life? In Ireland Being perfected* (Kerrygold) – «Где же я был всю твою жизнь? В Ирландии. Зрел». Данный слоган принадлежит компании по производству молочной продукции и объектом рекламы является сыр. В этом случае сохранена структура

в виде вопроса и двух предложений. Также был использован прием смыслового развития для передачи английского *being perfected.* Поскольку считается, что чем дольше сыр зреет, тем он лучше, можно считать русскую замену *зреть* адекватной.

При переводе слогана чипсов со вкусом барбекю *BBQ flavour so rich and smoky you can almost hear it sizzle* (Lay's) – 'Вкус барбекю настолько насыщенный, что можно услышать, как трещат дрова' было использовано сразу несколько трансформаций: генерализация слов *rich and smoky*, что позволило сделать слоган короче, чтобы не потерять его лаконичность. С той же целью из второй части предложения исключено подлежащее и использован прием компенсации для замены дословного *оно шипит*. Уточненный вариант *мясо шипит* может ввести потребителя в заблуждение, что чипсы продаются с обжаренными кусочками мяса, поэтому при переводе было принято решение заменить шипение мяса на звук костра, на котором его жарили.

Глагол *to sip* в слогане *Sip joy fully* (Tazo tea), согласно словарю «Cambridge Learner's Dictionary», в русском языке имеет значения 'пить маленькими глотками, потягивать'. Однако, учитывая, что рекламируемым объектом является чай, оба варианта были исключены: первый вариант не подходит из-за своей описательности, а второй больше применим к холодным напиткам. Кроме того, продукт рекламируется в данном случае для белорусского потребителя, и для того, чтобы привлечь местную целевую аудиторию, его рекламный слоган следует локализовать и адаптировать для включения в местную культурную среду. Для этого при переводе произведена лексическая замена нейтрального английского *to sip* на стилистически окрашенный диалектный глагол *сёрбать*, который вдобавок передает характерный звук данного действия. В результате получился перевод 'Посёрбывай с удовольствием', который абсолютно понятен русскоязычному потребителю, постоянно проживающему на территории Беларуси.

Перевод слогана *Crunchy wheat. Frosted sweet. Feed your inner kid* (Kellogg) – 'Сухие завтраки. Хрустящие, пшеничные. Белые, сладкие. Вспомни свое детство!' – осуществлен путем лексико-грамматической замены *wheat* на 'завтраки' в первом предложении для создания симметричной конструкции со вторым предложением. Во втором предложении произведена модуляция слова *frosted,* которое означает белую сахарную глазурь на поверхности хлопьев. В третьем предложении использовано целостное преобразование в предложение, которое будет более понятно русскоязычному потребителю. Удалось также сохранить ритмический рисунок оригинала.

Статистические подсчеты использованных приемов перевода гастрономических слоганов показал, что наиболее продуктивными являются модуляция (21 %) и целостное преобразование (17 %), что подтверждает гипотезу исследования, заключающуюся в том, что большинство англоязычных слоганов гастрономической тематики ввиду их языковой и маркетинговой специфики, проанализированной в данной статье, не столько переводятся, сколько пересоздаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Олянич, А. В.* Гастрономический дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2. – С. 157–160.
2. *Сердобинцева, Е. Н.* Структура и язык рекламных текстов : учеб. пособие / Е. Н. Сердобинцева. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 160 с.
3. *Морозова, И. Г.* Слагая слоганы / И. Г. Морозова. – М. : РИП-Холдинг, 2003. – 174 с.
4. *Алексеева, И. С.* Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М. : Academia, 2006. – 367 с.
5. *Латышев, Л. К.* Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л. К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 248 с.
6. *Белл, Т.* Переводим слоганы / Т. Белл // Профессиональный перевод и управление информацией. – 2011. – № 2. – С. 31–35.
7. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 250 с.
8. *Комиссаров, В. Н.* Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 136 с.
9. *Нелюбин, Л. Л.* Наука о переводе: история и теория с древнейших времен до наших дней : учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ, 2008. – 416 с.

Т. В. Попова (Минск)

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НЕСООТВЕТСТВИЙ
(на материале сопоставления испаноязычного оригинала и его перевода на русский язык)

Адекватный перевод должен максимально точно передавать значение оригинала и соответствовать языковым нормам языка, на который данный текст переводится. Для выполнения этих двух требований часто недостаточно просто передать все языковые формы оригинала аналогами из языка перевода, поскольку нередко таких полных аналогов просто не существует. Различие грамматического строя языков, семантических полей лексем и фразеологизмов, наличие специфических категорий в языке оригинала приводит к необходимости применения переводческих трансформаций.

Главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности – умело произвести необходимые трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода – переводческие трансформации – в свою очередь, могут быть различных типов. Однако термин *преобразование* нельзя понимать буквально: сам исходный текст не преобразуется в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст остается инвариантным, но наряду с ним и на основе его создается другой текст на ином языке [4].

Адекватный перевод должен максимально точно передавать значение оригинала и соответствовать языковым нормам языка, на который данный текст переводится. Для выполнения этих двух требований часто недостаточно просто передать все языковые формы оригинала аналогами из языка перевода, поскольку нередко таких полных аналогов просто не существует. Различие грамматического строя языков, семантических полей лексем и фразеологизмов, наличие специфических категорий в языке оригинала приводит к необходимости применения вышеназванных переводческих трансформаций.

Сравнивая исходный и переводящий тексты, переводчик непроизвольно отмечает, что некоторые отрезки исходного текста переведены «слово в слово», буквально, а некоторые – со значительными отклонениями от буквальных соответствий. Особенно обращают на себя внимание те места, где переводящий текст по своим языковым средствам совершенно не похож на исходный. В таких случаях зачастую можно найти немалое количество переводческих погрешностей. Часть из них обусловлена использованием ранее упомянутых трансформаций и не играет особой роли в восприятии произведения, но есть и такие, которые существенно меняют смысл.

Сопоставительная работа по сравнению оригинала испаноязычного исходного текста с его переводом на русский язык – одна из наиболее интересных и востребованных у студентов, выполняющих курсовой/дипломный проект.

Сегодня в Испании появилась плеяда современных писателей, чьи произведения активно переводят на все мировые языки, включая русский. Именно к таким интересным авторам относится Хулия Наварро [1]. Ее романы «La biblia de barro», «La hermandad de la sábana santa», «La sangre de los inocentes», «Dime quién soy», «Dispara, yo ya estoy muerto» и др. стали бестселлерами в Испании и находят все больше поклонников среди русскоязычных читателей. К сожалению, на русский язык переведено пока только три ее романа.

В качестве объекта исследования мы выбрали перевод книги Хулии Наварро, а именно «La biblia de barro» («Глиняная Библия»), выполненный украинским переводчиком художественных произведений Коваливым Владиславом Ивановичем [2].

В ходе анализа оригинального и переводного текста мы столкнулись с некоторыми ошибками и неточностями, которые, по нашему мнению, были допущены переводчиком. В частности, в произведении «La biblia de barro» затрагивается тема двух разных менталитетов (мусульманского и христианского), поэтому выявленные нами ошибки носят социокультурный характер. Рассмотрим это на основе нескольких примеров сопоставления испанского оригинала и его перевода на русский язык:

- *Sus tres <u>hermanas</u> se habían casado con occidentales.* – ‘Три <u>брата</u> Ахмеда женились на девушках из западных стран’.

В исходном тексте речь идет о сестрах главного героя, которые вышли замуж за европейцев. Учитывая тот факт, что действия данной книги происходят в Ираке, мусульманской стране со строгими канонами веро-

исповедания, это большой вызов для общества и нарушение законов шариата, согласно которым мусульманке запрещено выходить замуж за представителей других религий, потому что мужчина главенствует над женщиной и нельзя допустить, чтобы неверующий имел власть над мусульманкой. С женитьбой мужчин в исламе дела обстоят проще, хотя брак между мусульманином и иноверкой не поощряется, он все же возможен. Таким образом, заменив «сестер» на «братьев», переводчик полностью переиначил смысл данной фразы, с помощью которой автор подчеркивает отдаленность мусульманской семьи от своих корней. Поскольку эта замена ничем не обусловлена, мы полагаем, что ее причиной стала переводческая небрежность. В испанском языке слова *брат* и *сестра* отличаются всего одной буквой (*herman**o*** – *herman**a***), и вполне возможно, что переводчик не придал этому факту большого значения. Еще один пример:

- *Habían crecido libres en países democráticos.* – ‘Они стремились к свободе и поэтому решили жить в демократических странах’.

Здесь мы видим еще один яркий пример переводческой замены с явным искажением смысла. Здесь все так же речь идет о детях семьи Хусейни, которые, согласно оригинальному тексту, **выросли** свободными в демократических странах, что объясняет смысл исходной фразы из предыдущего примера. В связи с тем, что детство мусульманских девушек прошло вдали от родины, образ жизни и нравы западных стран были для них вполне привычны, и нет ничего предосудительного в том, что им было позволено выйти замуж за христиан. Следующий пример:

- *Se hubiera quedado vivir en los EstadosUnidos, pero había conocido a Clara.* – ‘Ахмед предпочел бы остаться жить в США, однако и дедушка, и отец Клары потребовали, чтобы она возвратилась в Ирак’.

В этом предложении писатель сообщает причину возвращения Ахмеда в Ирак, чему послужило знакомство с его будущей супругой Кларой. Причем в оригинальном тексте ничего не сказано о том, что на их переезде непосредственно настояла семья героини европейского происхождения. Исходя из этого, мы считаем, что очередное добавление переводчика является неуместным в данном случае.

Изучение родного и иностранного языков неизбежно приводит к определенной межъязыковой интерференции, когда правила из одного языка механически переносятся на другой, что приводит к появлению социолингвистических ошибок, описанных нами выше. Таким образом, перевод текстов с испанского языка на русский является сложной задачей, которая предполагает как прекрасное владение русским и испанским языками, так и хорошее ориентирование в области лингвистики и грамматики обоих языков [3].

В испанском языке существует достаточно большое количество грамматических явлений, которые могут вызывать смешение и даже путаницу, особенно если эти явления полностью или частично отсутствуют в русском языке. Так, например, при переводе текста с испанского языка на русский, следует помнить о несоответствии прошедших времен обоих языков. Также

употребление прошедших времен в процессе перевода может быть передано различными конструкциями или же другими частями речи. Покажем это на примерах:

• *El rey descansó la pluma mientras **clavaba la mirada** en un hombre joven como él que inmóvil y respetuoso aguardaba en el otro extremo de la estancia.* – ‘Царь положил перо, **впившись при этом взглядом** в человека – такого же молодого, как и он, – который неподвижно и с благоговейным видом ждал в другом конце комнаты’;

• *Abgaro, rey de Edesa, saluda a Jesús, el buen Salvador que **ha aparecido** en Jerusalén.* – ‘Абгар, царь Эдессы, шлет привет Иисусу, славному Спасителю, **появившемуся** в Иерусалиме’;

• *Había salido a respirar mientras los bomberos terminaban de apagar los rescoldos que aún **humeaban** junto al ala derecha del altar mayor.* – ‘Он вышел подышать воздухом, пока пожарные заканчивали тушить тлеющие угли, все еще **дымившиеся** возле правого крыла главного алтаря’.

В данных примерах испанские прошедшие времена (Pretérito Imperfecto, Pretérito Perfecto и Pretérito Pluscuamperfecto) передаются русским деепричастием совершенного вида.

Проанализировав и сравнив оригинальный художественный текст с его русским вариантом перевода, мы видим, что автор не пытается перевести всю информацию дословно, а прибегает к заменам испанских глагольных форм на русские существительные, наречия, причастные и деепричастные обороты, что в данном случае совершенно не искажает смысл исходной фразы.

Еще одним интересным феноменом, на сей раз грамматическим, является перевод герундиальных оборотов, полных аналогов которым нет в русском языке. Мы отобрали наиболее интересные случаи перевода, найденные при сопоставлении оригинала книги Хулии Наварро «La Biblia de Barro» и ее переводом. Приводим некоторые примеры:

• *Te repito **que quiero seguir siendo viejo*** – ‘Повторяю: **я на старость не жалуюсь**’.

При переводе герундия структура фразы была полностью перестроена, использована следующая переводческая трансформация: герундий заменен глаголом с другим значением, но при этом максимально точно передана мысль автора исходного текста. Следующий пример:

• *He dejado a Deborah **protestando**.* – ‘Когда я уезжал, Дебора **кипела от возмущения**’.

В данном примере герундий передан через глагол и использовано добавление для того, чтобы сделать фразу более эмоциональной. И, наконец, еще один пример:

• *Hola, abuelo, **vengo sudando**.* – ‘Привет, дедушка. **Ух, я весь вспотел**!’.

В этом переводе мы также видим стремление переводчика уйти от прямого перевода испанского деепричастия, коим является *gerundio*, несмотря на то, что в русском языке имеется аналогичная часть речи. Однако функции русского деепричастия и испанского *gerundio* далеко не всегда совпадают, что прекрасно показано на примере русского перевода испанского художественного текста.

Таким образом, проанализировав перевод испанского художественного произведения «La Biblia de barro», мы пришли к выводу, что во имя достижения адекватности при переводе оригинального текста с испанского языка на русский профессиональные переводчики вынуждены прибегать к всевозможным трансформациям (как лексико-грамматического характера, так и социолингвистического). Порой в ходе этих трансформаций допускаются ошибки, на которые мы обратили внимание в нашем исследовании. Однако даже немногочисленные и, на первый взгляд, несущественные ошибки могут привести к казусам и конфликтным ситуациям, особенно, если дело касается столкновения национальных менталитетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Navarro, J.* La Biblia de Barro // Literatura. – 2005. – Vol. 110. – № 1. – S. 67–85.
2. *Ковалив, В. И.* Глиняная библия / В. И Ковалив. – Кн. клуб «Клуб Семейного Досуга», 2006. – 318 с.
3. *Львовская, Э. Д.* Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка) / Э. Д. Львовская. – Минск : Высш. шк., 1985. – 232 с.
4. *Рецкер, Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 2006. – 240 с.

Т. А. Храмченко (Минск)

НА ЯЗЫКЕ РАЗНЫХ КУЛЬТУР: СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКАМ

Роль языка в жизни человека и общества огромна, об этом свидетельствуют величайшие писатели, ученые, мыслители. Подобно языку, перевод является универсальным средством общения людей и взаимодействия культур. Переводы художественной литературы вносят существенный вклад в культурное наследие народа, и в этом процессе большое значение играет личность переводчика. Почему один перевод уступает другому, какими способами можно переводить фразеологизмы, с какими трудностями сталкиваются переводчики при работе с произведениями Чехова? Возможно ли точно передать мысли и стиль автора без ущерба для родного языка? В статье нет однозначного ответа, но она предоставляет богатый материал для размышления. Представленные примеры иллюстрируют работу переводчиков разных стран.

Наверное, в мире найдется очень немного людей, никогда не слыхавших о «Маленьком принце». Художественные и мультипликационные фильмы, театральные и балетные постановки, песни и клипы – тем или иным образом каждый человек мог познакомиться со знаменитой интерпретацией повести Антуана де Сент-Экзюпери. Произведение автора переведено на более чем 300 языков, по количеству переводов «Маленький принц» уступает только Библии.

Читатели повести на русском языке, безусловно, знакомы с классическим вариантом в изложении Норы Галь. Она была не только замечательным переводчиком с английского и французского языков, но и литературо-

ведом, редактором, человеком, обладающим культурой речи. Недаром в ее исполнении перевод считается классическим. С профессиональным подходом и необычайным трудолюбием она создала такой образ произведения, в котором совершенно не ощущается рука переводчика. Ее «Маленький принц» обрел вторую жизнь для русскоязычных ценителей повести.

Но возможно читателям встречался также и другой перевод текста: «*Когда закончил свое утреннее одевание, нужно тщательно одеть планету. Нужно принуждать себя регулярно вырывать баобабы, как только отличишь их от кустов розы*»; «*Я вскочил на ноги, как если бы меня ударила молния. Я хорошо протер свои глаза. Я посмотрел*»; «*Куда глаза глядят невозможно далеко уйти…*»; «*Я испытываю столько печали, рассказывая то, что я помню*»; «*Я колеблюсь также по поводу цвета его одежды. И тогда я иду на ощупь, то так, то так, то хорошо, то плохо*»; «*И однажды он посоветовал мне постараться, чтобы получился хороший рисунок, который заставит войти это в головы детей, живущих там же, где и я*»; «*Это было как плод проблемы, над которой он долго и молча размышлял*» [1].

Эти фразы принадлежат российскому писателю, поэту и переводчику Вадиму Николаеву. Спустя полвека он издал свой собственный вариант перевода французской повести-сказки. Вадим Николаев, по собственному признанию, попытался улучшить прежнюю работу, однако оценить этот прогресс сложно. Метод перевода «word in word» (слово в слово), о котором он говорит на страницах своего сайта, никак не оправдывает себя в художественных текстах. Вслед за Г. В. Тереховой, отметим: «Все или почти все наши ошибки происходят оттого, что мы хотели перевести английское слово русским словом, английскую фразу русской фразой, английское предложение русским. Нельзя изолированно переводить слова и переводить фразу за фразой, предложение за предложением, т.е. нельзя делать того, что называется буквальным переводом. Нельзя потому, что буквальный перевод – не перевод…» [2, с. 4].

Действительно, о буквализме говорилось еще в древности. Марк Тулий Цицерон (1 в. до н.э.), переводивший с древнегреческого на латинский язык, провозглашал принцип, согласно которому «переводить следует не слова, а мысли, не букву, а смысл, в соответствии с условиями и духом своего языка» [3, с. 7]. И если в устном переводе это может не иметь большого значения, то для письменного перевода точного смысла недостаточно.

Благодаря работе письменного переводчика во всем мире известны имена Уильяма Шекспира, Данте Алигьери, Александра Сергеевича Пушкина, Иоганна Вольфганга Гёте, Виктора Гюго и др. Литературное творчество других народов обогащалось благодаря трудам писателей и поэтов, признанных в своей культуре и переведенных на другие языки. «Процесс перевода “пересекает” не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [4, с. 14]. Художественные тексты играют огромную роль в межкультурном общении, ведь они хранят информацию об истории народа, национальном менталитете, духовном наследии, т.е. обо всех составляющих культуры.

В этом и заключается культурная ценность перевода, который «не только облегчает процесс взаимодействия людей друг с другом, он включается в обмен культурными ценностями – предметами, идеями, художественными образами и другими элементами культуры» [5].

Осознав серьезную роль переводчика в обогащении различных культур, сохранении и приумножении их ценностей, стоит заметить, что работа мастера художественного слова требует не только знания языков, но и широкого кругозора, кропотливого вчитывания, неустанного поиска точных слов и ассоциаций. И, конечно, не обойтись без переводческой интуиции, которая в нужный момент поможет подсказать верное решение. Одного знания языков часто оказывается недостаточно. Проиллюстрируем это примером из книги Э. А. Вартаньяна «Путешествие в слово» [6, с. 103–104].

Однажды в Москве провели эксперимент, в котором участвовали два десятка профессиональных переводчиков: преподавателей и студентов. Каждый из них хорошо владел двумя смежными языками. Получив текст, участник эксперимента переводил его на второй язык и отдавал следующему коллеге. Исходная фраза была на русском языке и звучала следующим образом*: Она сплетничала и ела вареные бураки по утрам и отлично хорошо ругалась – и при всех этих разнообразных занятиях лицо ее ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать одни только женщины* (Агафья Федосеевна из повести Н. В. Гоголя [7]).

Вслед за Э. А. Вартаньяном пронаблюдаем за трансформацией этого предложения. Из русского языка фраза перекочевала в английский (с несущественными изменениями), затем в немецкий (*сплетничала* превратилось в *трепалась*), после него в японский (*трепалась* стало *болтала*, а *ругалась – злословила*) и далее в арабский (*болтал* изменился на *болтал языком*, а *злословил* на *извергал страшные проклятия*). И вот первый этап был завершен французом следующим образом: ‘Она имела привычку чесать языком, когда ела свекольный бульон; из ее рта вылетал поток отборных словечек, и все это без малейшего выражения на лице. Так поступают все женщины’.

На втором этапе гоголевский отрывок прошел через индонезийский язык, в котором для местоимений *он* и *она* существует одно слово, затем голландский и турецкий языки, и в результате текст зазвучал по-новому: «В то время как женщина, поедая жидкое свекольное варево, отпускала ругательства, мужчина занимался болтовней. Они делали это, не выказывая своих чувств, как принято у женщин».

На следующем этапе перевод попадает в следующую череду языков: испанский (вместо *отпускала* стало *выбрасывала*), затем язык йоруба (*варево из свеклы* превратилось в *варево из плодов земли* и *занимался болтовней* стало *хвастал мнимыми подвигами*), и затем снова английский (*плоды земли – фрукты*, *выбрасывала ругательства – выбрасывала нехорошие штуки*, *хвастал мнимыми подвигами* было передано идиомой *бил в литавры*).

В очередной раз исследуемый отрывок попадает на язык африканского племени бамбара, затем на французский (*штуки* стали *вещами*) и на итальянский, после чего получается фраза: ‘Она пила компот и выбрасывала из дома ненужные вещи, а он бил в тамтам, выражая почти женский восторг’.

И наконец, фразу взял в оборот чешский язык (*ненужные вещи* стали *старьем, дом – хижиной, женский восторг* трансформировался в *восторженно*), норвежский (преобразовал *восторженно* в *радостно*) и шведский, после которого отрывок вернулся к языку-оригиналу и принял следующий вид: ‘Выпив компот, она выбросила из хижины старье, а он радостно забил в тамтам’.

Безусловно, вполне предсказуемый результат немало повеселил участников эксперимента. Уж слишком далеко ушел перевод от оригинала: из сорока слов гоголевской фразы на выходе осталось одно. Местоимение *она*.

Совершенно очевидно, что часть искажений была вызвана особенностями языка, другая часть – недостаточной переводческой компетентностью. Дело в том, что поиск эквивалентов в родном языке для фразеологизмов, пословиц и поговорок – вопрос неоднозначный. В своих работах по теории перевода К. И. Чуковский призывал различать разные виды изречений. Есть те, которые присутствуют в фольклоре многих народов мира, например: *Худой мир лучше доброй ссоры* или *Смеется тот, кто смеется последний*. Это универсальные поговорки, и поэтому сложностей для перевода не представляют. В ином случае – когда переводятся мысли, а не образы – стоит поискать эквивалент. Например, у Гейне *Ошпаренная кошка боится кипящего котла* может быть смело заменена на адекватную русскую пословицу: *Пуганая ворона и куста боится*. «Не появляется у немца образа кошки, – убеждал Чуковский, – как не возникает у русского образа вороны». Но есть и третий вариант, когда образы пословиц проступают очень ярко, очень сильно. Обращаясь к Ч. Диккенсу, К. И. Чуковский приводит такой пример: *Если тебе суждено быть повешенным за кражу ягненка, почему бы тебе не украсть и овцу?* Насколько оправдана замена пословицы *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*, задавался вопросом серьезный литературный критик и делал вывод, что в этом переводе прежде яркие образы потерялись вместе с его юмористическим тоном, характерным для английского фольклора [8].

Еще раз убеждаемся в том, насколько непростая работа у переводчика художественной литературы! «Надо знать и понимать все творчество автора, место, которое тот занимает в литературе своей страны, время, когда он писал, время и события, о которых написана книга (особенно если это классика или книга историческая)... надо очень, очень много» [9, с. 182].

Как, например, переводить таких писателей, как А. П. Чехов? Над его рассказами работала Констанс Клара Гарнетт, английская переводчица русской литературы, современница Антона Павловича. Гарнетт переводила многих великих русских писателей – Николая Гоголя, Ивана Гончарова, Александра Пушкина, Ивана Тургенева, Александра Островского, и ей же принадлежат первые переводы книг Льва Толстого и Федора Достоевского. Но читая Чехова в переводе, понимаешь, сколько разных нюансов теряется на другом языке. Разве англоязычные читатели догадаются, кто такие *Otchumyelov, Hryukin, Yeldyerin*? Господа *Maddy* (Очумелов), *Slackker* (*Елдырин*) и *Gruntoff* (*Хрюкин*) наверняка сказали бы о себе гораздо больше. А как же быть с экспрессивной лексикой в произведениях этого русского писателя? Вспомним такие примеры:

- Ребята, не *пущай* её! (‘Lads, don’t let him go!’);
- Почему тут? *Это ты зачем палец?* (‘What are you here for? Why are you waving your finger?’);
- *Сними-ка*, Елдырин, с меня пальто… *Ужас как* жарко! (‘Help me off with my coat, Yeldyrin… It’s frightfully hot!’);
- *Ишь ты, господи! А я и* не знал! (‘Well, I never! And I didn’t know!’);
- *Собачонка ничего себе… цуцик этакий*… (‘It’s not a bad pup… a nice little pup.’).

Переводить Чехова сложно не только англичанам. Взять, например, французский перевод «Лошадиной фамилии». По мнению Н. Г. Асосковой, эмоциональную экспрессивность героев не удалось передать в полной мере. И речь даже не о тех трудностях, которые лежат на поверхности: лексемные вариации фамилии (*Жеребцов, Жеребятников, Жеребчиков* и т.д.) и ее лексические изменения (*Кобылянский, Конявский, Копытин, Кобелев* и т.д.). Дело в том, что во французской речи есть свои особенности: этот язык богат сравнениями, метафорами, метонимическими переносами, но слова в нем в основном нейтральны. Как на французском языке передать неповторимый ироничный стиль, которым так славится А. П. Чехов? Ведь без этих оттенков вся соль языковой игры писателя теряется.

К аналогичным выводам приходит и М. В. Арошидзе, анализирующий грузинский перевод этого рассказа: «Язык сатирических рассказов Чехова очень сложен в силу своей пестроты: это и высокопарная, церковнославянская лексика, соседствующая с фамильярной речью, с низким просторечием, и даже вульгарная и бранная лексика. И сатира Чехова совершенно уникальна: рассказанные им истории и смешат, и удивляют, и заставляют задуматься. “Трагикомичность” созданных образов очень трудна для передачи их средствами иного языка» [10, с. 69].

Как отмечал немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт, всякий перевод – это попытка решить неразрешимую задачу: «либо он [переводчик] в ущерб традиционным пристрастиям и языку своей нации держится слишком близко оригинала, либо – напротив – приносит оригинал в жертву особенностям своего языка и национального вкуса. Благополучно миновать обе эти опасности не только трудно, но и невозможно» [11, с. 134–135].

Со времени зарождения теорий одного из крупнейших в мире лингвистов-теоретиков изменилось многое. По мере накопления опыта переводческой мысли меняются подходы к переводческой концепции, активно развивается наука о переводе, прокладывая дальнейший путь для совершенствования в этой области. И сегодня выручают нас посредники, мастера слова, у которых талант сочетается с огромной работоспособностью, а высочайшая ответственность с большой любовью к своему делу. Переводчик не просто доносит смысл, он соединяет разные эпохи, помогает понять особенности мировидения разных народов. В каждой культуре свои оттенки и свое звучание, люди по-разному воспринимают мир, по-разному выражают чувства: гнев и радость, обиду и прощение, любовь и ненависть, отчаяние и надежду. Даже время для всех течет по-разному…

«Маленькому принцу» в переводе Норы Галь 60 лет, ее книга многократно переиздавалась. И к каждому ее переизданию художница слова возвращалась к тексту, филигранно оттачивая нужную фразу. Некоторые люди рождаются с абсолютным музыкальным слухом. Про Нору Галь говорили, что у нее абсолютное чувство языка.

«О том, как огромна роль слова, роль языка в жизни человека и человечества, говорится не первый день и не первый век. Об этом говорили и писали величайшие мыслители, ученые, поэты. С этим как будто никто и не спорит. И все же на практике всем нам, кто работает со словом, ежечасно приходится чистоту его отстаивать и охранять. <…> Помни, слово требует обращения осторожного. Слово может стать живой водой, но может и обернуться сухим палым листом, пустой гремучей жестянкой, а то и ужалить гадюкой. И слово может стать чудом» [9, с. 18].

Благодаря чудесам, которые рождаются в произведениях переводчиков, мы оказываемся на мостике вне времени и пространства. Мы путешествуем между эпохами, разговариваем на языке разных культур и неизменно возвращаемся к себе – с новыми знаниями, мудростью, вдохновением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-библиотека Вадима Николаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.vnicklibrary.wikia.com/wiki/Маленький_принц. – Дата доступа: 27.01.2019.
2. *Терехова, Г. В.* Теория и практика перевода : учеб. пособие / Г. В. Терехова. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – 103 с.
3. *Лебединский, С. И.* Теория и практика перевода : пособие / С. И. Лебединский, В. В. Ревицкий, А. М. Забелло. – Минск : БГУ, 2001. – 159 с.
4. *Швейцер, А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 216 с.
5. Лінгвістіка. Лінгвокультурологія : зб. навук. пр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lingvodnu.com.ua/arxiv-nomeriv/lingvistika-lingvokulturologiya- 2013-6/mesto-perevoda-v-mezhkulturnoj-kommunikacii. – Дата доступа: 29.01.2019.
6. *Вартаньян, Э. А.* Путешествие в слово / Э. А. Вартаньян. – М. : Просвещение, 1982. – 122 с.
7. *Гоголь, Н. В.* Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь // Проза. Статьи. – М., 1977. – С. 55–99.
8. *Чуковский, К. И.* Высокое искусство [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – Режим доступа: http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/vysokoe/glava-pyataya-stil. – Дата доступа: 29.01.2019
9. *Галь, Нора*. Слово живое и мертвое / Нора Галь. – М. : Время, 2016. – 592 с.
10. *Кириленко, Г. Г.* Краткий философский словарь / Г. Г. Кириленко, Е. В. Шевцов. – М. : АСТ, 2010. – 479 с.
11. *Гумбольдт, В. фон*. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1973. – 385 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

І. А. Бурдзялёва (Мінск)

РЫСЫ ПІКАРЭСКІ Ў «АВАНТУРАХ МАЙГО ЖЫЦЦЯ» САЛАМЕІ ПІЛЬШТЫНОВАЙ-РУСЕЦКАЙ

В статье анализируется жанровый синтетизм произведения и исследуются характерные черты, генетически восходящие к пикареске – одной из ранних жанровых форм европейского романа. В первую очередь они прослеживаются в типологии героини, С. Пильштыновой, образ которой можно назвать отечественной модификацией пикаро. Вместе с тем отмечаются и особенности, которые отличают ее от «канонического» образа плута. Также обращается внимание на схожесть с повествовательными структурами, сюжетно-композиционными элементами, характерными роману-пикареске.

Кніга ўспамінаў Саламеі Рэгіны Пільштыновай з дому Русецкіх была напісана ў Стамбуле ў 1760 г. і мела па-барочнаму доўгую і квяцістую назву: «Пададзенае свету рэха перыпетый падарожжа і жыцця майго авантураў на чэсць і хвалу Пану Богу, у Святой Троіцы Адзінаму, і самой святой Маці Хрыста, пана майго, і ўсім святым». Яна ствараласа аўтаркай у першую чаргу як своеасаблівая споведзь і самаапраўданне перад блізкімі людзьмі. У аўтарскім звароце да чытача Пільштынова піша, што «ўжо з Польшчай назаўсёды развіталася і тут, у Турцыі, жыць вырашыла», а ўзялася за пяро «хіба што дзеля таго, каб іншыя, якія ведалі мяне, не дакаралі, што я, полька, маючы мужа і дзяцей у Польшчы, усе мае тыя часовыя пацехі пакінула, а сама адна ў чужы край без усялякае дапамогі і пацехі выправілася, каб жыць і памерці ў Бозе ў тым краі». Саламея называе адну з прычын свайго добраахвотнага выгнанніцтва: «Крыўды, пагарды ад мужоў, дзяцей, і блізкіх, і лёкаяў маіх – яны выгналі мяне з Айчыны маёй, дык мілей мне жыць тут, у гэтай пустэльні, у спакоі, у ласцы Божай, чым у Польшчы» [1, с. 19]. Але не толькі названыя сямейныя праблемы падштурхнулі Пільштынову да напісання мемуараў: яе жыццё настолькі насычана незвычайнымі прыгодамі, напоўнена яркімі ўражаннямі, што, безумоўна, аўтарцы хацелася спарадкаваць успаміны, больш глыбока асэнсаваць пройдзены шлях і падагульніць свае назіранні. Саламея разумела каштоўнасць назапашанага жыццёвага вопыту, важнасць пабачанага і перажытага, таму яна разлічвала на больш шырокае кола чытачоў, чым яе родныя і знаёмыя. Як адзначае А. І. Мальдзіс, «у адрозненне ад іншых мемуарыстаў Беларусі (асабліва XVII стагоддзя) свае ўспаміны Пільштынова прызначала ўжо не дзецям і ўнукам, не для “хатняга чытання”, а для друку» [2, с. 41]. Разам з тым «Авантуры» – гэта сапраўдная споведзь-правакацыя, бо многае ў аповедзе трымаецца на парадоксах, кантрастах, разбурэнні агульнапрынятых маральна-этычных норм і стэрэатыпаў.

Асоба Саламеі Пільштыновай-Русецкай сапраўды выключная для свайго часу. Паўсюль яна называе сябе полькай, але гэта слова на той час азначала палітонім, грамадзянскую прыналежнасць да Рэчы Паспалітай, куды састаў-

ной часткай уваходзіла Вялікае Княства Літоўскае. Яна нарадзілася на беларускіх землях, у наваградскім ваяводстве, адкуль у чатырнаццаці-гадовым узросце была выдана замуж за лекара Якуба Гальпіра, і неўзабаве выехала з ім у Стамбул. Там кемлівая маладая жанчына пераняла лекарскае майстэрства мужа, палонны доктар-мальтыец навучыў яе пісаць на латыні рэцэпты і падараваў некалькі медыцынскіх даведнікаў. Саламея хутка набіралася вопыту, інтуіцыя і смеласць спрыялі таму, што яна становіцца ў Стамбуле вельмі папулярнай як доктарка і акулістка. Калі склалася так, што яна засталася ўдавой з маленькай дачушкай на руках, лекарскія веды і ўмельства даюць ёй магчымасць весці самастойнае незалежнае жыццё.

Пошукі новых уражанняў, няўрымслівы характар былі прычынай частых пераездаў Саламеі. У выніку мемуары насычаны шматлікімі тапонімамі, якія дазваляюць вызначыць пакручастую траекторыю яе бясконцых вандровак: Стамбул, Рушчук, Хоцін, Сафія, Бухарэст, Ясы, іншыя гарады Асманскай імперыі. Калі пад Азовам у рускі палон трапілі знаёмыя туркі, яна вырашае ехаць у Пецярбург, каб паспрыяць іх вызваленню. У расійскай сталіцы Пільштынова, дзякуючы свайму лекарскаму таленту і вынаходлівасці, карыстаецца пашанай і сімпатыяй імператрыцы, выпрошвае чатырох паважаных турак з палону і вяртаецца ў Літву. Адтуль яна пускаецца ў доўгае падарожжа па Прусіі і Аўстрыі. Пасля вяртання на радзіму вядзе вандроўны лад жыцця, некалькі разоў наведвае Турцыю і, урэшце, вырашае ніколі больш не вяртацца ў Рэч Паспалітую.

Магчыма, у далёкія паездкі яе гнала і неўладкаванасць сямейнага жыцця. Другі раз яны выходзіць замуж за аўстрыйскага афіцэра, Юзафа Пільштына, якога выкупіла з турэцкага палону. Шлюб быў няўдалым ва ўсіх адносінах. Аднойчы муж паспрабаваў атруціць Саламею, і толькі цудам яна засталася жыва. Пасля таго яна вырашае жыць з мужам «у сепарацыі» і прымае заляцанні новага «амарата», які адказаў ёй чорнай няўдзячнасцю. З дзецьмі ў яе таксама не склаліся цеплыя адносіны – надта часта яна пакідала іх пад апекай чужых людзей. Не дзіва, што пад канец, пасля ўсіх мітрэнгаў жыцця, яна адчувае душэўную спустошанасць і расчараванне. Усё гэта яна шчыра распавядае ў сваёй кнізе, якую вырашыла напісаць перад падарожжам у Ерусалім. Ці вярнулася яна з паломніцтва ў Святую зямлю – нам невядома.

Успаміны Саламеі Пільштыновай пісаліся ў той час, калі ў мемуарыстыцы назіраліся кардынальныя перамены. Па-першае, па меры росту самаўсведамлення асобы і каштоўнасці індывідуальнага вопыту павялічваецца колькасць мемуарных твораў. Па-другое, як адзначае А. Мальдзіс, з цягам часу «“Дакументальная проза” рабілася ўсё больш суб’ектыўнай, мастацкай… Выразна намячаюцца новыя тэндэнцыі: дыярыушы ўступаюць месца ўспамінам, голы пералік падзей – іх суб’ектыўнаму асэнсаванню. Сціраюцца адрозненні паміж асобнымі жанравымі разнавіднасцямі, назіраецца іх сінтэз, узаемапранікненне. Мемуарыстыка ўсё больш белетрызуецца» [2, с. 26–27]. Варта нагадаць, што ўзмацненне цікавасці да асобнага, прыватнага чалавека дало штуршок і да развіцця ў еўрапейскай літаратуры раманнага жанру. Невыпадкова першыя ўзоры рамана новага часу нярэдка

былі стылізаваны пад вусны аповед і мелі назву «Запіскі…», «Успаміны…», «Гісторыя…», «Жыццё…». Нарацыя ў іх вялася ад першай асобы, у адрозненне ад рыцарскага, прэцыёзнага або пастаральнага рамана.

Канкрэтызуючы жанравую адметнасць твора Саламеі Пільштыновай, даследчыкі называюць яго раманам. Менавіта так ацаніў яе ўспаміны расійскі даследчык польскай літаратуры А. В. Ліпатаў: «Описание событий, фактов, разного рода явлений не заслоняют здесь – в отличие от большинства других известных мемуаров – образ и личность автора – его переживания, мысли и намерения, наконец, личную драму. Тем самым… стирается грань между регистрацией фактов, событий, случаев и случайностей из жизни и воспроизведением судьбы человеческой, где эти факты, события, случаи и случайности – фон, контекст, причина жизненных перипетий и духовной драмы личности. В этом манера изложения Русецкой-Пильштыновой сближается с художественным типом воспроизведения, свойственным роману» [3, с. 228]. А. І. Мальдзіс выказаўся больш дыферэнцавана: «Па сутнасці, “Рэха” – гэта раман-аўтабіяграфія, раман прыгод, дзе свабодная, “стыхійная” плынь апавядання перапыняецца ўстаўнымі навеламі» [2, с. 14].

У жанравых адносінах твор Пільштыновай складаны і шматслойны, яго сапраўды можна вызначыць і як раман-аўтабіяграфію, і як авантурна-прыгодніцкі раман, і як раман дарогі, калі карыстацца сучаснай жанравай класіфікацыяй. Спецыфічныя прыёмы названых жанраў тут спалучаюцца ў адно мастацкае цэлае. Але генетычна яны ўзыходзяць да рамана-пікарэскі – аднаго з першых жанравых варыянтаў рамана, які ўзнік у іспанскай літаратуры так званага залатога веку і вельмі паўплываў на станаўленне ўсяго еўрапейскага рамана.

Першым узорам пікарэскі, або круцельскага рамана, называюць ананімную аповесць «Ласарыльё з Тэрмеса» (1554), якая сталася асновай для мноства варыяцый жанру. Але само слова *пікара* ўпершыню з’явілася ў рамане Матэо Алемана «Гусман дэ Алфарачэ» (першая частка – 1599, другая – 1604), які ўжо ў барочнай эстэтыцы працягнуў вопыт «Ласарыльё». Для твораў гэтага жанру характэрны спецыфічны герой-пікара – махляр, прайдоха і круцель, паходжаннем, як правіла, з нізоў грамадства, якому трэба нейкім чынам выжыць у жорсткім свеце. Таму яго першасная задача – змагацца за жыццё і не памерці з голаду, а потым – дасягненне багацця і сацыяльнай стабільнасці любым спосабам, у тым ліку інтрыганствам, хітрасцю і падманам. Змест рамана-пікарэскі складаецца з ланцужка прыгод і авантур героя, пра якія нібыта ён распавядае сам у вуснай форме, або ў выглядзе запісак ці ўспамінаў. Такому тыпу героя пікарэскі генетычна папярэднічалі вобразы слуг-прайдохаў у камедыях Менандра і Плаўта, героі шванкаў, фабліа, фацэцый у сярэдневяковай літаратуры, персанажы Дж. Бакачыа і Ф. Рабле. Як жанравы варыянт пікарэска пераважна існавала ў іспанскай літаратуры, дзе яе росквіт завяршаецца ў XVII стагоддзі, але мастацкі досвед і жанравыя навацыі круцельскага рамана актыўна выкарыстоўваліся ўсімі еўрапейскімі літаратурамі. У першую чаргу гэта тычыцца героя-пікара, які перайшоў нацыянальныя і храналагічныя межы і ў розных

мадыфікацыях пачынае вандроўку па творах аўтараў розных краін. Апрача таго, як адзначае даследчыца гэтага жанру С. Піскунова, «сюжетно-композиционная схема плутовского романа, в особенности повествование от первого лица, будут использованны и в очень далеких от пикарески разновидностях романа» [4]. Элементы пікарэскі прысутнічаюць у раманах Т. Нэша, Ш. Сарэля, П. Скарона, Х. Я. К. Грымельсхаўзена, яны актыўна выкарыстоўваліся пісьменнікамі наступнай эпохі – Філдзінгам, Смолетам, Дэфо, Тэкерэем, Дзікенсам, Лесажам, Прэво, Дзідро. У беларускай літаратуры рысы пікарэскнага героя найбольш праяўлены ў творах У. Караткевіча. У XIX стагоддзі пікарэскны раман становіцца асноўнай крыніцай авантурна-бытавога і прыгодніцкага рамана. Варта таксама адзначыць, што пікарэска істотна ўзмацніла традыцыі бытавога рэалізму ў літаратуры.

Што ў творы Саламеі Пільштыновай родніць яго з пікарэскным раманам і ці знаёма яна была з узорамі падобнага роду літаратуры? Заходнееўрапейскі раман трапляў на тэрыторыю Рэчы Паспалітай пераважна праз пераклады ці праз пасрэдніцтва французскай мовы. Вядома, што «Гусман дэ Альфарачэ» М. Алемана быў надрукаваны на латыні ў Гданьску яшчэ ў 1652 годзе. У XVI стагоддзі на польскую мову была перакладзена з нямецкага кніга пра прыгоды Ціля Уленшпігеля, у польскім перакладзе Савізжала (Sowizdrzał/Sowiźrzał). Да XVIII стагоддзя гэта кніга пра вясёлыя і забаўныя авантуры героя-круцяля мела 12 перавыданняў і карысталася папулярнасцю. Саламея Пільштынова не магла пахваліцца вялікай вучонасцю, але гэта акалічнасць спрычынілася і да лепшага, бо яе тэкст пазбаўлены грувасткіх рытарычных канструкцый, характэрных для твораў сармацкага барока. Хутчэй за ўсё яна мела звычайную хатнюю адукацыю, што абумовіла жывы і непасрэдны, амаль размоўны, стыль яе мемуараў. На старонках яе твора няма ані згадкі пра кола яе чытанняў, ды і наўрад ці яна мела на гэта час і жаданне. З іншага боку, Саламея даволі доўгі час жыла пры двары рускай імператрыцы, круцілася ў аўстрыйскіх прыдворных колах, шмат бачыла і чула, была цікаўнай, мела гнуткі розум і фенаменальную памяць. Нельга цалкам адмаўляць апасродкаваны ўплыў вядучых літаратурных павеваў на паэтыку мемуарнага твора Пільштыновай. А. В. Ліпатаў слушна адзначае, што тэндэнцыі, якія на той час былі вядучымі ў тагачасным еўрапейскім рамане, прама ці апасродкавана, часам неўсвядомленыя мемуарыстамі, уплывалі і на напісанне разнастайных мемуарных твораў [3, с. 219]

Асноўная рыса, якая збліжае «Авантуры майго жыцця» з круцельскім раманам – гэта сам тыпаж гераіні мемуараў, Саламеі Пільштыновай з Русецкіх. Можна назваць постаць Саламеі айчыннай мадыфікацыяй вобраза пікара. Сама гісторыя, рэчаіснасць, асабліва ў яе пераломных, драматычных момантах, нараджае падобныя тыпы характараў, што з’яўляецца зарукай запатрабаванасці і ўстойлівасці вобраза пікара ў літаратуры. Па сутнасці, гэта вобраз-архетып, які ў розных варыянтах прысутнічаў і будзе прысутнічаць у мастацкай літаратуры. Даследчыкі неаднаразова падкрэслівалі, што герой-пікара – гэта параджэнне тагачаснай рэчаіснасці Іспаніі, якая ўступала ў новую эпоху. Саламея Пільштынова – таксама вынік свайго неспакойнага

часу, у якім ёй, самотнай жанчыне, трэба было выжываць. Невыпадкова А. І. Мальдзіс, аналізуючы мемуарныя творы барока, адзначаў іх набліжэнне да прыгодніцкага жанру, таму што сама рэальнасць, напоўненая войнамі, рэлігійнай варожасцю, шляхецкай анархіяй давала багаты матэрыял: «Само жыццё здавалася суцэльнай пасмай нечаканых прыгод» [2, с. 30].

Безумоўнай навацыяй пікарэскі быў паказ асабістай гісторыі звычайнага чалавека, які застаецца сам-насам з жыццёвымі выпрабаваннямі. Гэта ўжо быў герой з асабістым лёсам, а не пазбаўлены індывідуальных якасцей прадстаўнік пэўнай грамадзянскай супольнасці. Тым не менш у рэнесанснай і ў вялікай ступені барочнай пікарэсцы акцэнт больш прыпадаў на знешні, падзейны бок, паказ «унутранага жыцця» героя заставаўся па-за сферай мастацкага адлюстравання. Мемуары Пільштыновай адрозніваюцца наяўнасцю псіхалагічнага пачатку, фіксацыяй перажыванняў і эмоцый, што яшчэ больш падкрэслівае індывідуальнасць гераіні і ўнікальнасць яе асабістага лёсу. Сярод адметных момантаў таксама варта назваць адсутнасць іроніі і сацыяльнай сатыры, якімі быў афарбаваны аповед «кананічнага» пікара. У творы Саламеі хутчэй раскрываецца яе душэўная драма, часам роспач і адчай чалавека перад сілай абставін.

Як адзначалася, у класічных узорах гэтага жанру пікара паходзіць з грамадскіх нізоў або з дэкласаванага дваранства, але апрача таго, аказваецца яшчэ і «выкінутым» са свайго прывычнага сацыяльнага асяродку. Ён існуе нібыта па-за прывычным падзелам соцыуму на класы, пласты, супольнасці. Саламея таксама «бязродная шляхцянка», якая ў маладым узросце апынулася па-за радзімай, зразумелай і блізкай ёй культурай і верай, у чужой краіне без усялякай падтрымкі. Жыццё прымушае яе быць прагматычнай і меркантыльнай, як і герояў пікарэскі. Яна заўсёды добра памятае, якую плату ўзяла з пацыентаў, колькі сама за што заплаціла, кошты пакупак. У вандроўках яна абавязкова звяртае ўвагу на матэрыяльныя рэчы – тканіны, вопратку, мэблю, упрыгожанні, на тое, што з'яўляецца вонкавай прэзентацыяй багацця і дабрабыту. Апрача лекарскай практыкі, прадпрымальная і ініцыятыўная гераіня будзе гандляваць палоннымі, купляць і прадаваць тканіны, дарагія слуцкія паясы. Зарукай выжывання для яе з'яўляюцца не толькі розум, смеласць, кемлівасць, але і хітрасць, падман, рознага роду круцельствы, уменне маніпуляваць людзьмі. У пэўнай ступені гэтыя хітрасці і махлярствы падаюцца апраўданымі і неабходнымі, нават следствам разумнай ініцыятыўнасці.

Жыццёвыя абставіны прымушаюць яе быць упартай і настойлівай, хітраваць і рабіць не вельмі прыгожыя ўчынкі, але ўсё ж такі яе нельга назваць сапраўднай махляркай, класічнай гераіняй-пікарэсай. Махлярскі пачатак у характары гераіні не такі выразны і не вызначае яе жыццёвую пазіцыю. Саламея не прыроджаная прайдоха: такой вымушае яе быць рэчаіснасць, законы выжывання. Яна стараецца дзейнічаць згодна з хрысціянскімі запаведзямі, але ў пэўных сітуацыях пры дасягненні жаданага яны далёка не заўседы выступаюць для Саламеі ў якасці непарушных маральна-этычных прынцыпаў. Пільштынова шчыра апісвае ўсе перыпетыі ўласнага лёсу, не хаваючы і тых эпізодаў, дзе паўстае не ў лепшым абліччы.

Даследчыкі невыпадкова называюць пікарэску антыраманам, а пікара антыгероем, бо апісаныя махлярскія прыгоды супярэчаць нарматыўным паводзінам. Паказальна, што Г. Гачаў вызначыў пікарэскны раман як «антыжыціе». Некаторыя польскія літаратуразнаўцы пачатку мінулага стагоддзя ўбачылі ў Саламеі Пільштыновай папярэдніцу «дэфармаваных эмансіпатак», «аперэткавую авантурніцу», якая пагналася за «фартунай, славай лекарскай і шчасцем па ўсім свеце». Натуральна, што постаць Пільштыновай выклікала такую адзнаку яшчэ і праз неадпаведнасць стэрэатыпным поглядам на «правільныя» паводзіны, месца і сацыяльную ролю жанчыны. Толькі пазней Зыгмунт Куховіч убачыў у яе творы «новую мадэль жаночага шчасця». Нягледзячы на тое, што пікара – антыгерой, апрача асуджэння і здзіўлення, ён выклікаў нязменную цікавасць і сімпатыю. Шчыры аповед Саламеі Пільштыновай таксама правакуе чытача на апраўданне яе неадназначных учынкаў, хітрыкаў і маніпуляцыі людзьмі. Больш за тое, праявы яе смеласці, настойлівасці, вынаходлівасці, жыццёвай трываласці выклікаюць захапленне.

У жыцці ў Саламеі няма заступнікаў, яна самотная перад жыццёвымі нягодамі, але пры гэтым валодае велізарнай прабіўной сілай. Шмат разоў яна паўтарае: «Я хоць і бязродная шляхцянка, але буду свайго дамагацца» [1, с. 289]. Яна заўсёды трымае ініцыятыву ў сваіх руках. Для ілюстрацыі прыгадаем некалькі прыкладаў. Калі князь Міхал Радзівіл Рыбанька, да якога яна паступіла на службу, не дае ёй дазволу на падарожжа ў Пецярбург, яна смела яму пярэчыць, што «хоць ты мне і не дасі пашпарта і ліста, аднак я паеду» [Там жа, с. 89]. Пад час падарожжа гаспадыня карчмы дзівіцца яе адвазе, што «маладая белагаловая толькі з двума людзьмі адважылася ехаць у такую далёкую дарогу». У прыдарожных лясах робіць гвалт шайка злодзеяў і забойцаў. Саламея забараняе расказваць пра гэта слугам, каб тыя са страху не разбегліся, і, нягледзячы на перасцярогу, працягвае свой шлях. Толькі інтуіцыя, смеласць і шчаслівы выпадак пазбаўляюць яе ад пагібелі.

Дзякуючы ініцыятыве і вынаходлівасці, яна легка атрымлівае доступ да двара расійскай імператрыцы, хаця іншыя чакаюць аўдыенцыі месяцамі. Хітрасцю яна трапляе ў Вроцлаў, закрыты на каменданцкую гадзіну, бо ідуць ваенныя дзеянні паміж Аўстрыяй і Прусіяй, і хітрасцю здолела яго пакінуць, атрымаўшы пашпарт у самога прускага караля Фрэдэрыка II. Пры сустрэчы з ім, якая адбылася таксама дзякуючы маніпуляцыям, яна заяўляе: «Дазволь мне выехаць з Вроцлава ў Польшчу, калі гэта магчыма, альбо загадай даць мне на мае патрэбы, гэта значыць суфіцыенцыю мне, людзям і коням маім, бо я, бязродная шляхцянка, мала маю на дарогу» [Там жа, с. 204]. Усе купцы дзівіліся, што Саламея атрымала патрэбны дакумент на выезд, а яны па паўгода яго намагаліся і так і не атрымалі. Гераіня выкарыстоўвае людзей, не задумваючыся пра наступствы для іх. Калі трэба тэрмінова перайсці расійскую мяжу – яна пераапранаецца сялянкай, падстаўляючы пры гэтым возчыка-вяскоўца і афіцэра, які іх прапусціў. Пільштынова – добры псіхолаг і дыпламатка, менавіта гэта дапамагае ёй і пры сустрэчы з разбойнікамі падчас падарожжа ў Сафію, і пры расійскім двары.

Не толькі прыроджаная схільнасць да авантур, або адчуванне сіроцтва і «выкінутасці» са звычайнага асяродку змушала Саламею на бясконцыя

вандраванні. Ёй уласціва душэўная энтрапія і ўнутраны разлад, як адбітак і вынік неўладкаванасці і дэструкцыі навакольнай рэчаіснасці. Як і героі пікарэскі, яна не можа спыніцца на дасягнутым, яе цягне на новыя авантуры. Саламея пастаянна разбурае свой асабісты свет, тую прыватную прастору, якую ёй толькі-толькі ўдалося наладзіць. У той жа момант, калі жыццё становіцца стабільным, яна атрымлівае пашану і багацце як умелая лекарка, заслугоўвае ласку і апеку высокіх пацыентаў – ёй становіцца не камфортна. Душэўны неспакой і патрэба адрэналіну ў крыві гоніць яе ў дарогу, толькі так яна адчувае жыццёвы тонус і пераадольвае ўнутраную неўладкаванасць і неспакой. Дарога і авантуры, сама стыхія руху надаюць сэнс яе жыццю. Такім чынам, для «Авантураў», як і для класічнай пікарэскі, вельмі важны хранатоп дарогі, бо часцей з дарогай, падарожжам звязаны бясконцыя прыгоды аўтаркі (пра гэта сведчаць назвы навел «Першае падарожжа ў Стамбул», «Трэцяя авантура ў Стамбуле», «Падарожжа і прыгоды ў Рушчуку», «Авантура ў дарозе на начлезе» і г.д.). Калі ёй выпадае спыніцца і пажыць больш доўгі час у адным месцы, там у мемуарах будуць пераважаць устаўныя навелы, якія распавядаюць пра незвычайныя здарэнні, мясцовыя звычаі, цікавых асоб.

Як падкрэслівае В. В. Кожынаў, пікара адчувае сябе не толькі «выкінутым» з нармальнай плыні жыцця, але і свабодным, не скаваным ніякімі правіламі і ўмоўнасцямі. Ён піша: «Противоречивой основой повествования является как раз то, что трудная и требующая плутовства и преступлений необходимость бороться с миром в одиночку есть одновременно желанная и дающая радость свобода своего, личного бытия, своей собственной истории» [5]. Саламея Пільштынова – самадастатковая асоба з падкрэслена актыўным, дзейсным пачаткам. Не сацыяльныя або гендарныя стэрэатыпы, не традыцыя і нарматыўнасць вызначаюць яе жыццёвую дарогу – яна свабодная ў сваім самавызначэнні і, пераадольваючы перашкоды і асабістыя драмы, сама творыць свой лёс. Пільштынова здзяйсняе не толькі разнастайныя геаграфічныя падарожжы, але і сацыяльныя перамяшчэнні. Пад час авантур ёй даводзіцца кантактаваць з прадстаўнікамі самых розных слаёў грамадства і рухацца ўверх па сацыяльнай лесвіцы: напрыканцы яна становіцца прыдворнай лекаркай султанскага гарэма. Яна здзяйсняе і культурна-цывілізацыйнае падарожжа, бо яднае свет хрысціянскі з мусульманскім. У яе мемуарах паўстае сапраўды мультыкультурны свет, шматканфесійны, шматмоўны і шматаблічны.

Твор Саламеі Пільштыновай сугучны агульным тэндэнцыям развіцця еўрапейскага рамана і пацвярджае жыццяздольнасць мастацкіх адкрыццяў пікарэскі ў творах розных нацыянальных літаратур.

ЛІТАРАТУРА

1. *Пільштынова, С.* Авантуры майго жыцця : раман / С. Пільштынова ; пер. з пол. мовы М. Хаўстовіча. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 381 с.
2. *Мальдзіс, А.* Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: Нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 256 с.

3. *Липатов, А. В*. Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье, Возрождение, Барокко / А. В. Липатов. – М. : Наука, 1977. – 300 с.
4. *Пискунова, С. И*. Плутовской роман [Электронны ресурс] / С. И. Пискунова. – Режим доступа: http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/piskunova-plutovskoj-roman.htm. – Дата доступа: 15.03. 2019.
5. *Кожинов, В. В*. Происхождение романа [Электронный ресурс] / В. В. Кожинов. – Режим доступа: http://svr-lit.ru/svr-lit/kozhinov-proishozhdenie-romana/index.htm. – Дата доступа: 15.03. 2019.

В. А. Гембицкая-Бортник (Полоцк)

АРМИЯ КАК МОДЕЛЬ ИДЕАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В РОМАНЕ «ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ» ДЖ. Г. КОЗЗЕНСА

Данная статья посвящена особенностям осмысления проблемы личности и общества в романе Дж. Г. Коззенса «И тогда мы услышали гром». Автор статьи приходит к выводу, что данный роман Дж. Г. Коззенса изображает армию как модель идеального общества, утверждает идеального военачальника-управленца как интеллектуала, не поддающегося эмоциям и готового временно поступиться правами меньшинства для блага большинства. В статье указывается, что Вторая мировая война осмысляется в романе через метафоры состязания и стихии.

Роман «Почетный караул» («Guard of Honor») Дж. Г. Коззенса (James Gould Cozzens, 1903–1978) был опубликован в 1948 г., в том же году, что и нашумевший роман Н. Мейлера, и роман «Молодые львы» И. Шоу. И именно роман Дж. Г. Коззенса в 1949 г. получил Пулитцеровскую премию, которая присуждается художественному произведению, «наиболее полно отражающему атмосферу американской жизни и нравы, присущие американцам» [1, p. 3]. Справедливо будет отметить, что за 1948 г. роман «Почетный караул» разошелся тиражом 15 тысяч экземпляров, а количество проданных книг «Нагие и мертвые» приближалось к 200 тысячам [2, p. 192]. Все же роман Дж. Г. Коззенса выдержал несколько переизданий (последний раз переиздавался в 1998 г.), кстати, был переведен и на русский язык.

Действие романа происходит на вымышленном военном аэродроме Оканара (*Ocanara*) во Флориде незадолго до высадки американских войск в Европе. Главные герои романа – высокопоставленные офицеры.

Произведение начинается с того, что вспыльчивый Бенни Каррикер (*Benny Carricker*) ударил афроамериканского летчика Уиллиса (*Stanley M. Willis*), с которым он не поделил посадочную полосу. Из-за этого случая на аэродроме начались волнения афроамериканского контингента. На последних страницах описывается трагическое происшествие на параде в честь юбилея генерала Била (*Beal*): несколько парашютистов после прыжка угодили в озеро и утонули, еще один сломал обе ноги, так как парашют, подгоняемый ветром, долго волочил десантника по асфальту. Описываемые события занимают три дня, и роман как раз делится на три части: «Четверг»,

«Пятница», «Суббота». Незамысловатые названия глав будто подталкивают читателя к мысли, что происходящее в романе – естественно и заурядно. Г. Дж. Муни в своей книге «James Gould Cozzens: Novelist of Intellect» подчеркивает, что в романе «Почетный караул» писатель выбрал в качестве объекта осмысления дисциплину, и именно поэтому действие разворачивается на протяжении трех дней, что позволяет исследовать мотивы и моральные нормы каждого героя [3, p. 99–102].

Иерархическая структура, обеспечивающая коммуникацию и согласованность нижестоящего и вышестоящего на Оканаре, представлена как наглядная модель общества в целом. Поэтому военачальники, изображенные в романе, могут рассматриваться как эффективные или неэффективные управленцы.

В романе создан образ мудрого военачальника – полковника Нормана Росса (*Norman Ross*). В гражданской жизни Росс – судья с безупречной репутацией, любящий и любимый муж и отец. Его сын Джимми уходит добровольцем на войну, и Росс хотя и очень переживает, но принимает решение сына, успокаивает жену и впоследствии не думает воспользоваться служебным положением для того, чтобы Джимми так и не попал на фронт.

Росс отличается от Каммингса из «Нагих и мертвых» тем, что, как он сам подчеркивает, не мыслит категориями «личный состав» и «потери на войне», а напротив, он видит за этими безликими терминами отдельного человека [4, p. 130]. Полковник уверен, что коммандиры должны заботиться о своих подчиненных: не столько о каждом в отдельности, сколько следить за тем, чтобы в коллективе не было конфликтов [Там же, p. 144]. Дж. Г. Коззенс дает читателю понять, что насколько бы не был человечным военачальник-управленец, для него благополучие и дееспособность коллектива будут всегда важнее, чем благополучие одного человека. Рассудительный полковник противопоставляется в романе чувствительному генералу Билу. Бил – самый молодой генерал в воздушных войсках, перфекционист. Дж. Г. Коззенс изображает его эмоционально нестабильным и не готовым принимать быстрые решения: генерал тянет с кадровыми вопросами, он зависим от барбитуратов. Переживая из-за неурядиц на Оканаре, Бил, вместо того чтобы следить за ситуацией и руководить, может, не ставя никого в известность, просто сесть за штурвал и отправиться полетать. Полковник Росс, наоборот, даже в экстремальных стуациях собран, спокоен и рассудителен. После гибели десантников на параде, глядя на Била, Норман Росс подумает: «Просто подожди; все пройдет. Дай Времени время; Время непременно унесет это с собой» («Just wait; it would all go. Give Time time; Time would take it away» [Там же, p. 520]).

Автор показывает, что именно отсутствие четкого руководства послужило причиной гибели парашютистов на параде (горизонтальная структура организации, когда несколько человек отвечают за одно и то же, явно показана ущербной в отношении вертикальной). В ходе мероприятия происходили накладки, а на озере не оказалось спасателей потому, что ответственных за организацию праздничного парада было несколько, а их действия не были согласованы.

Писатель в романе обращает внимание на проблему расовой нетерпимости в американской армии. Учитывая, что военная база, изображенная в романе, являет собой модель общества, автор поднимает проблему расизма в американском обществе вообще. Но стоит отметить, что видит он эту проблему совершенно под иным углом, чем Дж. О. Килленс (который в романе «И тогда мы услышали гром» со злостью указывает на профашистские порядки в американском обществе). Дж. Г. Коззенс изображает волнения черных солдат как следствие недоразумения. Как оказалось, у происшествия не было никакой расовой подоплеки: просто по стечению обстоятельств два летчика не поделили посадочную полосу. Афроамериканцу Уиллису пришлось совершить аварийную посадку самолета, и он занял чужую полосу. Более того, позже Уиллиса представят за эту посадку к награде. А Бенни, горячий белый летчик, затеявший драку, – отважный пилот истребителя; в прошлом он смог посадить свой горящий самолет, сильно обгорел, но выжил. Обрисованная Дж. Г. Коззенсом ситуация неоднозначна, не стоит думать, что писатель закрывает глаза на проблему расизма в американском обществе и в американской армии. Автор рисует очень нелицеприятную картину: например, врач в романе не решается положить афроамериканца в общую палату из-за страха, что «какой-нибудь чувствительный южанин очнется около чернокожего и почувствует себя плохо» [4, p. 89]. Трагичность происходящего в произведении усиливается тем, что Уиллис не сможет продолжить военную карьеру, так как у него после удара в голову сильно упало зрение.

Так, с одной стороны, в произведении Дж. Г. Коззенс описывает явления расовой нетерпимости в армии: сегрегация в армии (новый клуб для офицеров не впускает афроамериканских пилотов), расистские настроения среди высшего офицерского состава (полковник Мобри (Mowbray) считает афроамериканцев крайне неопрятными).

С другой стороны, складывается впечатление, что Дж. Г. Коззенс верит, что проблему расовой нетерпимости в американском обществе стоит просто переждать. Писатель уверен, что при мудром руководстве от расизма в армии (и в обществе) можно избавиться, единственное, ригидность общества не позволяет решить проблему быстро, поэтому обществу надо дать время дозреть. Полковник Росс объясняет жене, что, может, большинство людей уже и понимает, что афроамериканец – это обычный человек, но они еще не готовы относиться к нему как к обычному человеку («That big majority may feel that a Negro is a human being all right; but when you add that they want to see him treated fairly, you’re wrong» [Там же, p. 401]).

Автор «Почетного караула» разделяет мнение, что способность общественной системы к решению проблем, самоусовершенствованию и самообновлению лежит в организованности, единстве и гармоничности индивидуальных и общественных интересов. Устойчивости общественной системы и нормальному ее функционированию мешают радикально настроенные интеллектуалы (или, по мнению писателя, псевдоинтеллектуалы), которые своим поведением накаляют обстановку в обществе. Таким псевдо-

интеллектуалом в романе выступает лейтенант Эдселл (Lieutenant Edsell), который поднимает шумиху вокруг происшествия с черным летчиком, он делает все возможное, чтобы, во-первых, допустить представителя цветной прессы в часть, а во-вторых, продемонстрировать журналисту, что его игнорируют из-за его цвета кожи. Все же именно бюрократический страх, а не пренебрежение цветной прессой, не позволил никому из имеющих должность взять на себя ответственность и рассказать о случившемся инциденте.

Вызывающий неприятие автора Эдселл – носитель анархистских взглядов, патриотизм для него пустой звук: «Что он должен своей стране, и почему он в долгу перед ней? Что ты имеешь в виду под страной? Государство?.. Как бы государство не называлось, где бы оно не находилось – здесь, Россия, Германия, Япония – оно всего лишь является устройством для поддержания у власти небольшого количества людей, которые добрались до этой власти обманным путем, и устройством для принуждения остальных работать на них» («What's he owe his country and for what? what do you mean by his country? The State?.. Whatever it calls itself, wherever it is – here, Russia, Germany, Japan – it is nothing but a setup to keep in power a few people who lied and cheated their way there, and to make everybody else work for them» [4, p. 431]).

Авторские оценки в романе, выявляющие мировоззрение Дж. Г. Коззенса, дают понять, что в центре системы ценностей писателя находятся закон и порядок. Поэтому четкая иерархическая организация военной базы видится писателю оптимальной моделью общества. М. Брукколи, автор биографии писателя и даже, можно сказать, друг Дж. К. Коззенса (сам Дж. Г. Коззенс упрямо повторял, что у него нет друзей), уточняет, что писателя за то, что тот был убежден, что общество должно быть строго стратифицировано по различным критериям и выстроено по вертикали, называли «снобом» и «реакционером» [5, p. 207]. Действительно, автор «Почетного караула» – консерватор, но его консерватизм носит скорее социальный характер, а не политический. Хотя, как отмечает Р. Мак Парланд, такое пристальное внимание к проблеме сегрегации и расизма, которое мы видим в романе «Почетный караул», от пусть и социального консерватора несколько неожиданно [6, p. 90]. Творчество Дж. Г. Коззенса отличает преданность рациональному [3, p. 101], которая, во-первых, выражается в авторском идеале (интеллигентный и благородный полковник Норман Росс); во-вторых, обусловливает выбор художественного метода.

Как отмечает М. Брукколи, когда японская авиация напала на Перл-Харбор, Дж. Г. Коззенсу было тридцать восемь лет, и он очень надеялся, что его не призовут [5, p. 156]. Узнав, что в Военно-воздушные силы США набирают писарей, писатель решил пойти служить туда. Так, во время Второй мировой войны Дж. Г. Коззенс служил на различных базах недалеко от Вашингтона, Орландо, Нью-Йорка, Арлингтона. Сначала он разрабатывал руководства по боевой подготовке и различные инструкции, позже перешел в отдел информационнного обслуживания. По время службы Дж. Г. Коззенс вел подробный дневник [7, p. 224; 5, p. 157], записи из которого послужат

основой романа «Почетный караул». Неудивительно, что основными персонажами романа стали офицеры. Как точно замечает Г. Хикс, «эти офицеры изображены не с точки зрения измученного солдата», более того, Дж. Г. Коззенс является скорее исключением в том, что к военачальникам в своем произведении он относится с неподдельным уважением [8, p. 31].

Область художественных решений в романе «Почетный караул» дает основание считать Дж. Г. Коззенса, с одной стороны, и Н. Мейлера и Дж. Джонса, с другой, антагонистами. Н. Мейлер в «Нагих и мертвых» и Дж. Джонс в «Отсюда и в вечность» мастерски описывают, насколько отличается картина войны у солдата и у военачальника.

Все же несправедливо будет сказать, что Дж. Г. Коззенс идеализирует американскую армию времен Второй мировой, так как в произведении, например, он описывает, как четверо солдат подсыпали наркотик в напиток девушке и насиловали ее неделю [4, p. 36]. Писатель обращает внимание на то, что зачастую в армии недостает порядка и дисциплины. Например, Дж. Г. Коззенс описывает беседу врачей военного аэродрома, в которой они рассуждают, что, когда у солдат после боев появятся проблемы с психикой и понадобятся психиатры, в армии на должность психиатра просто переведут отоларинголога или ортопеда [Там же, p. 322]. Автор романа критикует самоуправство сержантов: «Лейтенант может отдавать любые приказы, но ни один из них не будет выполнен до тех пор, пока сержат не решит, важен ли приказ или нет. Вот когда ротный старшина отдавал приказы, все было по-другому: благоразумные или бессмысленные, важные или неважные, они были настоящими приказами» («The leutenant could give all the orders he wanted but none of them would be carried out until the sergeant decided whether it was necessary or reasonable. When a top sergeant gave orders, it was different. Reasanoble or unreasonable, necessary or unnecessary, they were really orders» [Там же, p. 388]). Писатель уточняет, что, если солдат не бросался выполнять приказ старшины роты, его могли поджидать неприятности.

Писателя нельзя обвинить и в романтизации войны. Полковник Росс в романе уверен, что, хотя некоторые во время войны могли получать большую зарплату или быстро продвинуться по социальной лестнице вверх, «люди не любили войну, и никто не был в силах заставить их полюбить ее» («the people didn’t like war and nobody could make them like it» [Там же, p. 251]). Росс, выражающий взгляд писателя, уверен, что «цель, которую преследует обычный человек на войне, – это выбраться из войны и отправиться домой» («His [an average man] war aim was to get out as soon as possible and go home» [Там же]). Дж. Г. Коззенс устами полковника Росса выражает мысль, что солдат будет презирать армейские распорядки и ненавидеть офицеров, но он все равно будет сражаться для того, чтобы вернуться домой быстрее. Полковник замечает, что при этом солдату не нужно даже предлагать пропагандистские штампы о зверствах и безнравственных принципах соперника. Эту мысль об аппеляции государства к чувству долга и патриотизму у граждан Росс развивает: «хотя справедливо было бы считать, что уровень интеллекта у среднестатистического человека

низкий, но только у единиц он настолько низкий, что они могли верить в то, что они – братья по оружию – сражаются во имя высоких идеалов» («though the level of intellengence in the average man might be justly considered low, in very few of them would it be so low that they accepted notions that they fought, an embattled band of brothers, for noble "principles"» [4, p. 252]). Очевидно, что Дж. Г. Коззенс критически относится к военной пропаганде и к ее возможностям. Капитан Уайли с Юга (Wiley), прототипом которого стал знакомый писателю известный летчик Рид Тилли (Reade Franklin Tilley[1]) [5, p. 159], уверен, что интеллект для солдата важнее, чем безрассудная отвага, ведь в итоге «побеждают умные ребята» («the smart guy wins» [4, p. 236]). Капитан далеко не трус и о смерти говорит с юмором и даже несколько небрежно. И все же Уайли отрицательно отзывается о героях, сознательно идущих на смерть для выполнения боевой задачи: «вся эта болботня о смерти и славе – чепуха, на которую ведутся только психи; а психи никому не нужны» («This death or glory stuff is all bushwah, except with nuts; and those you don't want» [Там же]).

Как замечает Дж. Боднар, в романе «Почетный караул» показано, что многих военных Вторая мировая война лично не затронула: офицеры на авиабазе больше обеспокоены продвижением по службе и своей личной жизнью [10, p. 47].

Война в романе «Почетный караул» осмысляется через метафоры состязания («once the contest began the only issue was beat or be beaten») и стихии. Натаниэль Хикс (Nathaniel Hicks), очередной рупор автора в романе, размышляя над своей судьбой, приходит к выводу, что война – это в каком-то смысле состязание, которое предлагало очень простой выбор: победить или быть побежденным [4, p. 26]; и «этот простой выбор – наравне со стремлением к справедливости и безрассудным подбадриванием патриотизма – мог определять усилия любого» («this easy choice could command almost anybody's endeavor quite as well as zeal for right and justice, or the heady self-gratulations of simple patriotism» [Там же]). Война Хиксом воспринимается как данность и даже неизбежность: «Они ничего такого в своей жизни не выбирали. Все случилось с ними. Собрались темные силы, собрались совсем не случайно и беспричинно, а в соответствии с замыслом природы вещей – как силы бури, возникающие из-за того, что жара расширяет воздух, а холод его сжимает» («Here was nothing they elected to do and then did. This was done to them. The dark forces gathered, not by any means at random or reasonlessly, but according to a plan in the nature of things – like the forces of storm which, as long as heat expanded air and cold contracted it, would have to proceed» [Там же]).

[1] Рид Тилли – талантливейший летчик-истребитель, начавший свою карьеру сержантом в эскадрильи 121 «Eagle» и дослужившийся впоследствии до полковника [9]. Примечательно, что Дж. Г. Коззенс своего персонажа, списанного с Тилли, делает расистом. Уайли (как и Тилли) – южанин, который позволяет себе такие фразы, как «Гражданская война дала неграм права, но это только их вина, что они не смогли воспользоваться историческим случаем» («the Civil war gave rights to negroes, but it is their fault that they cannot keep them…» [4, p. 307]) или «негр – представитель относительно низшей расы, и он уступает белому физически, умственно да и в любом аспекте» («a Negro is a member of a relatively inferior race – physically, mentally, every way..» [Там же]).

Дж. Г. Коззенс полагает, что любые конфликты (и вооруженные тоже) – это естественное и закономерное следствие противоречий в социальных группах, а противоречия всегда будут существовать.

Парадоксально, что Дж. Г. Коззенс, претендующий на исследование общества, был очень замкнутым человеком и вел скрытый образ жизни. Во время работы над «Почетным караулом» писатель пришел к мысли, что именно ненормальная поглощенность процессом позволяет ему писать романы, а эта поглощенность – следствие его нелюдимости [5, p. 178].

Таким образом, роман Дж. Г. Коззенса «Почетный караул» изображает военную базу на Оканаре как наглядную модель общества. Поэтому военачальники, представленные в романе, могут рассматриваться как эффективные или неэффективные управленцы. Писатель утверждает идеального военачальника-управленца как интеллектуала, не поддающегося эмоциям, для которого благополучие и дееспособность коллектива будут всегда важнее, чем благополучие одного человека. Дж. Г. Коззенс показывает, что способность общественной системы к решению внутренних проблем и усовершенствованию лежит в организованности и единстве интересов отдельной личности и общества в целом. Устойчивости общественной системы мешают радикально настроенные псевдоинтеллектуалы, которые своим поведением накаляют обстановку в обществе. Таким псевдоинтеллектуалом в романе выступает лейтенант Эдселл.

Писатель не романтизирует войну, критически относится к военной пропаганде и к ее возможностям. Дж. Г. Коззенс не представляет в своем романе Вторую мировую войну как исторический феномен, а осмысляет ее через метафоры состязания и стихии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fischer, H.-D.* The Pulitzer Prize archive. Chronicle of the Pulitzer Prizes for Fiction : Discussions, decisions and documents / H.-D. Fischer, E. J. Fischer. – München : K G Saur, 2007. – 463 p.
2. *Kinder, J. M.* The Good War's "Raw Chunks": Norman Mailer's The Naked and the Dead and James Gould Cozzen's Guard of Honor / J. M. Kinder // The Midwest Quarterly (47:2). – Pittsburg, 2005. – P. 187–202.
3. *Mooney, Jr, H. J.* James Gould Cozzens: Novelist of Intellect / H. J. Mooney, Jr. – N. Y. : Univ. of Pittsburgh Press, 1963. – 196 p.
4. *Cozzens, J. G.* Guard of Honor / J. G. Cozzens. – Franklin Center : The Franklin Lib., 1978. – 576 p.
5. *Bruccoli, M. J.* James Gould Cozzens: A life apart / M. J. Bruccoli. – N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1983. – 343 p.
6. *McParland, R.* From Native Son to King's Men: The Literary Landscape of 1940s America / R. McParland. – N. Y. : Rowman & Littlefield, 2018. – 256 p.
7. *Brennan, E. A.* Who's who of Pulitzer Prize Winners / E. A. Brennan, E. C. Clarage. – Phoenix : The Oryx Press, 1999. – 666 p.
8. *Hicks, G.* James Gould Cozzens / G. Hicks. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1966. – 47 p.

9. *Shores, C.* Aces High: A Tribute to the Most Notable Fighter Pilots of the British and Commonwealth Forces of WWII / C. Shores, C. Williams. – N. Y. : Grub Street Publ., 2008 – 704 p.
10. *Bodnar, J.* The “Good War” in American Memory / J. Bodnar. – Baltimore : JHU Press, 2010. – 320 p.

Н. М. Грищенко (Минск)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСПАНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НАЧАЛА XX ВЕКА

Мифологизм рубежа XIX–XX веков обусловливается осознанием европейской культурной интеллигенцией кризиса эпохи как кризиса цивилизации в целом. Испанская поэзия этого периода пропитана символизмом, мифологизмом и философией. Сохранение литературой своего мифопоэтического начала дает возможность поставить текст под знак мифа. Миф выступает в качестве архетипа, или первообраза. Смысловая многоплановость испанской поэтики исторически восходит к мифу и мифопоэтическому мышлению. Исследования мифопоэтического характера предполагают изучение архетипического сюжета, трансформации мифологических образов и их функционирования в поэтическом произведении. Процесс восприятия текста культуры, в частности, поэтического текста, предполагает реминисценцию семиотического языка культуры, что требует использования, наряду с собственно лингвистическим анализом, культурологического анализа.

Возрождение мифа в художественной литературе начала XX века основывалось, в частности, на новом апологетическом отношении к мифу как к вечно живому началу, на теориях психоанализа З. Фрейда и К. Г. Юнга, а также на последних этнологических теориях Э. Кассирера, Б. Малиновского, Л. Леви-Брюля, которые во многом способствовали углублению понимания традиционной мифологии.

Миф трактуется как имя, слово, повествование, рассказ, обладающие специфическими характеристиками и представляющие собой сообщение, т.е. коммуникативную систему (А. Ф. Лосев, А. М. Пятигорский, В. Н. Топоров, Р. Барт). Рассматриваемый как семиотическая система миф обнаруживает наличие трехчленного комплекса: означающего, означаемого и знака. Также и традиционная литература «являет собой ярко выраженную мифическую систему. В ней есть смысл – смысл дискурса; есть означающее – собственно дискурс, рассматриваемый как форма или письмо; есть означаемое – понятие литературы; есть значение – т.е. литературный дискурс» [1, с. 261]. В современной испанистике миф зачастую понимается как придуманный рассказ, сюжет, обладающий специфическими характеристиками в основном религиозного характера.

Нами *миф* трактуется не столько как некое вымышленное повествование, сколько как форма бытия идеи, способ ее раскрытия и существования. Слово, образ может требовать переосмысления и домысливания, в процессе которого облекается в ткань мифа. Порождению мифа способствует и неясная внутренняя форма слова, запускающая процесс поиска новых связей и коннотаций, который и придает мифу ореол таинственности и загадки.

Кроме того, миф не может существовать в состоянии полной изоляции. Новый миф возникает на периферии уже существующих мифов, в точках их пересечения, равно как лингвистические и культурные инновации порождаются на границе двух смежных языковых и семиотических ареалов. Так же, как и в случае с лингвистическими и культурологическими инновациями, новый миф, внедрившись в систему и продвигаясь от пограничной области к центру данной системы, способен со временем становиться кодом для интерпретации последующих мифов и занимать ведущее положение в иерархии данной системы. Задача мифа – преобразование исторической интенции в природу, т.е. миф отражает реальность в виде природного образа.

Первые десятилетия XX века в художественной западноевропейской литературе ознаменованы возрождением мифа. Мифологизм, как сложное и достаточно противоречивое течение, играл важную роль в историческом развитии европейской культуры. Если в XVIII–XIX веках в европейской культуре отмечалась тенденция *демифологизации*, то к началу XX века усилился активный процесс *ремифологизации*, который сообщил проблематике мифа новые нюансы, поставив ее во главу угла, как в общих аспектах, так и в плане поэтики. Этот период характеризуется возникновением новых теорий, которые способствовали углублению понимания традиционной мифологии. Все это позволило придать мифу новую интерпретацию: он стал восприниматься как некие живые истоки, начало всего сущего, поскольку именно мифология стояла в основе последующих, более развитых форм человеческого мышления (религиозного, философского, научного, художественного), социального поведения и художественной практики.

Рубеж XIX–XX веков ознаменовался приданием автономного статуса художественному сознанию в целом, и поэтическому в частности. Второй важной особенностью эпохи явилось сближение поэтического сознания с научным. Традиционное мифологическое мышление и архаичное понимание мифа требовали переосмысления. Миф продолжал служить литературе и философии в качестве устоявшегося кода для выражения творческой мысли, являлся источником вдохновения, но утратил свое прежнее значение объективно-сущного. Новая мифологическая культура характеризовалась высокой интеллектуальностью, направленностью на самоопределение и авторефлексию. В противовес аналитическому миропониманию в этот период в философии и психологии формируется концепция о мифологизирующей составляющей жизни, организующей все формы познания как мифопоэтические.

Возродившийся в литературе интерес к мифу нашел выражение в активном использовании мифологических сюжетов и образов и в интерпретации традиционных мифологических тем. Особой характеристикой новой мифологической поэтики рубежа XIX–XX веков стало приравнивание мифа к художественному тексту. Функцию мифа выполняли художественные произведения, в которых роль мифологем играли цитаты, отсылки, аллюзии и перефразировки из этих текстов. Подобное уравнивание мифа и художественных произведений позволило значительно расширить общую картину

мира в неомифологических текстах. При этом значимость мифа и фольклорных традиций не противопоставлялась искусству, но находилась в теснейшей взаимосвязи с достижениями мировой культуры.

По сути мифологизм рубежа XIX–XX веков был вызван осознанием европейской культурной интеллигенцией кризиса эпохи как кризиса цивилизации в целом.

Для Испании этот период был кардинальным во многих отношениях. Утрата большинства заокеанских колоний отразилась на стремительно ухудшающейся экономике страны. Институт монархии дискредитировал себя и не пользовался доверием населения. Бесконечные военные конфликты ослабили политическую обстановку на Иберийском полуострове. На фоне политической нестабильности получает новое развитие национальная культура народов Каталонии, Страны Басков и Галисии. Этот период характеризуется ростом политической сознательности и революционностью идей. Это время культурного возрождения народов Иберийского полуострова.

Творчество испанских литераторов конца XIX – начала XX в. отражает сложный внутренний мир и духовные искания интеллигенции Иберийского полуострова. Испанская поэзия этого периода пропитана символизмом, мифологизмом и философией. Философичность испанской поэзии делает смысл произведений первичным. Смысл является доминантой произведений поэтов. В поэтических произведениях этого времени обычно взаимоналожение двух сюжетов: внешнего (чаще всего бытового) и внутреннего – лирического, которые объединены системой постоянных ключевых слов-образов, прослеживающихся в циклах стихотворений. Эти слова-образы переходят из стихотворения в стихотворение и со временем приобретают символическое значение, не теряя при этом конкретности.

Испанские поэты Сальвадор Руэда, Франсиско Вильяэспеса, Антонио и Мануэль Мачадо, Хуан Рамон Хименес и другие отталкивались в своем творчестве как от опыта латиноамериканских авторов, так и от идей различных нереалистических течений европейской литературы. Они использовали в своих произведениях реминисценции из работ прерафаэлитов, символистов, импрессионистов, неоромантиков, неоклассиков.

Произведения этих авторов характеризуются глубоким философским смыслом, в них прослеживается явственная связь с мифотворчеством и поднимаются проблемы символизма. В своих произведениях поэты конца XIX – начала XX в. в поисках гармонии обращались к новым формам, метрическим нововведениям, которые подчеркивали живописность и особую музыкальность поэтических работ. Эта музыкальность обусловливалась оригинальными комбинациями редких в употреблении строф и рифм.

Сохранение литературой своего мифопоэтического начала дает возможность поставить текст под знак мифа. Миф выступает в качестве архетипа, или первообраза. В художественном произведении присутствие мифологических образов может быть эксплицитным и имплицитным. Мифы, со временем ставшие архетипами, настолько глубоко входят в художественный опыт человечества, что превращаются в своеобразный код для прочтения

последующих сообщений и образуют основу для всего последующего творчества. Этот факт позволяет объяснить репродукцию в художественном произведении константных образов и мотивов. Мифологемы, представляющие собой органически взаимосвязанную и взаимодополняемую систему, несут нагрузку так называемых знаков-заместителей целостных ситуаций и сюжетов, и позволяют нам реконструировать поэтический мир автора. В художественном творчестве мифологемами, представляющими мифомышление, становятся природные стихии, знаки, (например, вода, дерево, огонь, металл, земля, воздух, образы рождения и смерти, познания и духовного роста, и просветления и т.д.).

Испанские поэты начала XX века в своих произведениях неоднократно обращаются к античным мифологическим сюжетам и образам Средиземноморья. Присущее испанской культуре обращение к символике и мифам Средиземноморья является доминантой творчества многих крупных писателей, философов, поэтов, художников начала XX века. Характерной чертой поэтических произведений этих авторов является четко прослеживающаяся связь с мифотворчеством, глубокий философский смысл, отражение противоречивого духа переходной эпохи. Смысловая многоплановость их поэтики исторически восходит к мифу и мифопоэтическому мышлению. Процесс восприятия, понимания текста культуры, в частности, поэтического текста, предполагает реминисценцию семиотического языка культуры, что требует использования, наряду с собственно лингвистическим анализом, культурологического анализа.

Отсылка к мифопоэтическим моделям Средиземноморья для испанской культуры не случайна. Греческие колонии, основанные на территории Иберийского полуострова в VII–IV веках до н. э., во многом определили пути становления и развития Испании. Кроме того, греческая мифология, являясь одной из древнейших форм освоения мира, несет в себе колоссальный самостоятельный эстетический посыл. Античный мир, постоянно реконструируемый средиземноморской мифологией, идеален и гармоничен. Именно эту гармонию, отсутствующую в окружающем их мире, испанские поэты ищут в мифопоэтической концептосфере Средиземноморья.

Зачастую авторские мифопоэтические модели, связанные со средиземноморской традицией, строятся на глубоко личной символике, которая переплетается с обычаями испанского народа. Автор создает свой внутренний мир, который находит воплощение в поэтическом тексте. Поэтический текст понимается, прежде всего, как эстетический объект, заключающий в себе поэтический универсум автора, поскольку поэзия передает не столько фактуальную, сколько концептуальную и эстетическую информацию. В поэтическом тексте слово тяготеет к актуализации своих скрытых смыслов, а сам текст ориентирован на экспрессивность, эмотивность, сопереживание. Эмотивные стимулы, которыми сообщение воздействует на своего адресата, в эстетическом сообщении понимаются как система коннотаций, управляемая и контролируемая собственно структурой сообщения, поскольку архетипы, мифологемы, символы, составляющие код культуры, постоянно открыты для новых осмыслений. Т.е. речь идет о своеобразных отсылках к исторической памяти культуры.

Воспроизведение мифологических сюжетов испанскими поэтами, мифологизацию героев поэтических произведений можно объяснить стремлением к равновесию и гармонии в тяжелое для Испании время: *...admira / de Grecia y Roma nuestra ansiosa mente / bellezas ideales* (S. Rueda).

В испанских поэтических текстах рубежа веков предстает весь Пантеон античных богов и героев: Венера – *Venus, la de los senos adorados*; Дионис, Бахус (Вакх) – *Vivas luces ardiendo a la memoria del gran Dionisos brillan cual bengalas*; *Baco, encima de un carro reluciente, / va por torvas panteras arrastrado*; Эрот/Эрос (Купидон) – *de Eros a las caricias amorosas*; Нарцисс и Диана – *Ya no mira Narciso su belleza / en los espejos trémulos del lago, / ni atraviesa la gran naturaleza / Diana al recorrer los horizontes* (S. Rueda); Афродита (Венера) и козлоногий Пан – *las rosas de Afrodita*; *¿Dónde se alzan ahora tus templos, Afrodita? / Ya la Pánica flauta en los bosques no invita / a danzar a los sátiros danzas voluptuosas*; *¡Oh, viejo Pan lascivo!*; Фавн, италийское божество, отождествляемое с древнегреческим Паном, – *Y en la conciencia humana / el Fauno, a esa pregunta, sonríe todavía*; Зевс в образе лебедя и Леда, Зевс в образе быка и Европа – *los lúbricos amores / de Leda con el Cisne, y el Toro con Europa* (F. Villaespesa) и т.п.

Центральные образы-символы, берущие начало в античной мифологической традиции, формируют индивидуальный художественный мир, являющийся отличительной характеристикой испанских поэтов. Так, образ *сада*, регулярно возникающий в произведениях испанских поэтов начала века, соотносится с классическим представлением о древнегреческой *академии* (в первоначальном понимании – ‘дом с садом’), где философы наставляли своих учеников. Семантическая трансформация образа заключается в понимании сада как поэтического наследия, поэтической традиции, а садовника – как поэта-наставника, поэта-учителя: *Y una dulce melodía / vagó por todo el jardín* (A. Machado); *¡Alma mía! Soñemos con la estación florida. / Abril, lleno de rosas, a nuestro encuentro avanza / El Arte será el último refugio de la Vida / cuando ya no tengamos ni en la Vida esperanza* (F. Villaespesa).

В то же время старый, умирающий сад, сад без садовника (угасающее искусство без творца) ассоциируется с миртовым лабиринтом, из которого не может найти выхода душа поэта: *¡Jardín sin jardinero! / ¡Viejo jardín, / viejo jardín sin alma, / jardín muerto!*; *alma, / se pierde en silencio, / por el laberinto / de arrayanes* (M. Machado).

Совершенно не случайно здесь упоминание *миртового кустарника* ‘arrayán’, в классической традиции – атрибута богини любви Афродиты (римской Венеры), символа долголетия и гармонии, в европейской же традиции – символа человека посвященного. В античной мифологии, будучи символом успеха и любви, мирт трактовался и как мрачный посмертный лабиринт, в котором бродит душа человека, отягощенного какой-либо преступной страстью. В испанском поэтическом тексте творец (поэт), посвященный в таинство созидания и обожествляющий искусство, обречен посмертно расплачиваться за свою страсть: *– «¡Muere el ritmo!» – dirá la voz tronante – «¡Muere el color!» – «¡Muere la nota!» ¡No muere, no, la santa poesía!* (S. Rueda).

При анализе слова в поэтическом тексте становится очевидной необходимость использования культурологического подхода при изучении лексического пласта языка. Процесс восприятия, понимания текста культуры, в частности, поэтического текста, предполагает реконструкцию семиотического языка культуры, что требует использования, наряду с собственно лингвистическим анализом, культурологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт, Р.* Мифологии / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 320 с.

А. И. Гурдуз (Николаев)

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИВАЛЕНТНОСТИ ЛЕГЕНДАРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

В статье уточнены параметры художественной поливалентности легендарно-мифологического образа, являющейся ключевой в механизме изоморфизма традиционных структур и важной в их системном (вертикальном) анализе. Предложена соответствующая терминология, впервые дана функциональная характеристика косвенной художественной валентности традиционной структуры. Обобщена схема обнаружения амплитуды интерпретации легендарно-мифологической структуры на примере популярных в литературы начала XXI века метатекстов трактовок образов единорога и Минотавра.

Изучение функционирования легендарно-мифологических структур – классических или новейшей природы – остается приоритетным в литературной компаративистике, несмотря на заметное в последние десятилетия усиленное исследование этой сферы. Применение психоаналитического, мифопоэтического, герменевтического и других методов исследования способствует продуктивности таких работ (в частности, посвященных корпусам античной или библейской мифологии, неомифологии – фаустианы, гамлетианы, донжуанианы, донкихотианы, франкенштейнианы и т.д.), однако скорее трудов горизонтального (линейного) типа, в то время как для интенсификации изучения их вертикального слоя необходим пересмотр концепций исследования традиционных образов и сюжетов. Спектр последних стоит рассматривать не как сумму видоизменяемых в культурном процессе художественных единиц внутри определенного тематического блока (например, образа единорога), а как системный политематический и изоморфный метатекст, трансформационная динамика составляющих которого внутренне взаимообусловлена. Идея разработки такого ракурса проблемы намечена в восточноевропейском литературоведении – в трудах В. Багно (на уровне предостережения от ошибочных обобщений [1, с. 239]) и А. Нямцу (см. [2, с. 337–350]), а соответствующая концепция впервые теоретически мотивирована и практически развита автором этой статьи (см. [3; 4; 5; 6]). Отдельные работы западных исследователей содержат элементы

подобного изучения, хотя иногда лишены надлежащего методологического обоснования и нуждаются в большей системности (см. [7; 8]). Целью предлагаемого доклада видим уточнение параметров и перспектив изучения художественной поливалентности легендарно-мифологического образа (сравним с общими положениями о них [2, с. 337–350]), являющейся ключевой в механизме изоморфизма традиционных структур и важной в их системном (вертикальном) анализе. Нами предложена соответствующая терминология, а также впервые дана функциональная характеристика костенной художественной валентности традиционной структуры. Принципиальным при этом является обобщение схемы определения амплитуды интерпретации легендарно-мифологической единицы на примере популярных в литературе начала XXI в. метатекстов трактовок образов единорога и Минотавра. Почти не освещенная в литературоведении (касающаяся вопроса контаминации – явления следующего порядка – и при этом достаточно автономная), заявленная проблема, таким образом, актуальна; ее разработка перспективна для совершенствования исследований традиционных структур разных уровней.

При всей возможной прогрессивности проводимые ныне украинскими и вообще славянскими учеными исследования традиционных структур в основном замкнуты на собственном тематическом материале, что, с учетом слабого выдерживания принципа последовательности внутри проблемных кластеров, определенно снижает результаты научных наработок и специфично их «герметизирует». Примерами этому являются кандидатские диссертации А. Драненко «Особенности переосмысления мифа об Алкмене и Амфитрионе в литературе XX в.» 2004 г., Н. Кузнецовой «Миф о Минотавре в культурном контексте XX веке» 2009 г., Н. Гуры «Интерпретация мифа об Ифигении в европейской литературе» 2012 г., Л. Майстренко «Типология и трансляция мифологемы эроса в произведениях Вергилия, Овидия, Данте, Шекспира» 2016 г. или Т. Прищепы «Динамика мифологизации образа Франкенштейна в литературе и культуре XX–XXI веков» 2017 г. Очевидно несоответствие (линейного) способа научного освещения природе новейших – стереоскопических – интерпретаций легендарно-мифологического материала в текстах с его глубоким философским переосмыслением и концептуализацией. В этом связи стоит назвать произведения А. Грякалова «Смерть единорога» 2003 г., С. Павлоу «Ген» (в славянском пространстве известен как «Троянский конь») 2005 г., В. Пелевина «Шлем ужаса. Миф о Тесее и Минотавре» 2005 г. и «Empire V» 2006 г. и «Бэтман Аполло» 2013 г., С. Коллинз «Голодные игры» 2008–2010 гг., Г. Л. Олди «Бык из машины» 2017 г. и некоторые другие. Понимание предлагаемых названными писателями диффузных сочетаний разноуровневых традиционных структур предусматривает проведение их анализа, в частности нелинейным способом, когда особенно актуализируется аспект изоморфизма соответствующего материала и, значит, вопрос его художественной валентности.

Обнаружение типологий конститутивных для определенных легендарно-мифологических образов и мотивов признаков позволяет говорить об особых смысловых связях между этими автономными структурами, на порядок уве-

личивая таким образом ресурс их потенциальных интерпретаций. Совокупность однородных легендарно-мифологических единиц при этом предстает как сложная гетерогенная система, где отдельные традиционные элементы являются (иногда ситуативно) своеобразными матрицами, функционально и логически продолженными другими структурами (так, Голем предшествует образу создания Франкенштейна, а Фауст – образу самого Франкенштейна). То есть между отдельными тематическими линиями (големиана, фаустиана, франкенштейниана и т.д.) очерчиваются ранее не обнаруживаемые либо определяемые нечетко своеобразные причинно-следственные связи. Показательную вертикаль образов обозначает А. Нямцу: «*Лазарь – Дракула – Франкенштейн*» [2, с. 337].

Одним из первых шагов на пути системного анализа легендарно-мифологических структур является характеристика амплитуды их интерпретации. Показательно здесь сопоставление смежного и касательного полей бинарных оппозиций в тематических амплитудах трактовок образов единорога и Минотавра как символически противоположных, которые в европейской культуре стали ассоциироваться соответственно с добром и злом. Анализ репрезентативных произведений для интерпретационного массива образа единорога обнаруживает следующие границы переосмысления: а) волшебный конь классического внешнего вида – (→ антропоморфический образ с сочетанием черт человека и лошади →) – образ человека; б) представитель вида животных – отдельной расы; животное в) белого цвета – черного (либо другого) цвета, г) (по размеру) большое – маленькое, д) взрослое – единорожек, д) бессмертное (которое можно/нельзя убить) – смертное; по отношению к людям е) доброе (в обличье человека может переживать чувство любви) – злое, ж) жертва – агрессор, з) дикое – ручное [9, с. 113], и) по признаку конкретности/абстрактности: существо (человек) – символ, знак. С другой стороны, несколько более продуктивная по объему минотавриана демонстрирует следующий спектр интерпретационных оппозиций: а) по признаку уникальности: Минотавр – минотавры; б) по половому признаку: Минотавр – женщина-минотавр; в) по возрасту: взрослая особь – ребенок; г) по характеру: злой – добрый; д) по отношению к людям: враг – друг (учитель, пророк); е) по функции в произведении: чудовище – жертва; ж) по месту пребывания/обитания: в лабиринте – в лесу (городе); з) по наличию интеллекта/духовности: зверь – разумное существо (человек), и) по признаку конкретности/абстрактности: существо (человек) – символ, знак [4, с. 55].

В границах амплитуды интерпретации легендарно-мифологической структуры пребывает потенциал ее художественной валентности – прямой и косвенной. Если первая разновидность художественной валентности так или иначе попадает в объектив литературоведов [2, с. 337–350; 10, с. 87], то работы относительно второго ее типа отсутствуют. Спектр опосредованной художественной валентности (характеризуемой способностью стереотипной структуры инсталлироваться в систему «посторонних» относительно нее традиционных образов, сюжетов и мотивов) определяется неординарными писательскими художественными решениями и может расширяться в силу

временного изменения социально-культурных реалий. Результат комбинаторики отдаленных стереотипных тематических корпусов стимулирует воображение читателя, способствует повышению горизонта ожидания и эффекта вовлечения реципиента в художественную игру, когда тот устанавливает логику «пропущенных» ассоциативных звеньев между новым сочетанием (атрибутов) двух и более ключевых легендарно-мифологических структур. Примером опосредованной художественной валентности является образ Адама-Франкенштейна в фэнтезийной драме реж. С. Битти «Я, Франкенштейн» 2014 г. (США – Австралия), ключевой для понимания эволюции франкенштейнианы начала XXI в. (поверхностно и некорректно прокомментированной в диссертации Т. Прищепы [11, арк. 84]). Франкенштейновская линия в ее классическом понимании здесь проходит как дополнительная, но фигура Адама-воина центральна: в результате он становится катализатором противостояния сил добра и зла и фактически возглавляет битву за добро. Очевидно, что семантический потенциал франкенштейнианы, а также ангелологии, минотаврианы, вампириады и других аналогичных интерпретационных корпусов XXI в. может быть освещен вполне только посредством обращения к компаративному, точнее говоря, сравнительно-типологическому, анализу вертикального типа с привлечением генетического подхода [5].

Фэнтезийный акцент кардинально меняет семантические векторы переосмыслений легендарно-мифологического образа, мотива, сюжета и в силу жанровой природы делает возможным сочетание в синтетической реальности ряда миров. При столкновении с не характерной для него художественной действительностью матричный образ вибрирует и обнаруживает новые качества, демонстрирует расширение валентности, автоматически выходя за пределы поля своего интерпретационного корпуса. При таких условиях продолжение изучения этого образа в традиционной линейной перспективе (как в работах Н. Кузнецовой [12] или Т. Прищепы, а во второй, кроме того, не учтены принципиальные в обсуждаемой плоскости труды по франкенштейниане – в частности монографии XXI в. С. Т. Хичкок, Б. Куррана) схематизирует результаты исследования, примитивизирует их и может способствовать некорректным обобщениям.

Чаще проявления опосредованной и, как максимум, окказиональной художественной валентности легендарно-мифологических структур встречаем в произведениях конца XX – начала XXI в., яркие примеры чему – «Шерлок Холмс против Дракулы» Д. С. Дэвиса 1995 г., «Ван Хельсинг» реж. С. Соммерса 2004 г., «Вампир в Атлантиде» А. Дей 2011 г., «Шерлок Холмс против марсиан» 2014 г. и «Бык из машины» 2017 г. Г. Л. Олди, «Мстители» и «Бэтмен против Супермена: На заре справедливости» реж. З. Снайдера 2016 г. и т.п. Скажем, контаминация античного контекста и научно-фантастической составляющей позволяет Г. Л. Олди оригинально проводить в «Быке из машины» идею войны/противостояния миров, более близкую и реализованную ранее в вампириаде («Ди, охотник на вампиров» Х. Кикути 1983 г., «Империя страха» Б. Стеблфорда 1988 г., «Пастырь» реж. С. Стюарта 2011 г. (США) и т.д.) и семантически прямую для франкенштейнианы (например, «Франкенштейн: Мертвый и живой» Д. Кунца 2009 г.

и т.д.). При этом ключевыми в романе Г. Л. Олди становятся образ и комплекс Минотавра, что подтверждает наше положение о фактической универсальности образа человекобыка и неограниченности его инсталляции в тело культурного процесса (детальнее см. [4, с. 55]). Анализ минотаврианы свидетельствует о последовательном проведении виртуализационной линии в ее образцах XXI в., и это также органично мировым тенденциям переосмысления ряда легендарно-мифологических образов первых десятилетий XXI в.

Разработка вопросов художественной валентности легендарно-мифологических структур разной природы особую актуальность приобретает в условиях постмодернизма с его аппликационной философией и глобальным переосмыслением культурного наследия, когда на первый план выходят традиционные структуры, и собственно статус таких художественных единиц вибрирует и получает импульс к размыванию. Положения нашей статьи могут быть развиты в свете перспективных масштабных исследований изоморфизма мифологических, нео- и квазимифологических явлений и процессов в современной литературе и искусстве в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багно, В. Е.* «Коэффициент узнавания» мировых литературных образов / В. Е. Багно // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 234–241.
2. *Нямцу, А.* Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования) / А. Нямцу. – Черновцы : Рута, 2007. – 520 с.
3. *Гурдуз, А. І.* Постійність рухливого: ізоморфізм ключових традиційних образів і мотивів у літературі / А. І. Гурдуз // Зарубіжна література в школах України. – 2009. – № 12. – С. 63–64.
4. *Гурдуз, А. І.* Літературна мінотавріана XX – початку XXI ст. / А. І. Гурдуз // Зарубіжна література в школах України. – 2009. – № 6. – С. 51–56.
5. *Гурдуз, А. І.* Трансформації франкенштейніани початку XXI століття: фентезійний акцент / А. І. Гурдуз // Літератури світу: поетика, ментальність і духовність : зб. наук. пр. / гол. ред. С. І. Ковпік. – Кривий Ріг, 2016. – Вип. 7. – С. 42–51.
6. *Гурдуз, А. І.* Мінотавр в українській літературі XXI століття: версія Генрі Лайона Олді / А. Гурдуз // Наук. вісн. Миколаїв. нац. ун-ту ім. В. О. Сухомлинського. Сер. Філол. науки (літературознавство) : зб. наук. пр. / за ред. О. С. Філатової. – Миколаїв, 2018. – Вип. 2 (22). – С. 32–36.
7. *Hitchcock, S. T.* Frankenstein : A Cultural History / S. T. Hitchcock. – N. Y. : W. W. Norton, 2007. – 392 p.
8. *Ziolkowski, T.* Minos and the Moderns: Cretan Myth in Twentieth-Century Literature and Art / T. Ziolkowski. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – 173 p.
9. *Гурдуз, А. І.* Амплітуда переосмислення образу єдинорога в літературі XX – першого десятиліття XXI ст. / А. І. Гурдуз // Новітня філологія. – Миколаїв, 2010. – № 37. – С. 99–115.
10. Традиційні сюжети та образи / авт. проекту й упорядн. А. Р. Волков. – Чернівці : Місто, 2004. – 442 с.

11. *Прищепа, Т. В.* Динаміка міфологізації образа Франкенштейна в літературі та культурі XX–XXI століть : дис. … канд. філол. наук ; 10.01.04 / Т. В. Прищепа ; Дніпров. нац. ун-т ім. Олеся Гончара. – Дніпро, 2017. – 213 арк.
12. *Кузнецова, Н. В.* Миф о Минотавре в культурном контексте XX века : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Н. В. Кузнецова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 25 с.

Т. В. Данилович (Минск)

ПРИРОДА И ИСКУССТВО В ВОСПРИЯТИИ О. УАЙЛЬДА И В. НАБОКОВА

Рассматриваются сущность и законы природного мира в соотношении с особенностями творческого процесса и художественной реальности как объект рецепции О. Уайльда и В. Набокова. Выявляется схожее и индивидуальное в осмыслении обозначенных писателями взаимоотношений природы и искусства.

В одном из своих интервью В. Набоков так охарактеризовал творческие поиски приверженцев чистого искусства: «Хотя я и равнодушен к лозунгу “искусство для искусства” – потому что, к сожалению, такие его сторонники, как, например, Оскар Уайльд и некоторые другие утонченные поэты, были на самом деле штатными моралистами и нравоучителями, – нет никакого сомнения в том, что искусство, и только искусство, а не социальная значимость предохраняет литературное произведение от ржавчины и плесени» [1, с. 47]. Очевидно, что объектом набоковской критики в данном случае является художественная практика английского писателя, но не декларируемые им эстетические принципы. Их справедливость Набоков не оспаривает, более того, придерживается схожих взглядов.

Как и Уайльд, он исповедует идею самоценности искусства, выступает за дистанцированность литературы от других сфер общественного сознания, отказывается видеть в ней слепок с действительности, превозносит роль фантазии в творчестве, критикует утилитарный подход к художественным произведениям. Однако в понимании модели взаимоотношений искусства и природы писатели во многом расходятся.

Суждения о природном мире оказываются важной составляющей размышлений Уайльда о сущности искусства. Законы и качества последнего нередко осмысливаются писателем в соотношении с особенностями жизнедеятельности и свойствами природы.

Художественная реальность и природная среда рассматриваются Уайльдом как контрастные по своей сути и неравноценные по значимости. В его представлении законы искусства кардинально отличаются от устройства природного мира: «В Природе для него нет законов, как нет и единства. Оно, если вздумается, способно творить чудеса, а когда оно вызывает из глубин чудищ, они покорно являются. Оно может заставить миндаль зацвести в разгар зимы и наслать снежную бурю на гнущееся под тяжестью спелых колосьев поле» [2].

Оценивая эстетические и утилитарные, интеллектуальные и гуманистические качества природы, Уайльд констатирует ее несостоятельность. Писатель убежден, что природный мир отличается безыскусностью и грубоватостью, монотонностью и незавершенностью, отсутствием соразмерности, дискомфортностью для человека, эмоциональной глухостью по отношению к нему, неспособностью мыслить. При этом несовершенство природы Уайльд воспринимает как благодатную почву для развития искусства, без которой оно бы и не возникло. Именно несовершенство природной среды, считает вождь английского эстетизма, пробуждает в художнике жажду реализовать творческий потенциал. Уайльд уверяет: «Нам, однако, повезло со столь несовершенной Природой, потому что иначе у нас и вовсе не было бы искусства» [2]. Художественная реальность мыслится им как альтернатива природному миру, вызов ему, «наш духовный протест, наша галантная попытка указать природе ее истинное место» [Там же].

Превознесение искусства сопровождается в уайльдовской эстетике умалением природы. Ее писатель ставит в один ряд с социальной действительностью, не делая различия между ними в плане их взаимоотношений с искусством. Для Уайльда общественное и природное бытие одинаково неприемлемы в качестве объекта творчества в том виде, в котором существуют. «Все скверное искусство, – отмечает Уайльд, – обязано своим существованием попыткам вернуться к Жизни и Природе, мысля их в качестве идеала» [Там же]. Природный мир, как и социальную среду, писатель рассматривает лишь в качестве сырого материала для творчества, который требует шлифовки.

Согласно Уайльду, искусство не является зеркальным отображением природы еще и потому, что художественное произведение представляет собой слепок «я» создателя. Писатель утверждает: «Мы никогда не можем выйти за пределы самих себя, и в творчестве не может быть ничего такого, что не заключено в творце» [3]. Вклад природы в искусство Уайльд считает несущественным в противоположность воздействию художественной реальности на восприятие природного мира. По мысли критика, художник делает видимым то, что ранее оставалось без внимания, было незамеченным. Творец формирует угол зрения на природу. Отсюда утверждение Уайльда, что природа – это «не выпестовавшая нас мать», а «наше творение» [2]. Будучи копией, природный мир, согласно уайльдовской точке зрения, уступает искусству-оригиналу, проявляя способность «продемонстрировать лишь те эффекты, которые нам уже знакомы благодаря поэзии или живописи» [Там же]. К тому же, по мнению писателя, если искусство стремиться к уникальности, «создает свой несравненный единственный эффект, а достигнув его, переходит к другому», то природа, «позабыв о том, что подражание может превратиться в совершенно неосознанное оскорбление, все повторяет да повторяет этот эффект, пока он всем не надоест до предела» [Там же]. Таким образом, природа, в видении Уайльда, всегда в сравнении с искусством оказывается в проигрыше.

Взаимоотношений художественной реальности и природы писатель касается и в своих суждениях о первостепенной роли «искусства лжи», т.е. фантазии в творчестве. По убеждению Уайльда, первый выдумщик пред-

почел реальному взаимодействию с природой (охоте «со всеми ее грубыми неизбежностями») выдумку об этом, цель которой «зачаровывать, восхищать, доставлять наслаждение» [2]. Фантазирование рассматривается критиком как лишенное прагматического содержания явление, в отличие от реальной охоты.

К осмыслению сущности природного мира в ходе изложения собственных эстетических взглядов обращается и Набоков. Характеризуя отношение писателя к природе, стоит вспомнить не только о его литературной, но и научной деятельности.

В своих интервью Набоков неоднократно признавался в любви к энтомологии. Оценивая степень собственной увлеченности научной деятельностью в сравнении с писательской, он неизменно высказывался в пользу первой: «Занятия энтомологией, которым я с равной страстью предаюсь в поле, библиотеке и лаборатории, мне даже милее, чем литературные, где слова больше, чем дела, а это кое-что значит» [1, с. 100]; «Удовольствие от литературного вдохновения и вознаграждение за него – ничто по сравнению с восторгом открытия нового органа под микроскопом или еще неизвестного вида в горах Ирана или Перу. Вполне вероятно, что, не будь революции в России, я бы целиком посвятил себя энтомологии и вообще не писал бы никаких романов» [Там же, с. 126].

В качестве научного сотрудника отдела энтомологии Музея сравнительной зоологии, находящегося в ведении Гарвардского университета, Набоков вынужден был по шесть часов в день просиживать за микроскопом, из-за чего, как он признавался, «окончательно испортил зрение» [Там же, с. 228]. Несмотря на это, годы работы в Гарвардском музее писатель в одном из интервью назвал «самыми радостными и волнующими» в своей сознательной жизни [Там же]. О собственных научных результатах Набоков говорил с увлеченностью и гордостью, отмечая, что «открыл и описал несколько видов и подвидов бабочек», что несколько бабочек и один ночной мотылек названы в его честь [Там же].

В жизни писателя были периоды, когда научная деятельность занимала основное место: «За почти пятнадцать лет, прошедших после переезда, в 1940 году, в Америку, я посвятил колоссальное количество времени (по правде сказать, больше, чем писательству и преподаванию) исследованию чешуекрылых…» [Там же, с. 372]. В то же время Набоков отмечал и то, что при всей увлеченности энтомологией иногда писательская работа не позволяла ему заниматься наукой. «В последние пятнадцать лет, я занимался коллекционированием повсюду, в Северной Америке и в Европе, но не опубликовал ни одной научной статьи о бабочках, поскольку создание новых романов и переводы старых поглощали слишком много времени: миниатюрные цеплялки бабочек-самцов ничтожны в сравнении с орлиными когтями литературы, разрывающими меня денно и нощно», – признавался Набоков в интервью 1971 года [Там же, с. 228].

В сознании писателя искусство и наука не существовали порознь. В научной деятельности Набоков видел поэтическую сторону: «Прелесть дрожащего на кончиках пальцев точного описания, безмолвие бинокулярного

рая, поэтическая меткость таксономического определения – вот художественная сторона того восторженного трепета, которым знание, абсолютно бесполезное неспециалисту, щедро одаряет того, кто его породил» [1, с. 100].

О взаимопроницаемости научных интересов Набокова и его любви к искусству свидетельствует работа писателя над книгой «Бабочки в искусстве». Набоков подчеркивал, что этот труд имеет чисто научный характер. В процессе изучения изобразительного искусства от Древнего Египта до эпохи Ренессанса писатель надеялся выявить, существовали ли некоторые современные виды бабочек в древности, можно ли выявить незначительные эволюционные изменения на примере крыла, которому пятьсот лет. Если замысел набоковской книги предполагал изучение природного мира на материале произведений искусства, то в суждениях писателя о литературе природа становится средством осмысления законов и специфики художественного творчества.

Набоков сходится с Уайльдом в понимании того, что в основе взаимоотношений художника с природным миром должно быть «искусство лжи». Отрицая миметическое воплощение действительности в художественном пространстве, Набоков отводит важнейшую роль фантазии. Сам факт зарождения искусства писатель связывает с пробуждением в человеке способности фантазировать: «Мне всегда кажется, что она [поэзия] началась с первобытного мальчика, бежавшего назад к пещере, через высокую траву, и кричавшего на бегу: “Волк, волк!” – а волка-то и не было. Его бабуинообразные родители, большие приверженцы правды, наверняка задали ему хорошенькую трепку, но поэзия родилась – длинная история родилась в высокой траве» [Там же, с. 23]. В набоковском образе первобытного обманщика есть сходство с уайльдовским образом первого лжеца: оба пересказу реальных событий предпочитают выдумку.

Близким мысли Уайльда об образе природы в искусстве как неизбежном портрете самого художника оказывается и утверждение Набокова о неминуемой субъективности образа реальности в человеческом сознании, следовательно и в искусстве. Собственную точку зрения Набоков поясняет так: «Рассмотрим, к примеру, лилию или любой другой естественный объект: лилия более реальна для натуралиста, чем для обычного человека, но она еще более реальна для ботаника. Еще одна ступень реальности достигается ботаником, специализирующимся в лилиях. Вы можете, так сказать, подбираться к реальности все ближе и ближе; но вы никогда не подойдете достаточно близко, так как реальность – бесконечная последовательность шагов, уровней восприятия, ложных днищ, а потому она неутолима все больше и больше, но вы никогда не узнаете о нем всего: это безнадежно. Так мы и живем, окруженные более или менее призрачными объектами» [Там же]. Мысль об ограниченности познавательных способностей человека раскрывается Набоковым в данном случае на примере особенностей восприятия природного мира. Констатация недосягаемости познания последнего не означает его чужеродности для писателя.

В то время как Уайльд словно бы отгораживается от природы, Набоков проявляет к ней родственное отношение. Показательно в этом плане то, что писатель воспринимает *В. Н.* не только в качестве собственных инициалов, но и расшифровывает: «Видимая Натура», имея в виду природа [1, с. 185].

В сравнении с уайльдовской концепцией чистого искусства в набоковской осуществляется реабилитация природного мира. У Набокова отсутствует оппозиция *красота искусства – несовершенство природы*.

В противовес уайльдовскому неразделению характера взаимосвязи с искусством жизни общества и природного мира в рассуждениях Набокова природа отделена от социальной действительности. Если общественная жизнь для него – частый предмет подчеркнутого отстранения или критики, то природа мыслится писателем в качестве творца уникального по продуманности, многообразию, изощренности и совершенству мира.

Природу Набоков воспринимает в качестве идеала, к которому должен стремиться художник, сверяясь с ней в выборе своего творческого метода. Сам писатель не раз ссылался на законы искусства в поддержку собственных эстетических ориентиров. Так, отстаивая идею практической бесполезности искусства, Набоков в качестве аргумента указывает на то, что согласно научным исследованиям, защитные приспособления животных преследуют не только полезную цель, «их изящество и утонченность свидетельствуют о том, что их функции много шире, чем грубая цель примитивного выживания», т.е. природа не ограничивается заботой о пользе, создавая явления непрагматического характера [Там же].

Закон мимикрии в природном мире для Набокова служит и лишним доказательством необходимости обращения художника к искусству обмана. В набоковском дискурсе понятия *обман* и *доброе жульничество* означают хитроумную игру с читателем, в том числе – намеренное введение его в заблуждение. И право писателя на подобного рода творчество Набоков утверждает, ссылаясь на особенности жизнедеятельности природного мира: «Всякий большой писатель – большой обманщик, но такова же и эта архимошенница – природа. Природа обманывает всегда. От простеньких уловок в интересах размножения до умопомрачительно изощренной иллюзорности в защитной окраске бабочек и птиц – Природа использует изумительную систему фокусов и соблазнов. Писатель только следует ее примеру» [4]. В искусстве обмана природа, по убеждению Набокова, «практикуется куда более очаровательным способом», чем он сам [1, с. 185]. Писатель выступает в роли ее ученика.

И Уайльд, и Набоков обращаются к осмыслению природных образов для утверждения самоценности искусства. Писателей объединяет мысль о субъективности образа природного мира в искусстве. Однако в направленности их интерпретации природы преобладают различия. Уайльд демонстрирует пренебрежительный взгляд на природный мир, а Набоков с восхищением говорит об устройстве природы. В основе уайльдовской концепции природы – идея подражания искусству, Набоков же рассматривает природу как ориентир для художника. Уайльд пытается доказать главенство искусства

в отношениях с природой, отсутствие любой подражательности со стороны первого, преображающий характер творческой деятельности художника, а Набоков исходит из мысли о совершенстве природного мира, необходимости для творческой личности следовать ее законам. Таким образом, суждения Уайльда и Набокова на тему взаимоотношений природы и искусства служат яркой иллюстрацией того, как, защищая схожие эстетические принципы, писатели прибегают к аргументации противоположного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Набоков, В.* Строгие суждения / В. Набоков. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с.
2. *Уайльд, О.* Упадок искусства лжи [Электронный ресурс] / О. Уайльд // Электронная библиотека e-libra.ru. – Режим доступа: https://e-libra.ru/read/352697-upadok-lzhi.html. – Дата доступа: 03.02.2019.
3. *Уайльд, О.* Критик как художник [Электронный ресурс] / О. Уайльд // Оскар Уайльд. – Режим доступа: http://oscar-wilde.ru/estetika-miniatyury-esse-lekcii/kritik-kak-khudozhnik.html. – Дата доступа: 03.02.2019.
4. *Набоков, В.* О хороших читателях и хороших писателях [Электронный ресурс] / В. Набоков // Владимир Владимирович Набоков. – Режим доступа: http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-zarubezhnoj-literature/o-horoshih-chitatelyah.htm. – Дата доступа: 03.02.2019.

А. С. Жук (Новополоцк)

ЖЕНСКИЙ «СЕНСАЦИОННЫЙ РОМАН» НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. Э. БРЭДДОН

Британской писательница М. Э. Брэддон является представителем «сенсационной» школы, которая была популярна в конце XIX века. В своих романах автор затрагивает темы-«сенсации» (убийства, скандалы, факты бигамии).

Вторая половина XIX века проходит под эгидой изменений в политической, социально-экономической и культурной жизни английского общества. Благодаря научно-технической революции улучшается ситуация в стране, что оказывает благоприятное влияние на средний класс. Численность его представителей возрастает и у них возникает потребность материально и интеллектуально приблизится к правящей элите. С этой целью идет поиск новых видов времяпрепровождения. В качестве типичных видов досуга выступают чтение и посещение театральных постановок.

В то же время в 1860-е гг. законодательство Великобритании подвергается реформе. Судебные процессы становятся доступными для всех и превращаются в публичные зрелища. Впервые открыто обсуждаются факты бигамии, насилии в семье и разводы. Данные сведения весьма интересны викторианскому обществу, что обусловило появление огромного количества периодических журналов, которые мгновенно обретают популярность,

освещая детали и подробности судебных разбирательств, например «Tinsley's Magazine» (1867), «Temple Bar» (1858), «All the Year Round» (1859), «Belgravia» (1866).

Изменяется отношение к писательскому труду. Эта профессия стала престижной и хорошо оплачиваемой. Большинство авторов больше не скрываются за псевдонимами, а публикуются под своими именами. В качестве таких авторов довольно часто выступают представители аристократии и женщины (Маргарет Олифант). Особое внимание следует уделить именно последним. Теперь образ женщины не только ассоциируется с хранительницей домашнего очага, но и личностью со своим видением проблем, которые они выражают в художественной форме.

Представители школы «сенсационного романа» затрагивали актуальные темы-«сенсации», такие как преступления, благодаря чему обрели широкую популярность во второй половине XIX века. А. И. Хотинская в своей монографии «Сенсационный роман – популярный жанр литературы в Великобритании 1860-х гг.» утверждает, что «сенсационный роман» является своеобразным индикатором, происходивших в то время социальных изменений. Основателями данной школы считаются Уилки Коллинз (Wilkie Collins, 1824–1889) и Чарльз Рид (Charles Reade, 1814–1884). Однако такие имена, как Эллен Вуд (Ellen Wood, 1814–1887), Мэри Элизабет Брэддон (Mary Elizabeth Braddon, 1835–1915), Рода Броутон (Rhoda Broughton, 1840–1920), Мари Луиза де ла Раме (Marie Louise de la Ramée, 1839–1908) известны лишь узкому кругу исследователей.

Само понятие *сенсационный роман* появилось благодаря литературным критикам второй половины XIX века. Однако единого мнения и понятия в современном литературоведении нет. В данной статье мы придерживаемся определения, которое было предложено М. Дрэббл и Дж. Стрингер в «Путеводителе по английской литературе»: «сенсационный роман – жанровое ответвление, получившее широкое распространение начиная приблизительно с 1860… в основу которого положено описание волнующих, невероятных или сенсационных событий, за которыми часто скрывались грязные тайны…» [2, с. 660].

Ориентированность авторов на широкий круг читателей сделало этот новый жанр популярным. Затрагиваемые темы-«сенсации» и сочетание различных жанров привлекают внимание к данной школе, несмотря на то, что некоторые критики (например, М. Олифант) считали «сенсационный роман» просто попыткой разнообразить массовую литературу того времени [цит. по: 1]. Для викторианских семей это был не только досуг, но также возможность оставить повседневные проблемы и окунуться в мир далекий от строгих моральных устоев.

Мэри Элизабет Брэддон оставила после себя больше 80 романов, многочисленные рассказы и поэмы. Как и другие представители «сенсационной школы», она обращалась к теме преступлений (подмена имени, фальсификация, измены, убийства), которые происходили в сердце викторианского общества. В большинстве случаев в центре повествования оказывались представители аристократии. Автор обращает внимание, что

много случаев получения высокого статуса имеет за собой криминальный характер. Также Брэддон стремится проникнуть в тайны аристократических семей, показать их пороки и продемонстрировать, что высший слой общества несущественно отличается от семей среднего класса.

Настоящую славу ей принес роман «Тайна Леди Одли» («Lady Audley's Secret», 1862). Однако, по мнению А. И. Хотинской, манифестом творчества Мэри Брэддон является роман «Победа Элионор» («Eleanor's Victory», 1863), в котором она оправдывает себя как автора популярной литературы. В своем творчестве Брэддон соединяет черты элитарной литературы и беллетристики. Она утверждает, что необходим талант, чтобы уметь совмещать эти две категории таким способом, чтобы заинтересовать читателя.

Романы Брэддон, как и произведения других авторов, творивших в таком же ключе, соединяют в себе черты нескольких жанров: готического и нью-гейтского романа, психологического и социально-бытового романа, а также сочетает в себе черты популярной мелодрамы, журналистского очерка, фантастического и романтического романов. Комбинируя элементы, писательница создает увлекательный и захватывающий сюжет.

Брэддон создает различные женские образы: главная героиня может выступать и в роли преступника, и в качестве жертвы. Также одним из излюбленных является образ, восходящий к традиционному готическому роману, представляющий собой красивую, невинную и беззащитную девушку.

В ее романах «Тайна леди Одли» («Lady Audley's Secret», 1862), «Тайна банкира» («Rupert Godwin», 1867) и «Любимый враг» («His Darling Sin», 1899) в центре повествования находятся женские образы. Брэддон как писатель-сенсационист заостряет внимание на проблемах викторианского общества, таких как неравенство мужчин и женщин, статус женщины в семье.

Роман Мэри Брэддон «Тайна леди Одли» затрагивает темы, которые были знакомы читателям, но превращает обычную историю об удачном замужестве в криминальный детектив, всколыхнувший общественность. Как и другие романы авторов «сенсационной школы», «Тайна леди Одли» издавался частями в периодических журналах, что расширило читательскую публику Брэддон. Автор дает возможность взглянуть на будни высшего сословия и показать, какие ужасные тайны и секреты у них есть.

В романе поднимается актуальная проблема: отношение представителей высшего класса к выходцам из среднего. Перед читателем разворачиваются события, связанные с женитьбой мужчины из богатой семьи на девушке более низкого статуса. Так, отец Джорджа Толбойза лишает его средств существования, узнав о его браке с Хэлен Мэлдон. Но Джордж бросает свою семью, жену и новорожденного сына, для того, чтобы улучшить свое финансовое положение, уехав на золотые прииски в Австралию.

Главная героиня – типичная девушка своего времени, которая понимает, что улучшить свою жизнь и положение, она может лишь через удачное замужество с представителем аристократии. Однако персонаж Брэддон, Хэлен Мэлдон, решает начать свою новую жизнь радикальным способом: сфальсифицировав свою смерть, изменив имя и переехав на новое место для поиска мужа-аристократа. Девушка берет судьбу в свои руки и смело решает

ее изменить. В дальнейшем, став леди Одли, она готова даже на убийство ради сохранения своего статуса. Как отмечает А. И. Хотинская, в романе появляется новый тип злодея – хладнокровной женщины, что было новшеством и сенсацией на то время, в котором главенствующее место занимали мужчины.

Следует отметить, что, как и в других «сенсационных» романах, персонажи недостаточно обрисованы. Автор «Тайны леди Одли» заостряет внимание на внешности, их манере поведения и окружающих их вещах, которые дополняют образы героев. Так, образ злодейки предстает перед читателем в виде очаровательной девушки, которую любит не только муж, но и окружающие. Но в ходе повествования читатель видит маски, которые изобличаются одна за другой. В начале романа это гувернантка Люси Грэхем, затем леди Одли; в конце мы видим истинное лицо – Хэлен Мэлдон – хладнокровный убийца с психическим расстройством.

Еще одной из популярных тем «сенсационного романа» является тема безумия, именно у женщин. В романе автор также не обходит и эту сторону. На протяжении всего повествования достаточно сложно выявить, безумна ли главная героиня или нет. Но безумие является оправданием, почему она совершает убийство. И в конце ее изолируют, считая опасной для викторианского общества, а также, чтобы не скомпрометировать семейство Одли. Опять же Брэддон демонстрирует то, как представители аристократии могли безболезненно изолировать своих родственников для достижения корыстных целей (получения состояния жены, сокрытия тайн), как, например, в романе У. Коллинза «Женщина в белом» («The Woman in White», 1859).

Повествование романа «Тайна банкира» построено на невероятных совпадениях и переплетении сюжетных линий, как и в предыдущем произведении. Банкир намеревается отомстить женщине, отвергшей его предложение о замужестве и которую он любил долгие годы. Через двадцать лет, когда капитан Гарлей Вестфолд отправляется в плавание по долгу службы и решает обеспечить свою семью (жену, сына и дочь), он оставляет ценные документы у банкира, мечтавшего причинить боль этой благородной семье.

В романе изображена страсть отвергнутого мужчины, граничащая с безумием, и его готовность пойти на любые меры для достижения своей цели: фальсификация документов, убийство, подстрекательство к похищению, воровство. Мэри Брэддон раскрывает новую тему среди авторов «сенсационного романа». Композиция романа напоминает работы У. Коллинза «Женщина в белом» и «Лунный камень», где повествование ведется от нескольких разных лиц, в том числе злодея. Однако роман Брэддон более динамичен, чем произведения «основоположника». Постоянная смена места действия (Лондон, театр, поместье Вильмингдонгалль) делает этот роман захватывающим. Писательница лишь иногда дает возможность остановиться, при детальном описании местности, персонажей, поместий, чтобы уловить изменяющуюся цепь событий.

Положение героев изменяется в ходе сюжета. Динамику можно показать на примере дочери главной героини. Живя с родителями, девушка не знала лишений в жизни, но семья лишается отца, поместья и средств существования. Девушке приходится искать работу и после множественных попыток,

ее берут гувернанткой для дочерей одной почтенной дамы. Но из-за антагониста девушку увольняют и ей приходится, к неодобрению семьи, пойти работать актрисой в театр. Здесь главная актриса, из зависти, помогает похитить девушку, чтобы лишить репутации.

Несмотря на трудности жизни, с которыми сталкивается семья Вестфолдов, поддержка друг друга помогает им бороться. Брэддон затрагивает тему семьи, которая раскрывается в романе. Череда неудач, которые встречаются на пути семьи лишь сплачивает их, вне зависимости от статуса.

Одним из последних романов Мэри Брэддон является «Любимый враг». Главная героиня выходит замуж за аристократа, но через два года становится вдовой. Ей предлагают повторно выйти замуж, но она отказывает своим поклонникам. Один из которых – полковник Рэннок – не прощает отказа и решает разрушить репутацию героини, воспользовавшись ее сходством с другой женщиной. В романе представлена история своеобразного противостояния женщины викторианскому обществу, а также подчеркивает зыбкость социального статуса женщины: как легко можно его потерять, всего лишь из-за недостоверных фактов.

В центре повествования два женских образа. Главная героиня, Грейс Перивейл, окунается в мир роскоши. Она устраивает балы и званые вечера, на которых присутствуют не только важные и влиятельные люди, но писатели и знатоки искусства. И в то же время мы видим трансформацию из невинной девушки в гордую и сильную духом женщину, откровенно игнорирующую лживых друзей: «Некоторые из ее друзей – женщин холодно с ней раскланивались, и столь же холодно она отвечала на приветствие. Мужчины, медлившие у ограды, ловили ее взгляд, чтобы поклониться ей и получить ответный поклон, но она смотрела мимо и словно не замечала их, почему они не могли пожаловаться на невежливость. Самые чопорные дамы смотрели на нее в упор, не узнавая, и она тоже взирала на них как на пустое место»[1] [3].

Другим важным действующим лицом, играющим важную роль, является двойник Грейс Перивейл. Именно она помогает антагонисту оклеветать главную героиню. Образ представляет собой прямую противоположность главного действующего лица. В результате она встретила богатого лорда; она «водила его за нос и помогала ему прожигать жизнь и губить себя»[2] [Там же].

В романе перед нами предстает женщина, всеми силами стремящаяся попасть в высший свет (тайный брак с преуспевающим боксером, побег в Лондон, работа хористкой), но каждый раз ее попытки тщетны. Ее слава хористки затухает, так как на смену приходят более молодые и красивые девушки. Она живет в съемной меблированной квартире и ради того, чтобы выжить, готова на все: оклеветать, а потом восстановить имя за денежное вознаграждение. Невольно она становится соучастницей убийства, однако ее настолько сильно мучает совесть, что она умирает.

---

[1] «Some of her women friends bowed to her coldly, and she returned the salute with the same distance. The men lounging by the railings were on the alert to acknowledge a bow from her; but she had a way of not seeing them that they could hardly call offensive. The more strait-laced among the women looked at her with unrecognizing eyes; and she gave them back the same blank stare» [2, p. 70].

[2] «made a fool of him and helped him to ruin himself» [Там же, p. 326].

В произведении автор затрагивает еще одну проблему, помимо ранее названных, а именно изменчивость мнения общества. Брэддон очень четко подмечает разницу между отношением к женщине и мужчине с плохой репутацией. Например, полковник Рэннок был на плохом счету и уже не вхож в святая святых светские общества; <…> он погубил репутацию нескольких человек… которые верили ему и восхищались им. Он водил знакомство с дурными женщинами, платил злом за добро» [3], но при всех его отрицательных качествах, он мог противопоставить «свое необыкновенное обаяние, неуловимую, невыразимую притягательность высокородного шотландца, который получил светское образование в лучших европейских гостиных и стал гражданином мира» [Там же]. В то же время к главной героине относятся с презрением и считают изгоем общества.

Полковник Рэннок представляет собой собирательный образ злодея, характерный для писателей «сенсационной» школы – человек, умеющий обольщать людей своими манерами, прекрасно разбирающийся в музыке, науке, медицине, коварный и безжалостный. Однако у Брэддон антагонист становится второстепенным героем, лишь изредка появляясь в ходе повествования, и служит только для введения детективной канвы.

На примере проанализированных романов можно увидеть, насколько разноплановой писательницей является М. Э. Брэддон. Затрагивая темы семьи, преступлений и других актуальных проблем викторианского общества, она добилась признания читателей. В своих романах она досконально описывает быт и людей того времени, чтобы убедить читателя в достоверности описываемых событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pykett, L.* The Newgate novel and sensation fiction, 1830–1868 / L. Pykett // The Cambridge Companion to Crime Fiction / ed. by Martin Priestman. – N. Y., 2003. – P. 19–39.
2. Путеводитель по английской литературе : пер. с англ. / под ред. М. Дрэббл, Дж. Стрингер. – М., 2003. – 930 с.
3. *Брэддон, М. Э.* Любимый враг [Электронный ресурс] / М. Э. Брэддон. – 1994. – Режим доступа: https://www.libfox.ru/files/book/144732.pdf. − Дата доступа: 26.06.2018.

Н. А. Копачева (Минск)

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУНКТУАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Рассматриваются некоторые аспекты использования авторской пунктуации как проявление тенденции к свободной пунктуации в современном британском художественном дискурсе. Анализ языкового материала позволяет утверждать, что английская пунктуация является отражением не только синтаксических и морфологических особенностей, но и выполняет важную прагматическую и стилистическую функцию в письменном тексте.

Пунктуация представляет собой совокупность знаков препинания и правила их постановки в письменной речи. Использование тех или иных знаков препинания в тексте значительно упрощает его понимание, что определяет особую роль пунктуации в языке. Знаки препинания служат для разделения предложений и смысловых частей предложения друг от друга, для передачи определенных смыслов и оттенков, для выражения эмоций пишущего. Известно, что пунктуационные системы разных языков не идентичны, функции одних и тех же знаков препинания, а также способы их оформления в письменной речи, часто не совпадают. Английской пунктуации исследователи уделяют достаточное внимание. Многие особенности английской пунктуации являются в основном отражением синтаксических и морфологических особенностей английского языка. Но существуют многочисленные случаи, когда «пунктуация диктуется исключительно коммуникативными соображениями, является полностью ситуативно-обусловленной и целиком зависит от пишущего» [1, с. 195]. Как справедливо утверждают исследователи в области пунктуации, «одни из фактов использования пунктуационных знаков, средств и приемов проявляются как закономерность; другие – как тенденция; третьи – как черта индивидуального стиля или способ решения одномоментной задачи в рамках отдельного произведения. Но всегда в пунктуации художественного текста обнаруживается нечто такое, что может служить “точкой опоры” для выявления глубинного смыслового содержания текста» [2, с. 285–286].

Цель настоящего исследования – рассмотрение некоторых закономерностей и тенденций, как проявление индивидуального стиля автора, а также определение прагматических и стилистических функций знаков препинания в современном художественном дискурсе Великобритании. Именно прагматический подход к тексту открывает перспективы нового понимания, описания и классификации пунктуационных знаков как элементов содержания текста.

Материалом для исследования послужил роман британского писателя Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре» (2010). С. Фолкс описывает различные социальные, финансовые, экономические, межэтнические проблемы, с которыми сталкиваются его герои в течение одной недели в предрождественском Лондоне. События описываются через призму различных сюжетных линий. Используемые автором пунктуационные знаки представляют, на наш взгляд, богатый материал для исследования. Как справедливо утверждает Л. М. Кольцова, «невозможно игнорировать тот факт, что в сфере письменной речи сложилась и активно развивается относительно автономная, не поддающаяся перекодировке (и не нуждающаяся в ней) специфическая по функциям система пунктуационных знаков, обеспечивающая высокую степень упорядоченности, играющая архитектоническую роль и гармонизирующая структуру текста, соединяя и разграничивая его компоненты в соответствии с творческой, эстетической задачей автора» [Там же, с. 285].

В лингвистике существуют научные направления, которые отражают основные теоретические концепции понимания пунктуации как раздела

языкознания, выделяются различные подходы к ее изучению. Так, в теории русской пунктуации различают логический (смысловой), грамматический (синтаксический, или структурный) и интонационный подходы [3]. Представители логико-семантической теории считают основной функцией пунктуации указание на расчленение речи на смысловые части, имеющие логическое значение для выражения мысли на письме. Представители синтаксического направления в теории пунктуации утверждают, что знаки препинания предназначены делать синтаксический строй речи наглядным и логичным. Сторонники интонационной теории пунктуации полагают, что знаки препинания служат для обозначения ритмики и мелодики фразы. Другие исследователи отводят основную роль пунктуации в обозначении тех смысловых отношений, которые не всегда можно выразить синтаксическими и/или лексическими средствами [4].

С появлением логико-синтаксического подхода к изучению пунктуации в английском языке в ряде справочных изданий упоминается о двух тенденциях в использовании пунктуационных знаков: *excessive punctuation* ‘усиленной, избыточной пунктуации’ и *open punctuation* ‘ослабленной пунктуации’. Усиленная пунктуация, по мнению лингвистов, была особенно характерна для классических произведений Великобритании в XVIII−XIX веках, но, начиная с XX века, тенденция к ослабленной пунктуации вытесняет усиленную [5]. Анализ литературы по проблемам пунктуации позволяет нам утверждать, что ослабленный и усиленный варианты пунктуации являются способом проявления свободного авторского употребления знаков препинания, основанного на интенции автора художественного текста. Такой подход дает автору произведения свободу выражения своего отношения к высказыванию, акцентировать характер и тип речевого поведения говорящего, а читателю такая пунктуация помогает расставлять смысловые акценты в структуре высказывания и интерпретировать его модально-оценочное содержание. Таким образом, автор художественного произведения выбирает свою «авторскую» пунктуационную систему, которая может быть ослабленной или усиленной.

Несмотря на некоторые различия во взглядах на теорию пунктуации представителей разных направлений, общим для них является признание коммуникативной функции пунктуации, которая определяется синтаксическим строем языка, смысловым членением высказывания и ритмико-интонационной системой речи [6]. В различных языках, в зависимости от их строя, превалирует использование знаков препинания в той или иной функции, грань между которыми трудно иногда провести.

В любом письменном тексте знаки препинания обусловлены синтаксическим строением словосочетаний, предложений и типом связи между ними. Такие знаки препинания условно называют структурными. Это тот необходимый минимум знаков, без которого немыслимо беспрепятственное общение между автором и читателем. Структурные знаки членят текст на логически значимые части, помогают установить соотнесенность частей текста, указывают на конец изложения одной мысли и начало другой.

Структурные знаки препинания характерны для текстов любой стилевой принадлежности: официальных документов, научных сочинений, художественных и публицистических произведений. Синтаксическое членение текста отражает логическое и смысловое членение, так как структурно значимые части, как правило, совпадают с логически значимыми частями, а знаки препинания фиксируют границы этих частей.

В настоящей статье из всего многообразия знаков препинания, существующих в современном языке, мы подробнее рассмотрим тенденции употребления таких знаков препинания, как запятой (,), точки с запятой (;), двоеточия (:), многоточия (…) и тире (–).

Роль запятой как семантико-синтаксического сигнала в художественном дискурсе значима и очень сложна в большинстве современных языков европейского типа. Именно в употреблении запятой проявляются наибольшие различия в пунктуационных системах при сравнении различных языков. В анализируемом художественном произведении отмечена заметная роль запятой как в нормативной функции, так и в свободном авторском употреблении. Нормативное употребление запятой отмечается, как правило, при перечислении однородных членов, при обособлении вводных членов предложения или вводных предложений [7]. Например: 1. *His large hands with their thin, hair-covered wrists, his humorous, deep voice, his eyes so candid and willing to engage until the moment they took fright* [8, p. 17]; 2. *But Dawn, for some reason she couldn't properly explain, allowed Hassan only limited access* [Там же, p. 55]. Такие случаи употребления, идентичные в большинстве языков, представляют собой языковую универсалию.

Особое внимание С. Фолкс придает использованию запятой при обособлении обстоятельств места, времени, выраженных как одним словом, так и словосочетанием. Например: 1) *After tea with Tony, Jenny did what she had been looking forward to all day: she logged on to Parallax* [Там же, p. 133]; 2) *At about eleven, Jason suggested they go to a strip club* [Там же, p. 135]; 3) *Upstairs, Veal's son Finbar was settling down to watch the latest live episode of' It's madness'* [Там же, p. 152]. Усиленное использование запятой при выделении обстоятельств в различных функциях выражает прагматическую функцию в тексте. Запятые в этих случаях акцентируют место или время действия, они придают дополнительную характеристику содержанию предло-жения, внося присоединительный или пояснительный характер.

Точка с запятой по правилам английской пунктуации используется как бессоюзное средств связи для разъединения смысла сложных и простых распространенных предложений. Употребление этого знака пунктуации представляется наиболее интересным в анализируемом дискурсе. Например: *Here was this world, London, the park and the trees and the people in his chambers and the precedents he studied, the case law, paperwork; there was the culture it threw at him in cinemas, in galleries and in the self-devouring press; television with all its horrifying 'reality' programmes; then the weather, chance to travel, other people, going out. That was what was on offer, out there* [Там же, p. 82]. Такое свободное использование точки с запятой свидетельствует

о намерении автора усилить смыслоразличительные свойства знака, отделить синтаксические части предложения, менее тесно связанные по смыслу. Или еще пример: *The price for buying these 'puts' was determined by the strike price; (and the further that was from the current price, the cheaper it was to buy the option); the 'time value' before the option expired; and the volatility of the underlying market* [8, p. 64]. В данном примере точки с запятой помогают определить границы основных смысловых частей и тем самым выявить их структурную и семантическую значимость. Автор романа устами своего героя финансиста подробно объясняет читателю, как получить прибыль от акций, преднамеренно выделяя этапы финансовых операций посредством точки с запятой, акцентируя таким образом смысловую и логическую последовательность финансовых действий. В анализируемом романе отмечены многочисленные случаи использования точки с запятой вместо обычной запятой. Например: 1) *"I was there; I came in late; Hassan didn't notice; He's useless"* [Там же, p. 70]; 2) *In his own mind, Veals wasn't really trading CDS's or other fancy options: he was trading Polish credulity; he was trading Czech naivety; he was trading stupidity* [Там же, p. 148]. Авторское употребление точки с запятой вместо обычной запятой свидетельствует об усилении в знаке смысловых показателей. Точка с запятой применяется автором как фиксатор смысловых разрывов в тексте, помогает перераспределять смысловые и грамматические связи слов, разъединяет тематически важные части предложений.

Употребление двоеточия в английском языке значительно совпадает с нормативным употреблением этого знака в других европейских языках. В анализируемом дискурсе двоеточие используется в пояснительно-разъяснительной функции. Например: 1) *And the function of the client in Veal's view was a simple one: to provide a flow of information…* [Там же, p. 146]; 2) *In his twenty-seven years in finance, one thing remained constant in Veal's view: the only way to make money was to have a hedge* [Там же, p. 10]. Двоеточие уточняет, объясняет, расширяет, информацию, одновременно выполняя функцию союзного средства связи. Например: *It was laughable, really, Veals thought: it was too easy* [Там же, p. 147]. Известно, что в оформлении английской прямой речи в английском языке по правилам используется запятая, а не двоеточие. Тем не менее в анализируемом произведении отмечена тенденция использования двоеточия вместо запятой, что является нормой в русском языке. Например: *Then he leaned over and spoke slowly: 'They do it because they can. They do it because the government encouraged it. They do it, Simon,' he said, gripping Wetherby tightly by the forearm and lifting him to his feet, 'because it's what they do'* [Там же, p. 131]. Таким образом, двоеточие в анализируемом произведении выполняет как структурную, так и семантическую функцию.

Рассматривая употребление тире в анализируемом дискурсе, следует отметить, что спектр использования данного знака препинания имеет очень широкий диапазон: используется при обособлении вводных слов и предложений, приложений, других элементов, зачастую вставляемых в середину предложения с целью пояснения, дополнения, подчеркивания смысла

и материала. Например: 1) *I meet him in different places – cafes, parks, even in a park one day* [8, p. 50]; 2) *Veals trusted Duffy all right, but – just to be sure – it made sense to lock him for more than any bribe could match* [Там же, p. 63]. Таким образом, тире выполняет как структурные, так и смысловые, экспрессивные функции. Например: *The problem with it was that the effort of living it – the early trains, the 8.30 roll call, the jammed timetable, the trying to protect his back, the weekend preparations – left him no time to climb outside and take look at oneself* [Там же, p. 138]. Тире несет в себе также определенную стилистическую окраску: напряженность, неожиданность, резкость. Например: 1) *There was always a sense of borders crossed – never a Nordic wholesomeness, but shame and trepidation* [Там же, p. 83]; 2) *Only a frightening little twist of anxiety remained in his belly when he thought about what had happened – so he tried not to* [Там же, p. 152]. Употребление тире в конце предложения указывает на многозначительную паузу, на некоторую заминку в выказывании, на недосказанность. Например: 1) *'Yes, you can come round again. If you like. I mean –'* [Там же, p. 10]; 2) *'As far as I can tell, all he seems to care about is computer games and –'* [Там же, p. 240]. С. Фолкс часто использует тире в позициях, отличающихся от нормативного употребления. Например: *Pat Wilder just took tranquillisers – little yellow ones from a rattling bottle* [Там же, p. 140]. В данных примерах тире используется вместо двоеточия в уточняющей функции.

Особо следует отметить функциональную нагрузку многоточия в анализируемом романе не только для обозначения незаконченности фразы, но также для указания на то, что герой испытывает неуверенность, сомнение. Например: 1) *'It's just ...' Hassan stopped. 'It's difficult to explain. My father is ... is ...' He felt his throat constrict* [Там же, p. 51]; 2) *Gabriel cursed himself. 'I ... I ...just saw you looking. Are you ... Are you ... a big reader?'* [Там же, p. 84]. Использование многоточия может указывать на то, что герой сам не верит в то, что говорит, либо подобной паузой, выраженной многоточием, хочет, чтобы собеседник сам догадался до истинного смысла высказывания. Например*: Sedley seemed to gasp and swallow. 'I…er…didn't expect to see you here. You know…A…er, a fellow professional, as it were. It's normally just, you know, readers'* [Там же, p. 144]. Многоточие выражает здесь высокую степень неожиданности и удивления.

В заключение аналитической части статьи приведем пример авторской «усиленной» пунктуации на примере одного абзаца романа. Например: *The remaining guests were Jennifer and Mark Loader, both in finance; two women drawn from Sophie's repertory company of singles; and three other couples she'd met when their children were at school together. One, the McPhersons, had bought and sold a chain of busy coffee bars, Café Bravo, before diversifying into other ventures; another, the Margessons, had invented an Internet site for lonely teenagers, called YourPlace; the third, the Samuels, had bundled up and sold on other people's debts. Sophie couldn't understand who the buyers for such things were – why would you* buy *debt? – but all three couples lived nearby and she 'owed' all of them hospitality* [Там же, p. 7–8]. С. Фолкс, описывая различные

социальные проблемы современной Великобритании, во многом подражает манерам изложения, описания и использования усиленной пунктуации, характерной для классиков XIX века (Ч. Диккенса, Э. Троллопа).

Как мы видим на примерах проанализированного нами произведения, С. Фолкс не злоупотребляет авторскими знаками препинания и, в основном, следует пунктуационным правилам употребления. Тем не менее для передачи особого авторского стиля, а также с целью стилистической окраски текста и передачи чувств и эмоций как своих, так и героев, автор использует авторские знаки препинания в прагматических целях. Такой подход помогает автору заострить внимание читателя на важных деталях. От постановки знаков препинания может зависеть и прямой смысл высказывания. Оттенки, фиксируемые в предложении, могут варьироваться, и потому в пунктуации, основанной на смысловом принципе, всегда есть нечто субъективное, индивидуальное. Правильная авторская расстановка знаков препинания повышает смысловую значимость письменной речи, уплотняет семантическую емкость высказывания, влияет на информативность и модальность текста, так как через нее автор способен передать свое отношение к высказыванию, эмоции, некий скрытый смысл, который следует прочесть между строк. Замена одного пунктуационного знака на другой в предложениях, где есть семантические показатели эмоциональности, является сильным стилистическим средством характеристики героя. Дополнительные сильные пунктуационные позиции делают предложения в художественном дискурсе особенно акцентированными, значимыми. В то же время особая значимость таких предложений требует и особого их оформления. Таким образом, прагматические и стилистические свойства, присущие семантическим единицам в структуре художественного текста, свойственны и существенны для пунктуации. Изучение наглядно представленного и доступного лингвистическому и филологическому анализу материала, приводит нас к интересным наблюдениям, что мы и попытались показать на приведенных примерах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левицкий, А. Э.* Сравнительная типология русского и английского языков : учеб. пособие / А. Э. Левицкий, Л. Л. Славова. – 3-е изд., испр. и доп. – Киев : БСТ, 2016. – 272 с.
2. *Кольцова, Л. М.* Прагматика художественного текста в зеркале русской пунктуации / Л. М. Кольцова // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманит. науки. – 2003.– № 1. – С. 284–298.
3. *Валгина, Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 2004. – 259 с.
4. *Орехова, Н. Н.* Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н. Н. Орехова. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2000. – 214 с.
5. *Гималетдинова, Г. К.* Проблемы английской пунктуации в синхронии и диахронии / Г. К. Гималетдинова // Русская и сопоставительная филология : сб. ст. – Казань, 2010. – С. 56–59.

6. *Баранова, Л. Л.* Онтология английской письменной речи : учеб.-метод. пособие к курсу лекций по орфоэпии и орфографии современного англ. яз. / Л. Л. Баранова. – 2-е изд. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 312 с.
7. *Allen, R* Punctuation / R. Allen. – Edinburg : Oxford Univ. Press, 2001. − 80 p.
8. *Faulks, S.* A Week in December / S. Faulks. − London : Vintage books, 2010. − 392 p.

А. В. Линкевич (Полоцк)

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА

На примере произведений К. Хайна «Захват земли» и «Вилленброк» определяется идейно-художественное своеобразие романа «поворота» (Wenderoman), на материале которого демонстрируется, как осмысление положения в Германии до и после объединения становится основной художественной задачей писателя.

Одно из значительных событий немецкой истории конца XX века – объединение двух германских государств 1989–1990 гг. Однако данное событие не было воспринято однозначно положительно. Присоединение ГДР к ФРГ оказало сильное воздействие на культуру, в частности литературу. Так, воссоединение Германии стало после 1990 года одной из главных тем немецкой литературы. Появилось понятие *литература поворота* (*Wendeliteratur* – от нем. *Wende* ‘поворот, перелом, перемена’; историческое воссоединение Восточной и Западной Германии; *Literatur* – литература), которая объединяет произведения, созданные после воссоединения Германии о жизни людей до и после падения Берлинской стены. Вместе с тем появляется новая романная форма – *роман поворота* (*Wenderoman*).

На тему объединения страны высказывались такие писатели, как Г. Грасс «Широкое поле» («Ein weites Feld», 1995), И. Шульце «Простые истории» («Simple stories», 1998), Т. Бруссиг «Герои вроде нас» («Helden wie wir», 1995). К числу тех, кто в своем творчестве затрагивал тему объединения Германии относится немецкий писатель Кристоф Хайн.

Кристоф Хайн – один из самых значительных писателей литературы ГДР, известность ему принесли повесть «Чужой друг» («Der fremde Freund», 1982), роман «Смерть Хорна» («Horns Ende», 1985). После объединения Германии Хайн продолжает свою творческую деятельность, в свет выходят его романы «Захват Земли» («Landnahme», 2004), «Вилленброк» («Willenbrock», 2000), которые относятся к *романам поворота*, в них освещаются события до и после падения стены, затрагиваются актуальные для того времени проблемы.

В романе «Захват Земли» повествование стремится к широкому охвату исторического материала: освещается период с 1950 года до конца XX века. Писатель в произведении поднимает такие острые вопросы, как коллективизация, строительство Берлинской стены, миграция, объединение Германии.

Повествование выдержано в объективном, местами даже сухом стиле. В центре романа – история Бернхарда Хабера, который вместе с родителями мигрировал из Вроцлава в вымышленный автором немецкий городок Гульденберг. Данный факт имеет отношение к биографии К. Хайна: сам писатель пережил изгнание из Силезии в небольшой городок Бад-Дюбен, который в романе является прообразом Гульденберга. Писатель правдиво, в реалистичном ключе изображает жизнь простых людей, а не исключительных, знаменитых.

От лица Бернхарда Хабера повествование не ведется, образ главного героя раскрывается с помощью рассказа о нем других персонажей, среди которых Томас Николас, Марион Демутц, Петер Коллер, Катарина Холленбах и Зигурд Китцеров, которые так или иначе связаны с главным героем. Бернхард был очень молчаливым и замкнутым в себе человеком, поэтому позволить молчаливому рассказать о себе, в свою очередь, едва ли допускает правдоподобность рассказа. В романе изображается процесс «самообретения» личности главного героя Бернхарда Хабера на историческом фоне существования ГДР и ФРГ, а также объединенной Германии.

В Гульденберге «местные» воспринимают семью Хаберов негативно, враждебно, относятся с недоверием, называют «переселенцами», «чужаками», «поляками». Однако оскорбительным отношением дело не заканчивается, семью начинают в прямом смысле «выживать» из городка, то и дело их стали преследовать неприятные ситуации.

Отец Бернхарда – однорукий столяр, который пытается начать новую жизнь и обрести новую родину – Гульденберг. Отсутствующая рука является обелиском, который напоминает о проигранной войне: «Его потерянная рука напоминала всем жителям о поражении и унижении перед победителями в войне» [3, S. 23].

Он открывает столярную мастерскую, однако к нему никто не обращается, потому что он «чужак»: «Хабер старший не был востребован в городе, он был переселенцем, изгнанником, нищим» [Там же, S. 303]. Кроме того, столярную мастерскую поджигают, однако виновник так и не был найден. После пожара жители стали поговаривать, что «город не принимает его, и с этим уже ничего не поделаешь» [Там же, S. 46]. Однако дело не в самом городе, а в жителях, которые не желают видеть в своем городе «чужих».

Собака Бернхарда, Тинц, его единственный и настоящий друг, была убита. Вскоре его отец был найден повешенным, однако полиция списала это на самоубийство. Не выдержав горечь утраты умерла и его мать. Они были похоронены среди могил самоубийц, так и не сумев обрести родину и стать «своими» в чужом городе. Бернхард теряет все, однако это не сбивает его с пути, а наоборот делает сильнее, призывает к борьбе за существование в Гульденберге.

Несмотря на то, что Бернхард был совсем ребенком (ему было 10 лет), он уже был готов защищать себя и свою семью. Если к нему относились с презрением, он также презирал этих людей. Его подруга Марион Демутц отмечает: «Когда кто-нибудь в классе говорил ему о его старых брюках или

неподходящей шапке, он не злился, а холодно и пренебрежительно улыбался. Правда заключалась в том, что Бернхард презирал нас, тех, кто всегда жил в этом городе. Он, в свою очередь, бел переселенцем, их не любили в городе, поэтому он презирал всех» [3, S. 95]. Это поведение, с одной стороны, превратило Бернхарда в замкнутого человека. Позже его подруга Марион констатирует тот факт, что Хабер не был открыт и ей в трехлетних отношениях. Но, с другой стороны, презирая других, он не придавал большого значения отвращению и негативу местных жителей, напротив, Бернхард с хитростью и большой настойчивостью прилагает все усилия для того, чтобы основать свое существование в Гульденберге, даже за пределами любой законности, которая дает ему возможность социального подъема.

Бернхард был молчаливым, отстающим учеником, из класса в класс его переводили, потому что он был спокойным, не нарушал дисциплины, учителя считали, что «он, вероятно, будет помощником дорожно-строительных работ и ему вряд ли понадобятся знания школьной программы» [Там же, S. 27].

В непростых условиях существования в Гульденберге Бернхард находит возможность улучшить свою жизнь, он начинает заниматься политикой, благодаря которой он получает власть над другими людьми. Так как в 1950-х годах в рамках общей национализационной политики ГДР частное сельское хозяйство должно быть преобразовано в сельскохозяйственные производственные кооперативы, Бернард активно принимает участие в мероприятиях, которые, как правило, принуждали крестьян к вступлению в колхоз. Бернхарда не столько интересует политика, сколько он хочет отомстить жителям Гульденберга за незабытые обиды.

Постепенно, шаг за шагом Бернхард «завоевывает» Гульденберг, ведь он «знает, чего хочет, и получает то, что он хочет» [Там же, S. 307]. Так, занимаясь нелегальной перевозкой людей из Восточной в Западную Германию, Бернхард сколотил приличный капитал, таким образом покончил с нищетой и бедностью. «Перелом» в стране в 1989–1990 гг. ознаменовал приятные изменения в жизни самого Хабера: после воссоединения ГДР и ФРГ Бернхард становится успешным и богатым предпринимателем, в отличие от своего отца ему удается обрести статус уважаемого человека, а также стать «своим»: «Он не хуже местных, он Гульденбержец» [Там же, S. 317].

Не смотря на то, что Бернхард узнает о том, что его отец был убит, он отказывается вести расследование, он не хочет начинать все с самого начала и становиться опять «чужаком», «врагом» в Гульденберге. Он отмечает, что его состоятельность стоила ему жизни и крови отца: «Возможно, сначала понадобилась кровь моего отца, моего невинного отца для того, чтобы я чувствовал себя здесь как дома, чтобы меня приняли за своего» [Там же, S. 342]. Он прошел трудный, тернистый путь от бедности и враждебности в ГДР до благосостояния и признания в объединенной Германии.

Кристоф Хайн поднимает проблему, являющейся актуальной и на данный момент: миграционные процессы. Во-первых, это миграция семьи Хабер и их трудная интеграция в немецкое общество. Во-вторых, это бегство людей из Восточной части Берлина в Западную после возведения Берлинской

стены. В-третьих, писатель отмечает, что проблема миграции населения остается и после объединения страны: маленькая тень падает на идиллию заключительного эпизода романа. Сын Хабера Пауль подрался на фестивале с иностранцами, считая, что карнавал – это немецкий праздник, и иностранцам здесь нечего делать: «Кто их сюда позвал? Я нет» [3, S. 353]. Конец, который предлагает нам Хайн, не может быть концом истории, мы видим лишь небольшую часть бесконечного процесса.

Все изложенные события в романе обрамлены рамочной конструкцией: произведение начинается и заканчивается описанием карнавала. Карнавал в повествовании выступает в качестве символа объединения Германии, Хайн описывает праздничную атмосферу, веселье, Гульденберг выглядит довольно благополучным, красивым городом, более спокойным, чем, например, Берлин. Также и при объединении Германии все выглядит красочно и позитивно, однако это лишь поверхностное впечатление: несмотря на падение Берлинской стены, которая разделяла западную и восточную части города, до объединения ментальностей было еще очень далеко.

Кроме того, автор использует в повествовании прием детализации: Хайн детально описывает обстановку на карнавале, уделяя внимание мелочам: «У детей были разрисованные лица, на щеки, лоб и нос приклеивали серебряные и красные звезды» [Там же, S. 8].

В романе «Вилленброк» автор повествует об актуальных проблемах исторической «трансформации» страны на фоне объединения Германии, с которыми столкнулись «осси» (от нем. *Ost* ‘восток’, используется для обозначения граждан ГДР) (высокий уровень криминала, безработица, миграция), показывает существование людей в рамках ситуации «перелома».

Главный герой – Бернд Вилленброк на первый взгляд является успешным предпринимателем, он занимается покупкой и продажей подержанных автомобилей в Восточную Европу. Заработанных денег хватает ему на содержание загородного дома, а также бутика жены. Он ни в чем себе не отказывает, ведет спокойную, размеренную, беззаботную жизнь. Следует отметить, что для Вилленброка его успешность имеет огромное значение, ведь в прошлом его родители «были обижены, потому что отец был простым инженером-разработчиком» [4, S. 64], были обижены его родственники, потому что «где-то всегда находились люди, которые были намного успешнее, чем они» [Там же], а в прошлом сам Вилленброк – инженер обанкротившегося завода, из-за чего был долгое время безработным. Теперь он знает цену деньгам. После падения Берлинской стены Вилленброк работает не по найму, он получает выгоду от кончины ГДР, его мир кажется ему безопасным и управляемым.

Однако его материальное благосостояние зависит не только от него самого, а также от его исполнительного и преданного помощника поляка Юрека, на которого Вилленброк всегда может положиться. Повествуя о жизни Юрека, Хайн затрагивает актуальную проблему миграции. Юрек живет и трудится не у себя на родине, а в Германии, потому что в Польше для него нет работы, однако он «очень рад, что имеет возможность работать

на немца» [4, S. 121]. Работая в Германии, он зарабатывает вдвое больше своих соотечественников, однако профессиональный успех и материальное благополучие вызывает зависть у земляков, они больше не считают Юрека «своим», для них он теперь – немец: «И мои соседи больше не мои соседи, потому что я работаю на немца и живу в Германии. Они думают, что я богат и тщеславен. Я не один из них. Я немец для них» [Там же, S. 272]. Кроме того, за свое благосостояние Юрек платит высокую цену: он теряет простое человеческое счастье, его жена хочет с ним развестись, а сын больше не видит в нем отца. Зато отношения с его работодателем Вилленброком у него складываются отличные, Вилленброк даже просит называть его на «ты». Так, вдвоем они ведут успешный и выгодный бизнес. Но это лишь видимость успеха и процветания. В объединенной Германии главного героя настигают проблемы, с которыми он не может справиться даже при помощи денег. Спокойная, размеренная жизнь Вилленброка в объединенной Германии продолжается до первых трудностей.

С автобазы Вилленброка были украдены машины, однако главным подозреваемым сделали самого Вилленброка. Неудачи преследуют главного героя и дальше. Грабители вторгаются в его загородный дом и нападают на него и его жену Сюзанну, угрожая жизни. Предполагаемых преступников задерживают, однако депортируют обратно в Россию через польскую границу, позволяя им, таким образом, бежать. Так, бывший инженер, который всегда рационально мыслил, был выбит из колеи. Вилленброк ищет помощи у полиции, однако видит, что полицейские «не заинтересованы в раскрытии серьезного дела» [Там же, S. 36], объясняют все «равнодушно и со скучающим видом» [Там же]. Заявление о повторном возбуждении дела о нападении было отклонено ввиду «отсутствия объективных доказательств» [Там же, S. 289].

Следует отметить, что Хайн не ставит перед собой цель помрачнее изобразить социальную ситуацию в Германии. А. А. Гугнин правомерно замечает: «Хайн с одинаковой глубиной раскрывает как механизм функционирования общества и его институтов (а также воздействие этого мощнейшего механизма на массовое сознание), так и тонкое устройство самой личности. Всю свою жизнь, изо дня в день, она стоит перед тем или иным выбором, на который влияет множество сознательных или бессознательных факторов» [2, S. 533]. Писатель не столько противопоставляет две системы (ГДР и объединенной Германии), сколько сосредотачивается на проблемах людей, изучает их реакцию на сложившиеся обстоятельства. Он показывает, как Вилленброк чувствует себя все более одиноким, он уже не ожидает какой-либо помощи, а идея борьбы с насилием прочно засела в его голове. Вилленброку очень тяжело видеть бездействие государственных органов в объединенной Германии, ведь в ГДР он был уверен в своей безопасности. Кристоф Хайн показывает, как материальное богатство в объединенной Германии становится предметом насилия людей, которые в социалистической ГДР вели спокойную, мирную жизнь.

Писателю удается показать жизнь «после», которая больше никогда не станет прежней, попытка убийства оставила глубокую «рану» незащищенности в душе главного героя: «Во мне что-то разрушили, повредили, я больше никогда не смогу чувствовать себя в безопасности в своем доме и в квартире. Это то, что я никогда не смогу простить грабителям. Я чувствую себя уязвимым» [4, S. 172]. И. В. Гладков отмечает, что «Хайн предстает перед нами как настоящий современный хроникер человеческой жизни, душевных обид и травм, обладающий богатым и содержательным художественным потенциалом» [1].

Для Вилленброка нападение является не просто вторжением в личную жизнь, теперь он постоянно ощущает тревогу, страх и неуверенность. Опасаясь следующего налета, Вилленброк вынужден отказаться от тренировок в гандбольной команде, чтобы вечерами быть рядом с женой. Страх, что преступники вернутся снова, вынуждает Вилленброка купить сигнальный пистолет, несмотря на то, что он не мог представить, «как его можно взять в руки и использовать против человека» [4, S. 232]. У Вилленброка было впечатление, что он «готовится к войне» [Там же, S. 234].

Рассказав своему постоянному клиенту из России Крылову о нападении, он получает от него в подарок пистолет для самообороны. Так, Вилленброк неожиданно становится владельцем «огнестрельного оружия, крайне опасного и смертоносного, незаконное владение которым уже было наказуемым» [Там же, S. 262]. Вилленброк изначально хочет отдать его обратно, однако позже понимает, что рассчитывать можно только на себя, поэтому оставляет это приобретение. Вилленброк становится нервным, беспокойным, постепенно его покидает чувство безопасности.

На фоне «перелома» в стране произошел «перелом» в душе Вилленброка: он боится за свою жизнь и при очередном нападении ранит преступника, чувствуя себя при этом «одновременно испуганно и облегченно» [Там же, S. 299]. Он испугался, потому что выстрелил в человека, однако этот человек больше не представляет угрозы жизни и имуществу, поэтому Вилленброк почувствовал облегчение. Так, личность главного героя претерпевает изменения: из пацифиста и гуманного человека Виллеброк превращается во владельца оружия, который убежден, что он имеет право и должен взять все в свои руки и вершить правосудие.

Кристоф Хайн в романе также касается вопроса отношений мужчины и женщины. Вилленброк, несмотря на наличие жены, не прочь провести время со своими клиентками в отеле или в своем загородном доме. Сюзанна даже не подозревает об изменах мужа. Сам Вилленброк считает, что это никак не вредит его браку. Кроме того, Хайн поднимает вопрос социального положения женщин в объединенной Германии. Сюзанна наслаждается богатой жизнью, что было бы невозможным без денег ее мужа. У Сюзанны создается впечатление, что Вилленброку нравится ее зависимость от него. Так она начинает чувствовать себя униженной, хочет вести свой бизнес самостоятельно, без его помощи. Однако Вилленброк не воспринимает всерьез ее работу и смеется над ее стремлением к самостоятельности

и независимости: «Конечно, ты хочешь самореализоваться, я знаю» [4, S. 65]. Звучит это достаточно высокомерно. Вилленброк дает понять Сюзанне, что он кормилец и зарабатывает деньги, а ее бизнес – это просто занятие, чтобы скоротать время. Его мнение на этот счет меняется, когда он однажды помогает ей на показе мод: он видит ее в другом амплуа, в качестве начальника, и с удивлением для себя отмечает, что она «может самостоятельно принимать решения, и, вероятно, никогда не ошибается» [Там же, S. 190].

Таким образом, Кристоф Хайн в своих романах «поворота» поднимает ряд актуальных вопросов: коллективизация, строительство Берлинской стены, высокий уровень криминала, ненадежность государственной системы, безработица, миграция, объединение Германии. Кроме того, Хайн показывает, что в объединенной Германии семья не является оплотом нравственности и морали («Вилленброк»). Писатель переплетает в своем повествовании различные символы (оружие, карнавал) и мотивы (мотив травмы), использует прием детализации, автобиографизм. Рамочная конструкция придает произведению характер завершенности, усиливает его внутреннее единство («Захват Земли»).

Хайн показывает, как объединение Германии сыграло ключевую роль в жизни Бернхарда Хабера и Бернда Вилленброка. Хабер после объединения становится еще более успешным, его дела идут вверх, его избирают мэром города, из статуса мигранта он переходит в статус гульденбержца.

Вилленброк также после объединения Германии имеет приносящий большие деньги бизнес, его жизнь спокойная и беззаботная, он считает себя неуязвимым. На фоне безработицы, экономической нестабильности в стране он выглядит победителем. Однако в объединенной Германии Бернда поджидают неудачи: воровство машин, нападение в загородном доме, незаинтересованность полиции в оказании помощи и защиты – все это превращает Вилленброка из рационально мыслящего человека в жертву, он понимает, что его капитал не может обеспечить ему защиту и спокойствие. Его жизнь окутана страхом и тревогой. На протяжении повествования мы видим внутреннюю трансформацию Вилленброка: он проходит путь от миролюбивого, гуманного человека до убийцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладков, И. В.* Проблематика и поэтика творчества Кристофа Хайна [Электронный ресурс] / И. В. Гладков. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/problematika-i-poetika-tvorchestva-kristofa-khaina-0. – Дата доступа: 04.03.2019.

2. Зарубежная литература XX века : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. М. Толмачёв, В. Д. Седельник, Д. А. Иванов [и др.] ; под ред. В. М. Толмачёва. – М. : Академия, 2003. – 640 с.

3. *Hein, C.* Landnahme / C. Hein. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004. – 383 S.

4. *Hein, C.* Willenbrock / C. Hein. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. – 319 S.

М. В. Романюк (Брест)

РАСКРЫТИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДСТВАМИ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РОМАНАХ ДЖ. БАРНСА

В статье показывается, как средства создания комического в романах Дж. Барнса позволяют раскрыть проблемы межличностных отношений на примере сотрудников рабочего коллектива, участников противоборствующих сторон, влюбленных. Отдельно акцентируется, что недопонимание служит одной из основных причин разногласий и конфликтов. Устанавливается, что объектом комического в романах Дж. Барнса также являются человеческие пороки, которые неизбежно проявляются в процессе взаимодействия людей.

Творчество Дж. Барнса, одного из наиболее значимых английских писателей современности, посвящено широкому спектру проблем – от фундаментальных философских вопросов до повседневных бытовых трудностей. Отличительной характеристикой индивидуального авторского стиля является избегание серьезного тона повествования и полное отсутствие пафоса, что, как правило, достигается при помощи средств создания комического.

Проблема человеческих взаимоотношений выступает в качестве системообразующей в произведениях Дж. Барнса. Взаимодействуя друг с другом, персонажи зачастую проявляют иррациональное начало, преобладающее над рациональным. Е. Тарасова справедливо замечает, что в художественном мире Дж. Барнса ярко выражен приоритет эмоции над фактом [1, p. 266]. Это может приводить к противоречивым моделям поведения, провоцирующим комические ситуации.

В романе «Англия, Англия» на примере компании Джека Питмена, куда нанимается главная героиня Марта, показываются различные аспекты функционирования рабочего коллектива. Практически все подчиненные вынуждены следовать правилам эксцентричного сэра Джека, в компании процветает лесть и угодничество.

Самомнение Джека Питмена и раболепие его подчиненных преподносятся автором в гротескном виде. Нарушение негласных законов компании ярко проявляется в эпизоде, где заболевает личный шофер Джека. В небольшом фрагменте описывается сразу несколько тонкостей, которые должен учитывать каждый работник фирмы. Для многих служащих, в частности для референтов, это оказывается непосильной задачей. Поэтому на данной должности прослеживается текучесть кадров, которая послужила причиной того, что сэр Джек всех работников называет Сюзи. Требования на должность предполагали не только фамилию, отцовские деньги, шаловливую улыбку, податливую сексуальность, но также некий особый инстинкт, экстрасенсорные способности. Сообщая о болезни шофера, текущая Сюзи говорит, что у Вуди радикулит, и уже совершает ошибку. Выясняется, что называть водителя Вуди может только сэр Джек, сама же Сюзи должна называть его Вуд. Далее начальник просит предоставить ему другого водителя, и референт допускает вторую ошибку, сообщая, что остальные уехали обслуживать конференцию. Вместо бодрой констатации фактов Сюзи

должна была выражать глубокую скорбь из-за сорвавшихся планов начальника [2, p. 112]. Наконец, она предлагает вызвать такси, чем вызывает всплеск гнева и крайнюю степень изумления сэра Джека [Там же, p. 112]. В основе комического эффекта лежит не только несоответствие поведения референта ситуации, но и доведенные до абсурда сами правила, которые она и нарушает.

Неспособность выполнять социальные ожидания в коллективе особенно выражена у официального историка доктора Макса, что также иллюстрируется приемом несоответствия поведения героя ситуации. Устроившись к сэру Джеку, историк попытался узнать, где в Питмен-Хауз находится библиотека [Там же, p. 69]. Зная сущность данной организации из предыдущих описаний, читатель в полной мере осознает нелепость подобного вопроса. На заседании комитета и в разговорах с Мартой историк зачастую начинает развивать одну мысль, но постепенно перескакивает на другие идеи и, в конечном счете, полностью отклоняется от темы [Там же, p. 121, 132]. Несоответствие поведения ситуации провоцирует напряженность между доктором Максом и его начальником: *If you don't mind my saying so, Sir Jack, – though Martha could already tell from their employer's frown that, yes, he minded very much* 'Если вы только позволите, сэр Джек, – но Марта уже видела по мелодраматично сдвинутым бровям начальника, что позволять он никак не намерен' [Там же, p. 59]. Подобные противоречия носят комичный характер ввиду того, что большинство подчиненных сэра Джека пытаются постоянно отслеживать его настроение, дабы не впасть в немилость. Доктор Макс же неспособен понять всех неписаных правил коллектива. Именно поэтому в другом эпизоде комично предстает досада Марка попытавшегося пошутить в реплике: *What else has it got? Oh yes, the filthiest cappuccino in the whole country. I found it in a small seafront cafe in Shanklin. Worth preserving the machine if we are planning a Museum of Torture* 'Что там еще есть? Ага, самый поганый во всей стране капучино. Я набрел на него в Шэнклине, в одном маленьком кафе на набережной. Если мы планируем создать музей пыток, этот автомат стоит сохранить' [Там же, p. 74]. Комизм возникает не из-за того, что шутка носит плоский или нелепый характер, а потому что произнесена была уже после того, как пошутил сэр Джек.

Разработчика концепций Джеффа просят провести с доктором Максом разъяснительную беседу. Разговор воспринимается как комичный, так как он основан на сближении характеров, которые коренным образом отличаются друг от друга и, как следствие, не в состоянии друг друга понять. Увлеченный историей доктор Макс оторван от реальной жизни и абсолютно не берет в расчет кругозор Джеффа, тем самым проявляя свой эгоцентризм: *You recall newspaper reports of the find in Grasse two years ago? – Jeff evidently did not* 'Помните, два года назад писали о находке в Грассе? – Джефф, очевидно, не помнил' [Там же, p. 72]. В сцене беседы между этими персонажами комический эффект также возникает благодаря недоразумению: Джефф предлагает историку изменить темп повествования, подразумевая ускорение, в то время как Макс думает, что ему следует замедлиться. Диалог откло-

няется от намеченного Джеффом плана, и, чтобы предельно сжато передать ситуацию, Дж. Барнс обращается к метафоре: *Jeff raised his eyes to the atrium of Pitman House too late; Dr Max had already done the switch from student to professor* ‘Джефф торопливо задрал голову к высокому потолку Оазиса, но не успел: доктор Макс уже преобразился из студента в профессора’ [2, p. 72]. Метафоры *student* и *professor*, которые описывают противоположные модели поведения, помогают емко передать перелом в беседе, внезапное несоответствие задумки Джеффа результату и провоцируют комический эффект.

Джулиан Барнс не допускает однобокости в изображении специфики межличностных отношений. Высмеивая подхалимство, писатель подчеркивает, что оно не всегда приводит к ожидаемому результату. Порой благоприятное впечатление производится именно противоположной моделью поведения. На одном из заседаний историк доктор Макс выступил с провокационной речью о Робине Гуде и его команде. Предположительно выступление должно было вызвать крайне негативную реакцию сэра Джека. После того как историк покинул собрание, заявив, что увольняется, Питмен сообщает разработчику концепций Джеффу, что на него возлагается ответственность. Концовка диалога неожиданна:

‘What exactly am I responsible for?’

‘For ensuring that Dr Max’s pertinent contributions to our ideas forum continue, Get after him, dunderhead’ .

‘– За что, собственно, на меня возложена вся ответственность?

– За то, чтобы доктор Макс продолжал вносить свой посильный вклад в наш банк идей. Догоните его, дубина’ [Там же, p. 152].

Помимо обманутого ожидания комический эффект усиливается тем, что Джефф не очень хорошо относится к доктору Максу. Устранение опасений за историка контрастирует с насмешкой над разработчиком концепций.

Комические приемы позволяют раскрыть характер с разных, порой неожиданных, сторон, а соответственно, делают повествование более реалистичным. Заслуживает внимания отрывок из диалога между Мартой и доктором Максом, который произошел ближе к концу романа:

‘Look, you remember when I called you in a couple of months ago?’

‘When you were planning to sack me?’

‘– Послушайте, вы помните, как я вас вызвала пару недель назад?

– Когда планировали меня выгнать?’ [Там же, p. 236].

Прежде Марта действительно хотела уволить историка, однако впоследствии передумала и считала, что он об этом не знал. Комизм достигается посредством того, что на протяжении всего повествования доктор Макс был показан как человек, плохо ориентирующийся во взаимоотношениях между людьми, а в данной ситуации он проявляет неожиданную проницательность.

Значительное внимание Дж. Барнс уделяет проблеме взаимоотношений между мужчиной и женщиной. При помощи средств выражения комического писатель подчеркивает, что сложности чаще всего возникают из-за разных взглядов на мир, конфликта интересов или неспособности понять друг друга. Например, актер из главы «Вверх по реке» романа «История мира в 10 ½ гла-

вах», проведя в диких лесах значительный промежуток времени и пообщавшись с индейцами, пишет молодой жене в письме следующее: *Look I know we said we wouldn't talk about it and maybe it's not fair cos I don't know what state you'll be in when you get this, but don't we just move to the country and have babies? No I haven't fallen in the river or anything* 'Послушай, я знаю, что мы договорились этого не обсуждать, и, наверное, это нечестно с моей стороны, я ведь не знаю, в каком настроении ты будешь читать письмо, но почему бы нам все-таки не уехать за город и не завести детей? Нет, я не упал в речку, ничего такого' [3, p. 246]. Здесь очевидна ирония: разумеется, о жене актера мы можем строить только предположения, но, учитывая разницу в возрасте, отношение большинства молодых людей к жизни в деревне, тот факт, что они договорились это не обсуждать и, возможно, то, что она вышла за него замуж ради денег и известности, несложно догадаться, какова будет реакция на подобное предложение. Соответственно, актер грешит недопониманием ситуации и отсутствием проницательности, в связи с чем его поведение совершенно не согласуется с положением вещей.

В главе «Проект Арарат» в юмористическом ключе показывается процесс ухаживания за девушкой. Спайк торопит события, стараясь как можно скорее сблизиться с Мэри-Бэт, что приводит к противоположному результату. Однако прибегнув несколько позже к комплиментам, молодой человек добивается своей цели [Там же, p. 306]. Таким образом высмеивается излишняя прямолинейность Спайка. В целом читателю заблаговременно известно, что мужчины и женщины в процессе флирта отличаются друг от друга и моделями поведения, и мотивами. В данном эпизоде проявляются эти отличия, которые провоцируют не вполне соответствующее ситуации поведение Спайка, что и лежит в основе комического эффекта.

Джулиан Барнс никоим образом не преподносит налаживание любовных отношений и семейной жизни как простые задачи. Неудачи в личной жизни могут привести к разочарованию, как это произошло в романе «Англия, Англия» с матерью Марты. Женщина в итоге разделяет всех мужчин на подлецов и бесхребетников, что в оригинале звучит *either wicked or weak* [2, p. 17]. В данном примере использована аллитерация, служащая вспомогательным средством, в то время как основной комизм заключается в контрасте между семами. Автор с иронией преподносит данный контекст, поскольку он подразумевает нежелание героини видеть промежуточные варианты. Кроме того, подобное стремление упростить «классификацию» вступает в противоречие со сложностью выстраивания отношений и налаживания личной жизни.

В романе «Артур и Джордж» Дж. Барнс также эпизодически обращается к теме брака. Если на начальном этапе супружеской жизни Артура и Туи противоречия ограничивались незначительным беспокойством Туи по поводу увлечений мужа, то со временем ситуация становится все более напряженной. Туи серьезно заболевает, в то время как Артур влюбляется в Джин и, разрываясь между чувствами к обеим женщинам, начинает испытывать массу сложностей из-за необходимости врать. Показательно, что

события неизменно описываются в ироническом тоне за счет иносказания: *Touie regarded her husband's involvement in telepathy and the spirit world with the same sympathetic and watchful interest that she brought to his enthusiasm for sport* 'Туи относилась к увлечению своего мужа телепатией и миром духов с тем же сочувственным и настороженным интересом, как и к его спортивному энтузиазму' [4, p. 55]; *Two white lies are allowed to a gentleman: in order to shield a woman, and to get into a fight when the fight is a rightful one. The white lies Arthur tells Touie are far more numerous than he ever imagined* 'Джентльмену дозволены две белые лжи во спасение: чтобы защитить женщину и вступить в бой, если бой правый. Количество белой лжи, к какому Артур прибегает ради Туи, далеко превосходит то, которое он мог вообразить' [Там же, p. 238]. Такой способ повествования подразумевает, что ситуация не является из ряда вон выходящей; подобные случаи регулярно происходят, поскольку проявление слабости свойственно всем людям.

Джулиан Барнс показывает, как неспособность людей понять друг друга становится одной из причин проблем во взаимоотношениях. Обнажение несоответствия взглядов разных персонажей на одинаковую ситуацию выступает эффективным комическим приемом, с одной стороны, демонстрирующим взаимонепонимание, а с другой стороны, не допускающим трагического восприятия подобных случаев. В романе «Англия, Англия» сэр Джек, прорабатывая со своими подчиненными систему достопримечательностей на острове Уайт, приходит в восторг от того, как можно позиционировать пруд, который Х. Де-Вер Стэкпул подарил Бончеру в память о своей покойной жене: *'It might make a feature. Good God, it might make a movie!'* 'Возможно, из этого можно сделать сюжет. Боже, тут потенциала на целое кино!' [2, p. 75]. Тем не менее восторг впоследствии не был разделен королем: *Just a village pond with a few ducks, and some weeping willows, but it had made his fat host go all misty-eyed and start prating on like the Archbishop of Canterbury* 'Подумаешь, деревенский пруд с утками и плакучими ивами! Но толстяк хозяин, закатив глаза, понес байду не хуже Архиепископа Кентерберийского' [Там же, p. 165]. Аналогичная реакция последовала и на другое развлечение: *Now these SAS men, or whatever they were, all dressed up in women's clothing, and carrying baskets of eggs, were parachuting down in front of his eyes to some patriotic soundtrack. He'd quite lost the plot as to who they were in the programme* 'Вот теперь эти спецназовцы, или кто они там, все как один наряженные бабами, держа корзинки яиц, спускались на парашютах чуть ли не ему на голову под звуки какой-то патриотической фонограммы. Поди знай, кого они изображают – нить сюжета он давно уже потерял' [Там же]. Безусловно, данный фрагмент был бы лишен комического начала, если бы читателю не было заблаговременно известно, какие надежды разработчики проекта возлагали на эти аттракционы. Юмористический эффект заключается главным образом в последнем предложении, так как оно обнажает несоответствие между оценкой привередливого короля и хозяев Острова, а также высмеивает самомнение последних.

В обществе неизбежно происходит конфликт интересов, что является еще одной причиной сложностей во взаимоотношениях. Стремление сэра Джека расшатать устои английского политического строя предсказуемо встречает сопротивление со стороны руководящих органов, что передается при помощи иронии. Дж. Барнс придерживается абстрактных формулировок в эпизодах, где сэр Джек начинает предпринимать определенные действия, чтобы добиться автономии острова Уайт и переселить туда королевскую семью: *Sir Jack had put out early feelers to Parliament, but his initial offer to the nation's legislators, put at a working breakfast with the Speaker of the House of Commons, had been insensitively received; the word contempt might even have been used* 'Сэр Джек уже начал было прощупывать обстановку в Парламенте, но предварительное деловое предложение, сделанное им за рабочим завтраком с законодательной властью (воплощенной в спикере Палаты общин), было встречено с бесчувственным непониманием; увы, уместнее даже сказать «презрением»' [2, p. 85]; *These sources also reported, disappointingly, that Westminster had hardened its position on selling the Isle of Wight to a private individual* 'Вышеупомянутые источники печально доложили, что Вестминстер воспринял идею продажи острова Уайт частному лицу крайне холодно' [Там же, p. 107]. Автор только намекает на то, каков был отклик в Парламенте, что снова задействует фантазию читателя и делает высказывания комичным. Таким образом, еще больше подчеркивается абсурдность идеи создания тематического парка.

Иногда борьба интересов сводится сугубо к получению морального превосходства. В таких случаях средства создания комического играют особенно важную роль, так как даже незначительная насмешка над оппонентом позволяет достичь желанного самоутверждения. Наглядным примером здесь может служить диалог из романа «Артур и Джордж»:

Asked how he saw his future, Arthur admitted that he had thought of becoming a civil engineer.

'Well, you may be an engineer,' replied the priest, 'but I don't think you'll ever be a civil one.

'На вопрос, каким он видит свое будущее, Артур признался, что думает стать гражданским инженером'.

– Ну, инженером ты стать можешь, – заметил патер, – но вот вежливым, я думаю, ты никогда не станешь' [4, p. 14].

Каламбур, в основе которого лежит многозначность слова *civil* 'гражданский' и 'вежливый', позволяет священнику направить колкость в адрес Артура и задеть его самолюбие.

На основе рассмотренных ситуаций, иллюстрирующих поведение героев в коллективе, в любовных отношениях, во время борьбы за свои интересы, можно сделать вывод, что Дж. Барнс широко обращается к комическому с целью высмеять человеческие недостатки, такие как льстивость, самовлюбленность, лживость, недальновидность, эгоцентризм. Для этого писатель прибегает к иронии и ряду комических приемов: несоответствию поведения героя ситуации, сближению очень разных героев, неожиданности, метафоре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасова, Е.* Хамелеон британской литературы / Е. Тарасова // Иностр. лит. – 2002. – № 7. – С. 265–269.
2. *Barnes, J.* England, England / J. Barnes. – London : Vintage Books, 2012. – 376 p.
3. *Barnes, J.* A History of the World in 10 ½ Chapters / J. Barnes. – London : Picador, 2005. – 266 p.
4. *Barnes, J.* Arthur & George / J. Barnes. – London : Vintage Books, 2006. – 376 p.

В. Н. Сапега (Полоцк)

МОТИВЫ ЮНОСТИ В «РОМАНТИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ» Г. ГЕССЕ

Рассматривается художественная реализация мотивов юности в самом раннем поэтическом сборнике Германа Гессе «Романтические песни» («Romantische Lieder», 1898). Показано, что стихотворения поэта во многом являются автобиографическими. Лирический герой Гессе вступает на путь познания мира и саморазвития, испытывая при этом тоску по юности, которая приносила ему счастье. Прослеживается отчетливое влияние немецкого романтизма на стихотворения молодого поэта. Лирический герой переживает любовь, его преследует чувство одиночества. Он находит утешение в единении с природой, в общении с Богом и постоянных скитаниях вдали от мира людей. Гессе уделяет особое внимание универсальности лирического героя, его чувствительности и богатому внутреннему миру.

Немецкоязычный писатель, поэт и художник Герман Гессе (Hermann Hesse, 1877–1962) вошел в историю мировой литературы в первую очередь благодаря своим романам. Однако не менее ценной является лирика Гессе, которой поэт придавал особое значение. Он был убежден в том, что «всякое стихотворение рождается как нечто совершенно однозначное: как выплеск, зов крик, вздох, жест, как реакция глубоко взволнованной души, когда душа отбивает натиск нахлынувшего чувства, переживания, события, или – осознает их» [1, с. 59]. Гессе считал, что «Вся лирика – это отражение мира в отдельном “я”, отклик внутреннего “я” на мир, жалоба, чувство и игра совершенно осознанного одиночества» (здесь и далее перевод наш. – *В. С.*) «Alle Lyrik ist Spiegelung der Welt im vereinzelten Ich, Antwort des Ich auf die Welt, ist Klage, Besinnung und Spiel einer ganz und gar bewußt gewordenen Vereinsamung» [2]. Поэзия Германа Гессе, как и все его творчество, является отражением души писателя.

Лирика Германа Гессе на первом этапе своего развития переосмысляла многие принципы романизма: «одушевление природы благодаря употреблению метафор, олицетворения; воспевание темы странничества, вызванного страстью к движению, к переменам, уход в природу. Это и необычайная музыкальность лирических произведений» [3]. Однако «Гессе не был простым подражателем романтических образцов XIX века. В какой-то степени он явился восприемником лучших романтических традиций и, преобразив их в своем творчестве, сумел донести их до современников и последующего поколения. Поэзия Гессе испытывала определенное влияние

романтиков, но это объяснялось и личностными качествами поэта – любовью к природе, мягкостью характера, стремлением к уединению, и обстоятельствами его жизни в юности – непонимание со стороны окружающих, безответная любовь» [3].

В лирике Гессе мы встречаем мотив юности, который является одним из ведущих мотивов в немецком романтизме. Поэты воспевали пору юности как время свободы, радости и беззаботности. С этапом взросления юношеская способность видеть счастье и красоту в мире и в людях исчезает, что заставляет романтиков страдать и постоянно возвращаться к воспоминаниям о юности. Гессе не скрывает своего пристрастия к романтическим традициям и называет свой первый поэтический сборник «Романтические песни», в «котором заявляет о себе как последователь романтизма» [Там же], неоромантик.

Томик, включающий в себя 47 стихотворений, был издан на собственные деньги поэта тиражом в шестьсот экземпляров. Эпиграф был взят у немецкого романтика Новалиса (Novalis, 1772–1801):

Взгляните, пришелец – он здесь.
Он знает, что изгнан из той же страны, что вы;
В печаль погружен он такую,
Что даже радостный день смиренно стихает пред ним [4, с. 50].

«“Романтические песни” заключают уже в самом своем названии эстетическое и личное исповедание» [Там же], – признается молодой Гессе в письме к матери от 2 декабря 1898 года. Таким образом, можно отметить, что поэтический сборник отражает страдания и переживания самого поэта.

Первое стихотворение сборника «К красоте» («An die Schönheit», 1898) отсылает нас к стихотворению Фридриха Гёльдерлина (Johann Christian Friedrich Hölderlin, 1770–1843) «Гимн к красоте» («Hymne an die Schönheit»):

С юных лет твое дыханье	Schon im grünen Erdenrunde
Чуял я и на земле.	Schmeckt’ ich hohen Vorgenuß;
Уст божественных лобзанье	Bebend dir am Göttermunde,
Знаком высшего признанья	Trank ich früh der Weihestunde
На моем горит челе [5].	Süßen mütterlichen Kuß [6].

Идейное содержание обоих стихотворений явственно перекликается между собой. Лирические герои Гёльдерлина и Гессе испытывают тоску по утраченному чувству красоты, счастья и радости, которое в юности дарила им природа:

Моими юными годами	Über meinen Jünglingsjahren
Управляла твоя рука –	War das Lenken deiner Hand –
Благородные девушки с волнистыми волосами,	Edle Frauen mit Lockenhaaren,
Кокетливые танцы и риск,	Kecke Tänze und Gefahren,
Ночи раздумий о жизни и смерти.	Denkernächte über Tag und Tod.
А на берегу неба алым цветом цвел	Und am Himmelsufer glühte rot
Каждую ночь мой манящий родной край.	Jede Nacht mein Heimwehland [2, S. 9].

В детские годы герой видел свободу и необъятность мира в «зеленых окрестностях»/«Grüne Nähen!» и «золотых далях»/«Goldne Weiten!». Герой разделял свое счастье с природой, находился с ней в близком общении. В молодые годы красота проявлялась для него в юношеской любви и в размышлениях о тайнах жизни и «смерти»/«Tod». Со временем лирический герой теряет эти светлые чувства, и его настигает одиночество, душа героя становится «больной»/«kranke Seele». Используемые повторно Германом Гессе эпитеты «в темную реку времени»/«in den dunklen Fluß der Zeit», «темный паромщик»/«der dunkle Fährmann» и метафора «мое одиночество возвышается»/«wölbt sich meine Einsamkeit» указывают на мрачное настроение героя, его страдания по потерянному счастью, что также усиливает эпифора «мой манящий родной край»/«mein Heimwehland», существительное, не встречающееся в словарях немецкого языка, а значит, составленное сами Гессе. Лирический герой мечтает вновь обрести утраченное счастье, вернуться на родину, на «небесный берег»/«Himmelsufer», и, будучи взрослым, ему кажется это непосильной задачей. Ведь теперь, во взрослые годы, для достижения гармонии и счастья необходимо много трудиться. Однако у Гессе, как и у Гёльдерлина, надежда продолжает жить. Герой готов преодолеть все преграды, чтобы в конце пути найти свою духовную родину.

Увядание юности запечатлено в следующем стихотворении сборника «Мелодия» («Melodie», 1898), которое пронизано мрачным настроением, холодом и даже ужасом. Гессе в темных тонах обрисовывает безвозвратный уход юношеских лет, активно прибегая к эпитетам «дикое море»/«ein wildes Meer», «красные флаги»/«roten Fahnen», метафорам «смерть стоит»/«steht der Tod», «смерть смеется и играет на скрипке»/«der Tod lacht und geigt». Юность Гессе изображает с помощью метонимий «королевский ребенок»/«ein Königskind» и «жених мертв»/«der Bräutigam tot». Описываемая пора безвозвратно ушла и теперь живет лишь в мечтах лирического героя. Уход юности и вызванный от этого ужас лирического героя мы видим также в «Книге песен» («Buch der Lieder», 1827) Генриха Гейне (Heinrich Heine, 1797–1856). В стихотворении «Зловещий грезился мне сон» («Ein Traum, gar seltsam schauerlich», 1817) поэтический персонаж радуется окружающей его природе: цветам в саду, травам, водоему. Он встречает прекрасную молодую девушку, олицетворяющую юность. Девушка готовит гроб и могилу для лирического героя, чтобы похоронить его молодость. Героя сковывает страх от угрожающей ему гибели:

С тяжелым заступом в руках –	Auf weiter Heid stand weiße Maid,
И роет им. Могильный страх	Grub tief die Erd’ mit Grabescheit.
Меня объял. О, как она	Kaum wagt ich noch sie anzuschau’n,
Была прекрасна и страшна!	Sie war so schön und doch ein Grau’n.

(Пер. М. Л. Михайлова) [7].

Герой стихотворения «Слишком поздно» («Zu spät», 1897) не в силах уйти из поры юности, он не может смириться с тем, что возврата туда нет. Герой измучен, изранен и одинок, он не знает, как ему приспособиться к миру взрослых людей, который, как видится герою, не принимает его,

больного и усталого. Прилагательные «хмурый, мрачный»/«trüb, vertrübt» помогают раскрыть душевное состояние персонажа – печальное, грустное. Бессилие лирического героя поэт демонстрирует, используя эпитеты «щуплые пилястры»/«schmächtigen Pilastern», «болезненные взмахи крыльев»/ «krankem Flügelschlagen», «увядшие молитвы»/«welke Beete», «бледная королева»/«die blasse Königin». А сам герой сравнивается с «запоздалым блуждающим мотыльком»/«irrt noch ein später Falter». Таким образом, еще совсем в молодом возрасте лирический герой уже испытывает боль и усталость от трудностей жизни.

Герман Гессе продолжает изображать страдания в стихотворении «Принц» («Der Prinz», 1898). Здесь поэт называет юность «принцессой»/ «Prinzessin», а название самого стихотворения намекает нам на непосредственную связь лирического героя с юностью, которая приносила ему чувство свободы и непобедимости. Гессе пишет о широком размахе юношеских мечтаний и планов, которые оказались неосуществимыми:

Мы хотели забыть все,	Wir wollten alles verlernen,
Что было мелким и ужасным,	Was klein und häßlich war,
Мы хотели через близкие края и дальние	Wir wollten Nähen und Fernen
Промчаться со счастливыми песнями…	Mit Glücksliedern übersternen…
	[2, S. 12].

Интересным является глагол «превзойти»/«übersternen», придуманный, вероятно, самим поэтом и состоящий из корня «звезда»/«stern» и предлога «над, через»/«über». Глагол указывает на величие и чувство необъятности мира, которые жили в душе лирического героя. Он желает в своих устремлениях взлететь выше звезд. Уход юности унес вместе с собой яркие краски жизни, отчего она становится «серой»/«vergrauet». Герой чувствует себя «уставшим»/«müd». Он в отчаянии и беспокойно ищет потерянное счастье, которое казалось для него таким доступным ранее:

Теперь я посвящаю всем ветрам	Nun gebe ich allen Winden
Свои жаркие песни.	Meine heißen Lieder mit
Они должны отыскать тебя	Sie sollen dich suchen und finden
И рассказать о страдании,	Und sollen das Leid dir künden,
О том, как мучается из-за тебя	Das mein Herz um dich erlitt…
мое сердце.	[Там же].

Риторические вопросы усиливают волнение и испуг лирического героя: «Принцесса, где ты осталась?»/«Prinzessin, wo bliebest du?», «Принцесса, когда ты вернешься?»/«Prinzessin, wann kommst du zurück?». Он не намеревается прекращать поиски потерянного счастья, с замиранием сердца ожидая его возвращения.

Стихотворение «Шопен» («Chopin», 1898) очень музыкальное, ритмичное по своему построению, описывает последние попытки лирического героя насладиться мгновениями юности. Под звучание музыки Шопена, в ритме вальса герой буйствует и безумствует в попытке впитать хотя бы еще частичку той легкости, которую дарило ему юношеское время:

Следующая ночь – мое ложе –	Die nächste Nacht mein Bette sind –
Возможно, мое смертное ложе. – Эгей, музыка!	Mein Totenbett vielleicht. – Juchhe, Musik!
Мой пылкий взор жадно выпивает	In durstigen Zügen trinkt mein heißer Blick
Юную, прекрасную, румяную жизнь,	Das junge, schöne, rote Leben ein,
И он никогда не сможет насытиться.	Und trinkt sich nimmer satt an seinem Licht [2, S. 13].

Лирический герой прощается с этим временем, осознавая, однако, что не успел сполна ощутить всю его красоту и неповторимость. «Шопен» – стихотворение, наполненное отчаянием, болью, криком измученной души, что подтверждают многократные риторические восклицания: «А теперь в пляс!»/«Und nun zum Tanz!», «Еще один час до битвы!»/«Noch eine Stunde bis zur Schlacht!», «Еще один танец!»/«Noch einen Tanz!», «Спой мне свою любимую колыбельную!»/«Sing mir dein liebes Wiegenlied!». Следует заметить, что данное лирическое произведение разделено на три части, первая из которых является своего рода завязкой, вторая – кульминацией, третья – развязкой. Последняя часть стихотворения имеет ниспадающий тон, что отражает успокаивающееся настроение лирического героя. Герой усмиряет свое неистовство и уже с привычной болью и полным бессилием просит, молит юность о том, чтобы она сжалилась над ним и принесла хотя бы малейшую надежду на покой, хотя бы каплю того света, который она дарила герою ранее. Лирический герой понимает, что он больше никогда не сможет вернуться в счастливые юношеские годы, он сломлен и подавлен: «такой увядший и шаткий, сломленный и больной в своей тоске по родине»/«so welk und schwank, gebrochen und am Heimweh krank». Мрачное настроение героя, его бессилие передают также прилагательные: «бледный»/«bleich», «темный»/«dunkle», «тоскливый»/«schwermütig», «беспокойный»/«ruheloses», «мертвый»/«totem», «стягивающий болью»/«wehbeklommen» и существительные: «увядание»/ «Welken», «смерть»/«Tod», «ужас»/«Graus», «тоска»/ «Schwermut».

«Творчество Гессе – это самоизображение и самоанализ, спор с собой и погружение в себя. Гессе пребывает в сфере собственного “я” весьма осознанно» [4, с. 8]. Так, в религиозно очерченном стихотворении «Болезнь» («Krankheit», 1898) лирический герой снова желает вернуться в состояние юности. Здесь юность сравнивается с подлинным счастьем, с внутренним «я» героя или же с духовной родиной. Эти три понятия объединяет следующее: во внутреннем «я» находится истинное счастье, которое люди беспрепятственно испытывают в пору юности. Во взрослые годы человеку с большим усилием воли всем сердцем необходимо устремляться к Богу, чтобы Бог дарил ему счастье, чтобы человек чувствовал связь с духовной родиной.

Интересной является в стихотворении «Болезнь» метонимия «утомленный полетом»/«den Flügelmüde» («Flügel»/«крылья», «müde»/«утомленный»). Это существительное снова придумал Гессе для описания самого героя. Таким образом, можно наблюдать, как лирический герой потерял связь с юношеским счастьем, и в попытках найти ее снова выбился из сил. Он жаждет вернуть былое чувство гармонии и радости:

Отведи меня в мой глубокий лес,
Где всевозможные чудесные существа
Оживленно бродят с венками
на голове, –
Где все – Боги, в которых я когда-то
верил!

Führ mich in meinen tiefen Wald,
Wo Wunderwesen mannigfalt
Lebendig wandeln mit bekränztem
Haupt, –
Die Götter alle, die ich einst
geglaubt! [2, S. 16].

Герой хочет вновь обрести себя, найти дорогу в свое внутреннее «я», в райское место, где жива вера в чистоту человеческой души, в богов и во всевозможные чудеса, – в состояние безусловной любви. Лирический герой задает вопрос: «Мой друг, что сталось с тобой?»/«Mein Freund, was ward aus dir?». Он не осуществил свои детские и юношеские мечты и удивляется тому, как он мог потерять дорогу к счастью. Герой взывает к потерянному юношескому счастью в надежде еще хотя бы ненадолго задержаться в нем, увидеть его золотое сияние:

Если еще твое сердце думает
о моем всемогуществе,
Надень на свою голову золотую
корону!

Wenn noch dein Herz an meine
Allmacht glaubt,
Dann schmücke mit dem schweren
Gold dein Haupt! [Там же]

Нельзя оставить без внимания упоминание в этом стихотворении «страшной ночи»/«der bangen Nacht» и «мечтательно-страшных ночных часов»/«träumebangen Stunden der Nacht», которое встречается и в других стихотворениях сборника «Романтические песни» («К красоте», «Шопен»). Тему ночи Гессе позаимствовал, в первую очередь, у швабского романтика Эдуарда Мерике (Eduard Friedrich Mörike, 1804–1875). Ночь – это подруга лирического героя, с ней он общается, ей он доверяет свои тайны. Иногда ночь может вызывать у персонажа чувство страха, иногда чувство умиротворения или таинственности.

О том, как рушатся юношеские идеалистические представления о жизни, рассказывается в стихотворении «Ответ» («Antwort», 1898). В светлые мечты лирического персонажа входит суровая реальность. Герой задается вопросом: «Но разве больше никогда перед твоими глазами не возникнет умершая святыня в бессонных ночах – прогулка у пруда, песня, лунный свет?»/«Wird aber nie das tote Heiligtum – ein Gang am Teich, ein Lied, ein Mondenschein in wachen Nächten die vor Augen sein?». Лирический персонаж надеется, что после того, как взрослым человеком овладеет суетность мира и бездуховность, наступит сожаление, раскаяние и возвращение в «страну юности»/«Jugendland»: детское и юношеское состояние искреннего счастья и бескорыстной любви. Герой чувствует в себе внутренние изменения, он повзрослел и стал серьезным, но с ним осталась незримая связь с юношеской душевной легкостью и безмятежностью:

Меня связывает с твоей девичьей
порой
Светлая ленточка, что висит,
раскачиваясь между тобой и
Чужаком, которым я стал.

Mich aber knüpft, der ich ein Fremder
bin,
An deine Mädchenzeit ein helles Band
Und hängt sich schaukelnd zwischen
dich und Ihn [Там же, S. 20].

В данном стихотворении встречается слово «храм»/«Tempel», которое мы также находим и в других стихотворениях: «К красоте», «Признание» («Geständnis», 1898). Это показывает на то, что юность для Гессе и его лирического героя подобна святыне; юность – это такое божественное состояние, которое нужно трепетно в себе оберегать, как веру в Бога.

Стихотворение «Пруд» («Teich», 1898) переносит читателя к плавающему по озеру челну. В нем находится лирический герой произведения. Персонажа одолевает чувство одиночества, краски его жизни сгустились, стали «мрачными»/«düsterfarb». Свет, который освещал его жизненный путь, сначала был «скупой»/«karg», а затем совсем «погас»/«starb». Герой сам себя не узнает, после ухода юности он стал «чужим человеком»/«fremden Mann», «усталым»/«müde» и «печальным»/«trüber». Особенностью этого стихотворения является метонимия «лебедь»/«ein Schwan», с помощью которой Гессе изображает лирического героя, юность же сравнивается с «увядшим цветком»/«eine verwelkte Blüte». Герой тоскует по исчезнувшей юности, он переполнен болью в попытке вытянуть свои лебединые «обрезанные, бледные крылья»/«verschnittene, bleiche Flügel» вверх, навстречу ушедшему счастью:

Лебедь на пруду	Ein Schwan im Teiche
Плавает у камыша	Streift an das Rohr
И вытягивает обрезанные, бледные	Und reckt verschnittene, bleiche
Крылья вверх.	Flügel empor [2, S. 23].

Лирический персонаж стихотворения «Уход юности» («Jugendflucht», 1897) прощается с молодостью. Он напуган и измучен на своем жизненном пути. Уход юности для него ассоциируется с наступлением ночи, «сумерками»/«Dämmerung» и «смертью»/«Tod». Смерть этой счастливой поры Гессе запечатлел с помощью множества олицетворений («лето опускает голову»/«der Sommer senkt das Haupt», «лето смотрит»/«der Sommer schaut», «ветер движется»/«geht ein Wind»), метафор («юность остановилась за мною»/«hinter mir bleibt stehn die Jugend», «юность склоняет прекрасную голову»/«die Jugend neigt das schöne Haupt») и эпитетов («усталое лето»/«der müde Sommer», «робкий ветер»/«ein zager Wind», «юность робко стоит»/«bleibt zögernd stehn die Jugend»). Не в силах проститься с юностью, лирический герой бесцельно бродит, предаваясь грусти и отчаянию. Схожий мотив странничества мы встречаем в цикле стихотворений «Песни странника» («Wanderlieder», 1841) Йозефа Эйхендорфа (Joseph Eichendorff, 1788–1857), в стихотворении Людвига Уланда («Ludwig Uhland», 1787–1862) «Странствие» («Wanderung»), у Вильгельма Мюллера («Wilhelm Müller», 1794–1827) в стихотворении «Странствие» («Wanderschaft», 1823) и др.

Поэтический сборник Германа Гессе «Романтические песни» имеет мрачную, пессимистичную эмоциональную окраску. Лирический герой испытывает страдания из-за ушедшей юности, отчего становится печальным и угрюмым. Для передачи такого угнетающего настроения автор многократно использует в сборнике такие прилагательные, как «бледный»/«bleich», «больной»/«krank», «болезненный»/«weh», «вялый»/«welken», «увядший»/«verwelkt», «тоскливый»/«schwermütig», «усталый»/«müde», «тревожный»/

«bange», «темный»/«dunkel», «мрачный»/«düsterfarb», «печальный»/«trüb», «мертвый»/«tot». Болезненные переживания и нестабильное эмоциональное состояние лирического героя Гессе изображает с помощью многообразия художественных средств, в особенности риторических восклицаний и вопросов. Герой может испытывать как смирение перед уходом юности, так и отчаяние. Лирический персонаж чаще всего желает вернуться в пору юности, чтобы вновь ощутить счастье и гармонию жизни, так тяжело достижимые в мире взрослых. Герой тоскует по утраченной способности бескорыстно и искренне любить, видеть яркие краски жизни и радоваться ей несмотря ни на что.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гессе, Г.* Магия книги. Эссе о литературе / Г. Гессе ; пер. с нем. Г. Снежинской. – СПб. ; М. : Лимбус Пресс, 2010. – 336 с.
2. *Hesse, H.* Die Gedichte / H. Hesse. – Erste Aufl. – Berlin : Suhrkampf Verl., 1997. – 850 S.
3. *Мюнстер, Е. Г.* Гессе и романтизм [Электронный ресурс] / Е. Г. Мюнстер // Hermann Hesse. – Режим доступа: http://www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=rm. – Дата доступа: 10.03.2019.
4. *Целлер, Б.* Герман Гессе сам о себе / Б. Целлер ; пер. Е. Нечепорука. – Челябинск : Урал LTD, 1998. – 310 с.
5. *Гельдерлин, Ф.* Гимн к красоте [Электронный ресурс] / Ф. Гельдерлин. – Режим доступа: https://poets.by/poems/58d3910b43da692d18c71453. – Дата доступа: 10.03.2019.
6. *Hölderlin, C. F.* Hymne an die Schönheit [Elektronische Ressource] / C. F. Hölderlin. – Zugriffsmodus: https://www.textlog.de/17763.html. – Freigabedatum: 10.03.2019.
7. *Гейне, Г.* Книга песен [Электронный ресурс] / Г. Гейне. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Книга_песен_(Гейне). – Дата доступа: 10.03.2019.
8. *Золотухина, О. Б.* Эволюция психологизма Германа Гессе / О. Б. Золотухина. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2007. – 163 с.

Т. Я. Старасценка (Мінск)

ТЭКСТ ЯК АБ’ЕКТ КАМУНІКАТЫЎНАЙ ЛІНГВІСТЫКІ

Артыкул прысвечаны разгляду камунікатыўнага падыходу да тэксту з улікам камунікатыўнага ланцужка *аўтар – тэкст – рэцыпіент*. Звяртаецца ўвага на той факт, што тэкст з’яўляецца прадуктам першаснай камунікатыўнай дзейнасці аўтара і аб’ектам другаснай камунікатыўнай дзейнасці рэцыпіента. Кантакт аўтара і рэцыпіента праз тэкст адбываецца ў тым выпадку, калі прысутнічае агульнасць моўнай і канцэптуальнай сферы.

Станаўленне камунікатыўнай лінгвістыкі адносіцца да 70-х гадоў XX стагоддзя і звязана з прадстаўнікамі Оксфардскай школы Дж. Сёрлем, Г. Грайсам, Дж. Осцінам. Асноўным паняццем камунікатыўнай лінгвістыкі выступае дзейнасць, дакладней – маўленчая дзейнасць, на аснове якой

фарміруецца камунікатыўны падыход да тэксту. Згодна з тэорыяй маўленчых актаў існуюць тры ўзаемазвязаныя ўзроўні: лакутыўны акт (моўныя сродкі), ілакутыўны акт (мэта і ўмовы маўлення), перлакутыўны акт (уздзеянне на адрасата) [1, с. 99]. Разглядаючы праблему пастулатаў камунікацыі, А. Р. Баранаў звяртаецца да фармулёвак Г. Грайса, які вылучаў камунікатыўны прынцып супрацоўніцтва. Згодна з ім аўтар павінен прытрымлівацца пэўных правіл стварэння тэксту, арыентуючыся на рэцыпіента, і забяспечваць яму найбольш спрыяльныя ўмовы ў разуменні тэксту. Таму правіламі тэкставай дзейнасці для Г. Грайса сталі максімы якасці, колькасці, адносін і манеры, якія, аднак, не ахопліваюць усіх сфер зносін і эфектыўныя толькі ў “неканфліктных” сацыяльных сітуацыях. Даследчык, абапіраючыся на працы Г. Парэ, Дж. Ліча, далучае да прынцыпу супрацоўніцтва прынцыпы рэлевантнасці і ветлівасці, якія маюць дынамічны характар і прагматычную сутнасць [2, с. 44–45].

У ролі кванта камунікацыі выступае камунікатыўны ланцужок *аўтар – тэкст – рэцыпіент*. Тэкст з’яўляецца прадуктам першаснай камунікатыўнай дзейнасці аўтара і аб’ектам другаснай камунікатыўнай дзейнасці рэцыпіента. Кантакт аўтара і рэцыпіента праз тэкст адбываецца ў тым выпадку, калі прысутнічае агульнасць моўнай і канцэптуальнай сфер. Важным складнікам у зносінах выступае тэкст як адна з формаў камунікацыі. Неабходнасць уліку двухбаковага характару маўленчага акта адзначае А. Я. Супрун [3, с. 21]. Адрасант, або аўтар, кадзіруе паведамленне, адрасат (рэцыпіент) дэкадзіруе яго. Для перадачы інфармацыі выкарыстоўваецца знак з яго матэрыяльным бокам (планам выражэння) і ідэальным бокам (планам зместу). Калі план зместу моўнага знака звернуты да носьбіта мовы, то план выражэння мае, у першую чаргу, камунікатыўны характар, паколькі служыць для перадачы інфармацыі ў працэсе зносін [Там жа, с. 22]. У цэлым аўтар і рэцыпіент як важныя кампаненты камунікатыўнай мадэлі ўзаемапранікальныя: аўтар як суб’ект маўлення выступае яго першым адрасатам. На ўсіх этапах стварэння тэксту рэцыпіент прысутнічае ў свядомасці аўтара, што дазваляе апошняму распрацаваць адпаведную камунікатыўную стратэгію. У сваю чаргу пазнавальная дзейнасць рэцыпіента не абмяжоўваецца спасціжэннем аўтарскай інтэнцыі, а імкнецца да суаўтарства, сутворчасці. Такім чынам тэкст як аб’ект другаснай камунікатыўнай дзейнасці адрасата ўздзейнічае на яго, актуалізуючы дзейнасны працэс успрымання. Агульная мадэль *аўтар – тэкст – рэцыпіент* лагічна дапаўняецца і канкрэтызуецца мадэллю *мова (код) – паведамленне (тэкст) – рэферэнт (дзейнасць)*. Апошні кампанент – *рэферэнт* – з’яўляецца другасна адлюстраваным аб’ектам пазнання і дзейнасці чытача, які адгукаецца на першасную дзейнасць аўтара, звязаную са стварэннем паведамлення праз кодавыя камбінацыі мовы.

Неабходнасць уліку камунікатыўнага аспекту тэксту адзначалі Я. У. Сідараў, А. А. Самадзелкін, А. Ф. Папіна, В. А. Маслава, М. Р. Львоў, Н. С. Балотнава, Н. А. Фацеева, І. У. Гюбенет, Н. А. Кузьміна, Ю. М. Лотман, В. Л. Каменская, Г. Г. Пачапцоў і інш., якія даследавалі тэкст як цэласны маўленчы твор з асноўнай камунікатыўнай мадэллю *аўтар – тэкст –*

адрасат і адзінкі найбольшай актуалізацыі камунікатыўнага працэсу. У гэтым плане можна параўнаць два выданні Я. У. Сідарава – больш ранняе «Проблемы речевой системности» (1987) і позняе – «Онтология дискурса» (2008). У першым выданні даследчык прапануе шырокае разуменне тэрміна камунікатыўнасці, якое адыходзіць ад вузкага граматычнага (перадачы камунікатыўнай інтэнцыі аўтара маўлення). Пры разглядзе камунікатыўнасці як інтэгральнай прыметы тэксту трэба ўлічваць не толькі камунікатыўную ўстаноўку адрасанта, але абавязкова – свядомасць адрасата, у якой узнікаюць пэўныя адлюстраванні паведамлення адрасанта. Менавіта праз тэкст «камунікатыўная дзейнасць адпраўніка паведамлення задае канкрэтны характар рэалізацыі камунікатыўнай дзейнасці атрымальніка паведамлення» [4, с. 69]. Свае крытычныя адносіны да прыватнай мадэлі тэксту «ТЭКСТ = звышфразавае адзінства + звязнасць» Я. У. Сідараў абгрунтоўвае тым, што мадэль утрымлівае толькі ўлік паверхневай арганізаванасці, вывучэннем якой (у прыватнасці, звышфразавых адзінстваў) займаецца лінгвістыка тэксту. Такая арганізаванасць, на думку даследчыка, ускосна суадносіцца з глыбінным зместам. Таму Я. У. Сідараў прапануе вылучаць *кампанент тэксту* (яго мінімальнай камунікатыўнай адзінкай выступае выказванне) у яго сістэмна-дзейнаснай арганізацыі і функцыянаванні як цэлага. У выданні «Онтология дискурса» пытанні камунікатыўнай лінгвістыкі тэксту Я. У. Сідараў разглядае на узроўні семантыка-сінтаксічных адзінак. Даследуючы такія структурныя тэкставыя сегменты, як звышфразавыя адзінствы, іх паслядоўнасць разгортвання ад асноўнага тэзіса, аргументацыі тэзіса і выніковага паведамлення, Я. У. Сідараў робіць выснову пра аптымальную форму каардынацыі дзеянняў камунікантаў па агульнай ацэнцы рэферэнтнай сітуацыі. Прычым паслядоўнасць частак і ўнутры цэлага тэксту, і ў звышфразавым адзінстве дапускае пэўныя варыянты, што патрабуе і варыянтнай дзейнасці ўдзельнікаў камунікатыўнага акта [5, с. 160]. Можна пагадзіцца з меркаваннем Я. У. Сідарава, які ў кантэксце маўленчай камунікацыі не дыферэнцыруе паняццяў *тэкст* і *дыскурс*, бо іх разуменне выступае найважнейшым складнікам другаснай камунікатыўнай дзейнасці рэцыпіента [Там жа, с. 40–41]. У аспекце дыскурс-аналізу вылучэнне звышфразавых адзінстваў, сапраўды, абгрунтаванае, паколькі кожная такая семантыка-сінтаксічная адзінка выяўляе аўтарскія інтэнцыі і можа па-рознаму ўздзейнічаць на чытача. Гэтага ж меркавання прытрымліваецца і А. А. Самадзелкін, які разглядае камунікатыўную структуру тэксту з пазіцыі ўнутрытэкставых сувязей. Пад гэтай структурай даследчык разумее тую, па якой будуецца развіццё і рух тэксту ад слова да сэнсу. На думку А. А. Самадзелкіна, камунікатыўная структура тэксту – гэта сістэма зместавых сувязей, якія дзейнічаюць у ім на ўсіх узроўнях – тых сувязей, якія забяспечваюць аб’яднанне найдрабнейшых элементаў (выказванняў) у некаторыя кангламераты і аб’яднанне асобных фармальна незалежных кангламератаў у цэласны камунікатыўны акт. На аснове гэтага вылучаецца некалькі ярусаў камунікатыўнай структуры тэксту. Ніжні ўзровень займае паняцце інфармацыйнай пераемнасці паміж выказваннямі, якая забяспечвае звязнасць аповеду. На сярэднім ярусе знаходзіцца

звышфразавае адзінства, на верхнім – сэнсавы блок, гіпертэма і макратэма, тэма-рэматычная іерархія тэксту. Верхні ярус А. А. Самадзелкін адносіць да семантычнага ўзроўню, астатнія два – да сінтаксічнага. На нашу думку, зварот да звышфразавых адзінстваў апраўданы ў невялікіх па аб'ёме празаічных тэкстах. Што да аб'ёмных празаічных твораў і паэтычных тэкстаў, то яны патрабуюць іншых падыходаў у аспекце камунікатыўнага аналізу. У выданні «Онтология дискурса» Я. У. Сідараў фармуліруе агульны закон арганізацыі тэксту як неабходнага звяна акта маўленчай камунікацыі. Сутнасць гэтага закона ў наступным: тэксту аб'ектыўна ўласцівая тэндэнцыя да камунікатыўнасці, максімальна магчымай ва ўмовах камунікацыі, якая дасягаецца на аснове адэкватнасці камунікатыўнага зместу рэальна зладжанай камунікатыўнай дзейнасці аўтара і рэцыпіента [5, с. 217].

На важнасць уліку камунікатыўнага супрацоўніцтва *аўтар – чытач* указвае А. Ф. Папіна, якая разглядае тэкст як камунікаўны вербальны акт пісьмовага або вуснага маўлення. Яна вылучае такія паняцці камунікатыўнага акта, як *суб'ект тэксту*, які апавядае ад 1-й асобы і выражаецца займеннікамі *я, мы, мой, наш*, і *аб'ект тэксту*, які выражаецца займеннікамі 2-й асобы *ты, вы, твой, ваш.* Функцыяй аб'екта з'яўляецца абазначэнне адрасата, чытача, слухача. Падыход А. Ф. Папінай мае агульны характар, яго магчыма прымяніць да тэксту любога стылю, аднак у адносінах да маналагічнага мастацкага наратыву патрабуе пэўных удакладненняў. Неабходна ўлічваць зліццё, супастаўленне, пераключэнне суб'ектных сфер у дынамічнай прасторы мастацкага тэксту.

Дынаміку тэксту як камунікатыўнага ўтварэння В. А. Маслава бачыць у яго магчымасці «раздвойвацца» на тэкст аўтара і тэкст рэцыпіента. Такая пазіцыя грунтуецца на важнасці ўліку фактара адрасата і мэтазгодная, бо, па сутнасці, тэкст заўсёды ствараецца для кагосьці і таму мае камунікатыўную накіраванасць. Спецыфікі камунікатыўнай накіраванасці прытрымліваецца і М. Р. Львоў пры разглядзе публіцыстычнага тэксту.

Для прац Н. С. Болатнавай характэрны комплексны разгляд адзінак лексічнага ўзроўню тэксту ў іх камунікатыўнай арыентаванасці і канцэптуальнай абумоўленасці. Пад комплексным даследаваннем Н. С. Болатнава разумее поўнае сістэмна-структурнае вывучэнне ўсіх лексічных адзінак як элементаў канкрэтнай тэкставай сістэмы ў парадыгматычным і сінтагматычным аспектах. Мэта комплекснага аналізу – вызначыць асаблівасці сэнсавага разгортвання твора і рэалізацыі камунікатыўнай інтэнцыі аўтара, лінгвістычна аб'ектываваць працэс разумення і прадуцыравання тэксту адрасатам. У рамках комплекснага разгляду твора як формы камунікацыі даследчыца прапануе вылучаць функцыянальна-камунікатыўны падыход і такія дынамічныя тэкставыя адзінкі, як інфармемы і прагмемы. Пад інфармемамі Н. С. Болатнава разумее адзінкі, якія выконваюць інфарматыўную функцыю на фанетычным, лексічным, марфалагічным і сінтаксічным узроўнях. Прагмемамі, якія заахвочваюць чытача да сутворчасці, на думку Н. С. Болатнавай, выступаюць стылемы (такім тэрмінам даследчыца абазначае адзінкі з прагматычным эфектам экспрэсіўнасці, эмацыянальнасці,

ацэначнасці) і больш складаныя адзінкі, такія як стылістычныя прыёмы і тыпы вылучэння. Аднак перадусім у інфарматыўна-прагматычным аспекце Н. С. Болатнава адзначае вялікую ролю лексічных сродкаў – сігналаў, якімі карыстаецца аўтар для дасягнення камунікатыўнага эфекту. Адметнасць даследавання Н. С. Болатнавай – у вылучэнні катэгорыі чытача і нормаў успрымання тэксту. На аснове апытальнікаў праводзіцца аналіз усведамлення рэцыпіентамі загалоўка як аб'екта пазнаваўчай дзейнасці, прадметна-лагічнага і тэматычнага ўзроўняў мастацкага тэксту ў аспекце ўспрымання сюжэтна-кампазіцыйнага ўзроўню.

Камунікатыўны аспект тэксту з пазіцыі знешняй дыялагізацыі закранаюць Н. А. Фацеева, І. У. Гюбенет і Н. А. Кузьміна на ўзроўні інтэртэкстуальнасці, паколькі ў гэтым выпадку аўтар не абмяжоўваецца сферай індывідуальнай свядомасці, а звяртаецца да розных суб'ектаў выказвання – носьбітаў іншых мастацкіх сістэм. У даследаваннях праводзіцца тыпалогія інтэртэкстуальных элементаў і міжтэкставых сувязей у мастацкіх тэкстах, аднак І. У. Гюбенет паглыбляе паняцце інтэртэкстуальнасці, звязваючы яго з вертыкальным кантэкстам. Тым не менш, нягледзячы на разуменне інтэртэкстуальнасці як працэсу знешняй дыялагізацыі, што складваецца паміж тэкстамі, камунікатыўны аспект мастацкага дыскурсу абапіраецца, у першую чаргу, на індывідуальна-аўтарскі стыль. Цэласнае існаванне «тэксту ў тэксце», на наш погляд, сцірае кагерэнтнасць як важны складнік аналізу камунікатыўнага аспекту. Працэс знешняй дыялагізацыі як камунікатыўнага механізму Ю. М. Лотман бачыць у інтэрпрэтацыі рэцыпіентам семантычнай структуры тэксту. Прычым, як зазначае аўтар, нават анамальныя семантычныя структуры могуць асэнсавана інтэрпрэтавацца і мадыфікавацца. Інтэрпрэтацыя, у разуменні Ю. М. Лотмана, не столькі гатовы вынік, колькі залежны ад адрасата працэс.

Як найбольш складаны від сувязі з камунікатыўнага пункту гледжання В. Л. Каменская вылучае імпліцытныя сувязі. З такім меркаваннем можна пагадзіцца. Прычым і фарміраванне імпліцытных сувязей у працэсе стварэння тэксту, і іх аднаўленне ў працэсе ўспрымання патрабуе ад камунікантаў адпаведных ведаў. Сутворчасць, на думку даследчыцы, узнікае ў выніку «сціскання» тэксту, калі дэкадзіраванне вядзе да павелічэння тэкставага аб'ёму. Аднаўленню імпліцытных сувязей садзейнічае «С-мадэль» (В. Л. Каменская), якая існуе ў свядомасці рэцыпіента і будуецца ў адпаведнасці са зместам тэксту. Неэкспліцыраваная інфармацыя аднаўляецца за кошт тэзаўрусу асоб камунікантаў і ў такім выпадку валодае больш развітай структурай.

Сярод камунікатыўных заканамернасцей Г. Г. Пачапцоў вылучае паўтор, пункт гледжання, залежнасць аб'екта ад яго імені, дазволенасць/недазволенасць тэм, камунікатыўнасць маўчання, аднак такія заканамернасці не ўключаны аўтарам у сістэму дыялагізацыі.

Камунікатыўны падыход да тэксту (у тым ліку да мастацкага) вызначаецца і вузкім планам даследавання. У вузкім плане разглядаецца лінгвістычны аспект (З. Я. Тураева, І. Р. Гальперын), марфалагічныя і сінтаксічныя адзінкі (Г. А. Золатава, Н. К. Аніпенка, М. Ю. Сідарава, Л. А. Рэфероўская).

Так, З. Я. Тураева асэнсоўвае ролю рознаўзроўневых моўных адзінак у рухомай тэкставай сістэме. Такую рухомасць даследчыца звязвае са здольнасцю тэксту актуалізавацца ў свядомасці рэцыпіента падчас працэсу сутворчасці. Аб'ектам даследавання І. Р. Гальперына з'яўляюцца тэкставыя катэгорыі, анталагічныя прыметы і канстытуэнты. Даследчык разглядае зместава-фактуальную, зместава-канцэптуальную і зместава-падтэкставую інфармацыю. Для выяўлення і характарыстыкі сродкаў выражэння кагезіі І. Р. Гальперын прапануе сегментаваць тэкст на яго структурныя складнікі, таму асаблівую ўвагу скіроўвае на звышфразавае адзінства. Вылучэнне такіх тэкставых катэгорый, як рэтраспекцыя і праспекцыя, дазваляе зразумець спецыфіку разгортвання тэксту, выявіць імпліцытнасць, што мабілізуе творчы патэнцыял чытача. Рэтраспекцыя пазіцыянуецца і як кагезія, паколькі вяртанне да ўжо згаданых аўтарам фактаў і падзей прыцягвае да іх і чытацкую ўвагу. У пэўнай ступені рэтраспекцыя набліжаецца да працэсу парадыгматычнага плана, бо суадносіны мінулага і цяперашняга ствараюць у свядомасці сувязі сістэмнага, а не лінейна-функцыянальнага плана. Праспекцыю як граматычную катэгорыю тэксту І. Р. Гальперын звязвае з эфектам падманутага чакання. Праспекцыя, што ўзнікла ў чытача падчас чытання, аказваецца памылковай. Эфект падманутага чакання – гэта парушэнне суб'ектыўна-чытацкай праспекцыі, створанай у працэсе лінейнага разгортвання аповеду. Назіранні І. Р. Гальперына важныя ў аспекце аналізу некаторых камунікатыўных працэсаў мастацкага дыскурсу.

Грунтоўнае асэнсаванне камунікатыўных аспектаў граматыкі даецца ў працы «Коммуникативная грамматика русского языка» [6]. Разглядаюцца выпадкі супадзення суб'ектных зон аўтара і персанажа ў наратыўным рэжыме на ўзроўні вузкага кантэксту з разнастайнымі сінтаксічнымі мадэлямі. У гэтым плане перспектыўным, на наш погляд, з'яўляецца прыём уключэння ў рэпрадуктыўна-апавядальны кампазітыў рэпрадуктыўна-апісальнага кампазітыву, у выніку чаго мяняецца суб'ектная перспектыва выказвання, ствараецца адпаведная аснова ўнутранай дыялагізацыі. Можна пагадзіцца са слушным меркаваннем, што ў драматургічным тэксце, для якога характэрна рэпрадуктыўная перадача маўлення персанажаў, не ўзнікае праблемы размежавання свайго і чужога слова [Там жа, с. 287]. Дарэчным падаецца такі падыход: у наратыве прысутнічае дынамічная пазіцыя моўцы, якая праяўляецца свабодай перамяшчэння ў прасторава-часавых і суб'ектна-экспрэсіўных параметрах тэксту, «перадачай правоў» персанажу, пераключэннем, зліццём або супастаўленнем суб'ектных сфер [Там жа, с. 469]. У аналізаванай працы словы эпістэмічнай мадальнасці адносяцца да сродкаў эксплікацыі суб'екта маўлення як пасрэдніка-перцыпіента паміж аўтарам і чытачом. Такія мадальныя словы з праблематычнай верагоднасцю (*напэўна*, *можа*, *магчыма* і інш.) і катэгарычнай верагоднасцю (*безумоўна*, *несумненна*, *канечне* і інш.), на наш погляд, могуць пазіцыянавацца як сродкі выражэння прыёму ўяўлення (кампазіцыйны прыём суб'ектывацыі аўтарскага аповеду), якія актуалізуюць пункт гледжання персанажа ў мастацкім тэксце, і як сродкі выражэння катэгорыі модусу – персуазіўнасці – у мастацкай публіцыстыцы для кваліфікацыі падзей з пазіцыі аўтара.

Разглядаючы вузкі (сінтаксічны) аспект камунікатыўнага падыходу да тэксту, Л. А. Рэфероўская робіць акцэнт на характарыстыцы звышфразавых адзінстваў як асноўных тэкставых адзінак. У іх структуры даследчыца аналізуе граматычную пабудову сказаў, функцыянаванне часавых формаў дзеясловаў і формаў ладу, парадку слоў у залежнасці ад камунікатыўнага члянення. Усе адхіленні ад прамога парадку слоў выкліканы прысутнасцю ў тэксце пісьменніка і чытача з іх экспрэсіўна-эматыўнымі адносінамі да тэксту. Па сутнасці, можна пагадзіцца з тым, што ва ўсіх выпадках з'яўлення нават мінімальнага моманту суб'ектыўных адносін моўцы да зместу выказвання парадак слоў мяняецца, тым самым уяўляючы сабой прыватны выпадак камунікатыўнага сінтаксісу.

Камунікатыўны падыход да тэксту (як у шырокім, так і ў вузкім плане) дазваляе ацаніць ролю моўных адзінак у стварэнні як знешняй, так і ўнутранай дыялагізацыі тэкставай прасторы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Темиргазина, З. К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике : учеб. пособие / З. К. Темиргазина. – 2-е изд., доп. – Павлодар : ЭКО, 2002. – 140 с.
2. *Баранов, А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов ; отв. ред. Т. Г. Хазагеров. – Ростов н/Д. : Ростов. гос. ун-т, 1993. – 182 с.
3. *Супрун, А. Е.* Лекции по теории речевой деятельности : учеб. пособие / А. Е. Супрун. – Минск : Белорус. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
4. *Сидоров, Е. В.* Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1987. – 139 с.
5. *Сидоров, Е. В.* Онтология дискурса / Е. В. Сидоров. – М. : ЛКИ, 2008. – 232 с.
6. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Моск. гос. ун-т, 1998. – 528 с.

И. В. Столярова (Санкт-Петербург)

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ И ДЕМАГОГИЯ КАК СРЕДСТВО НЕУДАЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале художественного дискурса)

Статья посвящена анализу тактики речевой манипуляции героев рассказов «Зойка» Л. Райт и «Лукьянов и Серый» А. Слаповского. Отмечаются демагогические рассуждения, выраженные оборотами книжной лексики, свойственные внутренней речи персонажа, несобственно-прямая речь, наполненная газетными штампами, вытеснившими потребность мыслить. Показано, как лингвистическая демагогия оборачивается против самого демагога, становясь его сущностью; речевая агрессия приносит вред и самому агрессору, разрушая его личность изнутри. Демагогическая сущность говорящего не позволяют преодолеть негативное отношение адресата. Демагог терпит неудачу в стремлении создать у адресата иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, через который можно проникнуть в психическую сферу, не приводят к успешной коммуникации.

Манипуляция – это психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им. Проблема манипулирования сознанием отдельного человека, как и общественным сознанием, при помощи речи – одна из самых интересных и жизненно важных.

Красноречие демонстрирует умение выступающего публично мыслить. Это красноречие преимущественно позитивное, так как призвано пробуждать в слушателях радость узнавания нового. Оно ведет к пониманию, устанавливая с аудиторией диалогические отношения. Выступающему необходимо иметь склонность к речевому воздействию, способность интерпретировать действительность, стремиться к успеху и быть заранее готовым к поражению.

По мнению И. А. Стернина, эффективному общению надо учиться, как основам грамоты, необходимой каждому. Исследователь отмечает, что мы постоянно делаем замечания незнакомым, даем советы тем, кто нас не просит, критикуем людей при свидетелях и делаем еще много такого, чего категорически нельзя делать с точки зрения эффективности общения в цивилизованном обществе. Все это мешает достижению позитивного результата, ведет к повышенной конфликтности общения [1, с. 8].

Несомненной представляется мысль Ю. Н. Караулова о том, что «правильное пользование языком требует усилия и отдачи». Ученый размышляет о состоянии современного русского языка [2, с. 9] и подчеркивает, что надо говорить прежде всего о «состоянии говорящих на нем людей».

Речевая манипуляция героев современной художественной прозы – неотъемлемая часть «воспитательного процесса». Говоря о речевом портрете современного учителя, В. А. Козырев и В. Д. Черняк обращают внимание на то, что речевое поведение является визитной карточкой личности, отмечая преобладание в педагогической среде среднелитературного типа речевой культуры, для которого характерна так называемая ортологическая пассивность, то есть невнимание к языковой норме и ее нарушениям, собственная речевая небрежность, неумение и нежелание ставить вопросы о фактах языка и речи. Исследователи также акцентируют внимание на жаргонизации речи учителя, даже выраженной конфликтогенности, нагнетании отрицательной экспрессии [3, с. 41]. И. В. Столярова обращает внимание на приверженность учителей к употреблению пословиц, устойчивых выражений, позволяющих самоустраниться от возникающих проблем [4, с. 134]. Ю. Н. Караулов отмечает так называемую интимизацию речи без равноправия, чаще всего встречающуюся в речи ведущих разнообразных телешоу, когда от зрителей с разной степенью агрессивности требуется доверие, раскрепощение, раскрытие своего «я» без всяких обязательств такой же степени открытого общения со стороны ведущего. Он только играет роль своего парня, якобы имеющего право на сокращение дистанции [2, с. 12]. Это же явление наблюдается и при общении учителя со школьниками.

Стратегия речи разрабатывается в расчете на конкретную аудиторию. И. А. Стернин рассматривает следующие параметры аудитории: небольшая/большая; хорошо подготовленная/мало подготовленная; женская/мужская;

детская/подростковая/молодежная; настроенная по отношению к оратору положительно/равнодушно/отрицательно; однородная/разнородная [5, с. 76]. В небольшой аудитории выступление может приобрести характер беседы, оратор привлекает слушателей к совместному рассуждению, его аргументация должна быть особенно тщательной. В большинстве своем дети (лет до 11) не понимают иронии и подтекста, но ценят событийность изложения.

Сюжет рассказов Ларисы Райт «Зойка» и Алексея Слаповского «Лукьянов и Серый» построен на противостоянии и конфликте двух сторон – воспитателя и воспитуемого.

В рассказе Л. Райт «Зойка» речь идет о судьбе девочки, лишившейся в автокатастрофе родителей и попавшей в детский дом. При встрече потенциальных новых родителей и сироты Зойки ребенок сразу настораживается – так не похожи новые мама с папой на своих, любимых: *Женщина почему-то кажется Зое несимпатичной. Ее тонкие губы сжаты в узкую линию, взгляд бегает по кабинету. Лоб наморщен. И вся она какая-то напряженная, зажатая, неестественная. Дама елейно улыбается; никто не будет ничего предпринимать против Зоиной воли.*

Для полноценного общения с собеседниками необходим эмоциональный контакт, а Зойка чувствует неискренность и неестественность новых родителей, ей непонятны их демагогические рассуждения и установки, которым она все-таки пытается следовать, доверяя взрослым и стараясь прижиться в новой семье. Демагогия как форма манипулирования стремится ввести ребенка в заблуждение и склонить его на свою сторону с помощью ложных или искаженных рассуждений. *Отсутствие пунктуальности говорит о полнейшей безответственности человека перед другими индивидуумами и перед обществом. – Папа назидательно поднимал указательный палец. – Сегодня ты не пришла вовремя к назначенному часу, а завтра твое опоздание может вылиться во вселенскую катастрофу. – Теперь лишние полчаса будешь сидеть за уроками, – вступала монотонным голосом мама.* Демагог из корыстных побуждений применяет недобросовестные приемы в речевом общении, его рассуждения или требования основаны на грубо одностороннем истолковании правил образа жизни. Воздействие на чувства предполагает намеренное извращение фактов.

Новые родители убеждены в правильности избранной линии поведения. Они безапелляционно декларируют свои небесспорные жизненные принципы, не обращая внимания на реакцию Зойки. *Собак, и тем более кошек, держат «одни засранцы. От зверей столько грязи, что век не отмоешься. А еще аллергия, глисты чесотка и токсоплазмоз!» В зоопарке тоже «было нечего делать», с Сашкой «следовало прекратить якшаться», а танцы было «необходимо выкинуть из головы». «Танцуют одни проститутки».* Как отмечает И. А Мартьянова, в речевом общении с ребенком должна присутствовать похвала, необходимая для его нормального развития. Дети неспособны долго сосредоточиваться на предмете речи, поэтому говорящий должен заботиться о ее конкретности, эмоциональности, увлекательности, разнообразить приемы подачи доступного материала [6, с. 112].

Как манипуляторы новые родители-демагоги довольно примитивны: они сознательно использует менторский тон, безапелляционно навязывая свое мнение, не скрывают свои цели и стремление к манипулятивному воздействию. *– Сказки – это абсолютное зло, заставляющее человека верить в иллюзию и ждать чуда. – А разве плохо ждать чуда? – Конечно, нет ничего хуже несбывшейся надежды. Все хотят быть Золушками и Прекрасными принцами, а желать надо реальных вещей. Витание в облаках никогда до добра не доводило.*

Карикатурным представляется образ жизни семьи в отношении к еде: *После прогулки шли ужинать: котлетки паровые, такие же овощи. На гарнир гречка, опять гречка и снова гречка. Питание должно быть здоровым, – провозглашала мама. Родители не признавали ничего из питья, кроме воды. В исключительных случаях травяной чай в качестве успокаивающего. Все остальное портит цвет лица и поднимает сахар крови, – изрекал папа.*

У этих людей нет сомнений в справедливости и полезности своих действий. Новые родители живут в плену расхожих формул, не решаясь осознать свои возможности и желания, при этом позиционируют себя истинными интеллигентами. Каждую пятницу, вне зависимости от репертуара, отправлялись в консерваторию «питаться искусством». *«Интеллигентные люди обязаны восхищаться классической музыкой и ценить ее».* Однако ребенок воспринимают «полезное» взаимодействие по-другому. Зойка не оправдывала ожиданий, она не подходила и никак не могла заставить себя полюбить этих странных людей. Ее не прогоняли, ей не грубили, ее не наказывали. Ее терпели. Терпели с трудом и кислым выражение лица. Беда новых неудачливых родителей в том, что манипуляция и демагогия наносит ущерб самим манипуляторам. Как пишет Е. Л. Доценко, сама технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако расщепление других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе [7, с. 103].

Манипулятивная опасность может распознаваться как на уровне чувств, так и на уровне понимания. Эмоциональная оценка и рациональное понимание не обязательно осознаются, но так или иначе оказывают влияние на поведение человека. Интуитивное понимание манипуляции позволяет ребенку осознать свои желания и потребности. Зойка терпеть устала. Она вернулась в детдом: *Назад Зойку оформили без проволочек. Новые родители навсегда исчезли из ее жизни так же внезапно, как и появились. И никаких слов на прощание, и никаких просьб о прощении. Ошиблись люди. Бывает. А ребенок? Ну, что ребенок – переживет как-нибудь.*

Манипуляция как выражение неуважительного отношения к ребенку терпит крах, причиняя моральный ущерб самому манипулятору и, конечно, подопечному.

В рассказе А. Слаповского «Лукьянов и Серый» «воспитатель» – Лукьянов, скучающий дачник, из лучших побуждений пытающийся поучать деревенского подростка, ворующего яблоки. Лукьянов ощущает себя очень правильным человеком, но «правильность» эта основана на наборе лозунгов и публицистических клише, на которых, как ему кажется, строится жизнь.

При встрече с парнем, ворующим у него яблоки, Лукьянов с воспитательной целью пытается наладить контакт при помощи нравоучительных высказываний. Неудача манипуляции состоит в том, что Серый (парень действительно отпетый хулиган) чувствует пустоту слов Лукьянова.

Обороты книжной лексики, свойственные внутренней речи Лукьянова, свидетельствуют об отсутствии собственной мысли, о неспособности к какому-либо анализу ситуации. Несобственно-прямая речь переполнена газетными штампами, вытеснившими потребность мыслить. 1. *Может, и плохо, что не поймали, задним числом рассуждал Лукьянов, безнаказанное преступление, пусть и небольшое, породило череду других тайных не очень хороших поступков, которые, увы, случались в его жизни. А вот если бы получил он сразу же крепкий урок, может, остерегся бы и прожил жизнь иначе, лучше, ведь, как известно, наши грехи на наши головы в итоге и валятся.* 2. *И вообще безнаказанность – самая ужасная черта нашей современности: все делают, что хотят, и никому ничего за это не бывает.*

При помощи расхожих формул он оценивает себя со стороны. 1. *В нем напрочь отсутствовало чувство собственности, по крайней мере такое, что побуждает некоторых за свое добришко перегрызть другому человеку горло, зато всегда жило напряженное чувство гражданской ответственности. Оно-то и заставило Лукьянова действовать.* 2. *Лукьянова аж всего нравственно перекосило: он и от взрослых терпеть не мог мата, а от детей и подавно.*

Лукьянов склонен к социальным обобщениям. 1. *Не раскаяние, а злобу и досаду, вот что чувствуют все наши преступники, когда их хватают с поличным, социально обобщил в уме Лукьянов, держа пацана и думая, что делать дальше.* 2. *Вдруг это очень бедные люди, каких немало в наше время, им не на что жить, вот они и посылают ребенка воровать яблоки, чтобы потом продать их проезжающим горожанам? Пусть выручка будет рублей сто или двести, но для кого-то и это – деньги.* 3. *Продаю на дороге, – неохотно признался Серый, и Лукьянов мысленно похвалил себя: почти угадал, знает все-таки народную жизнь!.*

Однако уже небольшое сомнение может завести мысль в тупик: *Никакая бедность воровства не оправдывает. Лукьянов сам не миллионер, однако чужого в жизни не возьмет, даже если будет умирать с голоду. Тут Лукьянов споткнулся о собственную мысль, задавшись вопросом: действительно ли он, умирая с голоду, не будет способен украсть, например, кусок хлеба? Но тут же решил, что вопрос этот отвлеченный, теоретический, не надо все запутывать и усложнять.* Лукьянов живет чужой мудростью: *Если сейчас спустить все на тормозах, он поймет, что это был только порыв, быстро сошедший на нет, как часто, увы, бывает в русской жизни,*

разочаруется в мужской силе и воле, это его испортит. Разумное насилие – неотъемлемая часть воспитательного процесса, вспомнил Лукьянов чью-то мудрость. Это «разумное насилие» проявляется в том, что Лукьянов обвязал парня ремнем за шею так, чтобы и не придушить, но и чтобы нельзя было стащить через голову. *Как тут не злиться? Да и без повода стали мы злы безмерно, раздражает нас чужая нищета, давит на совесть, вернее, на душевную нейтральность, с которой мы свыклись. Печально, печально, мысленно грустил Лукьянов.*

Лукьянов, этот современный Иудушка Головлев, на его взгляд, высокоморальная личность, льстит себя мыслью о благородстве, предлагая Серому деньги. Неудавшийся манипулятор сам становится жертвой своей манипуляции, так как манипуляция превращается в единственный способ жизни. Как считает Е. Л. Доценко, картина разрушений от манипуляции содержит также и ущерб, наносимый самому манипулятору. Апеллируя к низменным мотивам, манипулятор невольно повышает их значимость в собственных глазах. Деформация или задержка личностного роста для манипулятора, возможно, чревата даже большими издержками, чем для адресата, поскольку в данном случае он не жертва манипуляции, а «сам того хочет». Манипулятор, особенно успешный, в угоду манипуляции сужает свой арсенал средств достижения целей, поэтому ему со временем все труднее вырваться из «своей колеи» [7, с. 163].

Грубый манипулятор, Лукьянов не может подстроиться под особенности своего собеседника, неловко пытается использовать «присоединение по…» (стратегиям поведения, эмоциональному состоянию). В нем есть потребность в объединении, в общении со своим подопечным, но внутренняя ограниченность, косность не позволяют ему отойти от привычных стереотипов. Он терпит неудачу в стремлении создать у подростка иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, через который можно проникнуть в психическую сферу, «влезть в душу», также не приводят к успешной коммуникации.

Нельзя не согласиться с выводом Е. Л. Доценко, что сама технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако расщепление других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе [Там же, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Практическая риторика / И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Академия, 2005. – 272 с.
2. *Караулов, Ю. Н.* О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Рус. речь. – 2001. – № 3. – С. 7–15.

3. *Козырев, В. А.* Речевой портрет современного учителя: поиски идеала / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестн. Герцен. ун-та. – 2010. – № 1 (75). – С. 36–42.
4. *Столярова, И. В.* Лексико-синтаксические средства создания образа учителя в современной прозе / И. В. Столярова // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации : материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, 11–13 нояб. 2011 г. / РГПУ ; редкол.: В. Д. Черняк (гл. ред.) [и др.]. – СПб., 2011. – С. 132–139.
5.*Стернин, И. А.* Правила и приемы речевого воздействия : учеб. пособие / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 127 с.
6. *Мартьянова, И. А*. Основы риторики : практ. материалы для занятий с учащимися : 10–11 классы / И. А. Мартьянова. – М. : Эксмо, 2007. – 128 с.
7. *Доценко, Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – СПб. : Речь, 2003. – 304 с.

З. І. Траццяк (Полацк)

МАТЫЎ ІНІЦЫЯЦЫІ Ў ВАЕННЫХ РАМАНАХ І. НАВУМЕНКІ

Артыкул прысвечаны разгляду матыву ініцыяцыі ў раманах «Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Сорак трэці», «Смутак белых начэй» І. Навуменкі. Вызначаюцца два варыянты дадзенага працэсу: перажытае персанажам-вайскоўцам і дзейнай асобай, якая ў час Вялікай Айчыннай вайны знаходзілася на акупаванай тэрыторыі. Падкрэсліваюцца змены ў светапоглядзе герояў, характарызуюцца іх новыя аксіялагічныя арыентацыі. Вылучаюцца асобныя генетычныя і тыпалагічныя сувязі, што яднаюць творы празаіка з набыткамі айчынных і замежных аўтараў, якія займаліся распрацоўкай тэмы «чалавек на вайне».

Мастацкая прастора твораў І. Навуменкі прыцягвае даследчыкаў сваім арыгінальным спалучэннем аўтабіяграфізму і прафесійнай філалагічнай культуры. Паводле В. Каваленкі, «Іван Навуменка – адзін з тых празаікаў Беларусі, у творчасці якога прынцып аўтабіяграфізму выяўлены вельмі моцна, але не прама, а па-мастацку апасродкавана… далёка не ўсе сюжэтныя эпізоды і лініі апавяданняў, аповесцей і раманаў звязаны быційна з рэальнымі перыпетыямі яго ўласнага лесу. Аўтабіяграфічныя рысы перадаюцца больш за ўсё праз вернасць памяці, праз вернасць душэўнаму вопыту, вынесенаму з юнацкіх і маладых гадоў» [1, с. 7]. Інтэнсіўнае душэўнае сталенне асобы, што прыпала на Вялікую Айчынную вайну, выбітна ўвасоблена ў раманах «Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Сорак трэці», «Смутак белых начэй». Працуючы са спецыфічным матэрыялам, беларускі мастак слова ў сваім арсенале меў набыткі замежнай і айчыннай класікі, звязанай з раскрыццём падобнай праблематыкі. П. Васючэнка адзначаў, што ў творах І. Навуменкі «пачынае дамінаваць падыход, генетычна звязаны з той традыцыяй, якую заклалі ў сусветнай літаратуры Стэндаль, Л. Талстой, Э. М. Рэмарк, А. Барбюс, М. Гарэцкі, Э. Хемінгуэй, Ю. Бондараў, В. Быкаў» [2, с. 701]. Тыпалагічныя і генетычныя аналогіі ў творах пісьменніка выходзяць за

адзначаны шэраг, убіраючы і алюзіі на фальклор, водгалас стражытнай агульнаславянскай літаратуры, і адсылкі да айчыннай і замежнай ваеннай прозы XIX–XX ст.

Працуючы над названымі творамі вялікай аповедавай формы, І. Навуменка абапіраўся на асобныя набыткі вуснай народнай творчасці. Беручы пад увагу спецыфіку эпохі, складана дакладна вызначыць паходжанне пэўных фальклорных вобразаў. Персанажы пісьменніка звязаны з савецкай адукацыйнай сістэмай, якая фарміравала інтэрнацыянальную еднасць на аснове дасягненняў рускай культуры, што вытрымалі экзамен на ідэалагічную адпаведнасць. Нельга забывацца на айчынную традыцыю, што ўплывала на свядомасць аўтара (разгледжана ў артыкуле «“Малая” і “вялікая” Радзіма: мастацкі выбар пісьменніка (Рэгіянальнае ў прозе І. Навуменкі)» Л. Сінькавай [3]). Падкрэслім, што ў раманах І. Навуменкі савецкае (у лепшых праявах) патрапіла на традыцыйную беларускую глебу, на айчынны менталітэт у яго таленавітым мастацкім выяўленні.

Юнацкія ўражанні поруч з уласна беларускім і савецкім фальклорам, рускай і замежнай класікай на ваенную тэматыку паўплывалі на мастацкую канцэпцыю І. Навуменкі. Удумлівае знаёмства са спадчынай папярэднікаў і сучаснікаў падшурхнула празаіка да ўвасаблення матыву ініцыяцыі: яго персанажы-юнакі пасля выпрабавання вайной пераходзілі на іншую прыступку калі не сацыяльнага, то псіхалагічнага жыцця. Дзеючая асоба пачынала па-новаму (больш крытычна) успрымаць савецкі соцыум, у якім яна гадавалася, больш адказна ставілася да ўласных меркаванняў пра акаляючае асяроддзе, родных і блізкіх людзей, тых, хто меў радыкальна адрозны светапогляд, адмаўлялася ад спрошчанага разумення катэгорый «свой» – «чужы».

На наш погляд, І. Навуменка выбітна ўвасобіў трагічны вопыт свайго пакалення: перш за ўсё людзей здольных да нестандартнага (творчага) спасціжэння свету. У мастацкай форме (трылогія пра Міцю Птаха) аўтар распавёў пра маладую рэфлексуючую асобу ў часы таталітарызму. Паводле І. Навуменкі, «захапіўшыся вяртаннем рэпрэсаванай літаратуры 1920-х – 1930-х, мы, здаецца, не зусім уяўляем сабе (ва ўсялякім выпадку, адкрыта не гаворым), што пісьменнікам, якія прыходзілі ў літаратуру ў другой палове саракавых, было не нашмат прасцей, што безліч іх скалечыла “ненаежная” ідэалагічная сістэма» [4].

Тыповы малады станоўчы герой у творах І. Навуменкі на пачатку свайго шляху ўсведамляў, наколькі «прыемна адчуць сябе савецкім – грамадзянінам вялікай неабсяжнай краіны, якая на вачах рабіла гісторыю», «ён быў усёй душой аддадзены школьнаму, кніжнаму, мысліў высокімі катэгорыямі, не звяртаючы ўвагі, а то і проста адварочваючыся ад усяго звычайнага, будзённага, што ён бачыў на кожным кроку ў тым жыцці, якое яго акаляла» [5, с. 25]. Малады летуценнік не прымаў рацыяналізму бацькоў, яго шакіравалі праявы прыстасавальніцтва, эгаізму, абыякавасці (ці здрады) да ідэалаў. На пачатку Вялікай Айчыннай Міця Птах узрадаваўся, бо «пачыналася нешта вялікае, агромністае – яно будзе ісці на яго… вачах, яно –

працяг той гераічнай хвалі, што даўно захліснула яго грудзі» [5, с. 26]. Адлюстраванне падобнай станоўчай рэакцыі персанажа нельга лічыць абсалютнай навацыяй (згадаем хаця б думкі Лявона Задумы з дакументальна-мастацкіх запісак М. Гарэцкага), але І. Навуменка падкрэсліў, што ў выпадку з савецкім школьнікам старэйшага ўзросту падобныя мары ўзрасталі не столькі на ніве юнацкага авантурызму, колькі на глебе свядома культывуемай афіцыйнай прапагандай рамантыкі недалёкага рэвалюцыйнага мінулага.

Аповеды старэйшых, асобныя класічныя мастацкія творы (кшталту «Вайны і міру» Л. Талстога), савецкая літаратура пра рэвалюцыю і Грамадзянскую вайну (папулярныя ў 1930-я гг. кнігі А. Серафімовіча, А. Фадзеева, Д. Фурманава, М. Шолахава) у сукупнасці ўспрымаліся моладдзю як адмысловы падручнік жыцця. Пазней героі з сумным гумарам разважалі пра ўласныя мары пра подзвігі і прыгоды, якія ўзнікалі на аснове прачытанага і пачутага: «стыхія летуценнасці захоплівала яго зноў, рэальнасць знікае, ён бачыць сябе ў розных незвычайных становішчах. Мроіцца бамбёжка. Самалёты з нямецкімі крыжамі кідаюць на акопы бомбы, усе разбягаюцца, а ён, Міця, застаецца ў акопе. Ён зусім не звяртае ўвагі на свіст і выбухі бомб. Нарэшце адна падае ля самага бруствера, Міцю абдае гарачай выбуховай хваляй, засыпае пяском. Але ён не забіты, ён толькі паранены. Збягаюцца чырвонаармейцы, хлопцы, дзяўчаты. У іх вачах нямое здзіўленне. Ніхто раней не здагадваўся, што Міця такі смелы» [Там жа]. На наш погляд, Міця Птах паўстае як годны «нашчадак» персанажаў, што сталіся плёнам айчыннай прозы пра Першую сусветную – Левіна («Набліжэнне» З. Бядулі) і Лявона Задумы («На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага) – герояў, якія прайшлі этап выхавання пачуццяў на вайне 1914–1918 гадоў.

Такім чынам, на момант ініцыяцыі на вайне персанаж І. Навуменкі меў спецыфічны багаж з уяўленняў, характэрных для тыповага камсамольца, школьных ведаў і асабістага вопыту. Першая прыступка на шляху да сталасці – знаходжанне пад акупацыяй, калі малады герой прыходзіў да высновы, што «ў жыцці складаней, заблытаней, чым аб гэтым вучылі ў школе, пісалі ў газетах, кнігах» [Там жа, с. 57]. Маладая асоба спрабавала высветліць, чаму сістэма адукацыі і ідэалагічны апарат не здолелі цалкам паспяхова духоўна загартаваць савецкага чалавека да пачатку змагання з фашызмам. Зазначым, што ў адрозненне ад герояў Э. М. Рэмарка персанажы І. Навуменкі больш прыязна ставіліся да свайго школьнага мінулага.

Беларускі празаік лічыў асэнсаванне наступстваў тэмпаральнага разрыву значным этапам асобаснага сталення: «Міцю здаецца, што ён стары-стары, усё бачыў і ўсё ведае. Чым вымяраецца бег часу? Тады, да вайны, час вымяраўся тым, што за зімой наступала вясна, у мястэчку вырасталі будынкі, у газетах пісалі пра новыя заводы і фабрыкі. Ён, Міця, рос, пераходзіў з класа ў клас» [Там жа, с. 240]. Экстрэмальная сітуацыя парывала звыклы ланцуг прычынна-выніковых сувязяў, выводзіла на першы план імперсанальную выпадковасць. Новыя абставіны штурхалі персанажа да перагляду папярэдняга жыцця, робячы асобныя нормы чалавечага існавання малаактуальнымі.

Пасля першага шоку ад змены грамадскага ладу персанажы І. Навуменкі вызначалі асобныя чыннікі, якія прывялі да такога трагічнага для савецкага чалавека руху гісторыі.

На фронце персанажы-навабранцы таксама заўважалі наступствы тэмпаральнага разрыву: «нібы вечнасць прайшла і ўсё жыццё ён быў салдатам, бег, поўз, прынікаў да каменнай, няласкавай зямлі, сціскаўся ў камяк, калі побач рваліся снарады, міны, расслабляўся, поўніўся імгненнай радасцю, калі небяспека мінала» [6, с. 104]. І. Навуменка падрабязна занатоўваў тыя быційныя фактары, што прыносілі адчуванне радыкальных змен у натуральнай хадзе часу: «Тысячагалосы гул зліваецца ў штосьці суцэльнае, грандыёзнае, чаму няма назвы, бо ніякай, хоць блізка падобнай з'явы ў прыродзе няма. Можа, каб кожнае імгненне білі перуны, над кожнай цаляй зямлі разлягаліся грымоты, можна было б уявіць нешта падобнае. Неба адразу цямнее, захінаецца дымам, і скрозь цёмную густую заслону ледзь выблісквае сонца» [Там жа, с. 87–88]. Цытата набывае ўніверсальнае гучанне: гэта і малюнак бою на Карэльскім перашыйку летам 1944 г., і рэмінісцэнцыя, што адсылае да ваенных канфліктаў мінулага, і футуралагічны дослед, бо ў 1970-я гг. мастакі слова і грамадскія дзеячы спрабавалі ўявіць аблічча будучай глабальнай узброенай барацьбы.

Часавыя і прасторавыя трансфармацыі поруч з удакладненнем аксіялагічных арыентацый прыводзілі да перагляду ўласнага месца ў свеце, адносін да суграмадзян і ворага, асабліва калі савецкі ваяр сутыкнуўся не з эсэсаўцам, а з фінскім салдатам-аднагодкам («Смутак белых начэй»): «У яго няма ніякага варожага пачуцця да забітых. Наадварот, думае пра тое, што фіны маладыя, на год-два старэйшыя за яго, і самая пара ім жыць» [Там жа, с. 85]. Герой, Сяргей Каліноўскі, «прымерваў» ролю «чужога», высвятляў, якім ён паўстаў у вачах ворага. Гэтыя думкі звязаны не толькі з перажытым на фронце, але і з акупацыяй, калі «сваё» і «чужое» ўспрымалася як нешта нястала зменлівае.

Іван Навуменка падкрэсліў, што яго персанажы вылучалі яшчэ адну групу асоб: «іншых». Гэта «людзі, якія не бачылі немцаў, і іначай адносіліся да падзей сорак першага, сорак другога гадоў… яны не ведалі адчаю, безвыходнасці» [Там жа, с. 50]. Размова ішла пра цывільных, што ўвесь час знаходзіліся ў тыле. У сувязі са з'яўленнем на старонках прозы савецкіх часоў вобразаў «свайго», «чужога», «іншага» згадаем творы А. Адамовіча («Вайна пад стрэхамі»), В. Быкава («Кар'ер»), І. Чыгранава («Плач перапёлкі»), прысвечаныя жыццю пад нямецкай уладай.

Ініцыяцыя на фронце мела на ўвазе знаёмства з ладам мыслення старэйшых, бо ў арміі «параўняліся ўзросты: прызываліся адначасна мужчыны, якія нарадзіліся пачынаючы з тысяча васемсот дзевяноста пятага і канчаючы тысяча дзевяцьсот дваццаць пятым» [Там жа, с. 7]. Кожнае пакаленне несла ўспаміны пра канфлікты мінулага (Руска-японскую вайну, Першую сусветную, грамадзянскае процістаянне, Савецка-фінскую вайну). Гэты мнагапланавы вопыт трансфармаўся ў плавільным катле Вялікай Айчыннай, у асобных выпадках дазваляючы адэкватна (без залішняга ідэалагічнага флёру) зірнуць на перажытае.

Паводле І. Навуменкі, ініцыяцыя персанажа-салдата звязана з выпрабаваннем экстрэмальнымі прыроднымі фактарамі, што памнажалі негатыўны ўплыў вайны на асобу. Ствараласяўражанне, што фізічныя пакуты – адплата за гвалт над жывымі істотамі і ландшафтам, учынены з дапамогай сродкаў масавага знішчэння. Апроч адзначанай вышэй уласцівасці, пейзаж выконваў іншыя функцыі: рэпрэзентаваў рэчаіснасць, быў маркёрам руху часу, фонам падзей, характарыстыкай душэўна-псіхалагічнага стану персанажа [7, с. 117]. Тут варта прыгадаць, што парасткі экалагічнага мыслення ў сувязі з дэструктыўным патэнцыялам ваенных дзеянняў зарадзіліся яшчэ ў старабеларускай літаратуры («Песня пра зубра» М. Гусоўскага), але надзвычайную актуальнасць яны атрымалі на пачатку XX ст. Так, М. Гарэцкі ў дакументальна-мастацкім творы «На імперыялістычнай вайне» разважаў пра ўплыў баявых дзеянняў не толькі на псіхіку чалавека, але і на быццё жывых істот, што прымалі пакуты поруч з вайскоўцам ці цывільным. Пазней падобная ідэя была рэалізавана ў творах В. Быкава («Знак бяды», «Сотнікаў», «Сцюжа»); у прозе І. Навуменкі гэта адзін са сталых матываў.

Асобнай увагі, паводле І. Навуменкі, вартая спрадвечная праблема ўзаемаадносін бацькоў і дзяцей, якая толькі абвастрылася з пачаткам вайны. Міця Птах не жадаў пагаджацца з логікай паводзін старэшых сямейнікаў. Асаблівае абурэнне ў яго выклікала жыццёвая пазіцыя бацькі: у яго «другі клопат. Ён найболей дбае аб тым, каб уратаваць ад бяды сям'ю. Ён згодзен стаяць збоку, перачакаць, пакуль не пранясецца над галавой шалёная віхура… Для бацькі маюць значэнне карова і цялушка, капа гнілой саломы… Ён, здаецца, можа жыць толькі гэтымі дробязнымі клопатамі і справамі, без таго, самага галоўнага, што дзеецца на свеце. Ён згаджаецца так жыць. Міця не згаджаецца» [5, с. 190]. Вопыт акупацыі, зняволенне ў фашысцкім засценку поруч з далейшымі паводзінамі бацькі, які імпульсіўна адважыўся на пратэст захопнікам, вымусілі Міцю перагледзець свае адносіны да родных, зразумець, што не кожны адчайны крок і задзірлівае слова нясуць станоўчы патэнцыял, набліжаюць перамогу.

На наш погляд, арышт маладога падпольшчыка (партызана, асобы, якая спачувала савецкай уладзе) у творах І. Навуменкі функцыянуе як своеасаблівы жахлівы рытуал, пад час якога выпрабоўваліся духоўныя і фізічныя здольнасці. Дзякуючы схільнасці да рэфлексіі, у такі момант герой далучаўся да плыні «патаёмнага». Знаходзячыся ў непасрэднай блізкасці ад катаў, занятых жудаснай справай, Міця Птах разважаў так: «зноў успыхвае трывожнае запытанне да самога сябе: чаму ён спакойны?.. Чаму пачуцці, душа выключаюцца нібы самі сабой?.. Замест сэрца камень. Што гэта – ахоўны інстынкт ці самы звычайны эгаізм, які чалавек не можа ў сабе задушыць?.. А можа, так трэба. Можа, чалавек проста не ў стане вынесці ўсяго, што бачыць, таму міжволі адварочваецца» [Там жа, с. 301]. Згаданая ахоўная рэакцыя неаднаразова разглядалася айчыннымі пісьменнікамі розных пакаленняў («Набліжэнне» З. Бядулі, «Карнікі» А. Адамовіча, «Апошнія сведкі» С. Алексіевіч), але менавіта маладыя персанажы ў творах І. Наву-

менкі імкнуліся «прэпараваць» уласную свядомасць, высветліць, ці з'яўляецца іх стан нормай ці паталогіяй, адказаць на пытанне, наколькі гэты адмысловы від абыякавасці стасуецца з ідэаламі сапраўднага камсамольца.

Вяртаючыся да «патаёмнага», адзначым, што героі І. Навуменкі пад час вайны свядома звярталіся да ірацыянальнага і містычнага. Былы школьнік, знаёмы з матэрыялістычнай канцэпцыяй свету, пад час вайны не цураўся ўсяго алагічнага. Пільная душэўная патрэба вымушала рабіць спробы прадбачыць будучыню народа. Пэўны містыцызм хаваўся за паралелямі з гісторыі: «Міця ў думках згадвае даты, вызначае рубяжы, на якіх адступленне скончыцца і немцаў пагоняць назад. Яшчэ ў першыя тыдні вайны яму здавалася, што галоўны бой будзе дадзен на Бярэзіне. Але раку немцы фарсіравалі так імкліва, што толькі аднойчы назва яе прамільгнула ў зводцы. Тады Міця перанёс генеральную бітву на Днепр… Набліжалася дата Барадзінскага бою. Міцю здавалася, што яна не можа прамінуць проста так, што ў гэты дзень здарыцца незвычайнае. Ён чакаў ад гэтага дня пералому ва ўсёй вайне… Але гісторыя не паўтарылася» [5, с. 40–41]. Наіўны стратэг расчароўваўся ў сваіх прагнастычных функцыях, разумеў, што гістарычны працэс складаней, чым яго ўвасабленне ў падручніку, газеце.

У той жа час персанаж («ідэалагізаваны, палітызаваны чалавек, выведзены за рамкі нармальнага жыцця» [8, с. 172]), жывучы пад акупацыяй ці знаходзячыся на фронце, ствараў (актуалізаваў) для сябе пэўныя міфалагемы, што, паводле І. Навуменкі, дазвалялі яму захаваць душэўную сувязь з савецкай Радзімай. У рамане «Смутак белых начэй» адзначалася наступнае: «Калі з атрада Сяргея з таварышамі паслалі ўсталяваць сувязь з часцямі Чырвонай Арміі… ён, убачыўшы першых савецкіх салдат, трохі здзівіўся. Уяўляў іх *волатамі, казачнымі* асілкамі, а яны былі вельмі ж ужо звычайнымі» (курсіў наш. – *З. Т.*) [6, с. 20]. Моладзі, якая жыла на занятай ворагам тэрыторыі, здавалася, што асобе патрэбны звышздольнасці, каб перамагчы фашыстаў. Навабранцы з Беларусі адчувалі, што «на тых, хто быў у палоне, акружэнні, нават проста ў акупацыі, глядзяць з халадком недаверу ці нават прытоенай знявагі» [Там жа, с. 67]. Таму яны спачатку марылі далучыцца да пераможных воінаў, а пасля з жахам уяўлялі, што могуць выпадкова абняславіць Чырвоную армію ўчынкам ці словам. У выпадку з трылогіяй пра Міцю Птаха канцэптуальным падаецца вобраз сасны пры дарозе, якая, паводле І. Навуменкі, пачала сімвалізаваць пакаленне, што быццам бы засталося ў баку ад вялікіх і малых бітваў на фронце, але ў той жа час апынулася ў эпіцэнтры змагання падпольшчыкаў і партызанаў.

Як бачым, І. Навуменка не проста засвоіў вопыт папярэднікаў і сучаснікаў, але ўдала адштурхнуўся ад іх набыткаў, каб увасобіць арыгінальную карціну быцця. Ён апісаў беларуска-савецкую terra incognita для свету, здолеў праз адну і тую ж оптыку ўбачыць асаблівае (беларускае) і агульнае (еўрапейскае, сусветнае). Раманы «Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Сорак трэці», «Смутак белых начэй» вызначаюцца пільнай аўтарскай увагай да свету маладой асобы на вайне. Персанаж І. Навуменкі праходзіў ініцыяцыю ў тыле (падпольшчык, партызан), ці на фронце (навабранец). У абодвух

выпадках адбываўся перагляд аксіялагічных дамінант мінулага: катэгорыі подзвігу і самаахвяравання набывалі не адцягнены, але надзвычай канкрэтны змест, звязаны з фізічнымі і духоўнымі пакутамі. Героі, зазнаўшы розныя праявы тэмпаральнага разрыву, сутыкнуўшыся з новым светапоглядам (старэйшых таварышаў па службе ці падпольнай барацьбе, палонных, якія збеглі з няволі, жыхароў акупаваных тэрыторый, фольксдойчаў, паліцэйскіх, фашыстаў) карэкціравалі свае рамантычныя ўяўленні пра жыццё, узгадаваныя ў тым ліку дзякуючы нястомнай працы ідэалагічнага апарату. Дзейная асоба не парывала з савецкай Радзімай, але больш цвяроза ставілася да прапагандысцкіх лозунгаў, глыбей спасцігала адносіны «свайго» і «чужога». Адбываўся перагляд адносін да «патаёмнага» і ірацыянальнага, якое станавілася не менш значным за прапанаванае савецкай адукацыйнай сістэмай матэрыялістычнае.

ЛІТАРАТУРА

1. *Каваленка, В.* І радасць, і смутак, і боль / В. Каваленка // І. Навуменка Выбр. тв. : у 2 т. – Мінск, 1995. – Т. 1 : Апавяданні. Аповесці. – С. 3–12.
2. *Васючэнка, П.* Іван Навуменка / П. Васючэнка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літаратуры. – 2-е выд. – Мінск, 2001. – Т. 3 : 1941–1965. – С. 689–713.
3. *Сінькова, Л.* «Малая» і «вялікая» Радзіма: мастацкі выбар пісьменніка (Рэгіянальнае ў прозе І. Навуменкі) / Л. Сінькова // Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літаратурная крытыка, артыкулы, гутаркі). – Мінск, 2013. – С. 117–121.
4. *Навуменка, П.* «І ён – жывы» [Электронны рэсурс] / П. Навуменка. – 2017. – Рэжым доступу: http://zviazda.by/be/news/20170811/1502461004-i-yon-zhyvy.htm. – Дата доступу: 25.03.2019.
5. *Навуменка, І.* Сасна пры дарозе / І. Навуменка. – Мінск : Юнацтва, 1991. – 333 с.
6. *Навуменка, І.* Смутак белых начэй / І. Навуменка // Выбр. тв. : у 2 т. – Мінск, 1997. – Т. 2 : Раман. Аповесці. – С. 5–188.
7. *Шаладонава, Ж.* Мастацкія функцыі пейзажа ў ваеннай трылогіі Івана Навуменкі / Ж. Шаладонава // Этот день мы приближали, как могли… : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.) : в 2 ч. / Нац. акад. наук Беларуси, М-во обороны Респ. Беларусь ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Ч. 2. – С. 116–120.
8. *Шаблоўская, І.* Паэтыка славянскай ваеннай прозы / І. Шаблоўская // Сусветная літаратура ў беларускай прасторы. Рэцэпцыя. Тыпалогія. Кантакты. – Мінск, 2007. – С. 163–179.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

О. Ч. Байдак (Минск)

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМБИНАТОРИКИ И ПОЗИЦИОННОЙ ФИКСАЦИИ КОМПОНЕНТОВ АТРИБУТИВНОЙ СИНТАГМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Атрибутивные синтагмы в испанском языке представлены разными по семантике и структуре конструкциями, как бинарными, так и многосоставными. Изучение атрибутивных характеристик языковых групп тесно связано с исследованием лексической сочетаемости и позиционной вариативности компонентов, входящих в состав именных групп. Исследование взаимоотношений между компонентами атрибутивной синтагмы позволяет изучить семантические и стилистические аспекты атрибутивности, а также установить лингвокультурологические, национально-специфические особенности категории признаковости.

Атрибутивная синтагма представляет собой группу, состоящую из определяемого существительного и определяющего его слова. Наиболее часто в роли определения в именном словосочетании выступают прилагательные. В испанской грамматической традиции к адъективам в широком смысле относятся не только качественные и относительные прилагательные, но и слова, близкие к ним по своему значению и употреблению [1, p. 906]. В следующих примерах детерминативы (*ciertas, mismos, tu*), квантификаторы (*numerosos, tres, triple*), адвербиальные (*antiguos, actual*) и модальные (*presuntos, probable*) адъективные слова наравне с качественными (*discretas, nuevo*) и относительными (*italianos*) прилагательными являются членами атрибутивного комплекса: *ciertas personas discretas, numerosos accidentes, los mismos tres presuntos cómplices italianos, nuevo triple empate, antiguos compañeros, la probable ganadora, tu actual novia.*

В испанском языке положение определения в именной группе не является фиксированным. Структурно бинарная атрибутивная синтагма может быть представлена следующими схемами: Adj + N (adjetivo + nombre) с прилагательным в препозиции или N + Adj (nombre + adjetivo) с прилагательным в постпозиции. Проблема синтаксической организации именного словосочетания отражается на семантических и стилистических характеристиках предложения-высказывания.

В соответствии с логической теорией прилагательное в препозиции передает свойство, по природе присущее понятию, выступает в описательной функции и не несет риторического ударения: *la negra noche, las blancas nubes, el fiero león*. Прилагательное в постпозиции передает индивидуализирующее или дифференцирующее свойство определяемого существительного и приобретает особое логическое ударение [2, с. 85]. Рестриктивные прилагательные ограничивают объем значения определяемого имени, выде-

ляют предмет из ряда других, не обладающих указанными признаками: *la cerámica alemana, el agua destilada, los gatos negros. El viejo es un enfermo sano* (*Azorín*).

Семантические различия между атрибутивными словосочетаниями с описательным и ограничительным признаком наглядно иллюстрируют именные группы с одним и тем же прилагательным, занимающим пре- и постпозицию соответственно. Например, в следующих именных словосочетаниях препозитивное прилагательное указывает на общеизвестный признак определяемого имени и не влияет на объем значения существительного: *la verde hierba, los misteriosos gatos, el fiero león*. В постпозиции эти прилагательные ограничивают объем значения существительного и создают потенциальные имплицитные оппозиции с другими возможными группами [1, p. 990]. Экстенсионал именных словосочетаний *la hierba verde, los gatos misteriosos, el león fiero* ýже, чем экстенсионал определяемых существительных *hierba, gatos, león*. Данные атрибутивные группы предполагают противопоставление другим возможным вариантам: *la hierba verde/la hierba seca, los gatos misteriosos/los gatos ordinarios, el león fiero/el león manso.*

В психологической концепции делается акцент на том, что препозитивное прилагательное приписывает существительному качество в субъективно-оценочном плане [3, p. 73]. Например: *un maravilloso bailarín, un esplendido director, un excelente defensa, un mal alcalde; A las desalentadas amapolas daré tu corazón por alimento* [1, p. 913]. Прилагательное в постпозиции передает качество с понятийной, более объективной точки зрения, выступает в выделительной функции. Сравним словосочетания *las preciosas piedras* (оценка) и *las piedras preciosas* (классификация).

Положение прилагательного в атрибутивной группе во многом обусловливает его категориальная принадлежность тому или иному разряду. Детерминативы и квантификаторы имеют тенденцию оказываться в препозиции. Относительные прилагательные всегда занимают постпозицию в именном словосочетании. Качественные прилагательные могут предшествовать или следовать за определяемым словом; препозиция определения имеет оттенки стилистического или субъективно-оценочного характера.

Детерминативы, квантификаторы, адвербиальные и модальные прилагательные обычно занимают препозицию, они поясняют, дополняют значение определяемого существительного, не выделяя его из ряда других. Например: *algunos árboles, muchos músicos, varias personas, múltiples llamadas, el actual ministro, un supuesto criminal*.

Относительные прилагательные всегда выступают в рестриктивной функции, являются информативно значимыми, несут смысловую нагрузку, иногда служат для образования классифицирующих номинаций и терминов. Например: *la actividad económica, la política internacional, la calle peatonal, la clínica dental, la escalera mecánica, la cuenta hipotecaria*. Исключение составляют некоторые устойчивые выражения с относительными прилагательными в препозиции: *las Sagradas Escrituras, el libre albedrío, las bellas artes, la Baja Edad media, los altos intereses*.

Качественные прилагательные могут занимать обе позиции по отношению к определяемому слову. Отмечается, что чем больше тенденция к ограничению, выделению признака, классификации, тем меньше оценки, экспрессивности и реже встречается препозиция прилагательного. В следующих примерах изменение положения определения имеет смыслоразличительную функцию: *Todos leyeron una famosa novela de la literatura española* ‘Все прочитали один и тот же известный роман’ (здесь и далее перевод наш. – *О. Б.*); *Todos leyeron una novela famosa de la literatura española* ‘Каждый прочитал какой-то известный роман’ [1, p. 999].

Некоторые качественные прилагательные (*bueno, menudo, valiente, bonito, dichoso, bendito*) занимают преимущественно препозицию и используются в экспрессивных, часто ироничных конструкциях, теряя свое первоначальное значение и приближаясь к квантификаторам и детерминативам. Например: *¡Menudo problema tenemos! ¡En buen momento has ido a nacer!*.

Ряд прилагательных (*grande, viejo, pobre, bueno, alto, vulgar*) в зависимости от положения по отношению к определяемому слову меняют свое значение. Например: *alto personaje* ‘важный человек’, *personaje alto* ‘человек высокого роста’.

Для испанского языка характерна транспозиция адъективных слов по разрядам. Достаточно распространен переход относительных прилагательных в качественные: *voluntad férrea, gesto teatral, ambiente familiar*; *una historia tan sudamericana, un acto de machismo muy hispánico, una muerte cristianísima*. Можно предположить, что подобные процессы обусловили появление в испанском языке неологизма *inmessionante.* Новое прилагательное, уже зарегистрированное в словаре, относится к футболисту Месси, характеризует его превосходную манеру игры и безграничную способность к самосовершенствованию [4].

Следует отметить, что позиционная фиксация определений в атрибутивном словосочетании имеет коммуникативную обусловленность [2, с. 86]. Именная группа с препозитивным качественным прилагательным обладает свойством единой номинации, приближается к слову. Определение выступает как эпитет, не акцентируется, имеет субъективно-оценочную, экспрессивную стилистическую окраску, адъективное слово факультативно. Качественное прилагательное в постпозиции к существительному служит для дополнительной предикации в предложении, оно информативно значимо, несет большую смысловую нагрузку, поэтому не может быть элиминировано из словосочетания и предложения без изменения его смысла.

Многосоставные атрибутивные синтагмы представляют собой словосочетания, которые включают ядро-существительное и два или более определения к нему. Прилагательные могут занимать препозицию либо постпозицию к определяемому слову, а также образуют рамочные конструкции, «обрамляя» существительное с обеих сторон [5, л. 12].

Атрибутивные связи внутри многочленных комплексов складываются по двум разным моделям, что отражается на семантическом и на синтаксическом уровне всего предложения.

В многокомпонентных словосочетаниях первой модели происходит последовательное сращение значений [6, с. 54]: каждое новое прилагательное определяет не первоначальное ядро-существительное, а новообразованную атрибутивную синтагму. Прилагательные-определения могут занимать постпозицию, препозицию, пре- и постпозицию одновременно по отношению к ядру-существительному, не имея формально выраженной союзной или бессоюзной связи между собой. Например, *una [novedosa [campaña publicitaria]]*; *el [[apoyo popular] unánime]*; *un [raro [sexto sentido]]*.

Первая модель исключительно характерна для построения многочленных атрибутивных групп в английском языке: все определения занимают препозицию по отношению к существительному, выстраиваясь в определенном порядке и обеспечивая направленное сращение значений. Порядок следования компонентов обычно представлен следующим образом: слово-указатель – оценка (качественное прилагательное) – объем – размер – возраст – цвет – происхождение – материал – существительное-ядро. Например, *a poor little pink plastic doll* [Там же, с. 56]. Изменение порядка следования определений отражается на семантике словосочетания в целом. Это иллюстрирует следующий известный пример: *criminal old lawyer* ‘старый адвокат, совершивший преступление’ и *old criminal lawyer* ‘старый адвокат, являющийся специалистом по уголовному праву’ [3, p. 73].

Для английского языка было замечено, что в многокомпонентных атрибутивных комплексах действует принцип тема-рематического и коммуникативно обусловленного построения атрибутивной синтагмы. Инициальный компонент имеет максимально ожидаемую рематическую наполненность, а каждый последующий компонент снижает степень рематичности [6, с. 54]. Таким образом, атрибуты, выражающие ценностные или оценочные представления об объекте, занимают начальные позиции. Например: *the new peace initiative, a huge circular blue plastic swimming pool*.

К атрибутивным комплексам испанского языка результаты данного исследования могут быть применены частично. Общим для обоих языков является препозитивное положение качественных оценочных прилагательных по отношению к определяемому слову. Но есть и существенные отличия. В английском языке эмфатическую нагрузку несет первый компонент атрибутивного словосочетания, а в испанском языке акцентируется атрибут в постпозиции. Например, английское предложение *I don’t like sour apples, but I do like sweet apples* на испанский язык переводится следующим образом *No me gustan las manzanas agrias, pero, sí, me gustan las manzanas dulces* [7, p. 62].

В русском языке первая модель построения многокомпонентных атрибутивных словосочетаний достаточно распространена, при этом она не является единственно возможной. Важно подчеркнуть, что для русского, английского, тюркских языков была отмечена определенная тенденция: прилагательное, связанное более тесной связью с определяемым существительным наиболее близко расположено к нему; прилагательное, выражающее менее постоянный (более субъективный) признак, стоит дальше от определяемого слова. Это справедливо и в отношении испанского языка. Данное

наблюдение объясняет тот факт, что относительное прилагательное всегда расположено ближе к определяемому слову, чем качественное. Возможно, отмеченная тенденция является универсальной [5, л. 11].

Во второй модели в ядре многокомпонентных именных словосочетаний находится одно существительное, а два и более прилагательных-определения сохраняют с ним, каждое в отдельности, атрибутивные отношения. Атрибутивные связи образуются линейно, как лучи, исходящие из центра-ядра. Прилагательные связаны между собой союзами или бессоюзной связью, занимают либо препозицию, либо постпозицию по отношению к определяемому слову. Например, *un misterioso y remoto castillo*; *una sorpresa inesperada y desagradable*; *un increíblemente repulsivo, amoratado, colorado, inesperado ser*.

В русском языке также встречаются многокомпонентные атрибутивные группы второй модели: прилагательные относятся к одному существительному, обычно располагаются в постпозиции и становятся равноправными [Там же].

Рассмотрим, как в испанском языке организуются и функционируют атрибутивные комплексы с препозицией определений (группа А), с постпозицией определений (группа В), рамочные конструкции (группа С).

Группу А образуют прилагательные, для которых предпочтительно препозитивное положение по отношению к определяемому существительному. Возможны следующие схемы построения многочленных именных синтагм группы А.

Препозиция детерминатива и препозиция качественного прилагательного: Adj(det) + Adj(cal) + N. Данные комбинации достаточно частотны в испанском языке: *[su [otra [sonada victoria]]], el [mismo [fatal desenlace]]*.

Препозиция прилагательных с модальным или адвербиальным значением и препозиция качественного прилагательного: Adj(mod) + Adj(cal) + N, Adj(adv) + Adj(cal) + N, Adj(mod) + Adj(adv) + N. Например: *el [indiscutible [brillante vencedor]], el [próximo [largo viaje]], la [probable [futura nuera]]*.

Отметим, что детерминативы, модальные и адвербиальные прилагательные всегда занимают начальное положение в группе, более отдалены от ядра. Данные атрибутивные синтагмы строятся по первой модели.

Препозиция квантификатора и препозиция качественного прилагательного допускает варьирование: Adj(cuant) + Adj(cal) + N или Adj(cal) + Adj(cuant) + N. Например: *su [primera [gran novela]], un [raro [sexto sentido]]*.

Препозиция двух и более качественных прилагательных может строиться по обеим моделям. В первой модели Adj(cal) + Adj(cal) + N происходит последовательное сращение значений: *una [pequeña [gran verdad]], la [pobre [pequeña [muñeca de plástico]]]*. Во второй модели Adj(cal) + *(y)* + Adj(cal) + N атрибутивные отношения линейны. Прилагательные равноправны и могут иметь между собой сочинительную связь (союз *y*) или бессоюзную: быть разделенными запятыми или соположенными. Например: *En aquella casa pasamos largas y monótonas horas. La gente... vinculada por sucios, infinitos cables negros. Ahora podía asomarse a las ventanas sin las lentas inútiles precauciones.* Основным критерием проверки характера атрибутивных отно-

шений в комплексе является возможность изменения порядка следования качественных прилагательных: подобные модификации допустимы только в атрибутивных группах второй модели.

В постпозиционную группу В входят преимущественно относительные и качественные прилагательные. Рассмотрим возможные схемы построения многочленных именных словосочетаний группы В.

Постпозиция двух и более относительных прилагательных: N + Adj(rel) + Adj(rel). Ближайшее к ядру относительное прилагательное ограничивает существительное и составляет с ним более узкое понятие, которое далее определяется следующим относительным прилагательным. Например: *la [[flota mercante] española]*; *una [[ganancia económica] líquida]*; *la [[comida rápida] sana]*. Порядок следования относительных прилагательных в атрибутивной группе регламентируется правилами.

Относительные прилагательные-классификаторы всегда расположены ближе к существительному-ядру, за ними следуют относительные прилагательные принадлежности: *la [[doctrina filosófica] kantiana]*, *la [[política migratoria] europea]*, *el [[ataque aéreo] japonés]*. При этом прилагательные, указывающие на принадлежность объекту, предшествуют прилагательным, относящимся к субъекту: *la [[producción ganadera] argentina]*; *los [[retratos femeninos] lorquianos]*. Прилагательные-классификаторы выстраиваются от существительного-ядра по принципу уточнения: от более общих понятий к спецификациям*: los [[[trastornos artríticos] degenerativos] menopáusicos]*, *unas [[[[maniobras militares] estratégicas] defensivas] británicas]*.

Относительные прилагательные формы и цвета допускают возможность чередования при определяемом слове: *una [[mesa rectangular] negra] ~ una [[mesa negra] rectangular]*. Прилагательные, указывающие на отношение к определенному периоду времени, обычно следуют за классификаторами: *una [[revista científica] trimestral]*. Иногда допускаются чередования: *los [[vuelos semanales] regulares] ~ los [[vuelos regulares] semanales]*. В некоторых случаях это влечет смысловые изменения: *la [[arquitectura francesa] medieval]* ‘французская архитектура эпохи Средневековья’, *la [[arquitectura medieval] francesa]* ‘средневековая архитектура Франции’.

На базе бинарных атрибутивных синтагм с относительными прилагательными, относящимися к одному существительному, образуется многокомпонентная атрибутивная структура N + Adj(rel) + *y* + Adj(rel), в которой существительное используется во множественном числе, а каждое из относительных прилагательных – в единственном. Например: *las políticas agraria y pesquera del Gobierno*; *mis abuelas paterna y materna*; *los capítulos primero y segundo*; *las recetas de las gastronomías andaluza y vasca*. Семантически данные атрибутивные синтагмы представляют собой слияние двухкомпонентных словосочетаний и отличаются от многочленных групп, рассмотренных ранее.

Постпозиция относительного и постпозиция качественного прилагательного: N + Adj(rel) + Adj(cal). Относительное прилагательное всегда стоит ближе к определяемому существительному. Более узкое значение суще-

ствительного, приобретенное посредством относительного прилагательного, получает выделительную характеристику качественного прилагательного. Например: *una [[labor didáctica] inútil]*; *un [[niño moreno] lindísimo]*; *una [[situación económica] difícil]*.

Постпозиция двух и более качественных прилагательных: N + Adj(cal) + *(y)* + Adj(cal) предпочтительно строится по второй модели, с союзной связью между определениями. Оба прилагательных дают качественную характеристику существительному, выделяя его из ряда других. Например: *¿Cómo tener una vida plena y feliz? Una sorpresa inesperada y desagradable vino a turbar sus pensamientos*.

Многокомпонентные рамочные конструкции группы С включают прилагательные всех разрядов и представлены следующими схемами.

Наиболее частотны комплексы с препозицией детерминатива и постпозицией качественного либо относительного прилагательного: Adj(det) + N + Adj(cal), Adj(det) + N + Adj(rel). Например: *su [propio [hijo mayor]]*, *el [correspondiente [programa informático]]*.

Препозиция адвербиальных и модальных прилагательных и постпозиция качественного либо относительного прилагательного: Adj(adv/mod) + N + Adj(cal), Adj(adv/mod) + N + Adj(rel). Например: *la [probable [caída brusca]] de la Bolsa, el [verdadero [sentido último]] de la existencia*.

Достаточно распространена препозиция качественного и постпозиция относительного прилагательного: Adj(cal) + N + Adj(rel). Относительное прилагательное ограничивает понятие, выражая вместе с существительным единое, более узкое понятие. Препозитивное качественное прилагательное указывает на признак, присущий определяемому понятию, либо передает субъективную оценку говорящего. Например: *el [rico [queso manchego]]*; *un [espléndido [caballo árabe]]*; *la [nebulosa [nueva [derecha española]]]*, *la triste y melancólica [lluvia otoñal]*.

Таким образом, бинарные и многосоставные атрибутивные синтагмы в испанском языке имеют схожие принципы структурно-семантической организации и функционирования в предложении. В качестве определений в атрибутивных синтагмах в испанском языке выступают разные по семантике прилагательные, включающие детерминативы, квантификаторы, адвербиальные и модальные адъективные слова. Положение определения по отношению к определяемому существительному в испанской именной группе не является фиксированным. Тенденции препозитивного и постпозитивного использования определений, выявленные для бинарных синтагм, актуальны для многокомпонентных атрибутивных словосочетаний. Атрибутивные отношения в многочленных комплексах строятся по двум моделям: последовательное сращение значений и линейные атрибутивные связи каждого определения с ядром-существительным. Исследования бинарных и многосоставных атрибутивных синтагм, проведенные на базе испанского, английского, русского языков, обнаружили закономерности национально-специфического и универсального характера. Атрибутивные комплексы представляют большой интерес для дальнейшего изучения благодаря широким возможностям комбинаторики и разнообразию позиционной фиксации компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis I : en 2 vol. / Real Academia Española. – Madrid : Espasa Libros, S. L. U., 2009. – Vol. 1. – 1960 p.
2. *Васильева-Шведе, О. К.* Испанский язык: Теоретическая грамматика: Морфология и синтаксис частей речи : учебник для ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. / О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1990. – 301 с.
3. Adjetivos en discurso: emociones, certezas, posibilidades y evidencias / ed. a cargo de M. J. Rodríguez-Espiñeira. – Santiago de Compostela : Univ., Servizo de Publ. e Intercambio Científico, 2010. − 253 p.
4. "Inmessionante" ya forma parte del diccionario [Recurso electrónico] // MARCA: Diario online líder en la información deportiva. 2013. 16 febrero. – Modo de acceso: https://www.marca.com/2013/02/16/futbol/equipos/barcelona/1361020202.html. – Fecha de acceso: 18.03.2019.
5. *Улитова, А. С.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века : дис. … канд. филол. наук : 10.02.21 / А. С. Улитова. – М., 2016. – 260 л.
6. *Шебзухова, Д. Б.* Принципы и тенденции атрибутивной синтагматики / Д. Б. Шебзухова // Вестн. ПГЛУ. – 2016. – № 4. – С. 53–59.
7. *Butt, J.* A new reference grammar of modern Spanish / J. Butt, C. Benjamin. – Londres : Hodder Educ., 2011. – 608 p.

Е. А. Булат (Минск)

РОЛЬ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена анализу содержательной избыточности испано-язычного текста для достижения цели манипулирования аудиторией, характерной для выступлений видных политических деятелей Испании. Выявляются механизмы вербального воздействия избыточной информации в политическом дискурсе при реализации максимальной эффективности речевого воздействия авторских выступлений.

Одним из наиболее популярных приемов фиксации внимания слушателей в политическом дискурсе является повтор синтаксических структур, благодаря которому создается упорядоченное построение высказывания. Как свидетельствует проанализированный нами материал испаноязычной публицистики, в рамках данного приема выделяется использование таких стилистических фигур, как плеоназм, реприза, полиптотон, анадиплозиз, анафора и многие другие. Высокая плотность повторов маркирует сильные позиции текста и тем самым помогает избежать обтекаемости и неточности изложения. Их частое употребление отмечается в дискурсах многих испанских политиков. В частности, к данному приему довольно часто прибегает премьер-министр Испании Педро Санчес: *Esta moción de censura, señorías, es consecuencia… y es consecuencia de hechos gravísimos – insisto, hechos gravísimos – que de forma*

reiterada en el tiempo han ido sacudiendo a la opinión pública. В данном случае речь политика представляет собой последовательную и упорядоченную композиционную структуру, в которой использованные повторы воссоздают смысловую однородность ее сегментов.

Прием повтора синтаксических структур рассматривается исследователями с различных точек зрения. Повтор заключается в соотношении различных текстовых фрагментов и представляет собой особую форму параллелизма, направленного на преодоление линейности текста. А. П. Сковородников [1] отмечает, что повтор заставляет реципиента возвращаться к ранее декодированному сегменту текста и сопоставлять его с сегментом, декодируемым в данный момент.

Одним из эффективных средств вербальной продуктивности в политическом дискурсе является использование плеоназма как частного проявления тавтологии. Дублирование определенного блока информации в пределах одного отрезка речи помогает адресату адекватно декодировать сообщение. Следовательно, соблюдается требование построения сообщения по принципу последовательного добавления новой информации о предмете. С точки зрения логики тавтология – это выражение, остающееся истинным независимо от того, о какой области объектов идет речь [2]. Лингвисты определяют тавтологию как содержательную избыточность высказывания, проявляющуюся в смысловом дублировании определенной части текста [3]. В прескриптивной лингвистике тавтология рассматривается как сугубо отрицательный компонент языка и имеет ярко выраженный пейоративный оттенок. Однако многие исследования логики и лингвистики свидетельствуют о продуктивности тавтологии в коммуникации. К примеру, О. А. Зайцев указывает на возможность использования тавтологии в целях соблюдения принципа вежливости [4]. В энциклопедическом словаре «Культура русской речи» тавтология определяется как стилистически мотивированная фигура речи, которая не является избыточной [5]. Тавтологические высказывания выполняют важную роль в политическом дискурсе, где реализация тенденции к избыточности вступает в противоречие с тенденцией к экономии языковых средств. Приведем пример использования тавтологии в речи короля Испании Филиппа VI, освещавшего политическую ситуацию в Каталонии: *Con sus decisiones han vulnerado de manera sistemática las normas aprobadas legal y legítimamente, demostrando una deslealtad inadmisible hacia los poderes del Estado.* В данном фрагменте оратор стремится к полноте сообщаемой информации и повторение однокоренных лексических единиц позволяет ему подать высказывание как общеупотребительное клише с устойчивым содержанием, что придает речи дополнительный вес и убедительность. Аналогичный прием лексической избыточности использует каталонский лидер Карлес Пучдемон в предновогоднем обращении к соотечественникам: *Espero que sea un año próspero, un año de progreso y un año de armonía en el que disfrutamos de los valores fundacionales de la república: libertad, igualdad y fraternidad.*

Для того, чтобы маркировать сильные позиции текста и отождествить новую информацию с исходной в политическом дискурсе, ораторы нередко

прибегают к использованию полиптотона. Данный прием служит средством поступательного развития речи и рельефного представления ее темы, что обеспечивает бóльшую концентрацию передаваемой в ораторской речи идеи. Многовекторная презентация смыслового наполнения текста, заявленного адресантом, является инструментом для раскрытия ключевой идеи ораторского выступления. При этом повторяющиеся единицы, как отмечает Т. В. Матвеева, должны быть расположены в тексте достаточно близко друг от друга, иначе повтор не будет замечен адресатом [6]. Приведем пример использования полиптотона в выступлении короля Испании: *cuidemos y reforcemos los profundos vínculos que nos unen y que siempre nos deben unir a todos los españoles*. Использование данной фигуры с глаголом *unir позволяет* Филиппу VI наделить речевой фрагмент особой психологической и символической углубленностью. Следовательно, речь становится ритмически организованной и тем самым усиливается эмоциональное воздействие на слушателей.

Для испаноязычного политического дискурса характерно использование личных и притяжательных местоимений в качестве языкового материала фигуры полиптотона. Приведем пример функционирования форм притяжательного местоимения первого лица в речи президента сената Испании Пио Гарсиа-Эскудеро: *Quisiera referirme a otro aspecto en las relaciones entre nuestros países… que, además de su propio desarrollo, posee una fundamental importancia extratégica para nuestro mutuo entendimiento*. Отметим, что в приведенном текстовом фрагменте роль своеобразного катализатора выдвигаемой сенатором идеи взаимовыгодного сотрудничества выполняет лексическая единица *mutuo*. Ораторское искусство Пио Гарсиа-Эскудеро отличает умелое жонглирование формами притяжательного местоимения *nuestro* для продвижения тезиса о безусловной необходимости политической и экономической интеграции Испании: *Nuestras Comunidades Autónomas son esenciales para nuestra convivencia social armónica…, para el funcionamiento eficaz de nuestras administraciones públicas, la sostenibilidad de nuestro modelo social de bienestar, derecho a la autonomía, consagrado por nuestra Constitución. Nuestros Parlamentos autonómicos son la resultante de esa rica diversidad aportada por cada uno de los territorios que integran España*. Функциони-рование местоименных форм в конструкции полиптотона позволяет оратору акцентировать аргументированность выдвигаемого им тезиса о недопустимости разрозненности административных субъектов Испании. Любопытно, что этот же риторический прием использует каталонский лидер Карлес Пучдемон для продвижения встречной идеи о независимости Каталонии от централизованной власти Испании: *Ahora Madrid no tendrá ninguna excusa para mantener la ocupación de nuestras instituciones o que imponga una visión colonialista de nuestro futuro.* Использованный синтаксический прием обеспечивает определенную интимизацию выступления политического лидера, в результате чего создается эффект не только доверительного общения оратора с каталонской аудиторией, но и ее коллективного противопоставления официальному Мадриду.

Отметим высокую частотность использования в политическом дискурсе приема анафоры, где она является одним из средств активизации внимания аудитории и обеспечения лучшего восприятия информации. Приведем пример роли анафоры в создании эффекта особой торжественности обращения к парламенту Филипа VI при его провозглашении в качестве короля Испании: *Hoy puedo afirmar ante estas Cámaras que comienza el reinado de un Rey constitucional. Un Rey que accede a la primera magistratura del Estado… Un Rey que debe atenerse al ejercicio de las funciones que constitucionalmente le han sido encomendadas... Un Rey, en fin, que ha de respetar también el principio de separación de poderes*

Анафора является излюбленным приемом речевого воздействя и в речах премьер-министра Испании Педро Санчеса: *¿No basta, señor Rajoy, con la acumulación de más de 900 cargos públicos imputados por corrupción? ¿No basta con que 12 de los ex ministros… estén investigados, procesados o encarcelados? ¿No basta con que lo estén tres ex ministros de su propio Gobierno, señor Rajoy? ¿No basta con que lo estén 9 ex presidentes autonómicos del Partido Popular?*. Данный прием помогает политику достичь высокой степени убедительности в полемической речи, обращенной против правительства Мариано Рахоя.

Результат речевого воздействия на адресата при анафоре модифицируется семантическим наполнением языковых единиц, их функционально-стилистическими характеристиками, вектором модальности и тому подобным. Так, прием анафоры отмечен высокой частотностью модального глагола *deber*, который в рассмотренных нами политических текстах при употреблении в форме первого лица множественного числа лишается резкого директивного характера и выражает желаемое действие, тем самым ставит политика на один уровень со слушателями. В частности, в выступлении Филиппа VI устойчиво повторяются следующие обращения к слушателям: *debemos cortar la corrupción, debemos proteger, debemos comprender y respetar, debemos asumir y atender.*

Ярко выраженным средством влияния на восприятие адресата является использование в анафоре императива или его синонимов. Как известно, на директивную модальность глагола в императиве оказывает влияние его семантическое наполнение, что еще в большей степени акцентируется в анафорических конструкциях. Приведем пример передачи оттенка вежливости при использовании глагола *permitir* в повелительном наклонении в выступлении Филиппа VI: *Y permítanme que me dirija al conjunto de los españoles; y me permitirán también, señorías, que agradezca; y permítanme añadir...* В данном случае лексическое наполнение глагола *permitir* модифицирует императивную модальность высказывания, подчеркивая оттенок вежливого обращения, что в конечном итоге оказывает еще больший персуазивный эффект за счет полиптотона и анафорической модели высказывания.

Еще одним композиционным приемом смысловой и ритмической последовательности, аргументированности политического дискурса является эпифора. Ярким примером использования эпифоры для усиления воздействия на аудиторию служит речь бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса: *Y los culpables, de aquel hecho donde murió también una ciudadana estadounidense, son*

norteamericanos de la CIA. Terroristas de la CIA. Апеллируя к синтаксическому приему эпифоры в данном примере, оратор выделяет наиболее значимые положения своего выступления и доводит их до сознания аудитории.

Лексический повтор в дополнение к основному содержанию текста создает эффект временнóй протяженности действия, что достаточно актуально для ограниченного объема выступления. При этом политики нередко прибегают к такому приему создания лексической избыточности информации, как синонимический повтор. В качестве примера приведем речь короля Испании: *me gustaría que miráramos hacia adelante, hacia el futuro; hacia la España renovada*. В данном фрагменте за счет линейного развертывания единиц синонимического ряда удается сконцентрировать внимание слушателей на результативности положительных последствий политического события и тем самым определенным образом сформировать отношение к данному политическому факту. Еще одним примером использования рассматриваемого приема служит эмоциональное выступление К. Пучдемона, вступившего в полемику с правительством М. Рахоя при анализе политических последствий референдума в Каталонии: *Que todo el mundo lo tenga claro: no claudicaré, no renunciaré, no me retiraré ante la actuación ilegítima de los que han perdido en las urnas.*

Установку на моделирование негативного отношения испанского общества к правительству Рахоя за счет использования синонимического ряда реализовал в предвыборной борьбе ныне действующий премьер Педро Санчес: *…su partido asume o sume más investigados, procesados y condenados que ninguna otra formación política en toda la Unión Europea*. В данном примере синонимические единицы *investigados/procesados/condenados* являются конструктами стилистической фигуры градации, усиливающей воздействие обличительной речи оратора на публику. В данном примере еще большего эффекта речь политика достигает за счет сочетания синонимичеких единиц со словами паронимами *asume o sume.* При этом испанскому политику удается акцентировать иллокутивную составляющую своего выступления пересечением лексической и грамматической синонимии: *Dimita señor Rajoy, y todo terminará. Podrá salir de la Presidencia del Gobierno por decisión propia.* Как видим, взаимодействуя с другими стилистическими приемами, лексический повтор усиливает эффект убеждения адресата политического дискурса.

Аналогичное манипулирование параллельными приемами языковой избыточности с целью сместить акцент в подаваемом материале и вывести на первый план необходимую информацию прослеживается в одном из выступлений Филиппа VI: *…la convivencia es el mayor patrimonio que tenemos los españoles. La obra más valiosa de nuestra democracia y el mejor legado que podemos confiar a las generaciones más jóvenes; y, por ello debemos evitar que se deteriore o se erosione; debemos defenderla, cuidarla, protegerla y hacerlo con responsabilidad y convicción.* Для придания большей экспрессивности речи оратор в данном случае сочетает полиптотон с полисиндетоном и анафорой – стилистическими фигурами, которые заключаются в намеренном повторении в текстовом фрагменте одной и той же языковой единицы либо речевой конструкции. Отметим, что именно полифункциональность лексического повтора объясняет высокую частотность его использования в политическом дискурсе.

Ярким примером комбинированного применения избыточных средств передачи текстовой информации может послужить эмоциональное выступление Мариано Рахоя, претендовавшего на пост главы правительства после победы его партии на парламентских выборах в июне 2016 года в ситуации острого правительственного кризиса в Испании: *Bueno, amigas y amigos, gracias, gracias a todos. España tiene a su disposición un instrumento muy importante que jamás le va a fallar a España y a los españoles voten lo que voten. Y ese instrumento es el Partido Popular. Ese instrumento útil para España. Me dicen aquí que recuerde que hemos ganado las elecciones. Bien, oye, hemos ganado, oye, es verdad. Bueno, amigas y amigos, hemos ganado las elecciones, reclamamos el derecho a gobernar precisamente porque hemos ganado las elecciones.* Как видно из приведенного тестового фрагмента, персуазивный эффект выступления усиливается за счет линейного развертывания в речи оратора лексических единиц и словосочетаний (*bueno, oye, gracias, instrumento, amigas y amigas, hemos ganado las elecciones*).

Таким образом, избыточность информации при синтаксическом оформлении высказывания играет важную роль в его восприятии адресатом. Для того, чтобы политический дискурс был максимально эффективным, оратор прибегает к использованию различных синтаксических структур дублирования языкового материала. Механизм их вербального воздействия заключается в том, что участники коммуникативного акта имеют неравный социальный статус, и манипулятор может «приблизить» реципиента или «дистанцироваться» от него. Как известно, синтаксис имеет стилистический функционал, поскольку участвует в формировании стилистики высказывания. Стилистические ресурсы синтаксиса представляют собой способность синтаксических единиц выступать в качестве экспрессивно-стилистических средств, то есть связанных с достижением выразительного эффекта высказывания (экспрессивный синтаксис), и функционально-стилистических, то есть типичных для той или иной сферы функционирования языка и участвующих в создании определенной стилистико-речевой организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сковородников, А. П.* Экспрессивные синтаксические конструкции русского литературного языка / А. П. Сковородников. – Красноярск : СФУ, 2013. – С. 78.
2. *Ивин, А. А.* Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Владос, 1997. – С. 328.
3. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – С. 501.
4. *Зайцев, О. А.* Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов / О. А. Зайцев. – СПб. : Питер, 2001. – С. 13.
5. *Иванов, Л. Ю.* Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / Л. Ю. Иванов. – М. : Флинта, 2003. – С. 703.
6. *Матвеева, Т. В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 131.

Ю. С. Войтович (Минск)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛАТИНСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *SOLĬDUS* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ

Знание эволюции значения слова очень важно для понимания его нынешней природы и структуры. В данной работе раскрываются значение, задачи и цели таких наук, как этимология, семантика, семасиология, показывается их взаимосвязь. Также исследуются первичная и вторичная семантические структуры латинского прилагательного *solĭdus* и его производных. В работе применяется историко-семасиологический метод исследования, который позволяет рассмотреть семантику слов испанского и русского языков, этимологически связанных с латинским этимоном *solĭdus*, в процессе ее развития. Было определено, что первичная семантическая структура латинского прилагательного *solĭdus* и его производных связана с характеристиками материальных предметов, а вторичная семантическая структура – с переносными значениями, относящимися к отвлеченным понятиям.

Язык – это одно из самых важных и самых древних общественных явлений. Возникший научный интерес к языку как историческому явлению привел к образованию в XIX веке обширной области лингвистики – сравнительно-историческому языкознанию. Венцом исследований первых компаративистов стало появление науки этимологии и этимологического анализа слова. Постепенно, благодаря этимологическим сопоставлениям сначала отдельных слов, а затем и целых лексических групп, ученые пришли к выводу о родстве индоевропейских языков, которое позднее было доказано с помощью анализа грамматических соответствий.

Таким образом, этимологии принадлежит видное место в становлении сравнительно-исторического метода в процессе формирования языкознания как науки. В свою очередь сравнительно-исторический метод открыл новые возможности перед этимологией [1, с. 9].

Для того чтобы понять, что собой представляет этимология, каковы ее задачи и цели, нам необходимо обратиться к «Лингвистическому энциклопедическому словарю». Этимология – 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов; 2) совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этого раскрытия; 3) происхождение слова [2, с. 596].

Предмет этимологии как раздела языкознания – изучение источников и процесса формирования словарного состава языка и реконструкция словарного состава языка древнейшего периода (обычно дописьменного).

В лексике каждого языка имеется значительный фонд слов, связь формы которых со значением непонятны носителям языка, поскольку структура слова не поддается объяснению на основе действующих в языке моделей образования слов. Исторические изменения слов затемняют первичную форму и значение слова, а знаковая природа слова определяет сложность реконструкции первичной мотивации, т.е. связи первичных формы и значения слова.

В науке для обозначения первоначального значения и формы слова существует термин *этимон*. Выявление этимона – основная цель этимологического исследования [1, с. 10–11].

Однако этимологический анализ слова не ограничивается одним лишь установлением его исходного значения. Задачи, стоящие перед этимологом, значительно шире. Он должен восстановить полностью (насколько это возможно) всю «биографию» исследуемого слова, то есть выяснить, какие фонетические и семантические изменения претерпело слово за всю историю своего существования, установить, с помощью каких словообразовательных средств оно было сформировано. В любом случае мы вынуждены остановиться на каких-то простейших словах, которые не подлежат дальнейшему этимологическому объяснению.

Таким образом, основные задачи, стоящие перед этимологией – это восстановить древнейшие доступные нам этапы истории слова, вскрыть причины, приведшие к возникновению слова, определить его ближайших «родственников» [Там же, с. 19].

Для понимания роли этимологии в изучении лексики, необходимо раскрыть суть исторической семантики.

Задачей исторической семантики является изучение структур знания и понимания, обусловливающих языковой каркас социального опыта определенного социокультурного сообщества в определенную историческую эпоху. Иначе говоря, темой исторической семантики является социокультурная история знания, фиксируемая в семантических изменениях основных понятий данной культуры.

Таким образом, ядром исторической семантики является философская история понятий в модифицированной форме. Модификации традиционного подхода «истории понятий» заключаются в первую очередь в том, что историческая семантика полагает целью исследования не отдельные слова-понятия, а понятия в рамках семантических полей, в которых только и обнаруживается совокупность аспектов значений отдельных понятий. Изучение понятий как элементов семантического поля означает изучение интегральных языковых выражений социального опыта и стереотипов интерпретации действительности данным культурным сообществом.

Значение этимологии для изучения семантики очень велико, так как никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию. Знание эволюции значения небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересовать специалиста по семантике [3].

Для исследования в нашей работе необходимо также раскрыть значение термина *семасиология*. Лингвистический энциклопедический словарь раскрывает значение этого термина.

Семасиология – раздел языкознания, занимающийся лексической семантикой, то есть значениями слов и словосочетаний, которые используются для

называния, номинации отдельных предметов и явлений действительности. Часто семасиология противопоставляется ономасиологии, как исследованию называния. Задачи обеих решаются в рамках более общей дисциплины – семантики [2, с. 440].

Языковеды XIX и XX веков почти не касаются вопроса об определении самого значения слова, предоставляя решение этого вопроса философам и психологам и удовлетворяясь отождествлением значения слова или с называемым им предметом, или с воспроизведением этого предмета в сознании говорящего – с представлением. Только одна сторона значения слова подвергается более детальному обсуждению в лингвистике XIX – начала XX вв. – это так называемое этимологическое значение, то есть значение, вскрываемое в слове его этимологическим анализом, установлением связи его с другими словами того же или ближайших к нему языков. Проблема соотношения этого этимологического значения ко всему содержанию слова обсуждается в языковедении XIX века начиная с Гумбольдта.

Значение слова не совпадает ни с предметом, хотя включает в себе указание на предмет, ни с сопутствующими акту языкового общения индивидуальными представлениями. Всякий акт обозначения предполагает выделение одного или нескольких различительных признаков обозначаемого, использование этого признака «как представителя предмета, характеризующего предмет, чтобы припомнить его в его целостности», его классификацию. Этимон слова определяется, таким образом, не как образ, составляющий единственное содержание слова, и не как не связанная с содержанием структурность формы, но как закон развития содержания, первоначально образующий с ним единство, но в дальнейшем составляющий как бы новое качество, отличное от содержания слова и осознаваемое как структурность его обозначения. Значение слова раскрывается как сложное структурное целое, включающее: а) сумму различительных признаков, по которым обозначается (т.е. выделяется и классифицируется) данное явление действительности; б) предметную отнесенность; в) этимон; г) социальную оценку обозначаемого. Вместе с тем раскрывается необходимость исходить при определении значения слова из семантической системы языка в целом, ибо характер и степень познания бытия на каждой стадии развития языка и мышления отражается в семантике языка в целом, а не в отдельных, вырванных из целого элементах значения.

Однако границы между семасиологическим и этимологическим исследованиями не всегда четко определены, так как для установления определенной этимологии весьма существенны показания семасиологов. И все-таки подобное разграничение необходимо: для этимологического труда семасиологические проблемы являются важными, но отнюдь не единственными, для семасиологического труда они приобретают первостепенное значение и выходят на первый план [4].

Для того чтобы определить первичную семантическую структуру прилагательного *solĭdus* и его производных, обратимся к латинско-русскому словарю И. Х. Дворецкого. Надо заметить, что первичная семантическая структура раскрывается в значениях, связанных с характеристиками

материальных предметов. Так, первое значение прилагательного *solĭdus* – ‘плотный’ (*corpus solĭdus* – ‘плотное тело’), ‘массивный’ (*vasa auro solĭda* – ‘массивный золотой сосуд’), ‘крепкий’, ‘твердый’ (*terra solĭda* – ‘твердая почва’), а также значение ‘прочный’ (*strūctūra solĭda* – ‘прочное строение’). Второе значение прилагательного – это ‘сплошной’, ‘нераздвоенный’ (*ungula solĭda* – ‘нераздвоенное копыто’).

Также среди производных латинского прилагательного *solĭdus*, имеющих первичную семантическую структуру, необходимо выделить такие существительные, как *solĭdum* в значении ‘плотное вещество’, ‘нечто твердое’ (*solĭdo offendere* – ‘натолкнуться на нечто твердое’), также употребляется в значении ‘твердая почва’ (*solĭdo procedure* – ‘проходить по твердой почве’). Существительное *soliditās* означает ‘плотность’ (*soliditās corporum* – ‘плотность тела’), ‘прочность’, ‘толщина’ (*soliditās arboris* – ‘толщина дерева’), во множественном числе имеет значение ‘плотные массы’. Также надо отметить существительное solidātio, которое имеет значение ‘уплотнение’, ‘укрепление’.

Среди глаголов можно выделить s*olido, -āvī, -ātum, -āre* – ‘укреплять’ (*muros solidare* – ‘укрепляет стены’) и ‘сращивать’ (*ossa fracta solidare* – ‘сращивать сломанную кость’), а также глагол s*olidēsco, -, -, -ere* в значении ‘уплотняться’, ‘твердеть’ (*moles sub aquā solidescit* – ‘скала твердеет под водой’) и в значении ‘срастаться’ (*rupta cartilāgo non solidescit* – ‘сломанный хрящ не срастается’).

Также следует отметить глагол *consolido, -āvī, -āre* в значениях ‘укреплять, поддерживать’ в прямом смысле (*quod infirmum est consolidāre* – ‘поддерживать того, кто немощный’), ‘крепко вбивать’ (*clavos consolidāre* – ‘крепко вбивать гвозди’), а также в значении ‘уплотнять’ (*parietem consolidāre* – ‘уплотнять стены’).

Необходимо заметить среди производных и наречие *solidē*, которое обозначает ‘плотно, без пустот или отверстий’ [5, с. 187, 715].

Для того чтобы определить вторичную семантическую структуру прилагательного *solĭdus* и его производных, снова необходимо обратиться к латинско-русскому словарю. Надо заметить, что вторичная семантическая структура раскрывается в переносных значениях, относящихся не к материальным предметам, а к отвлеченным понятиям. Прилагательное *solĭdus* может выступать в значении ‘твердый’, ‘непоколебимый’ (*mens solĭda* – ‘твердый ум’); ‘прочный’, ‘надежный’ (*fides solĭda* – ‘прочная вера’); ‘незыблемый’, ‘нерушимый’ (*laus solĭda* – ‘нерушимый закон’); ‘подлинный’, ‘истинный’ (*libertas solĭda* – ‘истинная свобода’). Также вторичная семантическая структура прилагательного *solĭdus* раскрывается и в значениях ‘полный’, ‘целый’, ‘весь’ (*dies solĭdus* – ‘весь день’); ‘цельный’ (*aper solĭdus* – ‘цельный кабан’). В значении ‘сплошной’, ‘нераздвоенный’ прилагательное может обозначать, как уже было сказано, конкретный материальный предмет (*ungula solĭda* – ‘нераздвоенное копыто’), а также и отвлеченное понятие (*decies (sc. sestertium) solidum* – ‘целый миллион сестерциев’).

Производное существительное *soliditās* имеет как первичную семантическую структуру, так и вторичную в значении ‘общая масса’, ‘совокупность’ (*soliditās possesionis* – ‘совокупность владений’).

В переносном значении может выступать и существительное *solidāmentum* ‘основа’, ‘опора’ (*solidāmentum pietatis* – ‘основа преданности’).

Также вторичное значение может быть выражено и наречиями *solidum* в значении ‘крепко’, ‘сильно’ (*iratus solidum* – ‘сильно злиться’) и *solidē* в значении ‘основательно’, ‘изрядно хорошо’ (*scire aliquid solidē* – ‘знать основательно’).

Глагол *consolido, -āvī, -āre* имеет вторичную семантику при употреблении в юриспруденции в значении ‘производить консолидацию’ [5, с. 187, 715].

Таким образом, первичная семантическая структура латинского прилагательного *solĭdus* и его производных связана с характеристиками материальных предметов, а вторичная семантическая структура латинского прилагательного *solĭdus* и его производных – с переносными значениями, относящимися к отвлеченным понятиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Откупщиков, Ю. В.* К истокам слова / Ю. В. Откупщиков – 4-е изд. – СПб. : Авалон, 2005. – 148 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: Н. Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 683 с.
3. *Трубачев, О. Н.* Принципы и методы семантических исследований / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1976. – С. 147–149
4. Фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/lea/lea-6172.htm. – Дата доступа: 14.02.2018.
5. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь : ок. 200 000 слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. – 6-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2000. – 846 с.

С. А. Колесник (Минск)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ ИСПАНСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются и анализируются способы выражения эмоциональности носителями испанской коммуникативной культуры в различных коммуникативных ситуациях. Сформулированы также некоторые особенности употребления аффективных высказываний, что способствует лучшему пониманию коммуникативно-речевых ситуаций на испанском языке. В связи с тем, что в мире сейчас происходят глубокие изменения в плане социальных и психологических стереотипов речевого поведения, описываются также некоторые культурные и социальные особенности испанского народа.

Жизнь человека наполнена разнообразными событиями и происшествиями. Все происходящее обязательно вызывает в нас какой-либо отклик – это и есть эмоции. Часто наши эмоции не зависят от объектов, на которые направлены. Одна и та же эмоция может быть проявлена в разное время по разному поводу и совершенно к разным людям и ситуациям. Эмоции

многообразны, не постоянны, находятся в непрерывном движении и развитии. Они переплетаются друг с другом, иногда видоизменяются. Эмоциональность – это способность личности отображать содержание переживаний, настроения, характера. Эмоциональность можно и стоит рассматривать как ответную реакцию человека на окружающий мир. Она является одной из основных составляющих темперамента и неразрывно связана с особенностями личности, а часто и целой нации. Эмоционально-экспресивные средства общения можно отнести к тем факторам, которые в наиболее яркой и наглядной форме отражают особенности национальной культуры представителей разных этносов, их коммуникативного поведения [1, с. 71]. Сотрудники американского института изучения общественного мнения Gallup составили и опубликовали мировой рейтинг эмоциональности за 2014 год. Они провели опрос респондентов в 148 странах мира на предмет переживания ими пяти положительных либо пяти отрицательных эмоций накануне опроса. Выяснилось, а, скорее, подтвердилось, что Испания является самой эмоциональной страной Европы: 54 испанца из каждых 100 опрошенных указали, что испытывали сильные эмоции накануне опроса.

Любые эмоции, которые испытывает человек, входят в высказывание как новое дополнительное содержание, обогащая его. Выражение эмоций – это проявление спонтанной реакции человека на что-либо увиденное или услышанное и взволновавшее его. В разных культурных традициях, в зависимости от общественного уклада и исторического развития, существуют разные культурные сценарии, а также нормы поведения и выражения мысли, эмоций. Испанская норма допускает достаточно свободное выражение своего мнения и эмоций. Ведь, испанский образ жизни – это что-то особенное: расслабленный ритм, сиеста в середине дня, вечерние гуляния, продолжающиеся до утра, изысканная кухня, жизнерадостные горожане… При общении с испанцами обращает на себя внимание тот факт, что в их речи постоянно присутствуют различные эмоции. Эмоциональность испанцев проявляется во всем: они громко разговаривают, активно жестикулируют, заливисто смеются, неистово рыдают, а значит, не стыдятся чувствовать и открыто выражать счастье или, например, восторг, страх или гнев, удивление или возмущение и т.п. Носители испанской коммуникативной культуры в общении широко используют как невербальные, так и вербальные способы выражения эмоций.

По сути, невербальная коммуникация является самой древней формой общения людей и в межличностных отношениях играет огромную роль. Невербальный способ выражения эмоции представляет собой соматическое движение или комплекс движений, воспринимаемые как показатели тех или иных эмоций [2, л. 19]. Т.е. невербальное выражение эмоции – это выражение эмоции с помощью мимики, жестов и пантомимики (движений тела). Чтение и использование данных невербальных сигналов является важнейшим условием эффективного общения для носителей испанской коммуникативной культуры, которые в силу своего географического положения, общественного уклада, исторического развития, а также традиций, являются очень экспрессивными и открытыми людьми. Приведем несколько примеров:

Y todos los veladores la miraban ***alucinados****...* (F. García Pavón. Cuentos de mamá) ‘И все наблюдатели смотрели на нее остолбеневшие…’; *El Niño* ***quedó pasmado*** (F. García Pavón. Antología de cuentistas españoles contemporáneos) ‘Эль Ниньо замер в оцепенении’. В данных примерах эмоция удивления выражается только с помощью пантомимики.

Era algo precioso, ***se me ponía una sonrisa de oreja a oreja****, estaba feliz de la vida* (L. Buñuel. El público) ‘Это было замечательно, у меня была улыбка до ушей, я был доволен жизнью’. В приведенном примере невербальным средством выражения радости является улыбка героя.

Y ya de día, cuando acuda a despertarlo para el colegio, su madre ***permanecerá inmóvil e inquieta*** *unos segundos junto a la cama, con* ***indefinible angustia****, preguntándose en qué se equivocó…* (A. Pérez-Reverte. Un héroe de nuestro tiempo) ‘И уже днем, когда придет будить своего сына в школу, мать останется неподвижной и беспокойной в течение нескольких секунд у его кровати, с неопределенной тревогой, спрашивая себя, что она сделала не так’. В этом примере эмоции беспокойства, тревоги и печали выражаются с помощью пантомимики и мимики.

Испанцы, являясь народом темпераментным, разговаривают всегда громко и эмоционально, а для большей выразительности традиционно сопровождают свою речь различными жестами. В Испании язык жестов очень богат. Испанцы, как уже отмечалось, живут эмоциями и их жестикуляция часто красноречивее слов. Например, изображая ножницы, испанец говорит: *Deja de hablar* ‘Хватит болтать’. Дотрагиваясь до века, он сомневается в правдивости ваших слов, а дотрагиваясь до носа ладонью, сообщает, что сыт по горло. Чтобы указать человеку на дверь, жители этой страны используют жест, похожий на щелчок пальцев. Важно также помнить, что прикосновение к мочке уха испанец может расценить как оскорбление. Еще один жест, указательный палец, дотрагивающийся до нижнего века, означает *Ten cuidado* ‘Будь осторожен’, а если испанец хлопает себя по щеке ладонью, то он считает своего собеседника эгоистом.

Иногда при выражении эмоций используется ироническая версия некоторых невербальных сигналов. Например: *– ¿Te parece una cara conocida?.. Quique había formulado la pregunta acompañándola con* ***una extraña sonrisa*** (A. Rojo. El sonido del cascabel) ‘Тебе знакомо это лицо? Кике задал вопрос, сопровождая его какой-то странной улыбкой’; *Lo que me fastidió no fue la propuesta, sino* ***la sonrisa insultante****, la chulería y el descaro con que la hizo* (A. Pérez-Reverte. La sonrisa del moro) ‘То, что меня беспокоило, было не предложение, а оскорбительная улыбка, дерзость и наглость, с которой он его сделал’.

Выражение лица, например, улыбки или раздражения, поднятые в недоумении брови, движения рук и тактильная коммуникация: прикосновения, похлопывания по плечу, объятия, поцелуи, иногда отталкивание и т.п. – все это примеры видов невербального выражения эмоций, широко используемые носителями испанской коммуникативной культуры во время общения. Но, как видно из примеров, часто невербальная передача, происходя одно-

временно с вербальной, может усиливать смысл слов. Невербальные средства выражения эмоций, находясь в тесной связи с вербальными единицами, помогают человеку выразить свое настроение, отношение к собеседнику или окружающему миру, помогают поддерживать контакт с собеседником при общении [2, л. 20].

Вербальное выражение эмоций – это выражение эмоций в речи при помощи языковых средств: фонетических, грамматических и лексических. Когда говорят о фонетических средствах выражения эмоций, имеют в виду в первую очередь интонацию, ударение и тоны. Все эти характеристики могут быть выявлены только в звучащей речи. Испанцы, например, чаще всего передают эмоции при помощи речевых интонаций. Одно и то же предложение *Te quiero* ‘Я тебя люблю’ они могут произнести с такими интонациями, что собеседник сразу же поверит в то, что его любят безвозвратно, либо сильно усомнится в этом.

Нередко для выражения эмоций испанцы используют грамматические языковые средства. Например, разнообразные эмоции (нежность, ирония, пренебрежение и т.д.) очень ярко высвечиваются в употреблении испанцами эмоционально-оценочных (как уменьшительных, так и увеличительных) суффиксов. Их число весьма велико. В испанской разговорно-обиходной речи насчитывается более 10 уменьшительных суффиксов: *-ito/a, -illo/a, -ete/a, -ico/a, -tico/a, -cito/a, -cillo/a, -cico/a, -ezuelo/a, -chuelo/a, -in/a* и т.п. Примерно столько же насчитывается увеличительных суффиксов: *-ón/a, -azo/a, -ote/a, -uco/a, -aco/a, -acho/a, -ucho/a, -astro/a* и ряд других. Приведем примеры: *Salió a abrirnos una* ***criadita*** *de ojos negros* (P. Valdés) ‘Чтобы открыть нам дверь, вышла служаночка с черными глазами’; *¡Feliz cumpleaños,* ***jovencica!*** ‘С днем рождения, девчоночка!’. В данных примерах суффиксы *-ita* и *-ica* передают уменьшительно-ласкательный оттенок, а также такие эмоции, как восхищение и любовь.

En Estados Unidos esta película ha sido ***un bombazo****…* ‘В Соединённых Штатах этот фильм имел огромнейший успех...’; *Hola,* ***machote****. ¿Has oído de Susana? Se ha casado ya* ‘Привет, дружище. Ты слышал о Сусанне? Она уже вышла замуж’. В данных примерах увеличительные суффиксы *-azo* и *-ote* передают также ласкательный оттенок и такие эмоции, как восторг и жалость. Но иногда в речи происходит инверсия значений как уменьшительных, так и увеличительных суффиксов. Например: *¡Hay que ver el* ***librito*** *que nos ha mandado a leer López Huertas para su asignatura!* ‘Это же надо видеть, какую книжечку по своему предмету нам выслал прочитать Лопес Уэртас!’. В этом случае существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *librito* имеет значение ‘очень большая книга’.

¡Tiene un ***puestazo****, la tía! – Ja, ja, ja…* ‘У нее важная работа! – Ха-ха-ха…’. В данной ситуации существительное с увеличительным суффиксом *puestazo* используется с иронией и означает ‘неважное место работы’.

О высокой степени эмоциональности испанцев свидетельствует очень частое употребление многочисленных эмоционалъно-экспрессивных форм обращений, которые нередко реализуются в уменьшительной форме,

а иногда и в сочетании с притяжательными местоимениями *mi – mío/a* ‘мой/моя’ или *tu – tuyo/a* ‘твой/твоя’ [1, с. 74]. Например, ***muñequita*** *linda*, ***corazoncito***, *mi* ***pajarita*** *preciosa*, ***palomita*** *mía* ‘милая куколка, сердечко, моя прекрасная птичка, голубка моя’. А также в употреблении при встрече разнообразных стереотипных экспрессивных выражений зачастую в увеличительной форме. Например, *¡Que* ***gustazo*** *verte!*, *¡Que* ***milagrote*** *es este!*, etc. ‘Как приятно видеть тебя! Какое это чудо! и т.п.’

Для выражения эмоций испанцы используют разнообразные лексические языковые средства, т.е. лексику, которая обладает такими качествами, как эмоциональность и экспрессивность. Это и слова, выражающие чувства, которые переживает говорящий либо слушающий, и слова-оценки, и бранные слова, и междометия. Вот несколько примеров: ***Sorprendo***, *Elena, que tú te hagas eco de esos rumores* (P. Valdés) ‘Я удивлен, Елена, что ты повторяешь эти слухи’; *¡****Lástima*** *que no se oyera lo que hablaban!* (P. A. de Alarcón) ‘Как жаль, что было не слышно, о чем они говорили!’; ***Celebro*** *que al fin concuerden sus ideas con las mías* (B. Pérez Galdós) ‘Я рад, что, наконец, ваши идеи согласуются с моими’; *Un paraíso económico que se basa en la ley de* ***un cacique más analfabeto y truhán*** *no es un Estado de bienestar* (A. Pérez-Reverte. El grito de Lucía) ‘Экономический рай, основанный на законах самого безграмотного жулика-босса, не делает эту страну государством всеобщего благосостояния’; *El* ***verde*** *lo serás tú... El* ***verde*** *lo serás tú...* (F. García Pavón. Antología de cuentistas españoles contemporáneos) ‘Это ты пошляк… Это ты пошляк…’.

Что же касается испанских междометий, то они могут иметь несколько значений, которые варьируются в зависимости от интонации говорящего, его мимики, жестов, контекста. Чтобы проиллюстрировать это, приведем несколько примеров использования подобных междометий: ***Huy****, ¿mamá?* ‘Ой, мама?’ (удивление); ***¡Huy****, has visto eso!* ‘Ах, взгляни сюда!’ (восхищение); ***¡Huy!*** ‘Ой! Еще бы чуть-чуть!..’ (испуг от того, что едва что-то не произошло); ***¡Hala, hala!*** ‘Ну! Давай! Жми!’ (побуждение); ***¡Hala!*** ‘Во загнул!’ (недоверие); *Conseguimos un aceptable bronceado,* ***¡hala!*** ‘Получили приличный загар, бинго!’ (радость).

Нельзя обойти вниманием еще одну коммуникативную ситуацию, а именно – комплимент. В силу своей эмоциональности и экспрессивности испанцы не способны сдерживать свои чувства, поэтому очень часто одаривают комплиментами незнакомок: *¡Qué guapa!* ‘Какая красавица!’; *¡Qué mona (eres)!* ‘Какая милая!’. Но с недавнего времени в Испании объектом такого типа высказываний стали также и лица мужского пола. Например: *¡Está cañón!* ‘Красавчик!’.

Таким образом, в результате написания данной работы о способах выражения эмоциональности носителями испанской коммуникативной культуры мы пришли к выводу, что испанцам присуща очень высокая степень эмоциональности, что находит подтверждение в многообразии способов ее выражения как вербальных, так и невербальных. Испанцы любят, ценят и ощущают жизнь во всех ее проявлениях. Они просто наслаждаются каждым днем, переживая разнообразные эмоции, и заражают этим умением своих собеседников, пробуждая в них порой давно забытые чувства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фирсова, Н. М.* Отражение национальных особенностей эмоций испаноязычных и англоязычных народов в вербальных средствах коммуникации / Н. М. Фирсова // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – М., 2004. – С. 71–79.
2. *Коврижкина, Д. Г.* Обучение иностранных студентов выражению эмоций средствами русского языка: продвинутый этап : дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / Д. Г. Коврижкина ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 239 л.
3. *Нуждин, Г. А.* Курс современного испанского языка для продолжающих / Г. А. Нуждин, П. Мартин Лора-Тамайо, К. Мартин Эстремера. – 2-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 368 с.

Е. А. Кучугурная (Минск)

ПОБУЖДЕНИЕ К КОММУНИКАЦИИ В РАЗГОВОРНО-БЫТОВОМ ОБЩЕНИИ (на материале современного испанского языка)

В статье анализируется побуждение к коммуникации как один из способов регулирования коммуникативной инициативы в разговорном диалоге, выявляются метакоммуникативные высказывания и речевые тактики, используемые при побуждении к коммуникации, выделяются передача и навязывание коммуникативной инициативы как разновидности побуждения к коммуникации, определяются их отличительные особенности.

Тот факт, что собеседники могут целенаправленно воздействовать на ход диалога, достаточно очевиден и интуитивно ощущается большинством говорящих. Одним из способов поддержания диалогического взаимодействия является контроль над распределением **коммуникативной инициативы** в диалоге [2, с. 213]. Понятие коммуникативной инициативы используется в лингвистике для характеристики «дискурсивного взаимодействия личностей и их стратегий в конкретном коммуникативном эпизоде» [3, с. 137] и означает «ведущую роль в коммуникативной деятельности на определенном этапе диалога» [2, с. 213]. «Коммуникативная инициатива выступает как один из показателей лидерства в общении и в то же время всегда связана с проявлением активности. Однако, в отличие от лидерства и активности, она всегда адресно направлена, монотемна и в большинстве случаев имеет явную экспликацию, в основном в вербальной форме» [4, с. 6].

В данной работе мы обратились к исследованию особенностей реализации такого способа регулирования коммуникативной инициативы, как побуждение к коммуникации, в испаноязычном разговорно-бытовом дискурсе.

Как отмечает О. С. Иссерс, в структуре диалогического текста можно обнаружить реплики, имеющие специальное назначение – осуществить воздействие на ход диалога. Это реплики **метакоммуникативного характера**, несущие сообщение или высказывание о самом высказывании. В одном случае они сигнализируют партнеру о передаче инициативы, в другом – побуждают собеседника к определенному смысловому наполнению ответной реплики [2, с. 211].

Как показал проведенный анализ, к числу наиболее распространенных языковых средств, используемых для вербализации метакоммуникативных высказываний, побуждающих к коммуникации, относятся:

- глаголы речи *decir, hablar, contar, contestar, responder, explicar, comentar, desembuchar, contestar* и т.п. в утвердительной форме повелительного наклонения либо в будущем времени со значением повелительного наклонения: *dime, dígame, cuéntame, cuénteme, desembucha(-e), contesta(-e); (ahora) me dirá(-s), me contará(-s)* и т.п.: ***Cuéntame*** *algo tú. Quiero oír tu voz. Oírte por última vez, hija – ¿Qué quieres que te cuente? – No sé, cualquier cosa...* ***Díme*** *para qué me habías llamado* (F. Marías. Invasor); – ***Ahora me contarás****, espero. ¡Anda, mi viejo!* ***Desembucha*** *tu historia. Te escucho. – Como te decía, todo empezó en el Pont Neuf* (J. Palacios. Del Mapocho al Sena);
- конструкции *querer + глагол речи decir, hablar, contar* (*quiero que me diga(-s) (cuente(-s)); quería que me hablara(-s) (contara(-s))* и т.п.): *Nunca me has hablado de tu familia, Joan,* ***quiero que me cuentes*** *un poco de historia, quiero saber más de ti. – Claro que sí* (N. L. Ferran. Puerto);
- вопросительные высказывания, содержащие глаголы речи *decir, hablar, contar* и т.п.: *No te pasa nada malo, – me atrevo a decirle al acercarme a él. –* ***¿Por qué no me cuentas qué has hecho esta semana?*** (A. Casanovas. Sin miedo a nada);
- междометия *adelante, venga, vamos, a ver* и т.п.: ***Venga,*** *dime qué te pasa* (S. Vallejo. Calle Berlín);
- глагол *escuchar,* указывающий на готовность выслушать собеседника (*te escucho, estoy dispuesto(-a) escucharte(le)* и т.п.): *Adelante,* ***te escucho*** (J. Palacios. Del Mapocho al Sena); *Es que yo no he matado a nadie. – Pues cuéntame cómo sucedió.* ***Estoy dispuesto a escucharte*** (D. Villar. La playa de los ahogados).

Из приведенных примеров видно, что в ряде случаев при побуждении к коммуникативной инициативе используются комбинации либо повторы вышеназванных единиц: ***Ahora me contarás****, espero. ¡****Anda,*** *mi viejo!* ***Desembucha tu historia. Te escucho*** (J. Palacios. Del Mapocho al Sena).

Интересно обратить внимание на тот факт, что, помимо побуждения к коммуникации «в чистом виде», в ряде случаев при помощи рассматриваемых метакоммуникативных высказываний осуществляется также контроль над соблюдением одного из ведущих принципов коммуникации, а именно принципа кооперации Г. П. Грайса. Напомним, что данный принцип реализуется в общении в виде ряда конкретных постулатов, подразделяемых на четыре категории: количества, качества, отношения и способа [1]. Ср.: (1) *Tú,* ***háblame****. Deja de darme comida y* ***dime algo*** (C. Giménez Zamora. El hombre antes, durante y después); (2) *Ya. Pero ¿cómo?* ***Cuéntame detalles.*** *¿Dónde fue, por ejemplo?* (F. Marías. Invasor); (3) *Solo hay dos opciones, o estás completamente loco, o el que está perdiendo la cabeza soy yo. Así que, por favor,* ***dime la verdad****. ¿Quién eres?* (Serie "Estoy vivo"), (4) ***No quiero que me cuentes el libro****, Hernández.* ***Quiero que me digas qué te pasó*** (M. L. Puga. Nueve madrugadas y media), (5) *Lo que ya ha pasado no puede*

volver a suceder. <…> nada se repite, Zacarías, nada se repite porque todo lo que nace, muere. – ***Háblame más claro*** (T. Val. El secreto del agua). Пример 1 демонстрирует случай «чистого» побуждения к коммуникации, когда для говорящего важен прежде всего сам процесс общения. В следующих же примерах (2–5) акцент делается не только и не столько на самой коммуникации как таковой, а на содержании высказывания, его качественных либо количественных характеристиках. В примере 2 осуществляется контроль над соблюдением максимы количества: с точки зрения говорящего, его собеседник сообщил ему недостаточную информацию, и он просит его рассказать более подробно (*cuéntame detalles*). При помощи метавысказывания *dime la verdad* (пример 3) осуществляется мониторинг качественных характеристик коммуникации (максима качества), а именно реализуется призыв собеседника к сообщению достоверной информации. В примере 4 выделенные метавысказывания направлены на регулирование темы разговора (максима отношения). Метавысказывание *háblame más claro* (пример 5) ориентировано на манеру, или способ изложения информации (максима способа).

Помимо использования специальных метакоммуникативных единиц, побуждающих собеседника к коммуникации, говорящий может прибегать к ряду дополнительных способов и средств. Так, в частности в разговорно-бытовой коммуникации широко используются следующие речевые тактики.

1. Указание на то, что говорящий сам все знает («Я и так все знаю», «От меня ничего нельзя скрыть»): *¿Y esa cara? – Nada. Cosas mías. – Oye,* ***a mí cuéntamelo todo****, ¿eh? Todo, porque sabes que* ***no se me escapa nada*** (Serie “El Continental”).

2. Указание на необходимость говорящего в том, чтобы собеседник ему сообщил нечто («Мне необходимо знать это»): *Susana,* ***contesta****. Sé que me oyes. Contesta, por favor. Susana, por favor* ***necesito hablar contigo*** (Serie “Estoy vivo”).

3. Ссылка на дружеские или родственные отношения («Мы же друзья», «Я твой друг/отец» и т.п.): ***Vamos****, Lazaar, habla,* ***soy tu amigo. Di lo que sea*** (L. Leante. Mira si yo te querré); ***Soy tu madre, a mí puedes decírmelo*** (F. De las Heras. La azotea de las malvas); *¡Un plan secreto! – Pues* ***deberías contármelo*** *ahora que* ***somos amigos*** (J. Carazo. Dos viejos lagartos).

4. Обещание сохранить сказанное в тайне от других («Я никому не скажу»): *¿Qué es?* ***Vamos, cuéntamelo****...* ***no se lo diré a nadie****...* (M. Rivera de la Cruz. En tiempo de prodigios).

5. Указание на преимущества, выгоду собеседника от сказанного («Если скажешь, будет лучше»): ***Cuéntame****.* ***No te preocupes.*** *Sea lo que sea,* ***encontraremos la solución, y tú seguirás vivo. Eso seguro. De eso me encargo yo*** (J. Rupérez. El precio de una sombra).

6. Указание на отрицательные последствия для собеседника в случае его молчания («Если не скажешь, будет хуже»): ***Cuéntame qué diablos está pasando****, Dupont,* ***o echo abajo esa puerta ahora mismo*** (A. Casanovas. Donde empieza todo).

Интересно, что в ряде случаев тактики 5 и 6 комбинируются с целью усиления контраста отрицательных и положительных последствий: *No puedo*

decirle... si yo se lo contara quizá perdería mi puesto en la oficina. Podría incluso volver a prisión. – No tienes opción, Basilio. ***Si no me lo cuentas te mando al cuartelillo, en cambio, si me lo dices, te aseguro que seré discreto*** (J. Tristante. El valle de las sombras).

При распределении коммуникативной инициативы в диалоге важна позиция не только ведущего коммуниканта, но и ведомого, а именно его желание либо нежелание взять коммуникативную инициативу и продолжить диалог уже в роли ведущего. В связи с этим выделяются два способа побуждения к коммуникации: **передача** и **навязывание** коммуникативной инициативы [2]. В первом случае ведущий коммуникант сам претендует на статус ведомого и передает инициативу слушающему. При этом переход инициативы от говорящего к слушающему осуществляется не вопреки намерению партнера и усилиям первого коммуниканта. Во втором же случае намерение партнера взять инициативу не учитывается. Ведомый коммуникант не желает брать инициативу, всячески от нее отказывается: *No me hagas perder el tiempo, muchacho. Me has parado para contarme algo importante de la señora Bartra.* ***Adelante, te escucho****. –* ***No sé si es importante****. –* ***A ver, de qué se trata. Venga*** (J. Marsé. Rabos de lagartija). Как видно из приведенного примера, коммуникант 1 побуждает коммуниканта 2 сообщить ему некоторую информацию (*Adelante, te escucho*), коммуникант 2 уклоняется, ссылаясь на то, что данная информация не является важной (*No sé si es importante*), однако коммуникант 1 продолжает настаивать на своем (*A ver, de qué se trata. Venga*).

Основные различия между передачей и навязыванием коммуникативной инициативы сводятся к следующим:

1. Тип диалогического единства. В отличие от передачи, навязывание реализуется в рамках сложного (состоящего более чем из двух реплик) диалогического единства. При этом каждая последующая реплика ведущего коммуниканта, как правило, является более «сильной» (используются дополнительные способы и средства): ***¿Por qué no me cuenta usted la verdad?*** *– Porque aún no está preparado. – ¿Que no estoy preparado?* ***Exijo una respuesta. Y la quiero ya*** (Serie “Estoy vivo”); ***Ana, me molesta mucho que no me contestes. Si te hago una pregunta, contéstame o tendré que ponerme dura contigo, y ya sabes lo que significa. (Gritando) Habla****. (Ana no puede. Lo intenta pero no puede.)* ***¡Que hables te he dicho! ¿No querrás disgustarme?*** (L. Crespillo López. Lasanas Pi 3,1415926535...).

2. Лексические средства. При передаче могут использоваться слова с позитивной оценочной семантикой типа *cariño, mi amor, cielo* и т.п., при навязывании же возможно употребление грубой, негативно оценочной лексики, ср.: ***Mi cielo, cuéntame****. ¿Qué has hecho hoy?* (A. Miralles. El último dragón del Mediterráneo); *Así que,* ***por favor, dime la verdad****. ¿Quién eres? – Soy Manuel Márquez, ya lo sabes. –* ***¡Que me digas la verdad de una puta vez, joder!*** (Serie “Estoy vivo”).

3. Иллокутивные характеристики. При передаче используются преимущественно просьбы и «мягкие» побуждения, а при навязывании – требования, часто весьма категоричные и не допускающие возражений, ср.:

Por el amor de Dios**, Tomás. **Dime dónde está tu hermana (C. Ruiz Zafón. La sombra del viento); ***Exijo una respuesta. Y la quiero ya*** (Serie "Estoy vivo").

4. Невербальные средства коммуникации (прежде всего фонационные). Передача обычно осуществляется тихим, спокойным, ровным тоном, навязывание же может сопровождаться повышением тона голоса, ср.: *Tenemos que hablar, niña – **dijo en voz baja** sentándose a mi lado. – Vamos a ver: ¿tú estás dispuesta a montar un taller?* (M. Dueñas. El tiempo entre costuras); *Ana, me molesta mucho que no me contestes. Si te hago una pregunta, contéstame o tendré que ponerme dura contigo, y ya sabes lo que significa. (**Gritando**) Habla* (L. Crespillo López. Lasanas Pi 3,1415926535...).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить основные метакоммуникативные показатели побуждения к коммуникации в разговорно-бытовом общении, установить взаимосвязь между контролем над распределением коммуникативной инициативы в диалоге и соблюдением правил принципа кооперации, выделить основные речевые тактики, используемые при побуждении к коммуникации, а также определить особенности таких разновидностей побуждения к коммуникативной инициативе, как передача и навязывание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст., переводы / под общ. ред. Е. В. Падучевой. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
2. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. – 284 с.
3. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
4. *Черничкина, О. В.* Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на материале супружеского дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Черничкина ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2013. – 12 с.

Р. В. Лебедевич (Минск)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАТРУДНЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ДИАЛОГЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена особенностям эксплицитной фиксации коммуникативных затруднений, возникающих у говорящего субъекта в различных ситуациях общения в испаноязычном диалогическом взаимодействии. Объектом исследования являются специализированные вербальные хезитативы (метакоммуникативные рефлексивные высказывания типа *(no sé) cómo decir(te)(lo), no me sale la palabra, no encuentro palabras* и т.д.), фиксирующие такого рода трудности. Детально рассматривается специфика языковой реализации и прагматической направленности таких конструкций. Выявляются корреляции между языковой формой специализированных вербальных хезитативов и типом коммуникативных проблем.

Исследование коммуникативных проблем, возникающих в ходе диалогического взаимодействия, – относительно новая задача не только для отечественной, но и для зарубежной лингвистики. Интерес к живой речи со всеми присущими ей явлениями стремительно растет. Изучение таких явлений с целью решения множества открытых вопросов представляется достаточно актуальным и перспективным. Так, например, в современной испанистике практически отсутствуют исследования такого распространенного в речи явления, как коммуникативное затруднение и его вербализация, что обусловливает выбор данного направления работы.

Под коммуникативным затруднением говорящего (далее – КЗГ) мы понимаем сложности в вербализации коммуникативного замысла в конкретной речевой ситуации:

(1) – *¡Qué bonito es este verso, Galván! ¡Y qué bien lo ha recitado usted! En confianza, le diré una cosa, y no se lo diga usted a él porque yo sé que en el fondo Conejo es muy orgulloso, pero usted echa los versos mejor que Conejo. Le pone más, más... Ay,* ***no sé cómo decirlo.*** *Más delicadeza, más sensibilidad* (F. Fernán Gómez. El viaje a ninguna parte. CREA).

В контексте (1) представлен пример классического КЗГ, возникшего при оценке ораторского искусства собеседника.

При этом КЗГ – это глубинный сбой в процессе речепорождения, который внешне может проявляться по-разному, с различной степенью эксплицитности:

(2) – *Sin duda, un dolor que afecta a todas por igual. Un dolor... – en su mente confusa buscaba la palabra más adecuada – unísono* (C. Sánchez-Andrade. Ya no pisa la tierra tu rey. CORPES).

В примере (2) говорящий вообще не вербализирует возникшее у него затруднение, о котором можно догадаться лишь по возникшей паузе хезитации и авторской ремарке. В таких случаях, особенно при отсутствии авторских комментариев, довольно сложно судить о характере затруднения: паузы, как незаполненные, так и заполненные невербальными и междометными элементами типа *ee, mm, ah* и т.п., могут быть следствием самых разных процессов речемыслительной деятельности или влияния внешних факторов.

При возникновении КЗГ паузы хезитации могут заполняться как конструкциями с упрощенной структурой типа *cómo es, bueno, pues, entonces* и т.п., так и конструкциями более развернутого характера наподобие *a ver cómo te digo, no me sale la palabra* и т.п.

Для испаноязычной лингвистической науки свойственна некоторая неопределенность в употреблении терминов по отношению к такого рода конструкциям и отсутствие их четкой дифференциации и классификации. Авторы одной из наиболее объемных работ на данную тему «Los estudios sobre marcadores del discurso en español, hoy» О. Луреда и Э. Асин-Вилья, проанализировав ряд трудов и предлагаемых терминов, предлагают называть такие речепроизведения *дискурсивными маркерами*, так как это терминосочетание представляется наиболее обобщающим [5, p. 20].

Проблему гетерогенности этих единиц и отсутствие общепринятой терминологии по отношению к ним подчеркивает и Б. Гальярдо исследователь группы Valesco, изучающей разговорный испанский язык [4, p. 167–168]. В своей работе автор приводит различные примеры названий дискурсивных единиц *expresiones de relleno, muletillas, bordoncillos, apoyaturas léxicas, expletivos, fórmulas retardatarias, comodines* и т.п., отмечая при этом, что под данными терминами объединяются абсолютно различные по значению и функционированию речевые феномены (среди которых представлены и конструкции, заполняющие паузу в случае возникающего у говорящего затруднения) [5, p. 20].

Еще один испанский исследователь А. Бриз делает попытку более подробно описать класс конструкций, к которым можно отнести и речевые формулы, фиксирующие КЗГ. Он особо отмечает некоторые дискурсивные маркеры, которые отражают «усилия, прилагаемые говорящим-слушающим при создании, формулировании и попытке связать части речи» и называет их «метадискурсивными маркерами» (здесь и далее перевод наш. – *Р. Л.*) [2, p. 201]. Тем не менее выделенный класс остается слишком широким, так как включает множество гетерогенных конструкций (уточняющие, исправляющие и т.д.), относящихся к разнообразной деятельности по формулированию высказываний.

В русскоязычной лингвистике данной проблемой активно занимаются Н. В. Богданова-Бегларян и ее коллеги. В своих работах они предлагают называть всевозможные заполнители, «в которых <…> колебания говорящего в выборе конкретных речевых средств или направления продолжения речи находят достаточно развернутое вербальное воплощение», *вербальными хезитативами* [1, с. 7]. Однако, как было отмечено выше, не все они могут однозначно указывать на КЗГ (ср. *это самое*, *скажем, как его*, *знаешь*, *(я) не знаю, собственно говоря* и т.д.).

Чтобы выделить конструкции, фиксирующие КЗГ, целесообразно ввести уточняющий термин *специализированный вербальный хезитатив* (далее – СВХ), подразумевая под ним метакоммуникативные рефлексивные высказывания, содержащие глагол речи или иное изофункциональное средство, конкретизирующие проблему и достоверно указывающее на наличие коммуникативного затруднения (*no sé cómo decir(te)(lo)*; *cómo (te) (lo) digo*; *no me sale la palabra* и т.д.).

Все причины, вызывающие КЗГ, можно разделить на два типа:

1) КЗГ языкового характера, которые связаны с затрудненным доступом к необходимой номинации:

(3) – *¿Dónde vives tú, Carlitos? – Bueno, últimamente en una,* ***cómo decirte****, en una casona tan gigantesca como ésta, pero, digamos, que en forma de huerto* (A. Bryce Echenique. El huerto de mi amada. CORPES);

2) прагматические КЗГ, обусловленные необходимостью совершить речевое действие, обладающее потенциальным риском создать дискомфорт в общении ввиду вторжения в мир адресата, либо связанные с сообщением информации личного характера, обладающей высокой степенью значимости для самого адресанта:

(4) – ***Cómo decirte**, Aurora... Lo que quiero decirle es que me he enamorado de usted. Sin quererlo* (E. Leñero Franco. El Codex Romanoff. CORPES).

Для изучения КЗГ и особенностей его вербализации из Национального корпуса современного испанского языка (CREA), Национального корпуса испанского языка двадцать первого века (CORPES XXI) и корпуса испанской разговорной речи (VALESCO) нами было отобрано около 600 контекстов, содержащих СВХ.

Анализ отобранных контекстов показал, что СВХ – это достаточно широкий класс конструкций, среди которых можно выделить два подтипа: СВХ, отличающиеся определенной универсальностью, и СВХ, в употреблении которых обнаруживаются тенденции к фиксации конкретного типа затруднений. Это удобно продемонстрировать на примере наиболее частотных СВХ с глаголами *decir* и *explicar* и лексемой *palabra(s)*.

Так, наибольшей универсальностью обладают СВХ с глаголом *decir*, которые могут быть использованы как при языковых КЗГ (смотрите пример (3)), так и для фиксации затруднений прагматического характера (смотрите пример (4)).

Что же касается глагола *explicar*, то он почти не представлен в СВХ, фиксирующих затруднения прагматического характера. Это обусловливается семантическими свойствами глаголов. Сравните определения данных глаголов из словаря Королевской академии испанского языка:

***Decir**: 1. tr. Manifestar con palabras el pensamiento. U. t. c. prnl. 2. tr. Asegurar, sostener, opinar. 3. tr. Nombrar o llamar.*

***Explicar**: 1. tr. Declarar, manifestar, dar a conocer lo que alguien piensa. U. t. c. prnl. 2. tr. Declarar o exponer cualquier materia, doctrina o texto **difícil**, con palabras muy claras para hacerlos más perceptibles* [3].

Соответственно, глагол *explicar* используется в СВХ, эксплицирующих КЗГ, спровоцированные необходимостью вербализации сложных, объемных или трудновербализируемых (например, связанных с сенсорно-перцептивной или эмоциональной сферой) явлений:

(5) *Una cosa que no se me olvida es el silbido de las balas. Aquello no acababa nunca. Yo pensaba: Dios mío, que acabe ya, lo habéis matado, ¿qué más queréis? En realidad, la palabra silbido no es exacta. Después de catorce años, todavía llevo el ruido dentro de la oreja, pero **no sé cómo explicarlo**. Quizá chasquido. No sé. Debería consultar el diccionario* (F. Aramburu. El hijo de todos los muertos. CORPES).

При этом важное значение имеет не только семантика основного глагола в СВХ, но и всей конструкции в целом. Так, для СВХ, включающих глаголы типа *decir, explicar*, важно наличие в конструкции таких показателей, как *no sé* и *a ver*. Конструкция *no sé cómo decír(te)(lo)* используется на 20 % чаще для вербализации коммуникативных затруднений прагматического характера, нежели *a ver cómo (te) (lo) digo*, ср:

(6) *– Patricio, Pato, es... **A ver cómo te digo**... ¿Sabes a quién se parece?, pero en joven, eh. Al marido de Valeria Mazza* (M. Huerta. Que sea la última vez que me llamas Reina de la Tele. CORPES);

(7) ***No sé cómo decírtelo****, mi Reina. Vi a tu marido allí, en el mitin. Estaba con una mujer* (K. Ber. Agujeros. CORPES).

С нашей точки зрения, предпочтение той или иной формы обусловливается семантико-прагматическими особенностями конструкций *no sé* и *a ver*. В первом случае речь идет о глаголе с эпистемической модальностью в отрицательной форме, что подразумевает бóльшую степень неуверенности, растерянности, сомнения говорящего; а во втором – о выражении, выполняющем, в основном, фатическую, контактоустанавливающую функцию, а также свидетельствующем о готовности говорящего преодолевать возникшее КЗГ. Закономерно, что в ситуациях, связанных с необходимостью вербализовать неприятную, неожиданную, сложную по тем или иным причинам информацию, говорящий предпочитает вариант с конструкцией *no sé*.

Только при вербализации КЗГ языкового характера используются СВХ с безличной формой глагола *cómo se dice*:

(8) *pero Olof Palme/era una persona muy controvers/eeh/controver/¿cómo se dice? polémica polémica sí* (CORALES: Protagonistas: el quinto tertuliano. Onda Cero. CORPES).

Что касается анализа конструкций, содержащих лексему *palabra(s)* (*no encuentro palabra(s), me faltan palabras, no me sale la palabra*), то они также функционируют преимущественно в качестве СВХ при затруднениях языкового характера, так как очевидно, что, используя их, говорящий акцентирует внимание на недоступности кодовых средств.

Тем не менее несколько различается употребление СВХ с данной лексемой в единственном и множественном числе. В то время как СВХ с лексемой в единственном числе фиксируют затруднения преимущественно языкового характера при поиске конкретной номинации:

(9) *– No es que piense pasarlo en limpio. En realidad nunca paso nada en limpio. Le quita...* ***no me sale la palabra...*** *– Espontaneidad. – Exactamente* (P. de Santis. Astronauta solo. CORPES).

Использование СВХ с лексемой во множественном числе, как правило, предполагает блокировку вербализации при описании объемных понятий, например, ощущений или эмоциональных состояний:

(10) *Y fue tal la sensación* ***que no encuentro palabras*** *para describirla* (E. Porta. La primera vez. CORPES).

Кроме того, при анализе конструкций с лексемой во множественном числе, необходимо учитывать, что они могут отличаться некоторой полифункциональностью и использоваться не только как СВХ, но и в качестве своеобразного интенсификатора:

(11) ***No encuentro palabras suficientes*** *de agradecimiento al mencionado Sr. Repiso y Vaca* (M. Lopete Topete. El primer Jefe provincial de tráfico de Fernando Poo (Bioko) escribe hoy sus memorias. CORPES).

Такое функционирование в качестве эмфатических конструкций и речеэтикетных формул несколько затрудняет интерпретацию подобного рода контекстов: порой нелегко определить, испытывает ли говорящий затруднение или употребляет выражение в эмфатических целях.

Таким образом, несмотря на то, что, на первый взгляд, выделенный класс СВХ представляется довольно гомогенным и подходящим для фиксации любого рода коммуникативных затруднений, анализ их употребления демонстрирует определенные корреляции между языковой формой СВХ и типом КЗГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова-Бегларян, Н. В.* Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как его (ее, их) в различных функциональных разновидностях / Н. В. Богданова-Бегларян, Н. Г. Кутруева // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2013. – Вып. 4 (24). – С. 7–18.
2. *Briz, A.* El español coloquial en la conversación. Esbozo de pragmagramática / A. Briz. – Barcelona : Ariel, 1998. – 255 p.
3. El Diccionario de la lengua española [Recurso electrónico]. – Régimen de acceso: https://dle.rae.es/?w=diccionario. – Fecha de acceso: 24.01.2019.
4. *Gallardo Páuls, B.* Análisis conversacional y pragmática del receptor / B. Gallardo Páuls. – Valencia : Episteme, 1996. – 200 p.
5. *Loureda Lamas, O.* Los estudios sobre marcadores del discurso en español, hoy / O. Loureda Lamas, E. Acín-Villa. – Madrid : Arco Libros, 2010. – 752 p.

А. Б. Лисова, Е. С. Ермак (Минск)

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПЕРСОНАЛЬНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена исследованию особенностей интенсификации в блог-коммуникации на испанском языке. Предмет анализа составляют структурные, семантические, сочетаемостные и прагматические характеристики функционирования маркеров интенсификации в персональном интернет-дискурсе. Выявленная специфика употребления интенсифицирующих единиц свидетельствует о значимости взаимодействия в рамках данного типа дискурса категорий интенсивности и эмотивности.

В эпоху глобальной информатизации общества все сферы человеческой деятельности оказываются в той или иной степени связанными с компьютерными и интернет-технологиями. Имея доступ к Интернету, человек в любом месте и в любое время может осуществлять целый ряд необходимых ему действий: следить за последними новостями страны и мира, совершать покупки, организовывать туристические поездки, проводить финансовые операции, получать онлайн-консультации различных специалистов и многое другое. Стремительный рост количества ресурсов, представленная в них информация и своеобразие ее подачи привлекают исследовательский интерес многих лингвистов. Вместе с тем целый ряд вопросов интернет-коммуникации все еще остается недостаточно разработанным. Это касается и такого набирающего популярность жанра, как блог и его лингвокоммуникативных особенностей. Блог представляет собой интернет-дневник, средство письменной и устной репрезентации автора, его мыслей и жизненного опыта,

которому присущи такие характеристики, как интерактивность, возможность комментирования публикации аудиторией, добровольность контактов и т.п. [1, с. 120; 2, с. 20]

В настоящей работе мы исходим из предположения, что коммуникативные характеристики блога обусловливают выбор автором определенных языковых единиц. В качестве объекта исследования нами были избраны интенсификаторы как единицы, способные выполнять широкий спектр семантико-прагматических функций (акцентирование определенных фрагментов высказывания, смещение фокуса внимания адресата, передача личного эмоционального настроя, усиление/смягчение оценочных суждений и т.д.) [3, с. 3].

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей интенсификации в персональном интернет-дискурсе на испанском языке. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: а) определить набор маркеров интенсификации в испаноязычных блогах; б) охарактеризовать семантические и структурные особенности интенсификаторов; в) выявить синтагматические характеристики анализируемых единиц; г) раскрыть прагматический потенциал интенсифицирующих единиц в персональном интернет-дискурсе.

Количественно-качественный анализ маркеров интенсификации в испаноязычных блогах позволил выделить следующие семантические типы интенсификаторов.

1. Маркеры, значение которых выражает только изменение степени проявления чего-либо:

- наречия и прилагательные *muy, mucho, un poco, grande, enorme, por completo* и т.п.: *una* ***gran*** *ilusión*; ***un poquito*** *de miedo*; *con las pilas* ***muy*** *cargadas*;
- префиксы *super-, ultra-*: ***ultra****raro*; ***super****happy*;
- местоимения *tan, tanto, todo*: *me iba a dar* ***tanta*** *pena*; *con* ***toda*** *la felicidad del mundo*.

2. Маркеры, в значении которых сема интенсивности сочетается с другим значением (экспрессивности, эмоциональности, сравнения и т.п.):

- местоимение *qué* в восклицательном высказывании: *¡****Qué*** *incómoda tu inmediatez!*;
- наречия и прилагательные: *irremediablemente, gratamente, formidable* и т.п.: *atrae* ***irremediablemente***; ***gratamente*** *sorprendido*;
- сравнительные конструкции: *Me admirarás* ***casi tanto como yo a ti hoy***;
- синтагмы, метафорически описывающие изменение степени, например: *Cuando me miro al espejo con ganas, con una sonrisa y con la fuerza* ***suficiente para comerme el mundo***.

3. Маркеры, взаимодействие которых с интенсифицируемым признаком образует оксиморон, например: *Soy* ***enrevesadamente*** *simple*. Использование подобной конструкции обеспечивает, на наш взгляд, эффективность блог-коммуникации, поскольку позволяет привлечь интерес и побудить аудиторию к внимательному прочтению поста.

4. Стилистически окрашенные единицы, в частности сниженные, например, *jodidamente*: *Y las personas, las relaciones, las amistades y hasta las cosas más descojonantes, como la pareja, representan equilibrios* ***jodidamente*** *inestables, imposibles, contradictorios... aunque necesarios.* Данный пример, на наш взгляд, весьма ярко иллюстрирует, как использование стилистически сниженных единиц, среди которых и интенсификатор в составе оксиморона, позволяет максимально повысить экспрессивность высказывания и передать градус эмоционального напряжения автора.

В выявленном наборе интенсификаторов, используемых в испаноязычных блогах, употребительность первого типа маркеров, выражающих «чистую» интенсификацию, существенно выше (78 % анализируемых случаев), что представляется вполне закономерным с точки зрения использования простых и понятных форм выражения мысли. Вместе с тем именно меньшая употребительность интенсификаторов с «осложненным» значением, на наш взгляд, коррелирует с ее наибольшей эффективностью в повышении выразительности или эмоциональности необходимых фрагментов блога. Иными словами, «злоупотребление» подобными единицами, как представляется, нивелировало бы общий тон послания и частично лишило бы интенсификацию ее прагматического потенциала.

Более полную картину специфики использования интенсификаторов в персональном интернет-дискурсе дает анализ синтагматических свойств данных языковых единиц. В исследуемом материале выявлена интенсификация как оценочных, так и безоценочных значений. При этом лидирующую позицию занимает сочетаемость маркеров интенсификации с лексемами, выражающими оценку (62 % употреблений), что вполне объяснимо с точки зрения основного назначения исследуемого типа дискурса: данный тип репрезентации виртуальной личности подразумевает разделение с адресатом своего жизненного опыта, предполагающее выражение отношения автора к тому или иному событию/явлению. Вместе с тем интересно рассмотреть, какие виды оценки подвергаются интенсификации в персональном интернет-дискурсе, каков при этом объект оценки и оценочный знак (положительная/отрицательная оценка).

Соотношение употребительности интенсифицирующих единиц с лексемами, выражающими конкретные виды оценки, в персональном интернет-дискурсе на испанском языке представлено в таблице.

Сочетаемость интенсификаторов
с лексемами, выражающими разные виды оценки, %

Эмоциональная оценка	21
Прагматическая оценка	17
Оценка важности	13
Общая оценка	3
Интеллектуальная оценка	3
Нормативная оценка	3
Рациональная оценка	2

Наиболее употребительной в исследуемом типе дискурса является интенсификация эмоциональной оценки (*terrible, sorprendente, asco, lástima, crudeza, solemnidad* и т.п.). Эмоциональный аспект, являясь одним из важнейших признаков виртуальной личности и персонального интернет-дискурса, позволяет авторам устанавливать со своей аудиторией личный контакт и поддерживать ее интерес, независимо от тематики блога. Оценочный знак при этом в большинстве анализируемых случаев является отрицательным. Например: *¡**Qué** asco de falsedad!*. В данном случае автор, употребляя маркер интенсификации перед существительным с выраженным негативным значением, еще больше усиливает свою отрицательную реакцию в ответ на происходящее.

Интенсификация прагматической оценки включает усиление простоты/сложности, успешности/безуспешности, полезности/бесполезности и т.п. (*fracaso, fácil, útil, logro* и т.д.) [4, с. 41–43]. Относительно большой удельный вес подобных интенсифицированных значений обусловлен, на наш взгляд, важностью представления читателю такой информации, которая позволяет формулировать четкие ответы на потенциальные вопросы, получать пользу и учиться благодаря жизненному опыту блогера:

*El **verdadero** fracaso consiste en no haber aprovechado las oportunidades en el momento oportuno*. В приведенном высказывании интенсификация существительного ‘провал’, и без того выражающего абсолютное негативное значение, позволяет автору передать личный эмоциональный настрой в отношении происходящих событий.

Третью по употребительности позицию занимают сочетания интенсифицирующих единиц с лексемами, выражающими оценку важности чего-либо (*importante, valioso, serio, especial* и т.д.). Оценочный знак в подобных высказываниях предсказуемо положительный: как автора публикации, так и его читателей чаще всего интересуют наиболее значимые аспекты обсуждаемого события или явления, менее важным деталям, как правило, внимания не уделяют. Например: *He aprendido algo **muy** importante: el esfuerzo no lo es todo*. В данном посте посредством интенсификации, на наш взгляд, автору удается сконцентрировать внимание читателя на определенном фрагменте публикации.

Как было сказано выше, в испаноязычном персональном интернет-дискурсе интенсификации подвергаются не только оценочные, но и безоценочные признаки человека/событий/явлений. Несмотря на меньшую значимость данных сочетаний в анализируемом материале, их детальное рассмотрение также представляется весьма любопытным.

Среди интенсифицируемых единиц, выражающих безоценочные признаки, выявлены следующие:

- лексемы со значением эмоционального состояния/отношения (*contento, miedo, felicidad, sorprendido, enorgullecer, nervioso, admirar, querer* и т.п.);
- лексемы, описывающие параметрические характеристики чего-либо (*pequeño, cercano, corto, deprisa*);
- единицы со значением эпистемического состояния (*recordar, saber*);

• единицы, передающие значение психологической или физической характеристики человека (*tímido, valiente, joven*).

Важно отметить, что в приведенном наборе типов безоценочных лексем, интенсифицируемых в рассматриваемых блогах, с большим отрывом лидируют единицы, выражающие эмоциональное состояние/эмоциональное отношение автора публикации. Употребительность подобных сочетаний составила в анализируемом материале 29 %. Усиливаться при этом могут как позитивные, так и негативные эмоции. Ср. следующие примеры: *Me convertí en un agujero negro de destrucción en mi casa con algunos comportamientos y no es algo que me enorgullezca* ***en absoluto***. В данном случае использование маркера интенсификации помогает автору передать всю глубину своего негативного эмоционального состояния и, следовательно, усилить категоричность самооценки.

He alcanzado la independencia emocional y ahora me siento ***completamente orgulloso y feliz***. В этом же случае, напротив, интенсифицируется позитивное эмоциональное состояние блогера.

Итак, существенная частотность использования интенсифицирующих маркеров в одних сочетаниях (интенсификация эмоциональной оценки, эмоционального состояния и отношения) и второстепенный характер других комбинаций выдвигают на первый план в испаноязычном персональном интернет-дискурсе активное взаимодействие категорий интенсивности и эмотивности. Выявленная особенность использования интенсификаторов позволяет утверждать, что основная функция данных единиц в анализируемом типе дискурса заключается в усилении эмоциональности передаваемого сообщения.

Подтверждением сформулированного выше тезиса служат и результаты анализа структурных характеристик интенсификации в испаноязычном персональном интернет-дискурсе. Повышению экспрессивности и эмоциональности высказывания, как представляется, способствуют следующие приемы.

1. Интенсификация самого маркера интенсификации: *He cambiado* ***tantísimo*** *que no sé ni explicarlo.* В данном случае можно наблюдать усиление маркера *tanto* посредством интенсифицирующей элативной формы данного местоимения.

2. Повтор интенсификатора, реализуемый в следующих разновидностях:

• повтор одного и того же маркера интенсификации в рамках одного сочетания: *Estoy pasando unos días con la familia y estoy* ***muy muy*** *a gusto, de verdad.* В этом случае для глубины выражения состояния комфорта автор прибегает к повтору интенсифицирующей единицы, что характерно для разговорной речи в ситуациях, когда человек испытывает крайне позитивные или негативные эмоции;

• повтор интенсифицирующей единицы в последовательности сочетаний: ***Tan*** *descontrolada.* ***Tan*** *amable.* ***Tan*** *irreverente.* ***Tan*** *inflamable.* В приведенном высказывании повторение интенсификации не только передает соответствующую положительную оценку объекта обсуждения, но и помогает во всей полноте представить характер эмоционального отношения к нему автора;

• использование разных интенсификаторов в разных сочетаниях в рамках одного высказывания: *Recuerdo* ***perfectamente*** *estar* ***muy*** *nerviosa, había* ***muchísima*** *gente y yo nunca había envuelto un regalo decentemente.* В данном примере концентрация интенсифицирующих единиц в одном высказывании способствует наиболее четкой передаче остроты переживаемых автором эмоций, хотя при этом из трех интенсифицированных лексем лишь одна выражает собственно эмоциональное состояние.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о значимости взаимодействия в испаноязычном персональном интернет-дискурсе категорий интенсивности и эмотивности. Многосторонний характер их взаимосвязи проявляется в семантических (использование маркеров, имеющих в своем значении дополнительные семы экспрессивности и/или эмоциональности, стилистически окрашенных единиц), структурных (разные виды повтора интенсификации) и синтагматических (сочетаемость интенсификаторов с лексемами, выражающими эмоциональную оценку чего-либо, а также описывающими эмоциональное состояние или отношение коммуниканта) особенностях функционирования интенсифицирующих единиц в данном жанре интернет-коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахренова, Н. А.* Лингвистические особенности микроблогов / Н. А. Ахренова // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 9. – С. 119–122.
2. *Горшкова, Е. И.* Блог как вид интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Горшкова ; С.-Петерб. гос. пед. ун-т. – СПб., 2013. – 23 с.
3. *Штатская, Т. В.* Интенсификация глагольного действия в современном французском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Т. В. Штатская ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1991. – 16 с.
4. *Шрамм, А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале соврем. рус. яз. / А. Н. Шрамм. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

К. П. Платунова (Минск)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО АКТА ИЗВИНЕНИЯ В ИСПАНСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена выявлению лингвокультурной специфики речевого акта извинения в коммуникации носителей испанской культуры. Извинение представляет собой полиинтенциональный речевой акт, совмещающий в себе целый ряд функций. В зависимости от интенсивности, выражаемой иллокутивной силы, выделяются следующие разновидности речевого акта извинения: извинение по существу, конвенциональное извинение и метакоммуникативное извинение. Извинение, как правило, сопровождается (имплицитно или эксплицитно выраженным) признанием собственной вины и эмоциональным состоянием сожаления и/или раскаяния по поводу произошедшего, а также (имплицитно или эксплицитно выраженным) обещанием не совершать впредь предосудительных действий либо (факультативным) оправданием/пояснением причин своих неуместных действий.

Формулы извинения широко используются в естественной коммуникации во многих социокультурных сообществах, являясь средством реализации исключительно важной социальной функции, обеспечивающей поддержание гармонии межличностных отношений между участниками коммуникативного взаимодействия. Это обусловливает их интенсивное изучение в рамках лингвистической науки в последние годы. На современном этапе широкий круг вопросов, связанных с особенностями выражения извинения в разных языках, нашел отражение в работах зарубежных и отечественных лингвистов. Несмотря на довольно длительную традицию изучения извинений, ни в отечественной лингвистике, ни в испанистике до настоящего времени не представлено специальных исследований, посвященных изучению функционирования извинений в разных условиях общения и анализу вербально-невербальных средств их реализации. Целью данной работы является выявление семантических и прагматических характеристик вербальных и невербальных средств реализации речевого акта извинения в коммуникации носителей испанской культуры. Материалом для исследования послужили контексты на испанском языке, содержащие речевые акты извинения, извлеченные методом сплошной выборки из испанских фильмов, телесериалов, художественных произведений.

Анализ ряда работ, посвященных проблеме исследования, позволяет выделить следующие разновидности речевого акта извинения в зависимости от интенсивности, выражаемой иллокутивной силы: *извинение по существу*, *конвенциональное извинение* и *метакоммуникативное извинение.*

В рамках данной работы мы остановимся более подробно на одной из разновидностей речевого акта извинения, которая оказалась наиболее распространенной в анализируемых коммуникативных ситуациях.

Извинения по существу в испанской коммуникативной культуре

Данный тип извинений включает те извинения, которые в обязательном порядке нужно формулировать более весомо (т.е. приложить к их выражению больше усилий), чем с помощью одного глагола извинения в императиве. Эти извинения требуют дифференциальной вербальной реакции и могут быть даже отклонены. В извинениях по существу полностью сохраняется семантика просьбы о прощении, и реакция адресата также имеет свою семантику, не сводимую к стереотипу; в некоторых случаях однозначное согласие или отказ принять извинение высказывается лишь после неоднократной смены ролей «говорящий – адресат» [2, с. 257]. Различные языковые средства для осуществления подобного извинения могут намеренно использовать по-разному в зависимости от отдельных прагматических детерминант, а решающим фактором при выборе конкретной формулировки извинения является коммуникативная ситуация.

В испанской коммуникативной культуре **вербализация** извинений по существу осуществляется за счет следующих глаголов *sentir*, *perdonar*, *disculpar, lamentar*: Ср.: (1) *Sonia, **lo siento** de verdad – dijo Miguel. – No volverá a pasar. – Miguel, esa no es la cuestión. Si vuelve a pasar, por favor, que sea a ochenta kilómetros de la oficina. – No volverá a pasar. Miguel y yo no*

tenemos nada, así que puedes estar tranquila porque nadie va a ver nada más – dije yo (C. Pérez). (2) *Álvaro le miró muy quieto durante unos segundos. Después cerró los ojos y suspiró. Se puso en pie y se acercó a él. –* ***Perdóname****, tienes razón – dijo, le quitó el manuscrito de las manos y le abrazó. –* ***Perdóname*** *tú a mí, Álvaro, pero es que no sabes lo que es pasar por una infancia como la mía. – No, no lo sé – susurró él* (D. Redondo). (3) *¿Lo has leído ya, por cierto? – Todavía no, Peter,* ***disculpe,*** *lo siento en el alma. Me cuesta mucho concentrarme en la lectura últimamente, – le contesté, y no le mentía* (J. Marías). (4) *Y la más congruente de las formas es a través de la institución para la que trabajó. – Carraspeó, prosiguió. – Y en lo que a mí respecta,* ***lamento*** *mi comportamiento. Reconozco mi error y te pido disculpas, Luis, por haber invadido tu ámbito persiguiendo mi propio interés* (M. Dueñas).

В результате анализа коммуникативных ситуаций нам удалось выявить частность использования вышерассмотренных глаголов при принесении извинений по существу носителями испанской культуры (рис. 1).

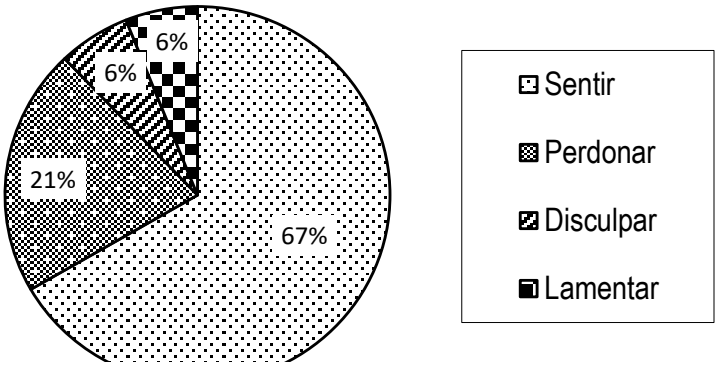


Рис. 1. Процентное соотношение глаголов,
используемых при реализации извинений по существу
в испанской коммуникативной культуре

При этом нами были выявлены следующие особенности вербальной актуализации извинений по существу.

1. Повторы одного или нескольких глаголов (*perdonar*, *sentir*, *lamentar*) в рамках актуализации одного речевого акта. Ср.: *Sara*, ***lo siento, lo siento, perdóname****. No quiero seguir haciéndolo, te estoy haciendo daño* (El mal ajeno). В данном случае извинение приносится за то, что его адресант ударил женщину.

2. Глагол *sentir*, использующийся при актуализации извинения по существу, обычно употребляется с местоимением *lo*. Ср.: ***Lo siento****, pensaba que lo sabías* (Tuya siempre).

3. За извинением по существу зачастую следует оправдание, которое реализуется, как правило, с помощью глагола в Imperfecto de Indicativo в отрицательной форме (*no quería*, *no sabía* и т.д.). Ср.: *Perdona Antonio,* ***no sabía*** *que sufrías tanto* (Te doy mis ojos).

4. Извинение по существу предполагает то, что его адресант раскаивается в содеянном и не желает повторения случившегося. Данное обстоятельство объясняет тот факт, что за извинениями по существу обычно следуют заверения и обещания. Ср.: *Ya he dicho que* ***lo siento****, Canija,* ***esto no volverá a pasar*** (Te doy mis ojos).

5. Чтобы подчеркнуть степень раскаяния, извинения по существу зачастую сопровождаются наречием *mucho* (*muchísimo*) и выражением *de verdad.* Ср.: ***Lo siento*** *Eva, te lo tenía que haber dicho antes, pero te juro que no he encontrado el momento. No he encontrado el momento* ***de verdad****. – ¿Y cuándo pensabas encontrarlo? ¿Cuándo el niño tuviera 18 años?* (Mataharis).

При актуализации извинений по существу для носителей испанской культуры характерно использование различных **невербальных** средств. Фонационные средства (тембр голоса, темп и громкость речи, устойчивые интонации, особенности произнесения звуков, заполнения пауз и т.д.) [1, с. 190] передают адресату информацию различного рода. Так, например, по голосу можно определить физическое и психоэмоциональное состояние человека, его намерения и некоторые черты характера. Ср.: (1) *Lo siento, lo siento, lo siento, he sido un completo estúpido, lo siento –* ***me susurra con dulzura*** (N. Domínguez). В этом примере, использование глагола *susurrar* обусловлено желанием адресата смягчить ситуацию с собеседником и таким образом добиться примирения. (2) *Lo siento –* ***murmuró*** *entonces –. Lo siento, de verdad – y parecía a punto de echarse a llorar –. No sé por qué te he dicho todas esas cosas, ni siquiera lo entiendo, no debería haberte hablado así, tú no te lo mereces, yo sólo quería que comprendieras... Lo siento, perdóname* (A. Grandes). В данной ситуации, вполне вероятно, что использование глагола *murmurar* связано с неким раскаянием со стороны адресата.

Среди прочих невербальных средств, использующихся при принесении извинений по существу, нами были зафиксированы также кинесические средства (жесты, позы, знаковые телодвижения). Ср.: (1) *No levanté los ojos. Él con* ***los suyos también bajos*** *me dijo: – Lo siento. No he podido evitarlo. Eres preciosa* (C. Sánchez). В данном примере адресат опускает глаза, показывая таким образом, что ему стыдно за совершенный поступок. (2) *Perdóname, tienes razón – dijo, le quitó el manuscrito de las manos* ***y le abrazó*** (D. Redondo).

Не менее важными в реализации речевого акта извинения по существу являются и проксемические средства (коммуникативная дистанция между собеседниками). Ср.: (1) *Antes de que pueda abrir la puerta noto como sus brazos me rodean por detrás y* ***me acercan a su cuerpo****. – Lo siento, lo siento, lo siento, he sido un completo estúpido, lo siento – me susurra con dulzura.* ***Se sienta a mi lado****, sin mirarme, y se disculpa por hacerme pasar por todo aquello…* (N. Domínguez). (2) *Lo del colegio era mentira – él hizo una pausa,* ***se inclinó hacia delante****, me cogió de las manos –. Lo siento, José* (A. Grandes). В данных примерах, адресант «вторгается» в так называемую интимную зону собеседника, что может быть обусловлено раскаянием за совершенное действие и желанием придать большую значимость своим словам.

Количественный анализ частотности трех разновидностей невербальных средств (фонационных, кинесических и проксемических) при актуализации извинений по существу представлен на рис. 2.

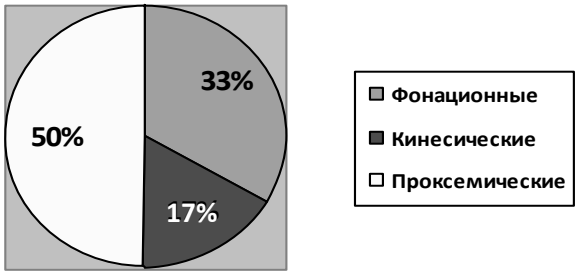


Рис. 2. Процентное соотношение невербальных средств реализации извинений по существу в испанской коммуникативной культуре

Как следует из рисунка, наиболее распространенными невербальными средствами реализации извинений по существу являются фонационные и проксемические. На наш взгляд, данные результаты могут быть обусловлены (среди прочих факторов) самим характером данной разновидности извинения, требующей, в том числе, и определенной «невербальной деликатности» для устранения последствий недопонимания, конфликта и т.п.

К числу наиболее типичных семантических типов невербальных средств актуализации извинений по существу относятся:

1) негативно-астенические средства (невербальные средства, выражающие негативные эмоции: грусть, печаль, раскаяние и т.д.): *cejas fruncidas* ‘нахмуренные брови’, *ojos bajos*, *sin mirar* ‘взгляд в пол’, *bajar la cabeza* ‘опустить голову’ и т.п. В большинстве случаев при принесении извинений по существу особая роль придается глазам, а именно взгляду, направленному в пол. Ср.: *Él* ***con los suyos*** *también* ***bajos*** *me dijo: Lo* ***siento****. No he podido evitarlo* (C. Sánchez);

2) позитивные средства (невербальные средства, с помощью которых выражаются позитивные эмоции: радость, счастье, удовольствие и т.п.): *susurrar con dulzura* ‘сладко шептать’, *abrazar* ‘обнимать’, *coger de las manos* ‘брать за руки’ и т.п. Особую роль играют в данном случае прикосновения к адресату извинения по существу. Ср.: *Lo del colegio era mentira – él hizo una pausa, se inclinó hacia delante, me* ***cogió de las manos*** *–. Lo siento, José* (A. Grandes).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что при принесении извинений по существу предпочтение отдается негативно-астеническим невербальным средствам.

Поводы для принесения извинений по существу

Извинения по существу предполагают то, что адресант желает «реабилитироваться» за определенные *вербальные* и/или *невербальные действия*. Так, например, к числу невербальных действий, повлекших за собой конфликт и ставших причиной принесения извинений по существу, относится принесение материального и нематериального ущерба адресату извинения. Ср.: (1) *Junto al puesto de Alonso, dos indias extendían sobre una manta varios objetos de barro. Ana, al pasar****, pisó sin querer una figurita****. – ¡Oh,* ***perdón, lo siento****! – Le dijo a la india de más edad –. ¿La he roto? – No – replicó en portugués la mujer, algo extrañada, pues no estaba acostumbrada a que las*

blancas se disculpasen (E. Menéndez). В данном примере коммуникант приносит извинения за то, что он разбил что-то. (2) *Informarte de lo que hablamos ayer. Te echamos de menos en la reunión, camarada. – Ay,* ***lo siento*** *– la cantante hizo un gesto de disculpa –. No te enfades. La verdad es que quería ir, pero me eché la siesta, y como no estoy acostumbrada, me quedé frita. – Pues si todos nos dedicáramos a dormir la siesta, ya me contarás... – entonces levantó la cabeza en dirección a la puerta, y la mantuvo quieta, las cejas fruncidas como si algo le llamara mucho la atención* (A. Grandes). Как следует из примера, певица извиняется за то, что не пришла на встречу, которая была запланирована, потому что уснула во время сиесты.

К числу вербальных действий, повлекших за собой конфликт и ставших причиной принесения извинений по существу, относится, как правило, некорректное поведение адресанта извинения (оскорбления, озвучивание незапрашиваемой информации и т.д.). Ср.: (1) *No me gusta cuando se burlan de mis amigos. – Tienes razón,* ***perdona****. Soy un bocazas* (R. Ribas). Как следует из данного примера, коммуникант извиняется за то, что высмеивал друзей своего собеседника.

Вербально-невербальная реакция на извинения по существу

На основе собранных нами примеров, все ответные вербальные и невербальные реакции можно классифицировать следующим образом: *позитивная* реакция (свидетельствующая о прощении), *негативная* реакция (свидетельствующая о том, что собеседник не принимает извинение) *нейтральная* реакция (несоотносимая ни с позитивной, ни с негативной реакцией).

При позитивной реакции адресат может сразу принять извинения, употребляя такие фразы, как *no pasa nada* ‘ничего страшного’, *no se preocupe* ‘не волнуйтесь’, *todo está bien* ‘все хорошо’ и т.п. А также такие невербальные средства *abrazar* ‘обнять’, *acercarse* ‘подойти’, *besar* ‘поцеловать’ и т.п. Ср.: *Lo siento, Ana, de verdad. No sé qué decirte. – ¿Cómo disculparse con una señora con su trayectoria, a la que sacan de su casa a media tarde de un viernes, la llevan a la televisión y le hacen esperar más de cuatro horas para luego devolverla a su hogar peinada y maquillada como una puerta para nada? –* ***No te preocupes****, Jorge, que has hecho muy bien. Disfruta de tus vacaciones* (J. Javier Vázquez). В приведенном примере позитивная вербальная реакция собеседника на извинения свидетельствует о прощении адресата извинения.

Негативная ответная реакция содержит в данном случае вербально либо невербально выраженное недовольство со стороны адресата. Ср.: (1) *Informarte de lo que hablamos ayer. Te echamos de menos en la reunión, camarada. – Ay, lo siento – la cantante hizo un gesto de disculpa –. No te enfades. La verdad es que quería ir, pero me eché la siesta, y como no estoy acostumbrada, me quedé frita. –* ***Pues si todos nos dedicáramos a dormir la siesta, ya me contarás...*** *– entonces levantó la cabeza en dirección a la puerta, y la mantuvo quieta,* ***las cejas fruncidas*** *como si algo le llamara mucho la atención* (A. Grandes). В данном случае как вербальный ответ адресата извинения, так и мимический жест ‘нахмуренные брови’, свидетельствует о негативной

реакции на извинение. (2) *Me parece que he metido la pata – confesó Gregorio frunciendo los labios con teatral consternación –. Le he dicho dónde estuvimos el sábado por la noche… Todos. No sabes cuánto lo siento. Kilian* ***apretó los puños*** *y de no ser porque Emilio entraba en ese momento, de buena gana le hubiera estampado un puñetazo. Miró a Julia y se sintió como un gusano bajo su mirada dolida. Julia apartó la vista y se alejó hacia el almacén. Afuera, Kilian dio rienda suelta a su enfado. –¿Te has quedado a gusto, Gregorio? –* ***le recriminó en voz alta*** *–. ¿Qué ganas tú con todo esto? – ¡A mí no me grites!* (L. Gabás). Как следует из приведенного примера, негативная вербальная реакция на извинение подкрепляется невербальными средствами.

Извинение по существу не всегда сопровождается ответной репликой собеседника. Иногда собеседник делает вид, что не заметил «проступка» со стороны своего собеседника, либо не знает, как реагировать на его извинение, что манифестируется в нейтральной невербальной реакции. Ср.: *Y en lo que a mí respecta, lamento mi comportamiento. Reconozco mi error y te pido disculpas, Luis, por haber invadido tu ámbito persiguiendo mi propio interés.* ***No supe si lanzar un grito de júbilo, alzar un puño victorioso al aire o abrazarle con todas mis fuerzas*** (M. Dueñas). В приведенном примере извинения не сопровождаются вербальной ответной реакцией, так как собеседник просто не нашел подходящих слов, чтобы выразить свое эмоциональное состояние.

Таким образом, извинение представляет собой комплексное речевое действие, совершаемое говорящим для психологической коррекции неблагоприятного положения дел, наступившего по его вине. Извинение, как правило, сопровождается (имплицитно или эксплицитно выраженным) признанием собственной вины и, следовательно, эмоциональным состоянием сожаления и/или раскаяния по поводу произошедшего, а также (имплицитно или эксплицитно выраженным) обещанием не совершать впредь предосудительных действий либо (факультативным) оправданием/пояснением причин своих неуместных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крейдлин, Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 592 с.
2. *Ратмайр, Р.* Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр. – М. : Языки слав. культуры, 2003. – 272 с.

А. И. Цупа (Минск)

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРАХ ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ФУНКЦИИ ПЕРЕСПРОСА

В статье рассматриваются наиболее употребительные дискурсивные маркеры (*eh, no, sí*) испанской разговорной речи в функции переспроса как одного из видов реплик-реакций, усложняющих диалогическое единство, и роль данных маркеров в усложнении диалогического единства.

Важную роль в организации испанского разговорного диалога играют дискурсивные маркеры, класс которых очень широк. По нашим наблюдениям, к числу наиболее употребительных относятся такие дискурсивные маркеры, или marcadores metadiscursivos conversionales, как *¿eh?*, *¿no?*, *¿sí?*, которые выполняют разные функции. Полифункциональность данных маркеров носит достаточно сложный характер, что находит отражение в неединообразном толковании их значений в разных лексикографических источниках. Любопытно, что при всех этих расхождениях в каждом из лексикографических источников для каждой частицы выделяется функция переспроса. Именно в этой функции частицы выполняют роль средства усложнения диалогического единства, при чем их роль в усложнении различается.

Рассмотрим подробнее частицу *¿eh?*. М. Молинер в Diccionario de uso del español выделяет два основных значения частицы *eh*: в первом значении данная частица является междометием, а во втором значении (в вопросительной форме) – дискурсивным маркером. Как дискурсивный маркер *¿eh?* употребляется в конечной позиции и выполняет фатическую функцию, или функцию поддержания контакта.

«eh

1 interj. Con tono exclamativo se emplea, generalmente repetido, para llamar la atención de alguien o advertir un riesgo; puede emplearse sin más palabras, pero generalmente va seguido de un nombre en vocativo: ‘¡Eh, señora,fíjese qué melones! ¡Eh, niño, que vas a tropezar!’.

2 Con tono interrogativo se emplea como expresión enfática al final de una advertencia o reprensión, para reforzarlas: ‘Que no tenga que decírtelo otra vez, ¿eh?’.Otras veces, por el contrario, pronunciado con descenso de voz, se emplea para atenuar una frase de reconvención o de mandato: ‘Has llegado un poco tarde, ¿eh? A dormir, ¿eh?’. Muchas personas abusan del empleo de esta expresión al final de cualquier frase dirigida a otra persona, para mostrar amabilidad.

3 Es también una exclamación de susto, equivalente a ¡ah! u ¡oh!» [1].

В свою очередь, как дискурсивный маркер в словаре дискурсивных частиц испанского языка (DPDE) *¿eh?* имеет три значения. Первые два значения связаны с позицией, занимаемой маркером, который выполняет апеллятивную (регулятивную) функцию в финальной позиции в реплике и функцию фатического характера внутри реплики [2].

E2: [Asent] Ya. Pues sí que han cambiado las cosas, ¿eh?

I1: Muchí-| ¿A que lo notáis que ha habío un cambio mu grande en lo de antes a lo de ahora?

E2: Sobre todo la juventud. Porque a los jóvenes ¿qué os preocupaba antes? Yo creo que ahora miran por otras cosas, ¿no?

I1: Yo creo...[1]

Нас интересует третье значение частицы *¿eh?*, которая определяется как реакция на сказанное и, таким образом, запрашивает разъяснение или повторение информации, которая не понята, или неправильно понята, или

[1] Примеры взяты из корпуса испанской разговорной речи Corpus oral y sonoro del español rural.

регулирует то, что было сказано или сделано кем-то. В этом значении *¿eh?* употребляется либо как самостоятельный речевой акт, либо как элемент речевого акта. В обоих случаях структурный статус маркера одинаков и эквивалентен вопросу. В первом случае мы понимаем *¿eh?* как реактивную реплику-переспрос [3]:

E2 ¿Era gratis? ¿Y cómo?

I1: ¿Eh?

E2: ¿Era gratis?

I1: ¿Gratis? Sí. Hombre, cobraba algo el, el señor que esto, pero bueno. Era… gratis.

Во втором случае *¿eh?* как речевой акт может быть частью сложных реплик (включающих несколько речевых актов) [Там же]:

E1: |T21| ¿Ha estado usted en Tenerife?

I1: Dos veces ya.

E1: ¿Sí? ¿Ha viajado usted mucho o...?

I1: ¿Eh?... ¿Qué?

E1: ¿Ha viajado usted mucho?

I1: Regular, poco, no he viajado mucho, pero he visto cosas bastante importantes, sí. Lo de Tenerife muy pre- precioso, precioso, muchos plátanos y unas temperaturas agradable, muchísimos plátanos y una temperatura agradable, sí.

Данный дискурсивный маркер *¿eh?* в обоих случаях эквивалентен метакоммуникативным вопросам типа *¿qué has dicho?*/*¿cómo has dicho?* ‘что ты сказал?’/‘как вы говорите?’ или косвенному запросу типа *¿puedes repetir?* ‘ты можешь повторить?’ и имеет значение вопроса, запроса информации, и, следовательно, запроса на повторение или уточнение. В разговорной речи такие метакоммуникативные вопросы также представлены в форме *¿qué?* ‘что?’, более вежливые формы *¿cómo?*, *¿perdón?* [Там же]:

1)*E1: ¿La levadura es un trozo de masa?*

I2: ¿Qué?

E1: ¿La levadura es un trozo de masa?

I2: Sí.

2) *E1 : ¿Y qué le iba a preguntar, eh?, ¡ah!, cambiando de tema, las fiestas, ¿hay, qué fiestas hay en este pueblo?*

I1: ¿Cómo?

E1:¿Qué fiestas hay en este pueblo?

I1: Pues en el mes de abril las fiestas de san Vicente Ferrer, moros y cristianos.

Таким образом, дискурсивный маркер *¿eh?* и в качестве самостоятельного речевого акта, и в составе сложной реплики в функции переспроса, безусловно, участвует в усложнении диалогического единства. Своим употреблением *¿eh?* обусловливает повтор инициирующей реплики, за счет чего и достигается усложнение.

Следующим употребительным в испанской разговорной речи дискурсивным маркером является *¿no?*. В Diccionario de uso del español М. Молинер, помимо значения ‘нет’ как наречия, определяется значение

данного маркера в вопросительной форме и описывается следующим образом: *¿no?* используется только в конце предложения, чтобы а) запросить подтверждение того, что уже известно или предполагается; б) побудить сделать то, что требуется или предлагается; в) использовать просто как эмфатическую частицу.

«¿No? solo se emplea muy frecuentemente al final de una frase: 1. Para pedir la confirmación de algo que ya se sabe o supone: 'Ayer estuviste en mi casa ¿no?'. 2. Cuando se pregunta incitando a realizar aquello que se pregunta: 'Te quedarás a comer con nosotros ¿no?'. 3. Poniendo el verbo en futuro hipotético puede tener la frase sentido sarcástico: 'Estarás contento de verla llorar ¿no?'. 4. Puede emplearse simplemente como partícula enfática o como muletilla: 'Todos lo sabemos ¿no? Aquí estamos mejor ¿no? '» [1].

Каталина Фуэнтес Родригес описывает данный маркер как «интерактивный регулятивный дискурсивный соединитель» апеллятивного характера, который требует от собеседника сотрудничества и может иметь две функции: подтверждение вопроса или утверждения и фатическая функция [4]. *¿No?* является маркером контроля контакта, который регулирует межличностные отношения между собеседниками, и чаще всего располагается в конце фразы [5, p. 399]:

E1: ¿Y usted también es de aquí? Nos ha dicho, ¿no?
I: ¿Perdón?
E1: Usted también es de aquí.
I: ¿Quién?
E1: Usted.
I: ¿Yo? Sí, [RISAS] soy de aquí.

В разговорной речи, как и индикатор *¿eh?*, *¿no?* может употребляться как самостоятельный речевой акт, так и в составе сложной реплики [6]:

E1: ¿Y el frío aquí cómo lo pasan?
I: ¿Eh?
E1: El frío aquí.
I: Buah, el frío, el frío no hay miedo.
E1: ¿No?
I: No, no, el frío nada. Oye, pues, en casa, calefacción pues tenemos to el mundo. Y luego pues, oye, si puedes beber vino, vino, y copas y quitas el frío como sea.

Употребляя данный маркер, говорящий ищет подтверждение сказанному.

E1: ¿Y tenían vacaciones o no, a las chicas estas que iban a servir?
I3: Poco.
E1: ¿Tendrían vacaciones o, pagadas o…?
I3: Enf: Qué va, igual algún domingo igual.
E1: ¿Qué?
I3: ¿Qué te crees que hay un mes de vacaciones como ahora o qué? Sí, ya, antes no había.
E1: ¿No?. ¿Y les pagaban?
I3: Poco o nada.
E1: Poco o nada.
I3: Nada.

Таким образом, дискурсивный маркер *¿no?* в функции переспроса является средством усложнения диалогического единства, обусловливая разъяснение, расширение информации или повторение предыдущей отрицательной конструкции.

С другой стороны, в случае утвердительного ответа, говорящий также может использовать утвердительную вопросительную форму со значением, аналогичным *¿no?*, но в утвердительных предложениях, где *¿sí?* является самостоятельным речевым актом. Несмотря на то, что *¿sí?* не выделяется исследователями как дискурсивный маркер, нам кажется целесообразным выделить у него такое значение, ввиду схожих функций с маркером *¿no?*. Как и вышеприведенные маркеры, *¿sí?* как вопрос-переспрос может употребляться как самостоятельный речевой акт, так и в составе сложной реплики:

E1: |T20| Y... una pregunta, ¿había caza en el pueblo?, ¿se caza por aquí?

I1: Sí.

E1: ¿Sí?

I1: Perdices, conejos.

E1: ¿Sí?

I1: [EXCL] liebres, sí, sí, aquí, ya lo creo.

E1: ¿Y usted caza?

I1: No, no me ha gustado nunca.

E1: ¿No?

I1: Eso sí que no me ha gustado nada, lo único que me gusta a mí es, es la música, la que yo conozco, eh, que la música también es muy larga, eh.

Так же, как и дискурсивный маркер *¿no?*, *¿sí?* может быть частью сложной реплики, при этом его роль в усложнении диалогического единства не меняется:

E1: |T16| ¿Y había médico en el pueblo?

I1: Sí.

E1: ¿Sí?, ¿y cómo...?

I1: Mira, aquí saliendo de aquí ahí vivía, ahí enfrente, al lado del ayuntamiento.

E1: Sí.

I1: Muy bueno, muy bueno con su maletín todos los días por pueblo.

E1: ¿Sí?

I1: Sí, sí.

E1: ¿Y había que pagarle?

I1: Una iguala todos los meses, sí.

E1: ¿Una iguala?

I1: Pues, si Busot tenía cien casas, a cinco euros, quinientos euros al mes y él iba a visitarte gratis.

E1: [EXCL], o sea, que se le pagaba todos los meses.

I1: Todos los meses le pagábamos una iguala.

Как собственно речевой акт *¿sí?* предполагает разъяснение и пояснение предыдущей информации, содержащейся в утвердительном высказывании.

В заключение необходимо подчеркнуть, что дискурсивные маркеры

испанской разговорной речи *¿eh?*, *¿no?*, *¿sí?* являются полифункциональными и часто употребляются в функции переспроса. В этой функции они являются средствами усложнения ДЕ, причем роль их в усложнении различается. Если дискурсивный маркер *¿eh?*, являясь переспросом, усложняет диалогическое единство, стимулируя повтор непонятой информации, то *¿no?*, *¿sí?* усложняют диалогическое единство, обусловливая пояснение, разъяснение информации в последующей реплике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moliner, M.* Diccionario de uso del español [Recurso electrónico] / M. Moliner. – Madrid : Gredos, 2007. – 3 ed. – 1 disco (DVD-ROM).
2. *Briz Gómez, A.* Presentación del Diccionario de partículas discursivas del español (DPDE) [Recurso electrónico] / A. Briz Gómez. – 2006. – Modo de acceso: www.dpde.es. – Fecha de acceso: 14.02.2019.
3. *Montañez Mesas, M. P.* Marcadores del discurso y posición final: la forma ¿eh? en la conversación coloquial española / M. P. Montañez Mesas // ELUA. – № 21. – 2007. – P. 261–280.
4. *Fuentes Rodríguez, C.* Diccionario de conectores y operadores del español / C. Fuentes Rodríguez. – Madrid : Arco Libros, 2009. – 414 p.
5. *Domínguez García, M. N.* Los marcadores discursivos y los tipos textuales / M. N. Domínguez García, O. Loureda, E. Acín // Los estudios sobre marcadores del discurso en español. – 2010. – P. 359–414.
6. *Montañez Mesas, M. P.* El apéndice ¿no? en la conversación coloquial española / M. P. Montañez Mesas // Boletín de Filología, Univ. de Chile. – 2008. – XLIII (2). – P. 117–174.

А. Б. Чиркун (Минск)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОППОНЕНТА

В данной статье речь идет о стилистических средствах, используемых испанскими политиками для создания негативного образа политического оппонента. В качестве объекта исследования выступают военная, театральная, медицинская и морская метафоры, прецедентные феномены, а также ирония.

В основе политической коммуникации лежит ее манипулятивный характер, направленный на поиск политиком эффективных способов воздействия на массовое сознание. Политический образ, формируемый в массовом сознании, имеет характер стереотипа и связан с эмоционально окрашенным представлением политического лидера. Образ политического деятеля создается как в позитивном, так и в негативном ракурсах. Неоспоримым является тот факт, что образ политика может формироваться на основе его прошлого, настоящего и будущего, например, его личной жизни,

политический и профессиональной деятельности. Некоторые из перечисленных аспектов несут большую семантическую нагрузку, некоторые меньшую в зависимости от позитивного и негативного характера создаваемого образа.

Целью данного исследования является анализ наиболее типичных стилистических средств, используемых для моделирования негативного образа политического оппонента. Материалом исследования послужили фрагменты публичных выступлений современных испанских политиков.

Одной из характерных черт публичных выступлений испанских политиков является использование большого количества м е т а ф о р, особенно когда речь идет о критике политических оппонентов. Общеизвестно, что национальное своеобразие используемой метафоры обусловлено целой совокупностью различных факторов, в том числе климатическими условиями того ареала, на котором формировались та или иная культура, культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, а также другими факторами, имеющими многовековую историю. Система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а концептосферу, которая меняется в зависимости от экстралингвистической действительности. Изменения в инвентаре политических метафор той или иной страны связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Вслед за И. М. Кобозевой, под метафорой или метафороподобными выражениями мы понимаем все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии [1, с. 73].

К числу наиболее типичных метафор, с помощью которых испанские политики конструируют негативный образ своего оппонента, относятся следующие.

1. *Морская метафора*. Испания является морской страной, поэтому испанским политикам присуще, критикуя своих политических оппонентов, проводить аналогии, связанные с морской тематикой, ср.: (1) *Usted flota sobre la coyuntura y sobre el euro, y con la marea alta todos los barcos flotan, pero le falta rumbo y carta de navegar* (Albert Rivera). В приведенном примере неэффективная политическая деятельность экс-премьер-министра Испании сравнивается с дрейфующим кораблем, сбившимся с курса.

2. *Военная метафора*. Политические оппоненты и их партии сравниваются с участниками военных действий (*veterano, rehén, duelista* и т.д.), которые наступают, обороняются, сражаются, занимают, оставляют или захватывают стратегические высоты, берут в заложники, ср.: (2) *Ésta es una bomba que nos puede estallar en las manos y están ustedes jugando peligrosamente con ella* (Pablo Iglesias). В данном примере сложившаяся ситуация по вине политический партии, находящейся у власти, сравнивается с бомбой, которая в любой момент может взорваться.

3. *Музыкальная метафора*. Слова политических оппонентов, их пустые обещания сравниваются со сладкой, приятной для слуха мелодией, которая плохо коррелирует с печальной действительностью. Ср.: (3) *Hemos oído hoy,*

de nuevo, un discurso agradable, una música simpática, con poca letra, una especie de tarareo que hemos apreciado mucho, pero quisiéramos mayores concesiones, más claros compromisos y cifras mas exactas (Pedro Sánchez).

4. *Медицинская метафора*. С помощью данной метафоры подчеркивается состояние невменяемости, психического расстройства, в котором обычно прибывают политические оппоненты. Ср.: (4) *Nefasta gestión, señor Rajoy, nefasta gestión. Llegan al delirio cuando hablan de combatir la pobreza* (Pedro Sánchez). Кроме этого, политическая деятельность оппонента сравнивается с неправильным лечением, которое зачастую приводит к смерти пациента, ср.: (5) *Usted nos dice que si queremos sanar nos tenemos que acabar la caja de antibióticos*. *Pero los españoles estamos muy familiarizados con los antibióticos y sabemos que empiezan a hacer efecto desde el primer día. En otras palabras: si la austeridad curara, señor Rajoy, ya nos habríamos enterado. Usted lleva 36 meses administrándonos sus antibióticos y los españoles se mueren, literalmente, de hambre y de frío* (Albert Rivera).

5. *Театральная метафора*. В данном случае политические оппоненты сравниваются с актерами (*actor*, *protagonista*, *estrella* и т.д.), которые по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывают комедии, трагедии и драмы (*comedia*, *tragedia*, *drama*, *comedia de enredo* и т.д.), ставят спектакли и снимают фильмы (*espectáculo*, *película*, *teatro* и т.д.), в которых принимают участие политические лидеры и активисты в роли главных актеров или статистов Ср.: (6) *Los españoles, Señoría, ésos a los que está tomando el pelo con estos teatros*… (Mariano Rajoy). (7) *No pienso participar en las comedias de enredo en las que están sumidos otros partidos en este período de negociaciones* (Pedro Sanchez).

Среди языковых средств, которые активно используются для создания негативного образа политического оппонента, особое место занимают различные прецедентные феномены, апеллирующие к личному или историческому опыту массового адресата, к его определенным фоновым знаниям, заставляя рассматривать некоторую ситуацию или личность сквозь призму более широкого культурного контекста [2, с. 32]. К числу прецедентных, как правило, относят феномены, 1) которые известны значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества [Там же].

Использование прецедентных имен подчинено различным целям. При создании негативного образа политического оппонента к основным функциям использования прецедентных имен (на нашем материале) относятся следующие.

1. Оценочная функция: прецедентные имена являются важным средством эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение их адресанта. Как подчеркивает Д. Б. Гудков, оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, «не претендует на объективность, она подчеркнуто эмотивна и субъективна» [Там же, с. 14].

2. П р а г м а т и ч е с к а я ф у н к ц и я: прецедентные феномены – мощное средство воздействия на адресата, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата. Прецедентные феномены задают определенную систему ценностей и антиценностей, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим», в данном случае политическим оппонентам.

3. Э с т е т и ч е с к а я ф у н к ц и я: прецедентные имена воспринимаются как способ эстетической оценки мира, привлекающие к себе внимание необычной формой выражения. Поскольку прецедентные имена нередко рассматриваются как одна из разновидностей метафоры (хотя не всегда и не всякое прецедентное имя употребляется метафорически), их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры, которая является одним из главных средств эстетического воздействия.

В качестве примеров, иллюстрирующих использование прецедентных феноменов в рамках реализации вышерассмотренных функций при создании негативного образа политического оппонента, приведем следующие фрагменты публичных выступлений испанских политиков, ср.: (8) *La Inquisición española vuelve con fuerza* (Mariano Rajoy). В данном примере экс-глава правительства Испании сравнивает действия лидера партии «Мы можем» с испанской инквизицией из-за его непримиримой политической позиции по вопросу коррупционного скандала, в котором были замешаны бывшие члены Народной партии Испании. (9) *Los Ciudadanos es una marioneta gatopardiana de las élites* (Pablo Iglesias). «Gattopardo» – это роман итальянского писателя Джузеппе Томази ди Лампедуза. Он был опубликован в 1958 году, уже после смерти автора, и стал одним из самых известных произведений итальянской литературы. Персонаж этого романа произносит фразу: *Si queremos que todo siga como está, necesitamos que todo cambie*. Речь идет об удивительной способности жителей Сицилии приспосабливаться на протяжении истории к различным правителям острова. Отсюда берет свое начало такое понятие, как *gatopardismo* ‘гатопардизм’, которое в политике означает ‘изменять все так, чтобы ничего не изменилось’. Гатопардистами называют политиков, которые заявляют о каких-то революционных преобразованиях, но на самом деле изменяют только внешнюю оболочку. В приведенном примере политическая партия «Граждане» сравнивается с марионеткой, которая подстраивается под условия, которые являются выгодными для правящей партии. (10) *Usted no es de izquierdas ni de derechas, usted es de lo que haga falta y es el chicle de MacGyver del régimen, vale para todo, pero es lo malo de ser el chicle, dura lo que dura* (Pablo Iglesias). «Секретный агент МакГайвер» – американский приключенческий сериал, в котором главный герой – находчивый МакГайвер – решает сложные проблемы при помощи обычных предметов, например, жевательной резинки. Отсюда берет свое начало ироничное выражение *ser chicle de MacGyver*, т.е. быть своего рода «палочкой-выручалочкой». Пабло Иглесиас (представитель партии «Мы можем») утверждает, что Альберт Ривер (лидер партии «Граждане») – это жевательная резинка МакГайвера, т.е палочка-выручалочка партии власти. (11) *Vamos a intentar, aunque no creo que lo consigamos hoy, salir del día de la marmota en el que estamos instalados* (Xavier Domènech).

Хавьер Доменеч, представитель избирательной коалиции «Вместе мы можем», сравнивает действия политиков с названием фильма «День сурка». Картина повествует об истории метеоролога, попавшего во временную петлю во время ежегодного празднования Дня сурка. Концепция временной петли, построения героем «идеального дня» и его моральное преображение стали хорошей иллюстрацией для многих философских доктрин, а также используются в психологии и экономике. Выражение *День сурка* устойчиво вошло в языки многих народов мира как синоним рутинно повторяющегося события, монотонной жизни. В приведенном примере выражение *día de la marmota* означает ‘застойность, рутинность’ политической ситуации в Испании из-за бездействия политических партий.

Испанские политики осуществляют реконструкцию негативного образа политического оппонента за счет широкого использования ирония. Ирония как средство дискредитации политического оппонента получила в настоящее время очень большое распространение, и прежде всего вследствие ограничений в использовании прямых инвективных средств для умаления чьего-либо авторитета. Эмоциональное воздействие апеллирует к целому ряду человеческих чувств, но в первую очередь к чувству юмора и базируется на иронии, сарказме и таких приемах, как гротеск и гипербола. Ирония в политическом дискурсе проявляется, на наш взгляд, прежде всего в том, что лицо или явление неожиданно подводится под понятие, в основном чуждое ему. А. Шопенгауэр в связи с этим писал, что «феномен смеха означает всегда внезапное понимание несоответствия между таким понятием и мыслимым в нем реальным объектом. Чем больше и неожиданнее в восприятии смеющегося это несовпадение, тем громче будет его смех <…> источник смешного – несовпадение мыслимого и созерцаемого» [3, с. 107].

Кроме того, ирония часто базируется на том, что лицу приписывается или утрированное свойство, или свойство, которого в нем заведомо быть не может. Посредством иронии создается так называемое чучело оппонента. За счет использования иронии происходит умаление авторитета того или иного политика. Как отмечает Д. В. Ольшанский, «смех – одно из мощнейших средств дискредитации политических оппонентов. Он достигает главной цели: конкурентов перестают воспринимать всерьез как политиков. Напротив, их воспринимают как шутов в самом неприглядном смысле слова» [4, с. 15].

Достаточно сложная политическая ситуация, сложившаяся в последние время в Каталонии в результате целой совокупности политических событий (проведение референдума о независимости, символическое провозглашение Республики Каталонии, применение 155 статьи Конституции и роспуск каталонского правительства, арест и задержание каталонских политиков, выступивших инициаторами выхода Каталонии из состава Испании и т.д.), обусловила всплеск политических выступлений как со стороны противников отделения Каталонии от Испании, так и со стороны ее сторонников. В рамках данного исследования мы остановились на анализе использования иронии в публичных выступлениях политиков-сторонников официального курса Испании.

Главные действующие лица, так называемого *procés catalán* очень часто выступают в качестве объекта иронических высказываний испанских

политиков. Так, например, бывший глава Женералитета Каталонии Карлес Пучдемон, выразивший желание управлять этим автономным сообществом дистанционно, находясь в Бельгии, при помощи современных технологий, получил у своих политических оппонентов оценку-прозвище: *presidente por Skype, presidente por vía telemática, presidente por Internet, presidente por Whatsap* и т.п. Ср.: (12) *Lo digo con todo respecto, pero, al final, no se puede tener un presidente por Skype* (Gabriel Rufián). Ирония в данном случае направлена на создание отрицательного несерьезного образа каталонского политика, который вопреки здравому смыслу полагает, что данный способ управления является приемлемым.

В качестве объекта иронии зачастую также выступает мир, где живут политики-сепаратисты, который иронично сравнивается с *Matrix, burbuja, realidad paralela* и т.п. Ср.: (13) *Se presentó a estas elecciones con graves cargos a sus espaldas, huido de la justicia, y, por mucho que él se crea que vive en Matrix, sabemos que no va a poder ser presidente de la Generalitat* (Inés Arrimadas). (14) *Vive en una realidad paralela y sigue pensando que es presidente. No sólo está fuera de la ley, sino fuera de la realidad* (Pedro Sánchez). С помощью подобных сравнений подчеркивается ущербность данного мира, его ограниченность, неполноценность и иллюзорность.

Политическая деятельность политиков-сепаратистов похожа на движение в неизвестном для них самих направлении. Ср.: (15) *El discurso que ha hecho hoy el presidente de la Generalitat es el discurso de una persona que no sabe dónde está, a dónde va, ni con quién quiere ir* (Inés Arrimadas). (16) *Cada mensaje del señor Puigdemont es un nuevo desasosiego, una nueva intranquilidad y un viaje a ninguna parte* (Soraya Sáenz de Santamaría).

В качестве места для претворения в жизнь планов приверженцев идеи выхода Каталонии из состава Испании политики-сторонники территориальной целостности Испании иронично предлагают следующие «площадки»: *EuroDisney, cine, teatro*. Ср.: (17) *Puigdemont puede ir a EuroDisney si quiere que sus diputados le invistan presidente, pero en el mundo real el próximo presidente de la Generalitat será elegido en el Parlament* (Soraya Sáenz de Santamaría). (18) *Si él quiere ir a hacer un 'show' a Bruselas o a Eurodisney para ser declarado presidente, príncipe o rey por los suyos, ningún problema, pero en el mundo real deberá cumplir con la normativa y nosotros no pondremos el Parlament al servicio de un huido de la justicia* (Inés Arrimadas).

Зачастую действия сторонников независимости, их интенции иронически сравниваются с игрой: (19) *Gobernar la Generalitat de Cataluña no es jugar al Monopoly* (Soraya Sáenz de Santamaría). (20) *Esto parece el juego de la silla* (Inés Arrimadas). В примере (20) региональный лидер партии «Граждане» Инес Арримадас проводит параллель между детской игрой «Кто быстрее сядет на стул» и выборами главы Женералитета, в которых в качестве основных кандидатов на эту должность со стороны блока партий, выступающих за независимость региона от Испании, предлагаются три политика, находящиеся под следствием.

В следующем примере ирония основывается на сравнении перемещения Карлеса Пучдемона по Европе (чтобы заручиться ее поддержкой) с чемпионатом мира, ср.: (21) *Deje de hacer, de una vez, el ridículo mundial* (Juan Carlos Blanco).

Заявления, которые делают сторонники независимости Каталонии, квалифицируются как несерьезные, заранее обреченные на провал, ср.: (22) *Su discurso ha sido la crónica de un golpe anunciado, de un golpe a la democracia, a este Parlament, a España y a la Unión Europea* (Inás Arrimadas). В данном примере Инес Арримадас использует аллюзию к прецедентному тексту Габриэля Гарсии Маркеса *Crónica de una muerte anunciada* в качестве стилистического приема выражения иронии по поводу провозглашения независимости Каталонии Карлесом Пучдемоном.

Таким образом, как показывают результаты проведенного исследования, создание за счет тех или иных стилистических средств образа, кодирующего целый комплекс ощущений, вызывающего в сознании ассоциативные логические и эмоциональные связи, является одним из средств усиленного воздействия на массовое сознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кобозева, И. М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестн. Моск. ун-та. – 2001. – 187 с.
2. *Гудков, Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков – М., 1999. – 152 с.
3. *Шопенгауэр, А.* Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. – Л. : Изд.-во Ленингр. ун-та, 1990. – 288 с.
4. *Ольшанский, Д. В.* Психология масс / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 368 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Тарасевич Л. А. Модели пространства в языках и культурах 3
Rodríguez Díaz Á. La lengua española como gramática social:
símbolos culturales de España y su estructura social
en comparación con Bielorrusia.....4
Горицкая О. С. Как белорусский язык влияет на русский?.....10
Четырина А. М. Аудиословарь «Говорим правильно» как инструмент
формирования культурно-речевой компетенции студентов 17

ESPAÑA Y BELARÚS: DIÁLOGO DE LAS CULTURAS

Navarro Navarro J. Escritura y evocación del horror en *El Laberinto Mágico*
de Max Aub. La adenda a *Campo de los Almendros* (1968) 23
Ocampo Estrella D. Presentación de los dialectos en España.
Ejemplo de las hablas extremeñas 28
Sánchez Parrón J. A. La redefinición de la España colonial nacionalcatólica
a través de *Las tinieblas de tu memoria negra* de Donato Ndongo.....35

КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Абрамова Е. И., Фомина В. С. «Сказка ложь, да в ней намек…» 43
Дудина А. М. Структурные и прагматические характеристики аббревиатур
в текстах современных СМИ (на материале французского
и белорусского языков) 51
Залесская Н. А. Типы пользователей Twitter
и категоризация публикуемых ими сообщений.....57
Kozikis D. D., Shchepacheva T. Y. The awareness of social factors
in the development of English both in language studies and translation.....63
Кузьмина А. В. Лексема *поэт* в толковом словаре XXI века
и в языковой способности современного носителя языка:
к вопросу о культурной семантике языковых знаков 65
Мяховский А. А. Контаминация как способ словообразования
и как речевой сбой: структурный аспект.....70
Науменко Н. П. Возможности исследования терминосистемы
«Террористическая деятельность в XXI веке» в англоязычной прессе 76
Овсейчик Ю. В. Многозначность соединительных средств
во французском языке 82
Панова И. И., Шило Е. П. Социокультурный аспект
просодической вариативности речевых интенсификаторов
в английском устном высказывании.....89
Праконіна В. У. Якасныя змены ў беларускай эканамічнай тэрміналогіі
ў XX–XXI ст. 94
Чударь А. Н. Полисемия и омонимия диминутивов
в разновидностях английского языка Южного полушария.....98

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Акуленко Е. А., Леонтьева В. В. Лексемы индийского происхождения в словообразовательной системе современного русского языка 105
Гойло А. А. Сингапурский английский в посткреольском континууме..... 111
Евдокимова В. В. Способы реализации смысловой компрессии в заголовочном комплексе аналитической статьи (на материале испанского и белорусского языков) 117
Жуковская Г. А. Проблемы использования иноязычной лексики в современной прессе 122
Каширина Л. Г. Русско-латышское культурно-языковое взаимодействие в дискурсе русскоязычных медиа Латвии 127
Лебедева И. Г. Особенности восприятия французских звуков белорусами 133
Сытько А. В. Деонтическая обращенность в политических речах (на материале немецкого и русского языков) 138
Щенникова Н. М. Английские заимствования в текстах французской прессы..... 145

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА: В ПОИСКАХ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Будагова Е. В. Теоретические аспекты перевода экономической терминологической лексики испанского языка..... 152
Вербова О. Н. Когнитивные точки опоры в моделировании текста перевода 156
Голикова Т. И., Литвиненко А. М. Стереотипные явления британской и американской культуры в переводческом аспекте 161
Зубов А. В. Лингвистическая специфика перевода поэтических текстов..... 167
Науменко Н. П. Особенности формирования стратегии перевода англоязычных гастрономических слоганов..... 170
Попова Т. В. Причины возникновения переводческих несоответствий (на материале сопоставления испаноязычного оригинала и его перевода на русский язык)..... 177
Храмченко Т. А. На языке разных культур: слово переводчикам 181

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Бурдзялёва І. А. Рысы пікарэскі ў «Авантурах майго жыцця» Саламеі Пільштыновай-Русецкай 187
Гембицкая-Бортник В. А. Армия как модель идеального общества в романе «Почетный караул» Дж. Г. Коззенса..... 194
Грищенко Н. М. Мифологизация испанского поэтического текста начала XX века 201
Гурдуз А. И. Сравнительно-типологическая перспектива изучения художественной поливалентности легендарно-мифологической структуры..... 206

Данилович Т. В. Природа и искусство в восприятии О. Уайльда и В. Набокова.....211
Жук А. С. Женский «сенсационный роман»
на примере творчества М. Э. Брэддон 216
Копачева Н. А. Прагмастилистический потенциал пунктуации
в художественном дискурсе Великобритании 221
Линкевич А. В. Объединение Германии как переломный момент
для немецкого общества.....228
Романюк М. В. Раскрытие проблемы межличностных отношений
средствами создания комического в романах Дж. Барнса.....235
Сапега В. Н. Мотивы юности в «Романтических песнях» Г. Гессе.....241
Старасценка Т. Я. Тэкст як аб'ект камунікатыўнай лінгвістыкі.....248
Столярова И. В. Речевая манипуляция и демагогия как средство
неудачной коммуникации (на материале художественного дискурса).....254
Трацяк З. І. Матыў ініцыяцыі ў ваенных раманах І. Навуменкі.....260

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

Байдак О. Ч. Семантико-стилистические аспекты
комбинаторики и позиционной фиксации компонентов
атрибутивной синтагмы в испанском языке 267
Булат Е. А. Роль содержательной избыточности высказывания
в политическом дискурсе 274
Войтович Ю. С. Семантическая структура
латинского прилагательного *solĭdus* и его производных 280
Колесник С. А. Способы выражения эмоциональности
носителями испанской коммуникативной культуры 284
Кучугурная Е. А. Побуждение к коммуникации в разговорно-бытовом общении
(на материале современного испанского языка).....289
Лебедевич Р. В. Вербализация коммуникативного затруднения говорящего
в диалоге на испанском языке 293
Лисова А. Б., Ермак Е. С. Интенсификация в испаноязычном
персональном интернет-дискурсе 298
Платунова К. П. Лингвокультурная специфика речевого акта извинения
в испанской коммуникативной традиции.....303
Цупа А. И. О некоторых дискурсивных маркерах
испанской разговорной речи в функции переспроса 309
Чиркун А. Б. Стилистические средства
создания негативного образа политического оппонента 314

Научное издание

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *Е. А. Кучугурная*

Редактор *О. С. Забродская*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Подписано в печать 03.05.2021. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 18,83. Уч.-изд. л. 23,49. Тираж 90 экз. Заказ 23.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.